

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»
Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Министерство образования и науки Республики Хакасия
Государственное автономное образовательное учреждение
Республики Хакасия дополнительного профессионального образования
«Хакасский институт развития образования и повышения квалификации»
Министерство национальной и территориальной политики
Республики Хакасия
Министерство культуры Республики Хакасия

СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

*Материалы IV Международной
научно-практической конференции
(Абакан, Республика Хакасия,
19–20 мая 2016 года)*

PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF SIBERIAN INDIGENOUS LANGUAGES AND CULTURES

*Proceedings of the 4th International scientific conference
(Abakan, Republic of Khakassia,
May 19–20, 2016)*

Абакан
2016

УДК 81-2(571.1/.5)(082.1)
ББК 81.0(2Рос.-16)я431
С689

*Печатается по решению Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»*

Редакционная коллегия:

Т. Г. Боргоякова, д-р филол. наук, профессор (отв. редактор);

А. В. Гусейнова канд. филол. наук;

А. Д. Каксин, д-р филол. наук;

М. Д. Чертыкова, канд. филол. наук;

А. Н. Чугунекова, канд. филол. наук, доцент.

С689 Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Международной научно-практической конференции (Абакан, Республика Хакасия, 19–20 мая 2016 года) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2016. – 368 с.

ISBN 978-5-7810-1483-5

В сборнике представлены результаты научных исследований по актуальным проблемам изучения, сохранения и развития языкового и культурного наследия коренных народов Сибири с привлечением позитивного российского и зарубежного опыта.

Предлагается обобщение результатов деятельности образовательных учреждений, государственных и муниципальных органов власти и общественных объединений в области сохранения и поддержки этнолингвокультурного многообразия.

Издание предназначено для учёных, преподавателей вузов, школьных педагогов, аспирантов, магистрантов, студентов и всех интересующихся проблемами изучения и развития языков и культур коренных народов в глобальном контексте.

УДК 81-2(571.1/.5)(082.1)
ББК 81.0(2Рос.-16)я431

*Издание сборника осуществлено при финансовой поддержке
Министерства образования и науки Республики Хакасия*

ISBN 978-5-7810-1483-5

© ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	9
<i>Головки Е. В.</i> Современная языковая политика и проблема сохранения языкового и культурного разнообразия в Российской Федерации	9
<i>Тодышев Д. А.</i> О мерах по сохранению и поддержке языков народов, проживающих в Республике Хакасия	12
<i>Dónall Ó Riagáin.</i> Focus on intergenerational transmission	17
<i>Кызласов И. Л.</i> Этноним <i>хакас</i> в истории хакасской фонетики (наследие С. В. Киселёва, Н. Г. Доможакова и Л. Р. Кызласова)	20
<i>Дугаров Б. С.</i> «Абай Гэсэр» – памятник бурятской культуры и языка	24
<i>Сагалаков Ю. Г.</i> Развитие этнокультурного образования в Республике Хакасия	28
<i>Perry Gilmore.</i> Reflections on language and culture development: creating and recreating language communities	32
<i>Тургуналиев Т. Т.</i> Философско-эпическое миропонимание кыргызов-хакасов	35
<i>Боргоякова Т. Г.</i> Социолингвистические аспекты функционирования тюркских языков Южной Сибири	42
ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	49
<i>Katherine E. Atkinson.</i> Creating curriculum with integrity: the use of language immersion programs to support foreign and indigenous languages in the US	49
<i>Бавуу-Сюрюн М. В.</i> Потенциал электронного образовательного ресурса «Тываның чогаалчылары (Писатели Тувы)»	53
<i>Доможакова О. В.</i> О дополнительных мерах по сохранению и развитию хакасского языка в системе образования Республики Хакасия	58
<i>Журавель Т. Н.</i> Перспективы сохранения тувинского языка в Усинской долине Красноярского края	65
<i>Карпов В. Г.</i> Глобализация – призрак или реальность?	68
<i>Озерова Г. В.</i> Создание условий для сохранения и развития хакасского языка в городе Абакане	74
<i>Сабыр М. Б.</i> Психолингвистический подход к обучению казахскому языку в Казахстане	79
<i>Толвайшиц Л. Л.</i> Языковая политика как фактор укрепления межэтнического согласия. Опыт Сербии	84
<i>Цыбденова Б. Ж.</i> Понятия «языковая политика» и «языковое планирование» в отечественной и американской социолингвистике	88
<i>Чертыкова З. А.</i> Роль республиканского общественного движения «Ине тілі» в сохранении родного языка и этнической идентификации	92

**СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ГРАММАТИЧЕСКОЙ И ФОНЕТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКОВ
СИБИРИ**..... 97

Абдувалиев И. А. Об односложных корнях в тюркских языках 97

Белоглазов П. Е. Глагольно-именная омонимия основ и корней в хакасском языке 104

Винокурова Н. И. Особенности императива в якутском языке 108

Добринина А. А., Селютина И. Я. Параметры количественности гласных в говорах диалекта алтай-кижи 111

Ефремов Н. Н. Модели целевых конструкций якутского языка 116

Каксин А. Д. Выражение эвиденциальности и митаривности в русском и тюркских языках (к вопросу о формальном аспекте сравнения) 121

Лутфуллина Г. Ф. Особенности перевода значений форм будущего времени во французском и татарском языках 125

Озонава А. А. Именные модели элементарного простого предложения релятивной семантики в алтайском языке 128

Панова Г. И. О структурной типологии именных морфологических форм (на материале русского языка) 131

Серээдар Н. Ч. Семантика повторов в элементарном простом предложении тувинского языка 136

Субракова В. В. Дистрибуция и инвентарь малошумных согласных хакасского языка (кызыльский диалект) 141

Султрекова Э. В. Классификация сравнительных конструкций с послелогом *чили* с точки зрения их синтаксического места в предложении в хакасском языке 148

Сундурева Е. В. Репрезентация округлой формы объектов средствами корневого согласного *l* в монгольских языках 153

Тазранова А. Р. Грамматикализованные аналитические конструкции со вспомогательным глаголом *jam* = 'лежать' (на материале алтайского языка) 157

Харабаева В. И. О категории лица в якутском языкознании 163

Чебодаева Л. И., Чебокчинова М. А. Прагматические функции хакасской местоименной частицы *хайдаг-да* 'какой-то', 'какой-нибудь' 166

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ И ЛЕКСИКОЛОГИИ
ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ**..... 170

Боргоякова О. А. Фразеологические единицы с соматическим компонентом в хакасском языке 170

Дамбуев И. А. Топонимия Сибири: вопросы сохранения исторического и культурного наследия 175

Данилова Н. И. Названия атмосферных явлений в якутском языке 179

Иванищева О. Н. Тезаурус кильдинского саамского языка: основные принципы 183

Каксин А. Д., Чебокчинова М. А. Н. Ф. Катанов: подвижническая деятельность учёного-библиофила 187

Каменев П. В. Наименования традиционных музыкальных инструментов в саамском языке (лингвокультурологический аспект) 191

<i>Каскаракова З. Е.</i> Флоронимы как составная часть хакасской языковой картины мира.....	195
<i>Медведева М. А.</i> Новые тенденции в развитии литературных норм хакасского языка	198
<i>Ойноткинова Н. Р.</i> Символика ритуальных предметов весенне-осенней обрядности алтайцев.....	205
<i>Покоякова К. А.</i> Особенности гендерных стереотипов в хакасском языковом сознании.....	208
<i>Псянчин Ю. В. Р. Г. Азнагулов</i> – исследователь лексики диалектов и говоров башкирского языка	213
<i>Псянчин Ю. В.</i> К вопросу о так называемом «родо-племенном» принципе описания говоров и диалектов (на примере башкирского языка).....	219
<i>Топоева А. О.</i> Репрезентация образа учителя в языковом сознании хакасов.....	226
<i>Ушницкий В. В.</i> От древних тюрков до ойрогов: к проблеме происхождения алтайцев	229
<i>Чертыкова М. Д.</i> Глаголы со значением зрительного восприятия в хакасском языке	234
<i>Чертыкова М. Д., Канзычаков В. Л.</i> Ментальные глаголы, не имеющие синонимических связей, в хакасском языке	239
<i>Чимитдоржиева Г. Н.</i> О концепте «саһан / снег» в бурятском языке	243
<i>Чугункова А. Н.</i> Временной дейкис в семантике наречий хакасского языка	246
<i>Чугункова А. Н., Манчилаева Н. С.</i> Парные наречия как средство выражения времени в хакасском языке.....	249
<i>Шагдурова О. Ю.</i> Семантика глагола кір= ‘войти’ в хакасском языке.....	252
<i>Шалаева А. Ю.</i> Специфика концепта «морощка» в сознании саамского народа.....	255

ФОЛЬКЛОР, ЛИТЕРАТУРА И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ КУЛЬТУР

<i>Абдина Р. П.</i> Особенности художественно-эстетического воспитания детей в этнокультурной среде в условиях глобализации	260
<i>Артюшкина А. И.</i> Культура и традиции народов РФ в рамках фестиваля «Сказки народов России» (из опыта работы)	264
<i>Арчимаева М. С.</i> Хакасская традиционная культура в воспитании и обучении учащихся в системе общего образования	267
<i>Балгазина А. Н.</i> Чтение учебной литературы на родном языке как фактор сохранения и развития национальной культуры.....	270
<i>Булдыбай А. С.</i> Типология эпических сказителей тюркского народа	275
<i>Виноход В. Л., Шахрай Т. И.</i> Приобщение детей старшего дошкольного возраста к истокам хакасской культуры в условиях ДОО	283
<i>Гашенко А. В.</i> Использование хакасских народных игр в физическом развитии детей дошкольного возраста.....	286
<i>Дуброва О. В.</i> Особенности временных параметров в творчестве Уолта Уитмена и Богдана-Игора Антонича	289

<i>Капашева А. А.</i> Проявление концепта «женщина» в башкирской поэзии	292
<i>Киштеева О. В.</i> Модель «центра декоративно-прикладного искусства и художественных ремесел» как средство сохранения и развития художественных традиций этнической культуры Республики Хакасия	296
<i>Лиморенко Ю. В.</i> Указатель сюжетов несказочной прозы сибирских тюрок: проект и новые подходы.....	301
<i>Миндибекова В. В.</i> Жанровое своеобразие несказочной прозы хакасов	305
<i>Нарынбаева Н. О.</i> Реликты партеногенеза в эпическом творчестве кыргызов ...	310
<i>Николаева Н. Н.</i> Демонологические рассказы бурят: сюжеты о духах-боходдоях	318
<i>Орозобекова Ж. К.</i> Классический вариант эпоса «Манас» позднего времени: по трилогии Шаабая Азизова.....	322
<i>Султанбаева К. И.</i> Изучение традиций воспитания современной хакасской семьи	329
<i>Талиева К. А.</i> Мотив сватовства в традиции богатырских эпосов тюркоязычных народов	336
<i>Таскаракова Н. Н.</i> Творческая деятельность Н. Г. Доможакова (по архивным материалам г. Абакана)	342
<i>Тохтобина С. Я.</i> Комплексное изучение национального мифологического хакасского героического эпоса	346
<i>Чебодаева В. Н.</i> Этнокультурный текстовый материал на уроках русского языка в хакасской поликультурной школе	350
<i>Шевцова М. Д.</i> Этнокультурная компетенция детей дошкольного возраста в дошкольном образовательном учреждении	352
<i>Шишлянникова Л. И., Моруденко Л. Г.</i> Муниципальный центр – эффективная модель поликультурного образования школьников города Абакана	357
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	363

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данный сборник вошли материалы IV Международной научной конференции «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири», которая состоялась в рамках постоянно действующего научного Форума, созданного по инициативе Лаборатории этнолингвокультурологии и социолингвистики, открытой в 2004 году в Институте саяно-алтайской тюркологии (ИСАТ) ХГУ им. Н. Ф. Катанова.

Прошло 10 лет со времени проведения в рамках форума первой Международной научной конференции «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России», которая состоялась в 2005 году при поддержке Совета Европы, Института Лингвапакс (Барселона), Бюро по международным научным обменам «Айрекс» (США), университета Аризоны (США), Института этнических исследований (Словения), Министерства образования и науки РХ и руководства ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Материалы конференции были изданы в сборнике, а ее резолюция, направленная руководителям органов власти РХ и Сибирского Федерального округа, способствовала реализации рекомендаций, связанных с развитием республиканского языкового законодательства.

Обсуждение результатов научных исследований по актуальной проблеме сохранения и развития этнокультурного наследия народов Сибири с учетом российского и зарубежного опыта продолжалось в рамках последующих конференций: Всероссийская научно-практическая конференция «Развитие языков и культур коренных народов Саяно-Алтая» (2007), II Международная научная конференция «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России» (2008), Всероссийская научно-практическая конференция «Родной язык в системе образования» (2009), III Международная научная конференция «Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России» (2010). Материалы всех конференций были изданы в издательстве ХГУ при финансовой поддержке Министерства образования и науки РХ.

Актуальность проблемы сохранения лингвокультурного разнообразия, выживаемости языков в условиях конкуренции с доминантными языками не ослабевает. Это связано с устойчивостью базовых потребностей людей в позитивной этнокультурной идентификации для конструктивного взаимодействия с другими народами и культурами. Ученые, работающие в этой области, как правило, соединяют научную объективность и беспристрастность, с одной стороны, и готовность содействовать остановке исчезновения языков и искренние чувства симпатии к их носи-

телям, с другой. Благодаря таким ученым, социолингвистика остается, по определению известного американского социолингвиста Д. Фишмана, не только «интеллектуальным», но и «нравственным поиском» [Fishman, 2000]. Во многом благодаря усилиям таких учёных произошло признание ценности многоязычия как культурного наследия человечества.

По итогам дискуссий предыдущих конференций совместными усилиями мы сумели выработать соответствующие стратегии и рекомендации, которые становились предметом нового научного поиска. В данном сборнике содержатся работы ученых из ведущих научных и образовательных центров России и зарубежных стран, а также педагогов образовательных учреждений и представителей органов власти и общественных организаций РХ, студентов и магистрантов. Впервые в пленарной части представлены доклады не только по социолингвистике, но и по богатейшему эпическому наследию народов Сибири и Кыргызстана. Доклады секционных заседаний отражают результаты лингвистических исследований в области фонологии, грамматики, лексики и семантики на материале языков народов России и тюркских языков СНГ. Сообщения и доклады о результативных и инновационных методиках обучения и воспитания, включая этнокультурную компоненту, прошли предварительную экспертизу в ХакИРО и ПК, на базе которого работала часть секционных заседаний.

К сожалению, не все участники смогли приехать и принять очное участие в Конференции, но многие прислали свои доклады или тезисы, которые также включены в настоящий сборник. Среди них зарубежные участники первой Конференции 2005 года, которые поддерживают постоянные продуктивные связи с нашим университетом. По итогам работы первой конференции было создано объединение учёных *Abakan Action* под председательством Донала О'Риагана, со-автора Европейской Хартии региональных или миноритарных языков, эксперта Совета Европы, неоднократно посещавшего Хакасию.

Благодарим всех участников конференции за вклад в решение актуальных проблем лингвоэкологии. Надеемся, что их интеллектуальный и нравственный поиск, обмен опытом и идеями, представленный в докладах, будет способствовать укреплению мультикультурализма – единства народов в богатстве и разнообразии их культур и языков.

Редколлегия

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. В. Головко

Институт лингвистических исследований РАН /
Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург

Согласно данным переписи населения 2010 года, в РФ проживают представители более чем 180 национальностей, из которых 80,9 % составляют русские. Среди остальных этнических групп самые крупные – татары (3,9 %), украинцы (1,4 %), башкиры (1,2 %), чувашаи (1 %), чеченцы (1 %); все остальные этнические группы составляют 10,6 %. Народы РФ говорят на более чем 160 языках, относящихся к нескольким языковым семьям. Численность говорящих на различных языках примерно соотносится с численностью этнических групп: чем крупнее этническая группа, тем больше число говорящих на соответствующем языке. Чем меньше численность группы, тем меньше в ее составе людей, говорящих на этническом языке. В условиях начавшейся в конце XX века глобализации, а также традиционного доминирования русского языка постепенно сокращается число языков РФ. Некоторые этнические группы, в первую очередь коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока еще в XX веке уже утратили свои языки. Во многих группах число знающих этнический язык не превышает одного-двух десятков человек старшего поколения. Подобные процессы типичны не только для России. В первую очередь в группу риска попадают все без исключения группы коренного населения. Они составляют всего 4 % населения Земли, однако на них приходится до 60 % процентов всех зафиксированных на Земле языков (около 6,5 тысяч).

Государственный язык РФ – русский (в соответствии с 68 статьей Конституции РФ). Он выполняет функцию этнической самоидентификации для примерно 80 % населения России, называющих себя русскими, а также функцию национальной (государственной) самоидентификации для всего многонационального населения РФ, независимо от этнической принадлежности. Русским языком владеет все, без исключения, население РФ. В некоторых национальных регионах уровень владения русским языком несколько ниже, однако, несмотря на это, русский язык успешно выполняет функцию межэтнического общения. Устойчивое положение русского языка обеспечивается, помимо прочего, его главенствующим

положением в сфере государственного управления, в школьном преподавании, в средствах массовой коммуникации.

Важнейшей функцией остальных языков народов РФ также является функция самоидентификации соответствующих этнических общностей, позволяющая конструировать собственную, локальную идентичность, что является естественным процессом и неотъемлемой чертой любого многонационального государства. Следует особо подчеркнуть, что в функциональном отношении не все языки народов РФ (даже если брать только самые крупные из них) равнозначны. Однако политически важным является признание принципиального равенства всех языков. С точки зрения сугубо научной такое равенство не вызывает никаких сомнений (имеются в виду когнитивные и культурные возможности всех языков).

В 1992 году Советом Европы была принята Европейская Хартия о региональных языках и языках меньшинств, которая признает языки меньшинств «в качестве выразителя культурного богатства», призывает к активным действиям по их поддержке в целях их сохранения, обязывает европейские государства – члены Совета соблюдать языковые права меньшинств и создавать условия, позволяющие лицам, не говорящим на них, изучать их, если они того пожелают. Российская законодательная база также строится на этой идеологии: в статье 10 Федерального закона о гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ предусмотрено право коренных малочисленных народов на сохранение и развитие родных языков, а в статье 5 (пункт 2) предусмотрено, что Российская Федерация имеет право принимать федеральные программы, направленные на сохранение и возрождение языков этих народов.

На эту же идею равенства ориентированы законы о языках, которые были приняты во всех республиках РФ в начале 1990-х годов. Следует отметить, что, несмотря на принятие в свое время во всех республиках РФ законов о языках (которые сами по себе выглядят вполне разумными и необходимыми), вряд ли сегодня можно говорить о проведении в РФ последовательной и целенаправленной языковой политики. Не формулируются и, соответственно, не обсуждаются цели такой политики. Реализация конкретных шагов происходит, скорее, на региональном уровне. Такое делегирование полномочий регионам, с одной стороны, можно приветствовать, так как властным институтам регионального уровня легче принимать решения о необходимости принятия тех или иных конкретных мер, однако требуется определенная координация и контроль исполнения законов о языке. Это поможет исключить стихийность в данном вопросе.

Практические рекомендации по проведению языковой политики. Несмотря на то, что сфера реального функционирования большинства языков народов РФ (не только языков малочисленных коренных народов, но

и некоторых титульных языков, например, удмуртского, марийского и др.) сокращается, так же как и число носителей этих языков, представляется целесообразным всячески поддерживать как преподавание этих языков в детских садах, школах и вузах, так и поощрять инициативы, связанные с применением этих языков, исходящие от самих носителей (например, инициативное создание сайтов с использованием этих языков, создание музыкальных коллективов, в том числе рок-групп, исполняющих песни на этих языках, создание самодельных фильмов, проведение КВНов и т. п.). Жалобы представителей профессиональных сообществ (лингвистического, педагогического) на то, что уровень владения языком в этих случаях не соответствует самым высоким критериям, имеют под собой основания, однако в данном случае это оказывается менее важным по сравнению с тем обстоятельством, какую социально-политическую роль играет применение этих языков, пусть даже в редуцированной форме. Любой язык, наряду с другими культурными факторами, является важнейшим инструментом самоидентификации. Поэтому в данном случае его символическая функция оказывается превалирующей: даже не вполне корректные попытки применения языка, его использование, пусть в редуцированной форме, в любых других социальных сферах, помимо бытового, внутрисемейного общения, гораздо важнее навязываемого сверху пуристического подхода, поскольку это отвечает запросам представителей этнических групп. Показательными являются результаты последних переписей населения РФ. Число людей, называющих родным языком язык своей этнической группы, всегда оказывается значительно большим по сравнению с оценкой профессиональных лингвистов. Это с очевидностью показывает, что в сознании людей понятие «родной язык» неотделимо от этнической самоидентификации: в своих ответах на соответствующие вопросы переписей респонденты называют родным языком язык своей этнической группы, даже если сами они не владеют этим языком. Такое осмысление самими респондентами понятия «родной язык» поддерживается еще и тем обстоятельством, что, начиная с советских времен, списки этнических групп, включаемых в переписи, имели, помимо символического, важное политическое значение. Попадание или непопадание в список несет важные социально-политические последствия для конкретной этнической группы. Политически важным моментом языковой политики является подчеркивание принципиально равенства всех языков (в когнитивном и культурном отношении).

В условиях сокращения языкового разнообразия в РФ одной из важнейших задач представляется создание особой программы ревитализации, возрождения языков, их сохранения и развития. Необходима срочная научно-исследовательская программа фиксации памятников их речи, издания уже собранного материала. Эта задача должна реализовываться,

прежде всего, силами академической и университетской науки. Однако привлечение к решению этой задачи школы, краеведческих музеев, этнических ассоциаций кажется совершенно необходимым. Проблема сохранения и ревитализации языков малочисленных народов должна стать одной из самых насущных при разработке и реализации Государственной программы по сохранению и развитию языков Российской Федерации.

Несмотря на то что после распада СССР в 1991 году положение русского языка в мире в значительной степени ослабло (прежде всего, за счет потери им статуса государственного и официального языка в новообразованных государствах), в целом, его позиции в мире не вызывают беспокойства: по числу носителей русский язык занимает пятое место в мире после китайского, английского, хинди, испанского (или шестое, если считать арабский язык единым языком). Разумеется, это не отменяет задачу его «продвижения» на международной арене, что в последние годы делается (правда, с переменным успехом). Однако гораздо большее беспокойство вызывает ситуация с русским языком внутри РФ. Непоследовательность с введением системы сдачи ЕГЭ, постоянные изменения условий его проведения, снижение внимания к преподаванию русского языка и русской литературы в школе, сокращение часов преподавания русского языка в негуманитарных вузах (в частности, это касается предмета «Культура речи») уже принесли немало вреда. Они изменили отношение молодого поколения к русскому языку: его считают чем-то второстепенным, не очень важным, не оказывающим влияния на практическую жизнь. При таком отношении самих носителей языка трудно рассчитывать на то, что он сохранит свои позиции в мире и на постсоветском пространстве. Требуется принятие государственной программы, которая предусматривала бы срочные меры не только по сохранению и ревитализации языков народов РФ, но по улучшению положения дел с русским языком.

© Головкин Е. В., 2016

О МЕРАХ ПО СОХРАНЕНИЮ И ПОДДЕРЖКЕ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ

Д. А. Тодышев

Министерство национальной и территориальной
политики Республики Хакасия, г. Абакан

Характеристика деятельности исполнительных органов государственной власти Республики Хакасия в области сохранения и развития родных языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих в Хакасии, включает информацию о комплексе принимаемых мер в аспекте нормативно-правового и финансового обеспечения, организационного, информационно-

методического и научного сопровождения. Представлены некоторые результаты реализации подпрограммы «Укрепление единства российской нации и гармонизация межнациональных отношений в Республике Хакасия в 2014–2016 годах» государственной программы «Региональная политика Республики Хакасия (2014–2016 годы)».

Ключевые слова: государственные языки республики Хакасия, родные языки, культура народов Хакасии, традиционная культура, сохранение языкового и культурного наследия.

В 2015 году в ходе совместного заседания Совета по межнациональным отношениям Совета по русскому языку при Президенте Российской Федерации В. В. Путин отметил, что никто никогда в мире не обеспечивал такой поддержки и сбережения национальных языков, как в нашей стране, и комплексная работа по поддержке языков народов России должна продолжаться.

Деятельность по сохранению и развитию родных языков и культуры народов является одним из основных и наиболее актуальных направлений государственной национальной политики в Республике Хакасия и включает в себя:

- нормативное правовое обеспечение в сфере сохранения, поддержки и развития языков и культуры;
- организационное, информационно-методическое, научное сопровождение деятельности по поддержке и развитию языков и культуры;
- финансовое обеспечение мероприятий по сохранению и развитию языков и культуры.

Действующие в Республике Хакасия законодательные и иные нормативные правовые акты в полной мере регулируют вопросы поддержки и развития культуры и языков народов, проживающих в Хакасии, и позволяют проводить полноценную целенаправленную работу в данном направлении. В их числе:

Закон Республики Хакасия от 20.10.1992 № 11 «О языках народов Республики Хакасия» (с последующими изменениями);

Закон Республики Хакасия от 28.06.2006 № 30-ЗРХ «О культуре» (с последующими изменениями);

Закон Республики Хакасия от 05.07.2013 № 60-ЗРХ «Об образовании в Республике Хакасия» (с последующими изменениями).

В частности, Закон Республики Хакасия «О языках народов Республики Хакасия» гарантирует право на использование родного языка, на свободный выбор языка общения независимо от социального положения, национальной принадлежности, отношения к религии. Государственными языками Республики Хакасия определены русский и хакасский языки. При этом признаются равные права всех языков народов Республики Хакасия на их сохранение и развитие.

Практическая реализация мер по сохранению и развитию родных языков и культуры осуществляется в рамках таких правовых актов Республики Хакасия как постановление Президиума Правительства Республики Хакасия от 30. 12. 2015 № 130-п «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в Республике Хакасия в 2016–2018 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», постановление Президиума Правительства Республики Хакасия от 22. 08. 2014 № 84-п «О внесении изменений в План мероприятий по реализации в Республике Хакасия в 2013–2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утверждённый постановлением Президиума Правительства Республики Хакасия от 15. 11. 2013 № 114-п, и утверждении комплекса мер по сохранению и пропаганде традиционной культуры, обеспечению традиционного образа жизни, сохранению исконной среды обитания и традиционного природопользования коренного малочисленного народа Российской Федерации (шорцев), проживающего в Республике Хакасия» и других.

Организационное сопровождение деятельности по сохранению языков и культуры народов, проживающих в Хакасии, обеспечивается как постоянной работой республиканских органов государственной власти, органов местного самоуправления, различных организаций и учреждений, так и работой консультативно-совещательных органов, созданных, в том числе, при Правительстве Республики Хакасия. К примеру, Рабочей группой по сохранению и развитию хакасского языка и культуры при Совете развития Республики Хакасия при Главе Республики Хакасия – Председателе Правительства Республики Хакасия, в состав которой включены представители общественных и иных заинтересованных организаций, осуществляется координация деятельности соответствующих органов государственной власти и органов местного самоуправления по вопросам развития и поддержки хакасского языка и культуры.

В части информационного, научного и методического сопровождения работы по сохранению и развитию языков в республике также имеется прочная основа, обеспеченная деятельностью Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Хакасского института развития образования и повышения квалификации. Кроме того, в республике действуют большое количество образовательных организаций и учреждений культуры, которые ведут практически повседневную работу в сфере сохранения и развитию языков и культуры.

Важнейшей составляющей в сфере реализации государственной национальной политики и, в частности, работы по сохранению и развитию языков и культуры, является ее финансовое обеспечение.

Ежегодно за счет средств бюджета Республики Хакасия обеспечиваются затраты на издание учебников и учебно-методических пособий по

родному языку и литературе, оплату труда педагогов и работников культуры, издание периодической печатной продукции на родном языке, проведение культурно-массовых мероприятий, направленных на популяризацию национальной культуры и т. д.

Значительная часть работы, проводимой органами государственной власти республики в данном направлении, осуществляется в рамках подпрограммы «Укрепление единства российской нации и гармонизация межнациональных отношений в Республике Хакасия в 2014–2016 годах» государственной программы «Региональная политика Республики Хакасия (2014–2016 годы)», утвержденной постановлением Правительства Республики Хакасия от 13. 11. 2013 № 622. Координатором названной подпрограммы является Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия, соисполнителями – Министерство культуры и Министерство образования и науки Республики Хакасия.

Подпрограмма содержит специальный раздел, предусматривающий проведение мероприятий, направленных на сохранение и развитие языков народов, проживающих в Республике Хакасия.

Выделенные в 2015 году в рамках подпрограммы финансовые средства (4 млн. 342 тыс. рублей из республиканского бюджета) позволили в 2015 году исполнителям подпрограммы организовать проведение 40 мероприятий, направленных на создание условий для сохранения, развития и популяризации языков и культуры народов, проживающих в Республике Хакасия, а также на гармонизацию межнациональных отношений. Среди них:

- мероприятия по поддержке изучения хакасского языка в образовательных организациях республики (конкурс учителей хакасского языка, олимпиада школьников по тюркским языкам и культуре, конкурс на лучший кабинет родного языка и литературы, конкурс на предоставление грантов на издание программ, учебников, пособий по предметам этнокультурного образования и другие);
- мероприятия, направленные на популяризацию языков и культур разных народов и формирование толерантности (фестиваль творчества народов Республики Хакасия «Многоголосье земли хакасской», молодежный фестиваль интернациональной дружбы «Ынархас чоллары», республиканский фестиваль-конкурс «Ине тілі», мероприятия в рамках Дней славянской письменности и культуры, Дней тюркской письменности и культуры, издание журнала «Инесай» на хакасском языке и т. д.).

Кроме того, в 2015 году Министерством национальной и территориальной политики Республики Хакасия была подготовлена заявка, направленная от Правительства Республики Хакасия в Министерство культуры Российской Федерации, на участие в конкурсе региональных программ по укреплению единства российской нации и гармонизации межнацио-

нальных отношений. По итогам конкурсного отбора Республика Хакасия вошла в число получателей субсидии из федерального бюджета в размере 546 тыс. рублей. Данные средства также были направлены на проведение в республике мероприятий в сфере содействия этнокультурному многообразию народов России.

Подпрограмма «Укрепление единства российской нации и гармонизация межнациональных отношений в Республике Хакасия в 2014–2016 годах» станет основным источником финансирования мероприятий в сфере реализации государственной национальной политики также в 2016 году (запланировано 6 млн. 173 тыс. рублей).

Позитивные результаты проводимой работы, в том числе, в части поддержки родного языка коренного хакасского этноса, проявляются в различных формах (например, в увеличении количества образовательных организаций, где осуществляется обучение хакасскому языку, в увеличении количества культурных и иных мероприятий, на которых используется хакасский язык, в увеличении количества организаций различных форм собственности, использующих хакасский язык при оформлении фасадных вывесок и т. д.).

Вместе с тем, очевидна необходимость дальнейшей целенаправленной работы по сохранению, развитию и популяризации языков коренных народов республики, которая подтверждается, в том числе результатами социологического исследования по теме «Оценка состояния и перспективы развития хакасского и шорского языков в Республике Хакасия», проведенного Министерством национальной и территориальной политики Республики Хакасия в 2015 году.

Исследование проведено на территориях сосредоточения основной части носителей указанных языков: г. Абакане, Аскизском и Таштыпском районах. Объем выборки составил 500 человек в возрасте от 18 лет.

Хакасский язык родным для себя считают около 77 % респондентов хакасской национальности, русский язык – около 6 %, хакасский и русский языки в равной степени – 17 %. При этом, на вопрос «Как хорошо Вы знаете хакасский язык?» только 50 % хакасов ответили, что могут свободно на нем говорить, писать и читать. Почти 23 % отметили, что могут говорить на хакасском языке, но не могут писать и читать. Еще 22 % понимают речь, но сами не говорят на хакасском языке. Около 5 % вообще не знают хакасского языка.

Шорский язык родным для себя считают 54 % респондентов шорской национальности, хакасский язык – 13 %, русский язык – 3 %, русский и шорский языки в равной степени – 11 %, русский и хакасский языки в равной степени – 1 %. Еще 18 % опрошенных дали иные варианты ответов. Степень знания и владения шорским языком среди участников опроса, определивших себя представителями шорского народа, выразилась в следующих результатах: 19 % респондентов свободно говорят, пишут и

читают, 50 % говорят, но не могут писать и читать, 29 % понимают речь, но сами не говорят, 2 % вообще не знают шорского языка.

Большинство респондентов хотели бы, чтобы их дети владели родным языком (84 % среди хакасов и 85 % среди шорцев). Также большинство опрошенных полагают, что изучение хакасского языка, являющегося в республике государственным языком, необходимо для его сохранения, понимания самобытной культуры хакасского народа, национального единения.

Деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления Республики Хакасия по вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, включая вопросы сохранения и развития языков и самобытной культуры народов, проживающих в Республике Хакасия, в том числе хакасского этноса, а также коренного малочисленного народа Российской Федерации – шорцев, будет продолжена в 2016 году с учетом существующих проблем и предложений по их решению.

© Тодышев Д. А., 2016

FOCUS ON INTERGENERATIONAL TRANSMISSION

Dónall Ó Riagáin

First President and Secretary General of the European Bureau
for Lesser Used Languages, Ireland

I first had the pleasure of visiting Khakassia and speaking at a conference in the university at Abakan back in 2000. I have been back since and would love to have been able to accept your kind invitation to speak at your conference on «Development of Siberian Indigenous languages and cultures».

Unfortunately, health problems prevent me from accepting your invitation to be with you at this, your fourth International Conference. I would, however, like to accept your invitation to send a greeting. This I gladly do and wish you a very successful event and subsequent publication.

I would like to also send you a short reflection on one critical aspect of language conservation and development – that of intergenerational transmission.

Most of us have acquired our language skills in one of three ways – intergenerational transmission (i. e. from our parents and other members of our family), through the educational system and through what one might call, the linguistic atmosphere (i. e. the language spoken by other members of our community, the language heard on radio and television and seen on public signage).

Intergenerational transmission is the most natural way of acquiring a language. The young child does not formally ‘learn’ the language. He/she hears it spoken by

his/her parents and siblings, by grandparents and other members of the extended family. The child is not conscious of learning. It happens naturally.

In communities where the historic language of the autochthonous community is under pressure from a larger and stronger language (e. g. the Khakass language in Khakassia) some parents feel that it is in the best interests of the children to speak the dominant language to the child as otherwise s/he might be at a disadvantage when s/he goes to school. It isn't long before the autochthonous language becomes moribund and eventually goes into terminal decline.

In my own family, my great-grandparents were bilingual. They could speak both Irish and English. But, convinced that Irish had no future and that English was the language of upper social mobility they spoke only English to their children. My paternal grandfather (and also my grandmother) therefore were raised as English-speaking monoglots, thus depriving them of their linguistic heritage which stretched back 2,500 years. I have the last letter my grandfather wrote to me before his death. [I was then on eleven years old]. Most of the letter is a plea to me to learn Irish. The poor man clearly felt that he had lost out on an important part of his heritage. And he was right.

Language is a key element of human nature. It is a tool for communication. But it is a lot more than that. It is a repository for the collective thoughts and memories of a community. It is the finely honed tool of a people for expressing their most subtle thoughts, their most tender feelings and most brilliant ideas. It is the receptacle in which their literature (be it oral or written), their history, their folk memories, their fears, their dreams and hopes are recorded, stored and made available, not only for the living, but for coming generations. A language gives men and women a sense of peoplehood, of continuity and of a common identity. Each language is a unique window on the world. Our languages have enormous symbolic importance for us. They are undoubtedly the greatest manifestation of our human genius.

Why not start by giving the child his/her own people's language and then encouraging the child to learn the dominant societal language and indeed others.

Giving a child a second language has even wider advantages which have been noted and documented widely. For instance, a recent article in the American journal, *Psychological Science*, observed:

Early language exposure is essential to developing a formal language system, but may not be sufficient for communicating effectively. To understand a speaker's intention, one must take the speaker's perspective. Multilingual exposure may promote effective communication by enhancing perspective taking. We tested children on a task that required perspective taking to interpret a speaker's intended meaning. Monolingual children failed to interpret the speaker's meaning dramatically more often than both bilingual children and children who were exposed to a multilingual environment but were not bilingual themselves [1].

My wife and I have successfully reversed the linguistic damage done three generations ago. Our children were raised Irish-speaking as our grandchildren are being raised also. Our elder daughter speaks five languages fluently and our other daughter four. The chains of Anglophone monolingualism have been truly broken.

Raising a child with the community's own distinctive language as mother-tongue gives a decided advantage to the child. Not only will s/he feel secure in his/her own linguistic and cultural identity but with early contact with the dominant language the child will acquire bilingual competence without effort.

Does this place the child at a disadvantage in acquiring the major state language – Russian in the case of Khakassia and other republics and regions in Siberia? No! Children acquire language naturally at an early age. Even if you didn't want your child to speak Russian s/he would inevitably acquire it because of its dominant position. In fact, the chances are that your bilingual child will go on to acquire a third or fourth language, possible Chinese or English. It is when we get a bit older that we see all kinds of problems about language learning – usually psychological ones!

For a number of years now the European Union has been promoting a policy of encouraging its citizens to be able to speak two languages in addition to their mother-tongue. This is called the 1+2 policy. It is interesting that it is those states whose national languages might be labelled as being 'lesser used' that one finds the highest levels of bilingual and multilingual ability. As regards bilingual or plurilingual ability, Luxembourg is the clear winner. 61 % of Luxembourgers can speak *three* languages in addition to their mother-tongue, Lëtzebuergesch. 84 % of Luxembourgers can speak at least *two* foreign languages. The corresponding figures for other high-scoring countries are the Netherlands (77 %), Slovenia (67 %), Malta (59 %), Denmark (58 %), Latvia (54 %), Lithuania (53 %) and Latvia and Estonia each with 52 %. The corresponding figure for the UK is 13 %! People whose mother-tongue is a widely used language like English or Russian may feel that everyone else should speak their tongue.

My message then is clear – and it is particularly directed at those among you who may have young children or be starting families – «Speak Khakass or whatever other Siberian language is your people's own historical language as mother-tongue to your children. Give your children a clear sense of identity. They will learn Russian (and hopefully other languages) as they progress at school. They will grow up bilingual, if not multilingual, and will feel a secure sense of their own identity. Surely, that is what any of us would wish for our children and for our people's heritage.

References

1. Psychological Science, a Journal of the Association of psychological Science, 2014. BoazKeysar, ZoeLiebermanandSamantha Fan (University of Chicago)

ЭТНОНИМ ХАКАС В ИСТОРИИ ХАКАССКОЙ ФОНЕТИКИ (НАСЛЕДИЕ С. В. КИСЕЛЁВА, Н. Г. ДОМОЖАКОВА И Л. Р. КЫЗЛАСОВА)

И. Л. Кызласов

Институт археологии РАН, г. Москва

В речи хакасского народа древний этноним «хакас» сохранился поныне в форме «хаас», закономерно изменённой с веками благодаря стяжению гласных. Зафиксировав этноним «хакас», средневековые китайские источники сохранили не искажённое имя кыргызов, а подлинный местный этноним в его тюркоязычном произношении того времени. Под хакасами китайские источники понимали разноязычное население Древнехакасского государства VI–XII вв., часть которого была тюркоязычной, а другая – говорила на южносамодийских языках.

Ключевые слова: этнонимы хакас и хаас, стяжение гласных, история хакасского языка

Возрастные рубежи выстраивают юбилейные даты классиков хакасоведения с некоторым 10-летним циклом: в 2015 г. прошло 110-летие С. В. Киселёва, в текущем 2016 г. – 100-летие Николая Георгиевича Доможакова, в 2014 г. было 90-летие Л. Р. Кызласова. Вспомним один важный вопрос, в котором эти незаурядные ученые были единодушны.

Несоответствия историческим реалиям Саяно-Алтая, лишили историков доверия к методу звуковых реконструкций через китайский, согласно которому этноним *хакас* считали транскрипцией имени *кыргыз* [12, с. 59, 60; 6, с. 26–30]. Т. к. записанное в VI–VII вв. *слово хакас было для китайцев чужеземным*, возникает причина, не связывая его с китайским языком и его историей, *присмотреться к местным этнонимам*. Введённый в науку синологами древний термин хакас/хагас ныне уже не может быть из науки изъят исследовательскими пересмотрами одних только китайцев.

В 20-х гг. историк Н. Н. Козьмин предположил, что китайское *хакас* воспроизводит местное наименование *кара-кас*, а не *кыргыз* [4, с. 6–8; 5, с. 17–18]. Позднее эту позицию поддержал С. Е. Малов [16, с. 7], заявив: «Ведь китайцы под хакасами-карагасами могли вполне понимать киргизское государство с разными подчиненными ему народами. Я говорю все это как языковед-тюрколог». Мысль была близка к истине, указывала верное направление поисков.

В хакасском, как в иных тюркских языках, краткость или долгота звука имеют смысловое значение. В языках Саяно-Алтая долгие гласные не изначальны. Существует единственный способ их образования – стяжение гласных: выпадает один из 5 интервокальных согласных (*к/г, х/г, ң*), а второй гласный уподобляется гласному первого слога (чего во многих иных языках не бывает). Закономерность этих процес-

сов дает основу для воссоздания первичного облика слов. Приведу в пример гидронимы, знакомые по енисейским рунам: öğüz «река» > хак. үүс (Хара Үүс, Ах Үүс), эгүк/өгүк «река» > öök (Öök, Хамыстыг öök). Вероятно, стяжение гласных произошло в монгольское время [6, с. 28].

Уяснив эти закономерности, как следует восстановить былое звучание самоназвания наиболее распространенной группы современных хакасов – хаас (*хааш*, *хаач* – рус. *кач*, *качинцы*)? Оно воссоздается *только путем возвращения некогда вытравшего согласного*, т. е. в виде хаас < ха(з/х)ас < хагас или хахас.

Не стоит мудрить над древнекитайским произношением, когда *в речи самого народа древний этноним хакас поныне живет в собственной форме, закономерно измененной с веками*.

Впервые эта мысль была высказана знатоком древностей и истории Южной Сибири С. В. Киселёвым (газета «Советская Хакасия», 24. 08. 1945 г.: «помещенное в китайской летописи наименование «хагас», по-видимому, отражает самоназвание населения Минусинской котловины, сохранившееся до настоящего времени у качинцев, которые зовутся хаас»). Наблюдение получило филологическое обоснование под пером Н. Г. Доможакова в его полной историзма работе [2, с. 65]: «Древнее название хягас... является нестяженной формой слова хаас. Китайские летописцы сохранили более древнюю форму этого слова с интервокальным «ғ»: «хяғас», «хағас». Аргументы лингвиста подкрепили позиции историков, формируя необходимое звено комплексного подхода. Вывод был сразу принят и не раз использовался Л. Р. Кызласовым, ранее увидевшим в источниках разницу в содержании терминов *хакас* и *кыргыз* [8; 10; 11 и др.]. Им была расширена сравнительная этнонимическая база: «Помимо самоназвания «хаас», основное ядро хакасской группы хаасов, как известно, составляют сеоки и их подразделения с наименованиями «хасха»: ах-хасха, паратан-хасха, тайджан-хасха и үс-хасха, в которые также входит этноним «хас». Этот этноним входит и в наименования качинских (хаасских) групп, не являющихся родовыми: хара хаас, көк хаас, хыр хаас (черный, синий и седой хаасы) и т. п. » [8; 10; 11]. Позднее Л. Р. Кызласов предложил объяснять «хасха» как метатезу, произошедшую со словом «хакас» [14; 15]. Еще в 1959 г. к этой мысли подошел наш крупнейший лингвист М. И. Боргояков [1, с. 137].

Настоящие выкладки не только тюрколога, но и любого человека, знакомого с тюркскими языками, лишают сомнений в том, что *средневековые китайские источники сохранили не искаженное имя кыргызов, а подлинный местный этноним в его тюркоязычном произношении того времени*.

Убедившись в этом, Л. Р. Кызласов собрал данные о распространении современной формы его звучания – хаас/хааш [11; 12; 13; 3, с. 62-63]. Они далеко вышли за пределы современной Ха-

касии. Древнее имя сохранилось в самоназвании тюркских и уже омонголившихся групп: у тофаларов (*хааиш, хара хааиш, сарыг хааиш*), окинских сойотов (*хаас*), тувинцев (*хаасум/хаазум*) и дархатов – монголов Прикосоголья (*хаасум*; имя озера Хааса-гол = русск. Касагол/Косогол = монг. Хубсугул). *Хаасум (хаазум)* та же стяженная форма от *хакас*, оформленная уже аффиксом монгольского множ. числа *-ум*. Лишь у башкир сохранилась нестяженная форма, но с иным распределением согласных – *какас*.

Объяснять широкое бытование этнонима *хаас/хааиш*, от Байкала до Кузнецкого Алатау, можно двояко: 1) когда древние хакасы во второй половине IX в. включили в свое государство часть Западной Сибири, Прибайкалья, Монголии и Туву, они принесли туда и свое название; 2) еще в древности к средневековым хакасам перешло имя широко жившего в южносибирских краях народа-предка.

Вероятно, оба объяснения содержат истину. Политическая история Древнехакасского государства знает расширение его владений и расселение обитателей. Правда и в том, что древний термин *хакас* и современная его форма *хаас* не переводятся с тюркских языков. Хотя определить происхождение этих имен сложно, наиболее вероятно, что начальная принадлежность их самодийская. Известны важные смысловые соответствия: *кас/хас* у самодийцев имеет значение «человек, мужчина, люди», входит в самоназвание ряда племен, ушедших с Саяно-Алтайского нагорья на север (*хасава* у ненцев, *каса* у энцев). Местные для Хакасско-Минусинской котловины южносамодийские племена ныне отюречены (точнее, охакашены) или обрусели. Но до XIX в. сохраняли элементы родного языка и имели те же обозначения для слова «человек»: *казы* (маторы), *куза* (койбалы) и *хаса* (камасинцы) [13, с. 61–62].

Топонимы Хакасии, которые нельзя понять по-тюркски, сохранили память о древнем самодийском и ином по языку населении. Археолог Кызласов оказался едва ли не первым ученым, давшим аналитический обзор языковой принадлежности самой стойкой топонимики – названий рек Хакасско-Минусинской котловины и их западносибирских аналогов [7; 9; 10]. По этому показателю им уверенно выделялись две языковые группы дотюркского населения: угорская (со словом *ас, ес* – «река»: Асыс, Ес/Ис, Тес и др.) и самодийская (имеющая *ба, бу*, восходящих к слову «вода»: Карасиба, Чорба, Буйба и т. д.), а для тайги – и кетская.

Доказательством того, что китайские авторы в VI–XII вв. под термином *хакас* понимали разнородное, а не только тюркоязычное население этого государства, являются словарные данные. В летописях приведено сравнительно много древнехакасских слов. Среди них есть переданные по-китайски явно тюркские слова: *гань* (кам) – шаман, *бей* – бег, *кэхань* – каган, *ай* – месяц, *сымо* (сын) – марал, *меу-sze* (мус) – лед, *со* (сол) –

левый, *маоши* (наа чыл) – новый год и т. п. Но рядом с ними фигурируют и самодийские слова: *кяса/цзяша* (кысе) – железо (не тюркское *темир*), *мидич-жита* (меади-миди) – место палатки, *Абу* – р. Абакан (с явным компонентом *бу* – вода), *зуду* – ископаемые клыки мамонта и др.

Даже титул государя хакасов Ажо (ажэ) не является транскрипцией тюркского «каган» или «хан», а является самодийским: *аџе* – отец, в значении «отец страны, государь». Вероятно, что и приводимое китайцами название Енисея Гянь (Кян), которое нужно читать как Кем или Ким (хакасское Ким – Енисей, тувинское и тофаларское (карагасское) хем – река, Улуг-Хем – Енисей, Хемчик), так как кроме современных народов Саяно-Алтайского нагорья, в тюркских языках такого слова в значении «реки» или «воды» нет, а на территории самодийских по языку селькупов имеются реки Кем и Кемчуг.

Отсюда можно сделать только один вывод – под хакасами китайские источники понимали разноязычное население Древнехакасского государства VI–XII вв., часть которого была тюркоязычной (гяньгуни-кыргызы и отюреченная часть местных племен), а другая – самодийскоязычной. Вероятно, в составе посланников и торговцев, приезжавших в Китай из Древнехакасского государства, встречались люди, говорившие на том и на другом языке или давно впитавшие на родине слова из языков более древних жителей. Так или иначе, но именно со слов этих приезжих и были записаны китайскими чиновниками древние тюркские и южносамодийские слова хакасов.

Библиографический список

1. Боргояков М. И. О некоторых терминах, связанных с историей хакасов: уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1959. Вып. VII. С. 135–139.
2. Доможаков Н. Г. О некоторых особенностях сагайского и хааского (качинского) диалектов: записки Хакасского НИИЯЛИ. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1956. Вып. IV. С. 64–70.
3. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / отв. ред. Л. Р. Кызласов. М.: Наука, 1993. 525 с.
4. Козьмин Н. Н. Хакасы: историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск: Изд-во Иркутской секции научных работников, 1925. 185 с.
5. Козьмин Н. Н. Избранные труды / сост. В. К. Чертыков, С. А. Угдыжеков. Абакан: Журналист, 2010. 311 с.
6. Кызласов И. Л. Алтаистика и археология. М.: Ин-т тюркологии, 2011. 256 с.
7. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха (I в. до н. э. – V в. н. э.) в истории Хакасско-Минусинской котловины: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953. 16 с.
8. Кызласов Л. Р. Рец. на кн.: Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев // Вопросы истории. 1954. № 7. С. 149–153.
9. Кызласов Л. Р. К вопросу об этногенезе хакасов: уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1959. Вып. VII. С. 70–92.
10. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 192 с.
11. Кызласов Л. Р. Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI–XII веков // Народы Азии и Африки. 1968. № 4. С. 88–97.
12. Кызласов Л. Р. Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI–XII веков: уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Абакан, 1969. Вып. XIII. С. 5–20.

13. Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. М.: Высшая школа, 1984. 167 с.
14. Кызласов Л. Р. Этнонимы «хаас» и «хасха» в хакасском языке. Советская тюркология, 1990. № 5. С. 49–51.
15. Кызласов Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. 225 с.
16. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М. -Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 116 с.

© Кызласов И. Л., 2016

«АБАЙ ГЭСЭР» – ПАМЯТНИК БУРЯТСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА

Б. С. Дугаров

Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

В статье раскрываются различные аспекты эпоса «Абай Гэсэр» как этнокультурного феномена и эпического памятника, определяющего духовный облик бурятского народа, его создавшего. Гэсэриада приобретает особую значимость как весомое звено в преемственности и сохранении традиционной культуры и родного языка в современных условиях.

Ключевые слова: Гэсэриада, эпический памятник, сказители, этнокультурная традиция, бурятский народ.

Гэсэриада – единственное в мире эпическое произведение, бытующее в различных, отдаленных друг от друга, регионах Евразии – от Гималаев до Байкала, от Хингана до Волги. Наиболее известны три основные версии этого эпоса: бурятская, монгольская и тибетская. Подобная распространенность мотивов этого героического сказания и имени его главного героя говорит о древности и глубине культурно-эпических контактов народов, чей общий вклад в мировую историю и культуру представлен кочевой цивилизацией Центральной Азии. И одной из духовных вершин этой цивилизации является эпос «Гэсэр».

Главной идеей Гэсэриады является нисхождение сына божества – небожителя на землю для борьбы с распространившимся на ней злом. По всей видимости, именно эта идея была исходной и продуктивной для зарождения Гэсэриады как таковой, ибо она возвела ее в ранг особого божественного произведения и приобрела в течение многих веков характер народной эпопеи. В ней, независимо от ее национальной принадлежности, звучит лейтмотив извечной борьбы Добра и Зла, которая увенчивается победой светлого, жизнеутверждающего начала, олицетворением которого является Гэсэр. Потому он – посланник Неба становится сыном Земли, защитником человеческого рода, залогом его процветания и благоденствия.

Безусловно, Гэсэриада в каждой из ее основных национальных версий является произведением самодостаточным, ярким выражением духовной культуры бурят, монголов, тибетцев. Как пронизательно выразился Ю. Н. Рерих, Гэсэриада представляет собой «старинный памятник кочевой поэзии, созданный усилиями нескольких кочевых народов». Его древнее ядро принадлежит общему наследию Центральной Азии [1, с. 168]. Что же касается бурятского «Абай Гэсэра», это, действительно, наиболее популярное и распространенное в многочисленных вариантах произведение устного народного творчества. Оно органично связано со всей эпической традицией бурят – от отображения жизни «полуохотничьего, полускотоводческого народа» в ее зачастую архаичных проявлениях до описания богов тэнгрианского пантеона, играющих в эпосе большую роль. Персональный ряд Гэсэриады, ее мотивы и образы имеют глубокие соответствия во многих бурятских улигерах, образуя единое эпическое целое, основанное на единой поэтико-стилевой традиции. Таким образом, бурятский «Гэсэр» как грандиозная эпопея, построенная по типу всех героико-эпических произведений бурят-монголов, является целиком плодом эпического творчества бурят-монголов, следовательно, национальным эпическим произведением бурят-монголов [3, с. 13].

Уместно напомнить и об отношении академика Б. Я. Владимирцова к бурятской версии Гэсэриады, высоко ценившего и ставившего ее в один ряд с шедеврами мировой литературы. Под его редакцией в 1930–1931 гг. была опубликована эхирит-булагатская версия М. Именгова, представляющая обширный, не имеющий аналога в центральноазиатской традиции, циклизованный по генеалогическому принципу эпический свод о Гэсэре и его сыновьях, названный Б. Я. Владимирцовым «колоссальной бурятской эпопеей, далеко превосходящей размером «Илиаду» [1, с. 16].

Вполне закономерно, что это героическое сказание, бытовавшее практически по всей территории Байкальского региона в течение многих столетий, оказало влияние на менталитет бурят-монгольского народа, формирование его национального самосознания. С точки зрения поэтики эпического историзма, выдвинутой В. М. Гацаком, Гэсэр является ведущей художественно-повествовательной константой сказания, а сам эпос – это форма художественного самопознания этноса в его становлении и утверждении или повествование об этносе и его бытии в мире [2, с. 10, 12]. Это целиком относится к бурятскому «Гэсэру», который является не только «образцом высочайшей концентрации самопознания древних бурят» [5, с. 27–28], но и выражением нравственных и эстетических идеалов кочевников Прибайкалья, своего рода энциклопедией народной жизни.

Бурятский эпос «Гэсэр» – единственный из всех монголоязычных и тибетских версий этого произведения, который сохранил в язычески первоизданном стихотворном потоке, насчитывающем в древних вариантах от

20 до 30 тысяч строк, наиболее «родовые» черты изначальной центральноазиатской эпике. А самым архаичным из них является эхиритбулагатский вариант «Гэсэра» выдающегося бурятского сказителя Маншуда Имегенова, записанный в начале прошлого столетия замечательным фольклористом-монголоведом Ц. Ж. Жамцарано. Именно эта версия эпоса позволяет предположить о сложении Гэсэрова сказания к концу первого тысячелетия в районе Прибайкалья в среде северно-монгольских племен, являющихся историческими предками нынешних бурят.

Как известно, богатырский эпос о Гэсэре исполняли самобытные сказители-рапсоды, поэтический текст древнейшего улигера они передавали из уст в уста, из поколения в поколение через талантливых улигершинов. Именно они, знавшие великолепно древние обычаи и обряды, одухотворявшие небо и каждую былинку на земле, являются подлинными носителями и выразителями культуры своего народа. Их природный поэтический дар, любовь к слову и феноменальная память с исключительной силой сказались в знании родного фольклора и, прежде всего, героического эпоса «Абай Гэсэр», который обессмертил имена самих рапсодов-улигершинов.

Следует напомнить, что история изучения бурятской Гэсэриады насчитывает свыше 100 лет. За этот период накоплен значительный текстовый материал по Гэсэриаде, требующий всестороннего осмысления и дальнейшего теоретического обобщения. Учеными предыдущих поколений проделана большая работа в сфере исследования исторических корней Гэсэриады, соотношения устных бурятских версий с письменной монгольской, поэтики и эстетических аспектов, что в целом также требует обобщения как условия для нового этапа гэсэроведческих изысканий. Также нужно иметь в виду, что особую актуальность приобретают сакральные, связанные с религиозной мифологией, аспекты бурятской Гэсэриады, прежде в советский период в силу идеологических причин оставшиеся в зоне «запретных» тем.

Сложилась бурятская школа гэсэроведения, представленная именами А. И. Уланова, Н. О. Шаракшиновой, М. П. Хомонова, С. Ш. Чагдурова и др. Их труды приобрели широкую известность в российском эпосоведении и за рубежом. Тем не менее, на примере эпического наследия бурят в лице эпоса «Абай Гэсэр» можно констатировать недостаточный уровень его научного изучения и популяризации. Из двадцати с лишним вариантов эпоса о Гэсэре, хранящихся в архивах г. Улан-Удэ, Москвы и Санкт-Петербурга, на сегодня изданы всего лишь пять сказительских версий, из которых три текста переведены на русский язык. Следует отметить, что на сегодня остается не переведенным на русский язык, с соответствующим научно-справочным аппаратом, один из наиболее содержательных и цельных вариантов Гэсэриады, записанный от унгинского сказителя-улигершина Парамона Дмитриева. Введение данного эпического произведения в научный оборот представляло бы собой новый шаг в исследо-

вании бурятской Гэсэриады и её популяризации как этнокультурного феномена Байкальского региона.

В связи с этим необходимо подчеркнуть важность создания сводного текста эпоса о Гэсэре на бурятском литературном языке наряду с научными изысканиями и академическими публикациями наиболее самобытных сказительских версий Гэсэриады. Такая насущная задача была обусловлена самой идеологией становления и развития национальной литературы и бурятского литературного языка как двуединого словесно-художественного процесса, в котором героический эпос «Абай Гэсэр», испокон веков существовавший на различных диалектах и говорах бурят-монгольского языка и широко известный бурятам, живущим по обе стороны Байкала, был призван соединить многовековую устную традицию эпического слова с общепринятым литературным письмом бурят двадцатого века.

Издание литературного свода эпоса «Гэсэр» в исполнении Н. Г. Балдано в 1959 и 1969 гг. стало знаковым явлением в истории бурятской культуры. С тех пор оно стало библиографической редкостью. Поэтому следует особо отметить новое, по счету третье, переиздание бурятского литературного свода эпоса «Абай Гэсэр хүбүүн» Н. Балдано, увидевшее свет в 2007 году на языке оригинала и с русским переводом С. Липкина. Такого рода единовременное двуязычное художественное издание, содержащее все девять ветвей, пролог и эпилог эпоса, осуществлено впервые.

Прошлое и настоящее, особенно XXI век с его признаками тотальной глобализации, убеждают нас в том, что бурятский «Абай Гэсэр» « как эпический памятник и этнокультурный феномен является уникальным произведением устного народного творчества. Сама история Гэсэриады подтверждает, насколько органично и всесторонне она связана с сердцевиной народного духа и творческим гением многих и многих поколений. Поэтому сам улигер «Абай Гэсэр» как глубоко оригинальное, самодовлеющее эпическое творение, определяющее духовный облик народа, его создавшего, приобретает особую значимость как весомое звено в преемственности и сохранении традиционной культуры и родного языка в современных условиях.

Библиографический список

1. Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. ПБ.; М., 1923.
2. Гацак В. М. Поэтика эпического историзма во времени // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. М., 1980.
3. Поппе Н. Н. Об отношении бурят-монгольского Гэсэра к монгольской книжной версии // Записки Бурят-монгольского ГИЯЛИ. Вып. 5–6. Улан-Удэ, 1941.
4. Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия. Самара, 1999.
5. Чагдуров С. Ш. Стихосложение Гэсэриады. Улан-Удэ, 1984

© Дугаров Б. С., 2016

РАЗВИТИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ

Ю. Г. Сагалаков

Министерство образования и науки РХ, г. Абакан

Этнокультурное образование относится к важнейшим направлениям деятельности Министерства образования Республики Хакасия. Эффективность данной работы подтверждается реальными фактами и статистическими материалами, иллюстрирующими количественные и качественные изменения в обучении хакасскому языку и литературе, подготовке кадров учителей родного языка, расширению сфер функционирования хакасского языка и культуры в образовательном пространстве республики.

Ключевые слова: Этнокультурное образование, школьное образование, обучение хакасскому языку, шорский язык, фестиваль, конкурс, Малая Родина.

Сохранение этнокультурной самобытности народов России относится к стратегическим целям национальной политики, сформулированным в Стратегии государственной национальной политики РФ [5]. Правительство и Министерство образования Республики Хакасия проводит целенаправленную работу по сохранению и развитию государственных языков Республики Хакасия. Обеспечение права детей на изучение родного языка, сохранение и развитие национальной культуры было и остается важным направлением деятельности Министерства образования и науки Республики Хакасия.

Общие вопросы языковой политики в области образования в Республике Хакасия регулируются Законом Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации», Законом Республики Хакасия «О языках народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Хакасия» и действующим законодательством об образовании.

Создание нормативно-правовых и финансовых условий изучения хакасского языка в Хакасии позволило остановить некоторые негативные тенденции, связанные с сокращением школ с преподаванием хакасского языка и количества детей, изучающих родной язык [2, 3].

С 2011 года возросла сеть дошкольных организаций и отдельных групп, где организовано изучение хакасского языка. Из 3301 ребенка хакасской национальности, которые посещают детские сады, 68 % изучают хакасский язык.

В 2015–2016 учебном году в 128 государственных и муниципальных общеобразовательных организациях Республики Хакасия хакасский язык изучают 6 771 ребенок, что составляет 76,4 % от общей численности детей хакасской национальности. Изучение языка организовано как предмет, в форме кружковых и факультативных занятий. Для сравнения

приведем данные по 2008 году, когда в 102 общеобразовательных учреждениях проводилось преподавание хакасского языка с охватом 66 % детей хакасской национальности [4].

В 2015 году также удалось организовать изучение шорского языка детьми коренного малочисленного народа-шорцев, проживающих на территории Аскизского и Таштыпского районов, в форме кружковых занятий. В общеобразовательных организациях обучаются 117 детей коренного малочисленного народа-шорцев. Ежегодно Министерством приобретается печатная продукция, связанная с изучением шорской культуры, для библиотек общеобразовательных организаций Аскизского и Таштыпского районов.

Министерством в рамках подпрограммы «Реализация национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» государственной программы «Развитие образования в Республике Хакасия (2011–2015 годы)» для учебных мастерских по обучению детей и молодежи традиционному творчеству хакасов и шорцев трех школ Аскизского района было приобретено швейное и станочное оборудование.

Особое внимание уделяется вопросам использования в образовательном процессе учебников и учебных пособий для обучения обучающихся хакасскому языку и литературе, а также обеспечивается организация разработки учебников и учебных пособий на хакасском языке, их издание и внедрение в учебный процесс, участие в экспертизе учебников для обеспечения учета региональных и этнокультурных особенностей республики в соответствии Законом Республики Хакасия «Об образовании в Республике Хакасия».

За последние годы ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство», подведомственным учреждением Министерства, изданы более 55 наименований учебной литературы, в том числе 19 наименований учебников «Хакасский язык» и «Хакасская литература», 36 наименований пособий, дидактических сборников. Общий тираж их составил 19 080 экземпляров.

В 2014 году учебники «Хакасский язык» и «Хакасская литература» для 5–9 классов успешно прошли общественную экспертизу в Республиканской общественной организации «Центр гуманной педагогики Республики Хакасия «Школа жизни» Шалвы Амонашвили», региональную – в ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории», научную и педагогическую экспертизы в Российской академии наук и Российской академии образования. По результатам экспертиз учебники вошли в Федеральный перечень учебников.

В 2013 году также в федеральный перечень учебников вошли учебники «Хакасский язык» и «Литературное чтение» для 1–4 классов.

Обучающиеся общеобразовательных организаций Республики Хакасия с 1 по 11 классы обеспечены бесплатными учебниками на хакасском языке.

Ежегодно в рамках государственной программы Республики Хакасия «Региональная политика Республики Хакасия (2014–2016 годы)» Министерством проводится конкурс на выделение грантов на издание программ, пособий, электронных пособий, литературных, в том числе детского литературного журнала «Тигір хуры» и приложения «Кунічек», и методических журналов по предметам этнокультурного образования.

На средства грантов были изданы электронные пособия «Хакасский язык для начинающих изучать родной язык», «Жанры хакасского фольклора: героические сказания, народные сказки, горловое пение, тахпахи» и «Изучение произведений хакасских писателей и поэтов, включенных в программу по хакасской литературе», а также «Краткий словарь архаизмов и редко используемых слов хакасского языка», пособие для учителя «Хакасский язык. Контрольно-измерительные материалы для 5-9 классов общеобразовательных организаций», «Методические рекомендации по составлению рабочих программ по учебным предметам «Хакасский язык», «Литературное чтение», «Хакасская литература», «Хакасский язык и литература» (1–11 кл.) и др.

Указанная результативная работа, несомненно, будет способствовать ослаблению модели поведения, по которой родной язык приносится в жертву с переходом на моноязычное поведение на русском языке, и укреплению «объемов хакасско-русского билингвизма» в образовательной системе Республики Хакасия [1, с. 38].

Важным направлением развития этнокультурного образования в Республике Хакасия является подготовка и поддержка педагогических кадров в области хакасской филологии.

В школах республики обучение хакасскому языку осуществляют более 270 учителей, включая учителей начальных классов, преподающих хакасский язык. Доплата в размере 15 % к базовому должностному окладу педагогических работников школ и дошкольных образовательных организаций, обучающихся хакасскому языку, введенная в Правительством Республики Хакасия, несомненно? способствует повышению качества этнокультурного образования.

В целях поддержки кадрового обеспечения образовательных организаций в соответствии с постановлением Правительства Республики Хакасия Министерством с 1 января 2013 года производится ежемесячная доплата в размере 2 000 рублей к стипендии 31 студенту ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», обучающимся по направлению подготовки бакалавриата «Педагогическое образование» (профиль подготовки, связанный с изучением хакасского языка и литературы) на условиях целевой контрактной подготовки для работы в сфере образования Республики Хакасия.

Для поддержки проектов в области сохранения хакасского языка и культуры в муниципальных образованиях республики в соответствии с

действующим законодательством Российской Федерации и Республики Хакасия в 2015 году состоялся республиканский конкурс грантов муниципальным образованиям в области сохранения хакасского языка и культуры, практическим результатом которого стали реализация следующих проектов: «Хрестоматия из литературных произведений на хакасском языке для детей дошкольного возраста»; Чапсых чоох», в рамках которого Городским управлением образования г. Абакана были организованы и проведены радио и телепередачи в эфире ИРТА «Абакан», «Хакас тілі – өбекелерібістін тамыры», «Детский музыкальный спектакль на хакасском языке «Мелейск»; «Развитие семейных традиций (хакасская свадьба)».

Проведение ежегодных муниципальных, республиканских и межрегиональных мероприятий способствует популяризации хакасского языка и культуры, усилению интереса учащихся к изучению родного языка, а также поддержке одаренных детей.

За последние годы увеличилось количество республиканских мероприятий на хакасском языке среди обучающихся образовательных организаций. Среди них: фестиваль «Ине тілі», конкурс «Чылтызахтар», посвященный Дням тюркской письменности и культуры, конкурс «Юный тахпахчи», детский литературный конкурс «Ада сос», конкурс чтецов среди обучающихся и педагогов школ и др.

Республиканский конкурс «Чылтызахтар» проводится Министерством с 2009 года совместно с Хакасским государственным университетом им. Н. Ф. Катанова. Он направлен на сохранение и развитие лучших достижений тюркской культуры народов Саяно-Алтая и включает такие номинации как выразительное чтение произведений устного народного творчества, тюркской литературы на русском, хакасском и других тюркских языках; конкурс грамотеев по хакасскому языку, конкурс театрализованных представлений.

С 2013 года по результатам конкурсного отбора бюджетам муниципальных образований Министерством предоставляются субсидии на организацию кружков по развитию детского хакасского литературного творчества в муниципальных общеобразовательных организациях.

В республике ежегодно проводятся олимпиады по хакасскому языку и хакасской литературе среди обучающихся 7–11 классов. На всех этапах олимпиады принимают участие более 250 обучающихся. В 2016 году в Хакасии состоялась II Межрегиональная олимпиада по тюркским языкам и культуре, участниками которой стали обучающиеся республик Алтай, Тыва и Хакасия.

Ярким событием не только для Хакасии, но и для всей Сибири стало проведение с 2008 года Межрегионального молодежного фестиваля «Ынархас чоллары» («Дорогами дружбы»). Участники Фестиваля с интересом посещают занятия по изучению хакасского языка и изготовлению национальных украшений и сувениров, интереснейшие мастер-классы по приготовлению хакасских национальных блюд.

В образовательных организациях республики ежегодно организуется празднование «Чыл пазы» (хакасского нового года). Педагогам и ребятам удается не только сохранить традиционное значение его основных ритуалов и обрядов, но и дополнить вековые народные традиции новыми реалиями.

В целом, следует отметить, что вся проводимая работа по данному направлению способствуют увеличению доли обучающихся общеобразовательных организаций, изучающих родные языки, повышению мотивации к изучению родного языка, выявлению наиболее талантливых и одаренных детей, дает возможность воспитания у школьников чувства патриотизма и гордости за свою Малую Родину, свой народ, свою семью.

Библиографический список

1. Боргоякова Т. Г. Развитие билингвизма в республиках Тыва и Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25). Часть 1. С. 36–39.
2. Боргоякова Т. Г. Языковое законодательство и перспективы функционирования государственных языков республик Южной Сибири // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40). Часть 2. С. 36–40.
3. Гусейнова А. В. Особенности билингвизма хакасской молодежи в контексте языковой политики Республики Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24). Часть 2. С. 65–68.
4. Салата Г. А. Вступительное слово // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: материалы международной научной конференции 25–27 сентября 2008 года, Абакан / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2008. С. 7.
5. Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/298145> (дата обращения: 10.06.2015).

© Сагалаков Ю. Г., 2016

REFLECTIONS ON LANGUAGE AND CULTURE DEVELOPMENT: CREATING AND RECREATING LANGUAGE COMMUNITIES

Perry Gilmore

Language Reading and Culture, University of Arizona;
Alaska Native Language Center, University of Alaska Fairbanks (USA)

Ten years ago, I had the distinct privilege of participating in the first Conference on «Development of Siberian Indigenous Languages and Cultures» in Abakan. At that historic meeting, peoples from many diverse international countries were represented along with peoples from the linguistically and culturally rich lands of Southern Siberia. What we all shared in common was a passion for strengthening, developing and revitalizing the Indigenous languages of the world that were stifled, silenced and stigmatized through devastating political injustices and punitive official language policies. While the languages and cultures represented at that conference were vastly

different, the circumstances for historic linguistic oppression were strikingly similar. From the Navajo and Alaska Native peoples of the United States, to minority language populations of Europe in Slovenia and Ireland, and the Indigenous communities of Siberia, our stories of language repression, resistance and resilience resonated with similar historic themes, as well as innovative strategies for reversing language shift across our diverse settings. Our shared hopes and vision for language renewal and development were both affirming and inspiring. Knowing that there were communities across the globe that were working for these common linguistic and cultural goals provided an impetus to move forward with more optimism and confidence. We were able to share with and learn from one another in order to strengthen our efforts. We were energized to continue our challenging language efforts knowing we were not alone in our work.

We were honored to be led at that initial gathering by Professor Tamara Borgoyakova, a visionary scholar and colleague who developed and organized the 2005 conference that brought us all together in Abakan. We are honored again in 2016 to be invited by Professor Borgoyakova to reflect on our work at the fourth International Conference at the Katanov Khakass State University on the tenth anniversary of the inaugural conference.

Ten years ago I presented a paper about the Morgan Project, a federally funded language revitalization project my colleague Beth Leonard and I implemented in Fairbanks, Alaska from 1999 – 2006. The Morgan Project grew out of a response to the needs that communities articulated about the fragile language situation in Interior Alaska where there were few remaining speakers. The Morgan Project targeted several populations in order to address these needs. A high school population was recruited and encouraged to pursue careers in language education with a special emphasis on Alaska Native Languages. These students were designated «Alaska Native Language Scholar Interns» and received scholarships and stipends for advanced placement language courses. The purpose of these language courses was twofold. First they offered encouragement and academic opportunity in Indigenous language for students interested in careers in language and education. Second it contributed to the elevation of status and prestige of the Indigenous languages of Alaska which had been historically not only suppressed by the dominant culture but also neglected and ignored in the World Language curriculum where they were neither taught nor offered. Three-person teaching teams taught the classes and were made up of a Native elder who was fluent speaker, a linguist who might explain grammar, lexicon, etc. and a certified classroom teacher who might follow up lessons with additional pedagogical activities. The languages taught were Koyukon and Gwich'in. In addition to the regular school year classes, we also offered summer language institutes. The high school students participated in a range of these different offerings over a six-year period. The Morgan Project

additionally supported career development for many fluent bilingual paraprofessionals and certified teachers to advance their educational careers by gaining professional certifications and advanced degrees. The project impacted many lives. The success of the Morgan Project inspired a series of similar grant projects that have been modeled on the original project and have been implemented in various language regions across Alaska in the years since then.

The Morgan Project functioned as a site for resistance to language oppression and a space for identity reconstruction. In addition to language learning, the Morgan Project and the programs that have followed which were based on its model, serve significant social, political and pragmatic functions including the creation, or recreation, of language identities and language communities. These language projects mark a space of pride and possibility, agency, activism and power.

Most recently I have been working on quite a different language project, but one that evokes many of the same language and culture themes as my work in Alaska. My newly released book, *Kisisi (Our Language): The Story of Colin and Sadiki*, documents the rare case of two five year old boys, one American (my son) and one Samburu from extremely different backgrounds, who met and became inseparable friends for fifteen months on a remote rural hillside in Up-Country Kenya in 1975. Colin and Sadiki's controversial postcolonial friendship was created through and marked by the invention of *Kisisi*, an original Swahili pidgin that was understood and shared by just the two of them. The study demonstrates striking linguistics and sociolinguistic competencies of young children. As the boys negotiate diverse linguistic ecologies and cultural spaces, they display abilities as highly effective language innovators. Though the study took place 40 years ago these examples have significant implications for the study of global cultural encounters prevalent in our increasingly diverse world where populations thrive in multilingual language contact zones both maintaining heritage languages and expanding their linguistics repertoires pragmatically. The story of *Kisisi* is a human story of irrepressible expressive creativity as the boys' quest for language equality creates a place for their friendship that transcends the existing language ideologies, marked colonial borders, and harsh inequities of economics, race, and culture that engulfed all aspects of their daily lives. This book celebrates language, love and friendship. It reminds us that languages can be created, revived, sustained and appreciated. If two young five year olds can manage to celebrate their identity as loyal and loving friends through the invention of a unique language with sophisticated phonological, lexical and syntactic features, others too can be inspired to continue their own important work in developing and strengthening the Indigenous languages of the world that embody and symbolize precious community knowledge, pride, belonging and identity.

References

1. Gilmore, Perry (2016) *Kisisi (Our Language): The Story of Colin and Sadiki*. Malden, MA: Wiley.
2. Gilmore, Perry (2011) We Call it Our Language: A Children's Pidgin Transforms Social and Symbolic Order on a Remote Hillside in Up-Country Kenya. *Anthropology and Education Quarterly* (4) 370–392.
3. Gilmore, Perry (2009) Our Language: A friendship that transcended linguistic and cultural borders. In *The Child: An Encyclopedic Companion*. R. Shweder (Ed.) pp. 546–547. Chicago, IL: University of Chicago.
4. Gilmore, Perry (2009) Cultural Diversity in Higher Education: Insights from an Alaskan Case Study. In *A Shared Vision: Intercultural Dialogue in the Search for Global Paradigms to Conserve Linguistic and Cultural Diversity*. . Sonja N. Lukanovic (Ed.) pp. 151–198. Ljubljana, Slovenia: Slovene National Commission for UNESCO.
5. Gilmore, Perry (2008) Creating and Recreating Language Communities: Verbal Practices Transform Social Structure and Reconstruct Identities on a Kenya Hillside and in the Alaska Interior. Paper presented at the Sociolinguistic Symposium, Amsterdam.
6. Gilmore, Perry (2005) The Morgan Project: Language Revitalization as a Site for Identity Reconstruction in Interior Alaska. Paper presented at the conference «Preservation and Development of Indigenous Siberian Languages and Cultures in a changing Russia», Abakan, Khakasia, Russia.

© Gilmore Perry, 2016

ФИЛОСОФСКО-ЭПИЧЕСКОЕ МИРОПОНИМАНИЕ КЫРГЫЗОВ-ХАКАСОВ

Т. Т. Тургуналиев

Институт манасоведения КГУ им. И. Арабаева,
г. Бишкек (Кыргызстан)

Общность философского и эпического мировоззрения двух родственных народов – кыргызов и хакасов – рассмотрена в докладе на основе анализа наиболее известных эпосов и их вариантов, в том числе «Манас», «Алтын Арыг» и другие. Представлена типология главных героев, их происхождения и сверхъестественных возможностей, используемых в контексте универсальной философской позиции добро/зло.

Ключевые слова: эпическое мировоззрение, эпическое творчество, Манас, Алтын Арыг, легенда, миф.

1. Кыргызы-хакасы – это родственные народы, имеющие общие генетические и исторические корни

С древних времен они обладают уникальным эпическим, философским мышлением. Этнографическая научная литература говорит о том, что кыргызов и хакасов исследователи называли одним – единым народом. И лишь с недавних веков их – две ветви одного этнического образования – стали именовать «кыргызы», «хакасы».

Этот исторический факт мы упоминаем потому, что эти два крыла одного народа, естественно, имеют по существу *одни и те же эпические и*

философские воззрения по основам мироздания. В них переплелись *мифологическое и реальное.* Они отражены в основных эпических произведениях кыргызов-хакасов: в эпосе «Манас», в эпосах «Алтын Арыг», «Эр-Төштүк», «Кожожаш», «Күн-Төргис», «Ах-Чибек-Арыг», «Карагул боготом», «Хулатай», «Пора-Нинчи» и многих других. Следует особо подчеркнуть то, что кыргызы-хакасы с древнейших времён, времён зарождения мифологического объяснения появления жизни на земле, единого начала Вселенной, славились созданием великих образцов эпического творчества. Они, несомненно, внесли огромный вклад в мировую духовную сокровищницу человечества.

Это – эпический народ, с широчайшим художественно-интеллектуальным охватом многомерного мироздания. Это – народ эпического бескрайнего пространства, мышление которого охватывает просторы не только Земли, но и других миров Вселенной. *Это народ, художественное эпическое начало которого следует отнести к древнейшему мифологическому, фантастическому пониманию всего бытия.*

Если всю длительную историю развития человеческого миропонимания свести к триаде: **мифология – религия – наука**, то эпическое у кыргызов – хакасов началось в первую, древнейшую эпоху – в эпоху мифологического восприятия мира, мифотворчества. Среди всех народов, имеющих общие генетические и исторические корни, кыргызы-хакасы сложили, можно сказать, наибольшее количество эпических произведений. Некоторые из них, скажем, эпоса «Манас», содержат *десятки* вариантов. При этом, лишь один из них – вариант гениального **Саякбая** объёмлет 500 тыс. 553 строки. Если взять все варианты, то будет несколько миллионов строк.

II. Философско-эпическое мышление кыргызов-хакасов

Оно охватывает **три этажа мира:** *подземное царство, наземное и небесное* пространственные меридианы. В них существуют три типа живых субъектов. Два из них – плод мифологического и фантастического, созданного воображением третьего из них – человеком, представляющим земную реальность.

Во вводной части философской квинтэссенции эпоса «Манас», мифическое, сказочное и реально-историческое отражены в строках «Жарымы төгүн, жарымы чын»¹ («Половина сказка, половина правда»), мифическое и реальное воплощены и в «Алтын-Арыге»: фантастические перевоплощения героев из человека в животное и обратно; «Пис – Тумзук» многократно перевоплощается то в черную лисицу, то в траву о трех стеблях, то в белую волчицу, то в женщину, одетую в панцирь из волчьей

¹Манас. I т. -Б.: «Кырг. китеп борб.», 2014. 51б.; Кыргыз элинин тарыхый эпосу. Айтуучу Жүсүп Мамай. -Үрүмчү, Шинжаң эл басмасы, 2004. 3-б.

шкуры». ¹ Крылатые кони, подобно современным реактивным, сверхзвуковым летательным аппаратам, покрывают в миг огромные расстояния. Крылатые кони-гулпары существуют и в великой кыргызской эпопее – Мааникер способен пройти огромные расстояния со сверхскоростью. В «Манасе» кырк чилтены могут стать волками, обратно великими воинами, посланными Богом Теңиром для охраны и помощи величайшему из великих героев – Манасу. Айчүрөк принимает облик белого лебедя и пускается в дальние страны в поисках непревзойденного воина-предводителя, который был бы в состоянии освободить от вражеских войск, осадивших столицу государства, где правит её отец. ² **Алтын-Тана** также имеет таинственную силу и становится белой птицей, ласточкой, наравне с великим летающим скакуном, способной по небу возвратиться в родную землю. ³

В первоначальном представлении кыргызов-хакасов самый главный герой **великий воин** должен быть божественного происхождения. Вот «Богатырь, любовно созданный богом, – это дева Алтын Арыг», воспетая народом. Она обладает великим духом, неземной силой. Никто из земных героев не может ей противостоять – всех побеждает она. Душа Алтын-Арыг находится в правой голове двуглавой Золотой Кукушки, а в левой – жизненная сила великого Бело-игренивого скакуна, которые родились «сами по себе» внутри Белой Скалы, что величественно стоит на вершине Земли – на хребте Ах-Сын. ⁴

Божественный мотив внесен и в эпопею «Манас». В момент рождения Манаса Теңир посылает непреодолимую силу Солнца и Луны через сверхъяркий луч и эта сила органически входит в тело ребенка. «Айың менен Күнүндүн бир өзүнөн бүткөндөй...»⁵ («Словно создан Луной и Солнцем...») – так описывается величайший герой, которому нет равных в восемнадцать тысячах вселенных. Однако Манас, в отличие от Алтын-Арыг, является сыном земных людей – Жакыпа и Чыйырды. Правда, было стремление превратить его в бессмертное существо: **мудрец Акбалта** приносит из небесных вершин Саянских гор *Живую Воду (Амриту)*, по верованию индоариев), которой омывают новорожденного. Но его межлопатые остается сухим, поскольку там одна рука матери держала его при омовении. Позже, именно в это место ударил злодей Коңурбай отравлен-

¹Майногашева В. Е. Хакасский героический эпос “Алтын -Арыг”. В кн.: Алтын- Арыг. Хакасский героический эпос. М.: Наука, 1988. 592 с. С. 502.

²Семетей. Манас эпосунун экинчи бөлүгү. 3 китеп. Ф.: Кыргызмамбас, 1959. С. 151, 152, 153, 154-66.; Семетей Ш. Азизовдун варианты боюнча. -Б.: “Кут бер”, 2013. С. 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378-66; Семетей. Баатырдык эпос. У. Мамбеталиевдин айтуусу боюнча. Б.: “Турар”, 2010. С. 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227-66.

³Алтын- Арыг. Хакасский героический эпос. М.: Наука, 1988. 592 с. С. 478.

⁴Алтын- Арыг. Хакасский героический эпос. М.: Наука, 1988. 592 с. С. 462–464.

⁵Ашым Жакыпбек. Теңири Манас. Эпос. Өзөктүү роман. Б.: “Кыргызстан”, 1995. 196-б.

ным пиком, по воровски, не по правилам древних воинов, подкрадываясь сзади Манаса, когда он преклонялся в сторону Ала-Тоо. Подобные истории содержатся и в «Махабхарате», где у Кришны – великого друга Арджуны, главного героя этого эпоса, уязвимым, смертельным местом является только ступа; в «Илиаде» Ахиллеса можно убить, сразив только в пятки.

В философском понимании древних кыргызов-хакасов, индоариев, персоариев и грекоариев в природе главных героев сливаются земное, человеческое и небесное, божественное. Ведь в эпоху героических тысячелетий древние эпические народы мечтали о великих героях, воплощающих в себе и человеческое и божественное начала. При этом они не обладали божественным бессмертием, а были смертными. Удивительное свойство героям придают хакасы: иных воскрешают (лишь однажды это можно) после смерти. Пис-Тумзух-Плѣ-Харын, великая исцелительница, которая так же, как и Алтын-Арыг, родилась в Белой Скале *сама по себе*, возвращает жизнь главной героине и шелкогривому, девятисаженному Бело-игренему коню и Алтын-Арыг, тело которой светилось подобно Солнцу.¹

III. Добро и зло

Эти извечные противоположности в кыргызско-хакасских эпосах ясно разведены водоразделом между ведущими героями, олицетворяющими добрые дела, и антигероями – демоническими существами, сеющими зло.

В эпосе «Эр-Төштүк», которое мы считаем произведением, отражающим древнейший мир мифологической эпохи, *демонические силы* подземного царства представляют Урумкан, Чоюнкулук, Айкулук; а земного – Жез кемпир, Элеман; а идеалы добра воплощают Эр-Төштүк, Кенжеке, Узунчач, Көзгатар Маамыт, Жейрен секиртпес Маамыт, Көл уурттар Маамыт. Особо отметим: первоначально это было народное сказание, которое затем, гением Саякбая, было превращено в большое произведение эпического масштаба.² Здесь впервые в древние времена кыргызы проявляют свое **экологическое мышление гармонии с природой**,³ о котором современное человечество начало бить в колокола лишь с середины XX века.

В «Алтын Арыге» подлинно человеческие ценности-защиты Отечества, заботы о народе проявляют Алтын-Арыг, Пис-Тумзух, Алып-хан, Хыс-хан, Таптаан-Молат, Ханныг-Хылыс. Демонический клан составляют Килет-хан, Пора-Нинчи, виновные в смерти прекрасной из женщин, великой героини Алтын-Арыга, скакуна Бело-игреневого; а богатыри

¹ Алтын – Арыг. С. 300, 301, 302.

² Эр Төштүк. Кыргыз эл эпосу. Айтуучу Саякбай Каралаев. Ф.: Кыргызмамбас, 1958. 210б.

³ Төштүк. В кн.: Кыргыз эл жомоктору. Б.: Бийиктик, 2007. С. 84–101.

Хулатай и Чибетей безудержно, безумно стремятся к богатству за счет грабежа, разорения других народов. Белая скала на вершине высокого хребта **Ах-сын выступает Главным Центром, творящим Добро:** здесь, в Священной Пещере *сами по себе* появляются на Свет великая, непобедимая, созданная Богом Алтын-Арыг, девятисаженный Бело-игренивый скакун, прекрасная исцелительница Пис-Тумзух.

В эпопее «Манас» Манасу принадлежат высокий ум, благородство, стратегическое и меритократическое мышление, небывалый героизм, позволяющие ему достигнуть три исторические цели:

Собрать и возратить в свои племенные отечества тех, кто по злому умыслу китайско-калмыцких захватчиков был подвергнут страшному истреблению, по существу – геноциду, и разсланы во все концы Центральной Азии.

Освободить регионы Ала-Тоо, растоптанные врагами, победить, казальсь, непобедимых войск противника.

И объединить в могучую Конфедеративную империю не только всех кыргызских племенных ханств, но и добровольно присоединившееся к манасовскому объединению калмыцкие, мунгульские, уйгурские и другие инородные племена-ханства, которые находят надежную защиту от врагов у Манаса.

К группе злодеев относятся Алооке хан, Коңурбай, Жолой, Нескара, Шорук хан, знающие лишь захват и обогащение за счёт временно покоренных стран, народов.

Скажем откровенно:

а. Идеиная фабула корыстных, эгоистических устремлений преобладает в иных мировых эпических произведениях. *Низменные человеческие страсти по обладанию государственной властью и исключительно материальным богатством* характеризуют облик антигероя **Дурьодханы** и его сообщников в эпосе индоариев «Махабхарата». Именно они являются главными причинами драматической истории подлинных героев во главе с **Йодхиштхирой, Кришны, Арджуны**, для которых добро, справедливость, процветание народа превыше всего на Земле. Антигерои, служащие орудием зла, вовлекают родственные кланы, происходящие от одного древнего предка, в истребительную войну, где бессмысленно погибает на Куру-поле брани огромное количество воинов с двух сторон, исчисляемое несколькими миллионами.

Начальным содержанием эпоса грекоариев «Илиада» выступает *умыкание* красавицы Елены, жены богатыря Менелая, сыном царя Трои Парисом. И это приводит к страшной войне, в результате которой уничтожается прекрасное государство с высокоразвитой цивилизацией. Любовь Париса и Елены становится причиной трагической гибели Трои.

б. В эпических созданиях древних кыргызов-хакасов идейное содержание развёртывается в исключительно положительном направлении.

Борьба за свободу народа и справедливость, за добро и утверждение непреходящих духовных ценностей лежат в основе главных эпосов, прежде всего «Манаса», «Алтын-Арыг», «Эр Төштүка». Для Манаса и его сторонников, для Алтын-Арыг не власть, не материальное богатство, а идеалы народа, пассионарный дух нации являются определяющими ценностями. Поэтому в имени Алтын-Арыг есть слово высочайшего смысла – *Аруу* как сияющее, прекрасное, нравственное качество – *чистота души, помыслов, идеалов*. Поэтому Манас выходит на переднее, лидирующее положение в судьбоносный поворотный исторический момент развития многоплеменного кыргызского народа и заслуживает самых высоких народных званий – **Величайший** из великих героев, **Айкөл – Самый Благородный, Мудрый и Справедливый правитель**.

Поэтому эпопея «*Манас*» признана не только кыргызской национальной, но и общечеловеческой духовной, интеллектуально-художественной непреходящей ценностью.

IV. Эпоха начала эпического творчества кыргызов-хакасов

Мы отмечали в первом тезисе, что эпическое мышление кыргызов-хакасов возникло в древнейшую эпоху – в эпоху мифического восприятия картин мира. К сказанному добавим: возможно, это было и **периодом матриархата**. Такое заключение исходит из того факта, что в ряде эпических произведений кыргызов-хакасов доминирующую роль в обществе занимают женщины, в качестве главных героев. Обратим внимание на эпос «Алтын Арыг». Здесь сокровенным божественным созданием является Алтын Арыг. И она же – неодолимый в борьбе за свободу, независимость народа главный герой. Хотя Алтын-Арыг рождена «сама по себе», тем не менее она – земное, человеческое, смертное существо, существо реальное, облаченное мифическими свойствами. Представлены в эпосе целые противоположные группы ведущих героинь: вот идеалы женских образов – Алтын-Арыг, Пис-Тумзук, Алтын-Тана, Хыс-хан; и их противоположности Пора-Нинчи, сёстры Ичен и Пичен, неизлечимо зараженные злыми помыслами, демоническими устремлениями.

«Алтын Арыг», «Манас» и другие эпические произведения кыргызов-хакасов освещают, можно сказать, **древний золотой век**. Правда, золотой век омрачают войны, затеянные злыми силами. Несмотря на это, та эпоха, предположительно, охватывает давнюю **цивилизацию кыргызского общества, государства**. Сравнительно все сферы жизни кыргызов соответствуют всем признакам того, что называется мировой наукой цивилизацией: **металлургия железа, стали** (кстати, в «Манасе» утверждается, что *одним из центров кыргызской древней металлургии был Абакан*); **революция приручения диких животных**, развитое общество, скотоводство; **превращение коня, великих скакунов в военное орудие героической эпохи; письменность, высокое интеллектуально-эпическое мышление**, охватывающее все три этажа мироздания; в «Ма-

насе» **меритократическая власть Манаса**, который собрал вокруг себя великие умы, выдающихся героев, одержимых заботой о судьбе народа, бесстрашных воинов, один из которых способен противостоять сотням врагов.

Кстати, несмотря на время научно-технической революции, когда, как предполагали многие учёные, должно было прекратиться эпическое творчество, у сегодняшних саха-якутов есть олонхосуты, у кыргызов – прекрасные манасчы, живое, публичное исполнение эпоса, они творят новые эпосы; есть талантливые акыны-импровизаторы, которые продолжают великие традиции великих и гениальных представителей самых древних творцов устного народного творчества.

Что касается нас, учёных, то мы должны объединёнными усилиями все глубже исследовать не только свое, национальное, но образцы эпического творчества других народов, в том числе народов, историческое древо которых имеет одни корни.

Мы в Кыргызстане создали еще один **центр манасоведения** как образовательный, так и научный – **Институт Манасоведения**. На днях выпустили первый номер нового журнала «Манас» **Ааламы**, и приглашаем вас, дорогие друзья, дорогие братья к плодотворному, постоянному творческому сотрудничеству.

Библиографический список

1. Радлов В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. V. СПб, 1885.
2. Валиханов Ч. Собрание сочинений Т. I. Алма-Ата, Гл. ред. Каз. сов. энц. 1985.
3. Жирмунский В. Введение в изучение эпоса «Манас». См. в сборн. Энциклопедический феномен эпоса «Манас». Б.: Гл. ред. Кырг. Энцикл., проект «Мурас», 1995.
4. Манас. Бириктирилген, кыскартылган вариант. Ред. Б. Юнусалиев. Ф.: Кыргызмамбас, 1958.
5. Манас. Сагынбай Орозбаковдун варианты боюнча. Ф.: Кыргызмамбас, 1977.
6. Манас. Саякбай Каралаевдин варианты боюнча. Б.: «Турар», 2010.
7. Манас. Кыргыз элинин тарыхый эпосу. Айтуучу: Жүсүп Мамай. Үрүмчү, Шинжаң эл басмасы, 2004.
8. Алтын- Арыг. Хакасский героический эпос. М.: Наука, 1988. 592 с.
9. Майногашева В . Е. Хакасский героический эпос «Алтын-Арыг». -Вкн.: Алтын- Арыг. Хакасский героический эпос. М.: Наука, 1988. -592с.
10. Мелитинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Изд-е 2-е. М., 2004.
11. Мелитинский Е. М. Поэтика мифа. 4-е изд. М., 1969.
12. Семетей. Манас эпосунун экинчи бөлүгү. 3 китеп. -Ф.: Кыргызмамбас, 1959
13. Семетей Ш. Азизовдун варианты боюнча. Б.: Кут бер», 2013
14. Семетей. Баатырдык эпос. У. Мамбеталиевдин айтуусу боюнча. Б.: «Турар», 2010
15. Ашым Жакыпбек. Теңири Манас. Эпос. Өзөктүү роман. Б.: «Кыргызстан», 1995.
16. Эр-Төштүк. Айтуучу: Саякбай Каралаев. Ф.: Кыргызмамбас, 1958.
17. Төштүк. В кн.: Кыргыз эл жомоктору. Б.: Бийиктик, 2007.

© Тургуналиев Т. Т., 2016

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Т. Г. Боргоякова

ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

Вопросы функционирования хакасского, тувинского, алтайского и шорского языков рассмотрены с учётом ряда экстралингвистических факторов. Предложенная типология языковых ситуаций и данные социолингвистических опросов выявляют тенденции развития билингвальных коммуникативных стратегий носителей тюркских языков Южной Сибири и определяют перспективы развития языковой политики и языкового планирования в XXI веке.

Ключевые слова и фразы: тюркские языки Сибири, языковая политика, языковая ситуация, социолингвистическая типология.

Тюркские языки – алтайский, тувинский, хакасский и шорский – функционируют в социально-коммуникативном пространстве соответствующих национально-государственных и территориально-административных образований Российской Федерации. Даты вхождения народов Саяно-Алтая в состав Российского государства и уровень получаемых автономий оказали существенное влияние на современный статус и функциональную мощность их языков. Поэтому ниже представлен краткий хронологический обзор истории самоопределения тюрков Южной Сибири в составе многонационального государства.

Присоединенные в XVIII веке территории Горного Алтая, Хакасии и Шории были раздроблены и включены в состав разных административных единиц царской России. В 1922 г. была образована Ойротская автономная область, послужившая впоследствии основой для образования Горно-Алтайской ССР в 1991 году. В 1992 году принято современное название – Республика Алтай (РА) [4, 7, 6].

Тува имела протекторат Российского государства за три десятилетия до вхождения в состав Советского государства в 1944 г. Полученный при этом статус автономной области был повышен в 1962 до автономной республики. В начале 1990-х годов она получила статус республики в составе РФ и современное название – Республика Тыва (РТ).

Население и территория Хакасии после присоединения к России в 1707 г. были разделены между тремя разными уездами. Первая автономия в виде Хакасского уезда была создана в 1922 г. с центром в Хакасске. Его преобразование в Хакасский округ произошло в 1925 г. с последующим созданием в 1930 г. Хакасской автономной области. В 1991 г. Хакасия приобрела статус республики, пройдя на этом пути практически все возможные виды автономий [1].

Шорская автономия в виде Горно-Шорского национального района была создана в 1927 году. В нем шорцы составляли около 70 % населения с компактным характером проживания. После упразднения автономии в 1939 году Шория была разделена между тремя административными районами – Таштагольским, Кузедеевским и Мысковским [5, с. 40]. Отсутствие собственной автономии и дисперсный характер проживания преимущественно в городах разных субъектов РФ (Кемеровская область, Республика Хакасия и др.) привели к максимальной степени утраты родного языка по сравнению с другими тюркскими языками Южной Сибири.

Основу социолингвистической типологии тюркских языков республик Южной Сибири (РЮС) составляют типы современных языковых ситуаций (ЯС), сложившихся в трех республиках в пост-советский период. Определяющими параметрами являются следующие: динамика демографической мощности языков и языковой лояльности носителей данных языков, коммуникативная мощность и коммуникативные стратегии билингов, а также языковое законодательство.

Устойчивость ЯС в Республике Тыва (РТ) определяется не только численным доминированием тувинского этноса в структуре населения республики (82 %), но и хорошим уровнем языковой компетенции на родном языке большинства тувинского населения (об этом подробнее ниже). Поэтому можно утверждать, что в данном случае демографическая неравновесность в пользу миноритарного языка служит значимым гарантом его функциональной устойчивости. В Республике Алтай (РА) по численности населения преобладают этнические русские (56,6 %), но тюркский языковой компонент, включающий алтайский этнос (37,6 %) и казахское население (6 %) оказывается существенным и он может оказывать определенное влияние на развитие и укрепление коммуникативной устойчивости алтайского языка в условиях асимметричного билингвизма. Это позволяет определить ЯС в РА как относительно устойчивую. Неустойчивость ЯС в РХ объясняется демографической неравновесностью ее государственных языков с доминированием русского языка в ситуации, когда хакасы составляют 12 % населения республики.

Наряду с демографическими показателями развитие ЯС во многом определяется уровнем языковой лояльности титульных народов, выраженной долей говорящих на родном языке. Для ее анализа обычно привлекаются данные национальных переписей населения, связанные с языковыми вопросами. Так, по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года можно вывести следующие уровни языковой лояльности титульных народов РЮС: высокий у тувинцев (96 %), средний у алтайцев (75,1 %) и низкий у хакасов (57,6 %). Хакаские показатели названы низкими на фоне данных по соседним республикам, с одной стороны, и, конечно, с учетом скорости сокращения доли хакасов, заявляющих о владении ими родным языком. Так, по данным переписи населения в 1989 году

не считали язык своего этноса родным 1 % тувинцев, 10 % алтайцев и 20 % хакасов. Эти показатели являются важными для понимания современных социолингвистических процессов и их корреляции не только с демографической мощностью языков, но и со стартовыми условиями запуска новых принципов языковой политики в РФ и в РЮС. Под стартовыми условиями в данном случае мы понимаем уровень языковой ассимиляции взрослого населения к концу советской эпохи, который отражен, пусть не совсем точно, в материалах последней Всесоюзной переписи населения 1989 года.

Количество коммуникативных сфер и подсфер использования титульных языков (ТЯ) РЮС в целом совпадает при существенной разнице в интенсивности и объемах функционирования языков. Ведущими являются четыре основные сферы: образование, массовая коммуникация, духовная культура и межличностное общение носителей языка. Во всех указанных сферах ТЯ функционируют параллельно или в дополнение к русскому языку. На степень интенсивности их использования существенное влияние оказывают взаимосвязанные факторы длительности непосредственных языковых контактов с доминантным языком, демографической мощности, компактности проживания носителей языков и уровень языковой компетенции. Так, ТЯ РЮС по-разному представлены в системе образования. Тувинский язык всегда выполнял и продолжает выполнять важнейшую функцию языка обучения детей в начальной и основной школе (1-9 классы) в национальных школах, которые преобладают в республике. Хакасский и алтайский языки используются как языки обучения только на уровне начального образования и в преимущественно малокомплектных сельских школах. В большей степени они изучаются как предмет в рамках учебных программ или в виде факультативных или кружковых занятий [3]. В последние 5 лет произошли позитивные изменения в столице РХ по количеству образовательных и воспитательных учреждений, в которых введено изучение хакасского языка в разных формах с привлечением к таким занятиям детей других национальностей. Так, в 2015 г. занятия по хакасскому языку велись в 19 дошкольных учреждениях (в 2011 г. – 11) и в 20 школах (в 2011 г. – 7). Произошло к 2015 году и увеличение охвата детей, изучающих хакасский язык с 390 дошкольников и 515 детей школьного возраста в 2011 г., до 866 (включая 92 % хакасских детей дошкольного возраста) и 2708 (включая 48 % школьников – хакасов) соответственно (См. статью Озеровой Г. В. в данном сборнике).

Результативность политики в области издательской деятельности на ТЯ РЮС также коррелирует с СТ. Как видно из материалов Российских статистических ежегодников (2000, 2012), по количеству продукции, изданной на ТЯ РЮС за период с 2000 года, на первом месте – РТ, где издано 54 художественные книги на тувинском языке. Для сравнения в РА

издано 50 книг на алтайском языке и в РХ – 25 книг на хакасском языке. Что касается журнальных изданий, то их издано по восемь на алтайском и тувинском языках и 3 – на хакасском. В 2010 году издавалось 9 газет на тувинском, 4 на алтайском и 3 на хакасском языках.

Особенности развития билингвальных коммуникативных стратегий, рассмотренных на примере носителей тувинского и хакасского языков с опорой на результаты социолингвистических исследований 2013 года, выявляют их соответствие предложенной СТ. Для абсолютного большинства тувинских респондентов общение с родителями и более старшим поколением проходит преимущественно на родном языке. Использование двух государственных языков активизируется в общении с друзьями (45 %) и коллегами (42 %). Особенно полно двуязычная коммуникация реализуется в официально-деловой сфере, в частности, при обращении в государственные учреждения (79 %). Языковые предпочтения хакасских респондентов определяются стремлением сохранить этнокультурную идентичность, используя родной язык в семейной сфере (64 %). В более широком социально-экономическом пространстве, включая друзей и соседей, коммуникативные стратегии меняются: одновременное использование русского и хакасского языков в зависимости от ситуации общения (45 %), только русский язык (30 %) и только хакасский язык – 31,5 %. Анализ опросов шорских респондентов, проживающих в п. Бискамба Аскизского района РХ и в г. Абакане, показывает практически 100 % степень признания этнического языка родным при самом низком уровне его сохранности. Он продолжает ограниченно использоваться на местном уровне в ситуации трехязычия, когда используются русский, хакасский и шорский языки. На материале шорского языка убедительное подтверждение получила прямая корреляция уровня сохранности миноритарного языка с наличием и типом автономии и официальным статусом языка.

Изучение региональной языковой политики, как еще одного аспекта сравнительного измерения ЯС, позволяет выявить общность рекомендательного или «мягкого» типа языкового законодательства РЮС, который не предполагает обязательности изучения государственных титульных языков, двуязычного оформления топонимов и т. д. В то же время степень правовой поддержки коммуникативной мощности соответствующих миноритарных языков дифференцирована в соответствии с типом СТ [2]. Рассмотрим этот вывод на конкретных примерах. Закон «О языках в Республике Тыва» наделяет статусом государственных языков Республики Тыва тувинский и русский языки (Ст. 2). К ведению органов государственной власти РТ относится «обеспечение равноправного функционирования тувинского и русского языков как государственных» [Ст. 5]. В целом в законе предусматривается использование двух государственных языков в 12 случаях из 15 упоминаемых в тексте закона. В нем регулируется деятельность Терминологической комиссии при Правительстве РТ,

создаваемой «для перевода с русского языка, а также разработки и толкования правовых и иных специальных терминов на тувинском языке», которые после утверждения Правительством подлежат официальному опубликованию и обязательны к применению [Ст. 10]. При выборе языка обучения и воспитания в образовательных учреждениях создаются равные условия для изучения государственных языков РТ в соответствии с федеральными и республиканскими государственными образовательными стандартами [Ст. 7] (Выделено нами – ТБ).

Закон «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай» [9] был принят в 1993 г. и подвергался изменениям в 2002, 2003, 2011, 2012 и 2013 гг. В законе устанавливаются два государственных языка: алтайский и русский, а также предусматривается использование казахского языка в «официальных сферах общения в местах компактного проживания его носителей» [Ст. 4]. В законе предусматривается использование обоих государственных языков в 11 регулируемых законом случаях. В нем также предусматривается деятельность Терминологической комиссии, но ее функции сведены к разработке только правовых терминов алтайского языка, которые после утверждения Правительством РА становятся обязательными в официальной сфере общения [Ст. 11].

Возможность изучения алтайского языка носит разрешительный характер: преподавание и изучение алтайского языка может вводиться в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами (Выделено нами – Т. Б.).

Закон «О языках народов РХ» был принят в октябре 1992 года. В 2002 и в 2004 гг. в него были внесены изменения, которые ограничили сферы функционирования хакасского языка и по некоторым параметрам вошли в противоречие с федеральным законодательством. В 2008 году был принят закон «О внесении изменений в Закон о языках народов Республики Хакасия», устранивший наиболее заметные ограничения. В окончательном виде Закон РХ «О языках народов Республики Хакасия» устанавливает статус государственных для русского и хакасского языков [Ст. 3]. Ведению РХ в лице ее высших органов власти подлежит «обеспечение равноправного функционирования русского и хакасского языков как государственных языков РХ» [Ст. 6]. Далее в законе преобладают нормы по использованию преимущественно русского языка как государственного языка РФ. Параллельное использование хакасского языка предусматривается только в четырех социальных сферах, в которых использование двух государственных языков предусматривается российским языковым законодательством. Регламентация использования хакасского языка в системе образования республики носит разрешительный характер. Так, статья 9 гласит: «При выборе русского языка в качестве языка воспитания и обучения в общеобразовательных учреждениях создаются условия

для изучения хакасского языка как учебного предмета». До изменений, внесенных в закон в 2008 г., в нем содержалось указание на то, что «при выборе русского языка обучения и воспитания в общеобразовательных школах создаются условия для изучения хакасского языка, как предмета для детей коренной национальности». В 2008 году указанное ограничение на изучение хакасского языка лишь детьми коренной национальности было снято. В отличие от соответствующих законов РА и РТ, в законе РХ отсутствует упоминание о Терминологической комиссии и порядке введения терминов в жизнь. В настоящее время Терминологическая комиссия функционирует при Министерстве образования и науки Республики Хакасия на базе сектора хакасского языка ХакНИИЯЛИ в статусе консультативно-совещательного органа. К ее основным задачам относится «сохранение и развитие хакасского литературного языка» и «подготовка предложений в органы государственной власти Республики Хакасия по реализации государственной языковой политики и по вопросам функционирования хакасского языка» [8]. Очевидно, что столь широкие и общие формулировки не соотносятся с названием и предназначением Терминологической комиссии.

Таким образом, создание автономий тюркских народов Южной Сибири оказалось одним из определяющим факторов уровня сохранности их языков в начале XXI века. Особенности языковой ситуации и развития билингвизма в РЮС зависят от региональной языковой политики и языкового планирования при одинаковом статусе трех государственных языков. Существенным является уровень языковой ассимиляции народа к началу действия новой языковой политики в постсоветское время. Максимальная степень «мягкости», отличающая характер языкового законодательства в РХ, способствует сохранению межэтнического согласия, с одной стороны, но и содержит резервы для укрепления коммуникативных возможностей титульного языка, в том числе и через дальнейшее продвижение ценностей регионального билингвизма для всех жителей республики, усиление статуса и результативности работы Терминологической комиссии. Использование этих резервов, несомненно, следует отнести к числу ориентиров и задач дальнейшего развития языковой политики и языкового планирования в РХ.

Библиографический список

1. Боргоякова Т. Г. Правовой и функциональный статус языков Республики Хакасия // Вестник Иркутского лингвистического университета. № 4 (16). 2011. С. 152–158.
2. Боргоякова Т. Г. Развитие билингвизма в республиках Тыва и Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (25). 2013. Часть 1. Тамбов: Изд-во «Грамота». С. 36–39.
3. Гусейнова А. В. Хакасский язык в системе образования: состояние и перспективы // Вестник ВЭГУ. № 1. Уфа: Изд-во Восточной экономико-гуманитарной академии. 2014. С. 178–183.

4. Каташев М. С. Социально-экологические последствия хозяйственного освоения Горного Алтая // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 2001. Вып. 4. С. 137–142.
5. Кимеев В. М. Проблемы этнической идентификации шорского этноса // Этноссы развивающейся России: Проблемы и перспективы: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 14–15 декабря 2012 г.) / под ред. В. Г. Морогина. Абакан: Изд-во ХГУ, 2012. С. 39–40.
6. Справка об изменении административно-территориального деления Республики Алтай // Архивы России. URL: <http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=12&sid=165495> (дата обращения: 20. 07. 2014).
7. Тюхтенев С. С. Доклад «Губернские права Ойротской автономной области» на научно-практической конференции «От кочевой государственности к автономии и республике». URL: <http://elkurultay.ru/index.php?Itemid=2&catid>.
8. Официальный сайт ХакНИИЯЛИ. URL: <http://www.haknii.ru/> (дата обращения: 12.04.2016).

© Боргоякова Т. Г., 2016

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

CREATING CURRICULUM WITH INTEGRITY: THE USE OF LANGUAGE IMMERSION PROGRAMS TO SUPPORT FOREIGN AND INDIGENOUS LANGUAGES IN THE US

Katherine E. Atkinson

Khakass State University, Abakan

The United States is a country made up of immigrants but given the multitude of foreign and minority languages spoken on US territory, the country lags behind its global counterparts when it comes to non-English language education and preservation programs. This paper looks at the history of language planning and policy in the US starting with the creation of Native American boarding schools in 1892, considers current challenges regarding language education, and suggests how language immersion programs can address language loss and the disparities that exist between native and non-native speakers of English.

Keywords: Language immersion, Native Americans, indigenous languages, minority language.

Introduction

There are 377 languages spoken in the United States, 176 of which are indigenous Native American languages [4]. While many Americans embrace the ideal of «melting pot» multiculturalism, in which communities of individuals from all national backgrounds coexist harmoniously, others have met the rising immigrant population with resistance in the form of nationalist sentiment and demand for English-only policy. Non-English-speaking immigrants to the United States tend to lose their heritage language within just two to three generations of immigration, and indigenous peoples are still working to assert their language rights in a land that has historically suppressed their cultural identity [7; 3].

Rhetoric used in the 2016 presidential primaries is revealing of the complicated and controversial nature of this issue. Leading Republican candidate Donald Trump sparked controversy with his numerous derogatory comments about Spanish-speakers in the United States, as well as the statement that, «While we're in this nation, we should be speaking English.» Meanwhile, leading Democratic candidate Hillary Clinton promises immigration reform that will make citizenship and naturalization more attainable to immigrants in the US, but does not include the teaching or preservation of languages other than English as part of her plan.

In mainstream politics in the US, the question of language-use often falls into one of two categories: complete assimilation into English-speaking society, or complete exclusion from it. Funding and supporting bilingual and immersion language programs is one way to invest in the wealth of language knowledge that already exists in the US and foster an appreciation for language diversity, while working to preserve languages that are in danger of extinction. While the Obama Administration has made strides to support the sovereignty of indigenous people, there is a need for more attention and resources to be directed to preserving indigenous languages in the US.

History of Non-English Language Policy

The United States' history of imposing English-only policy on minorities and forcing assimilation of Native peoples has had a destructive and enduring effect on indigenous children and families (5). Starting in 1892 and continuing well in the twentieth century, Native American boarding schools were established as a way to force indigenous youth to assimilate into English-speaking culture. The motivation to separate Native American children from their parents and send them away to school came from a fear on the part of the US government of hostility from tribes whose lands had been compromised [1]. The result was a devastating loss of language and culture for the generations that went through the schools.

In the early 20th century, nationalism and anti-German sentiment post-WWI led to bilingualism being cast in a negative light and the cultivation of a monolingual identity [7; 1]. The main aim of teaching foreign language in schools was to improve national defense as opposed to preserve cultural heritage. A prime example of this is the promotion of Russian, Chinese, and other languages considered «critical» in the wake of the Soviet Union's launch of *Sputnik* [7; 2]. The adoption of the Bilingual Education Act in 1968 was significant in that it was the first piece of legislation specifically for Limited English Speaking Ability (LESA) students [7; 3].

Since the approval of the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous People (UNDRIP) in 2007, more countries are adopting policies and funding educational programs that frame indigenous language preservation as an issue of human rights [10]. The United Nations reports that fewer and fewer ingenious children are learning their native languages from elders, which in part accounts for the fact that 600 languages have disappeared in the last century (UNESCO). The mission put forth by the United Nations to establish «a universal framework of minimum standards for the survival, dignity and well-being of the indigenous peoples of the world...» has set a precedent for all countries to do better by their indigenous populations and to make language rights a priority.

Current Challenges

The US was one of four states to vote against UNDRIP but at the urging of Native Americans throughout the country, President Obama reversed the US

position in favor of the declaration in 2010. Obama has worked to recognize Native American nations within the US with the creation of Generation Indigenous (Gen-I) in 2015, reauthorization of the Indian Health Care Improvement Act, and enactment of the Tribal Law and Order Act, both in 2010. The Native American Languages Act, adopted in 1990 and considered a cornerstone bill for language rights in the US, states that indigenous peoples are entitled to the use of their own languages [4]. However, given that the US has no official language policy and teaching of languages other than English in schools lags behind other nations, there is still progress to be made.

In addition to being home to many indigenous languages, the US is home to a growing Spanish-speaking population (12 %) [6]. The teaching of foreign language and minority languages in schools is not considered a high priority due to limited resources and the fact that these subjects are not included in standardized testing [7; 3]. Between 1997 and 2008 the learning of French, German, Japanese, and Russian decreased at both the elementary and secondary level, and only 18 % of Americans speak a second language, as compared to 53 % of their European counterparts [7; 3, 6].

The Role of Language Immersion Programs

Language Immersion programs teach curriculum entirely in a second language with the goal of helping children to achieve fluency. They can be utilized both as a way to ensure the survival of indigenous languages, and as a way to encourage the learning of foreign languages, all while supporting the view that language pluralism is an asset. These programs can be used as tools to address disparities between native and non-native speakers of English. A striking example of such disparities can be seen among Native American youth, who have twice the dropout rate of their White peers, the highest death rate of 15–19 year olds, the highest rate of special education students, and the highest absenteeism [5]. For Native American students, immersion programs can be as much about keeping kids in school and creating a sense of cultural pride as they are about teaching language.

There are many success stories of how immersion programs have been used to improve their schools and communities. An early example is *The Punana Leo*, or Hawaiian Language Nest Program, which started in 1983. An important aspect of the program is that it teaches not just language, but values, and is structured around «cultural pathways for Hawaiian success» [3]. Students are immersed in Hawaiian from kindergarten through 5th grade, after which English is introduced as the second language [3]. Since the program began the number of Hawaiian speakers has increased from hundreds to thousands, and Hawai'i hosts an annual *Stabilizing Indigenous Languages Symposium*, which attracts educators from around the world.

In Montana, a state bill signed into law in 2015 provides funding for immersion programs in public schools in which at least half of the school day is taught by a native language instructor [8]. The graduation rate for Native

American youth in Montana is almost 20 percent below that of White students and these immersion programs are intended to teach indigenous language while building student confidence and allowing students to make connections between their education and cultural heritage. It is important to note that these are just two examples of indigenous language programming in the US. For a more detailed examination of the topic that covers a variety of theoretical frameworks and practical efforts being made, McCarty's *Language Planning and Policy in Native America* is an excellent resource [9].

Conclusions

While Hawaii and Montana are both examples of states making strides towards decreasing disparities between native and non-native English speakers, they are the only two states that provide federal funding for native language immersion in public schools. The United States needs to reframe their view that foreign languages should be learned as a tool of defense, and recognize that the deficit of minority and foreign language education leads to deeper divisions in a country that is already politically and ethnically divided.

The roots of modern-day Native Americans can be traced back over 24,000 years to the people who were present in central Siberia before the last Ice Age [11]. Today, Khakas peoples make up 11–12 % of the population of their ethnic homeland – Republic of Khakassia, and they face similar challenges in preserving their language as many Native American nations in the US. In spite of its official status Khakas language is listed in the Red Book and efforts are being made to ensure that future generations of Khakas youth have opportunities to learn their mother tongue [2]. While there are a few elementary schools in Khakassia where Khakass is used as a language of instruction, success stories of US immersion programs implementation could be of interest in Khakassia too.

The issue of language preservation is salient in all countries with indigenous populations, and we can learn from the strategies that have proven to be successful in our neighboring countries and states. While they do require an investment of both time and funding to implement, language immersion programs are also an investment in the integrity and equity of the educational system as a whole, and this is an investment that is well worth making.

References

1. Bear C. (2008). American Indian Boarding Schools Haunt Many, Morning Edition. National Public Radio.
2. Borgoikova T. (2015). Language policies and language loyalties after twenty years in post-Soviet Russia: The case of Khakassia, in: Christel Stolz (ed.), *Language Empires in Comparative Perspective*. Berlin/München/Boston: Walter de Gruyter.
3. Indigenous educators learn from Hawaiian language renewal (2014). University of Hawai'i News System. URL: <http://www.hawaii.edu/news/2014/01/21/indigenous-educators-learn-from-hawaiian-language-renewal/>
4. Preserving Native American Languages (2016). The Leadership Conference on Civil and Human Rights. URL: <http://www.civilrights.org/indigenous/language/>
5. Reyhner J. (2011). Indigenous Language Immersion Schools for Strong Indigenous Identities. Northern Arizona University. URL: <http://www2.nau.edu/jar/Heritage.pdf>

6. Skorton, D. and G. Altschuler (2012). America's Foreign Language Deficit, Forbes Magazine. URL: <http://www.forbes.com/sites/collegeprose/2012/08/27/americas-foreign-language-deficit/#5a9bc4a8382f>.
7. Spolsky B. (2011). Does the United States Need a Language Policy? Center for Applied Linguistics, Bar-Ilan University, Israel.
8. Martin A. (2015). Montana Offers a Boost to Native Language Immersion Programs, All Things Considered. National Public Radio.
9. McCarty T. L. (2012). Language Planning and Policy in Native America: History, Theory, Praxis. Multilingual Matters. 269p.
10. United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples (2008). United Nations. URL: http://www.un.org/esa/socdev/unpfii/documents/DRIPS_en.pdf
11. Willerslev E. and M. Raghavan (2013). Ancient Siberian genome reveals genetic origins of Native Americans. Natural History Museum of Denmark: Center for GeoGenetics. URL: <http://geogenetics.ku.dk/latest-news/malta/>

© Katherine E. Atkinson, 2016

ПОТЕНЦИАЛ ЭЛЕКТРОННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО РЕСУРСА «ТЫВАНЫЦ ЧОГААЛЧЫЛАРЫ (ПИСАТЕЛИ ТУВЫ)»

М. В. Бавуу-Сюрюн
ТувГУ, г. Кызыл

В статье излагается опыт разработки электронного образовательного ресурса «Тываныц чогаалчылары (Писатели Тувы)» в процессе реализации мегапроекта «Электронные образовательные ресурсы по предметам этнокультурной составляющей», который осуществляется совместными усилиями образовательных учреждений Республики Тыва. Раскрываются возможности использования базы данных разрабатываемого сайта при создании других научных, научно-методических, образовательных ресурсов на тувинском языке.

Ключевые слова: писатели Тувы, тувинская литература, электронный ресурс.

Обеспечение учебного процесса образовательных учреждений Республики Тыва с родным (тувинским) языком обучения электронными образовательными ресурсами предметов «тувинский язык» и «тувинская литература» в соответствии с требованиями ФГОС – насущная задача сегодняшнего дня.

Ни одно научное и учебное заведение Тувы пока еще не имеет опыта разработки подобных систем, а в условиях сужения сферы функционирования младописьменного тувинского языка и снижения уровня владения им носителями языка такая работа приобретает особое значение. Создание электронного информационно-образовательного ресурса на тувинском языке необходимо в целях сохранения языка, истории и культуры тувинского народа, а эта же информация, переведенная на русский язык или же наоборот, будет, безусловно, способствовать развитию тувинско-русского билингвизма.

Если на российском уровне по предметам федеральной компетенции работы по оснащению учебного процесса необходимым учебно-методическим, материально-техническим оснащением ведутся на достаточно высоком уровне многими научными, издательско-полиграфическими комплексами [3], то в условиях нашей республики оснащение уроков тувинского языка, тувинской литературы, истории Тувы, географии Тувы, предметов школьного компонента с региональной и этнокультурной составляющей находится ещё в самом зачаточном состоянии. Имеется детский литературный сайт «Челээш» [<http://tuvacheleesh.ru/>] на русском языке. Пока единственным серьёзным электронным ресурсом можно считать энциклопедию тувинских музыкальных инструментов, которая создана как отдельный диск на русском языке. Пока, к сожалению, нет его тувиноязычного варианта. В музыкальном пространстве преуспели наши музыкальные студии «Анай-Хаак», «Агым» и другие, принадлежащие частным лицам, продукция которых чаще всего далека от учебных и просветительских целей.

Для решения данной насущной задачи ряд образовательных учреждений во главе с Институтом развития национального образования Министерства образования и науки Республики Тыва разработали проект «Электронные образовательные ресурсы по предметам этнокультурной составляющей». В ходе работы отдельно выделился проект создания сайта «Тываның чогаалчылары (Писатели Тувы)» [<http://Pisatelituvu.ru/>]. Он создан как научно-методический и просветительский контент на тувинском языке, хотя в базе данных имеются тексты на других языках в виде переводных произведений, научных работ о творчестве конкретного писателя. Над пополнением базы данных портала работает целая сеть образовательных учреждений республики, возглавляет работу Тувинский госуниверситет в лице его научно-образовательного центра «Тюркология».

НОЦ «Тюркология» ТувГУ осуществляет организационные и координационные работы: сбор, приемку и систематизацию материалов, проверяет паспортизацию текстов, распределяет фронт работ между исполнителями мегапроекта; взаимодействует с группой проекта «Электронный корпус тувинского языка»; обеспечивает научное руководство республиканскими инновационными проектами (РИП); совместно с Институтом развития национальной школы (ИРНШ) обеспечивает научно-методическое сопровождение сетевого инновационного мегапроекта; проводит обучающие семинары; собирает материалы для пополнения базы данных личных страниц писателей.

Институт развития национальной школы, являясь соучредителем мегапроекта, решает организационные вопросы по деятельности сети республиканских инновационных площадок; обеспечивает координацию

деятельности участников мегапроекта, регулирует нормативно-правовые взаимоотношения между участниками проекта; обеспечивает научно-методическое сопровождение сетевого инновационного мегапроекта; проводит экспертизы инновационных проектов школ при наборе новых участников проекта или при завершении проекта, а также между этапами работы РИП; проводит совместно с НОЦ «Тюркология» обучающие семинары; организует отчетные мероприятия, конференции по итогам работы РИП.

Непосредственное участие в мегапроекте принимает Студенческое бюро НОЦ «Тюркология». Так, студенты филологического факультета, обучающиеся по специальности «Родной язык и литература», набирают тексты в формате word, что дает возможность для дальнейшего поиска лексем, морфем, отрывков текстов по заданным параметрам; проверяют поступившие работы от РИП, работающих в данном сетевом проекте, составляют паспорта электронных документов. Студенты физико-математического факультета, обучающиеся по специальности «Информатика», под руководством доцента кафедры информатики, к. ф. -м. н. Дадаа С. М. создают программы для ЭВМ по заданию НОЦ; совместно с Отделом информационных технологий обеспечивают создание и поддержку информационных ресурсов. Студенты специальности «Родной язык и литература», «Информатика» по их желанию и по согласованию с научными руководителями принимают участие в создании вышеуказанных контентов и сайтов писателей-земляков в форме курсовых и дипломных работ, осуществляя сотрудничество с РИП.

Музей «Писатели Тувы» (директор музея Кужугет М. А.) осуществляет подбор материалов из фондов музея для размещения на личных страницах писателей Тувы, обеспечивает координацию деятельности мегапроекта с писательскими организациями республики. *Отдел интеллектуальной собственности и трансфера технологий*, отдел информатизации обеспечивают создание и поддержку информационных ресурсов

Преподаватели кафедр университета руководят курсовыми и дипломными проектами, а также исследовательскими проектами студентов в соответствии с целями и задачами мегапроекта по желанию студентов.

Республиканские инновационные площадки собирают краеведческий материал по историко-культурным памятникам, памятникам природы; составляют словарные статьи и презентационные материалы по ним; собирают материалы для сайтов писателей-земляков, переводят на цифровые носители вышедшие из печати произведения писателей-земляков, создают собственные сайты в соответствии с полученными заданиями. Количество и состав РИП меняются в зависимости от выполнения поставленных перед ними задач и от сроков реализации проектов, возможностей самих образовательных учреждений. В настоящее время собраны

материалы для личных страниц писателей Барун-Хемчикского, Чаа-Хольского районов, активно работают над созданием личных страниц писателей-земляков школы Тес-Хемского района, материалы писателей Улуг-Хемского, Тоджинского, Монгун-Тайгинского районов собирают студенты-земляки писателей, которые учатся на специальности «Родной язык и литература». Всего на сайте должны разместить материалы свыше 100 писателей – членов Союза писателей Тувы. На сегодняшний день составлены личные страницы 47 писателей. Конкретные составители личных страниц писателей указаны на главном меню.

Работа организована по принципу сетевого взаимодействия учреждений общего, высшего профессионального и дополнительного образования с привлечением ученых республики.

Теперь рассмотрим, что собой представляет сам портал. Поиск текста на сайте можно будет вести по следующим параметрам: по названию произведения, по автору, году издания, жанрам, теме, идее, ключевым словам.

Поиск страницы отдельного писателя можно вести по его имени или по районам на карте Тувы. Личная страница конкретного писателя содержит следующие опции:

- а) краткая биография писателя;
- б) краткая характеристика его творческой деятельности;
- в) список книг, произведений;
- г) литературно-критические статьи о нём;
- д) переводы (переводы произведений писателя на другие языки; переводы, осуществленные писателем, на тувинский язык);
- е) публицистика;
- ё) песни на стихи писателя;
- ж) галерея: фото-, аудио-, видеоматериалы, презентации.

Поскольку личная страница каждого писателя отражает всю его многогранную деятельность, в ней представлены не только художественные произведения, но и вся публицистика (при её наличии); а также дается библиографический список научных работ о нем, представлен список курсовых и дипломных работ, написанных на материале произведений конкретного писателя. В отдельном меню можно ознакомиться с переводами писателя с других языков на тувинский, чаще всего переводы с русского на тувинский, и переводы произведений писателя на другие языки. Безусловно, эти тексты будут также входить в подкорпус параллельных текстов. Научные работы о творчестве писателя будут составлять часть электронной научной библиотеки по тувинской филологии. Таким образом, материалы сайта будут использованы как базы данных для подкорпусов художественных, публицистических, научных, параллельных текстов Электронного корпуса тувинского языка; электронной библиотеки художественной лите-

ратуры на тувинском языке, электронной научной библиотеки по тувинской филологии. Для учителя портал даёт возможность найти дополнительный материал для урока, организовать научно-исследовательскую деятельность учащихся на материале тувинской литературы. А для авторов школьных учебников он служит базой как для создания электронных учебников, так и для сбора дидактического материала. Различные программы позволяют экономить время поиска нужного материала. В настоящее время ведётся работа по разработке семантической разметки текстов.

Потенциал сайта не исчерпывается этим, он составляет основу для базы данных к другим вновь создаваемым электронным образовательным ресурсам. Это в первую очередь «Электронная библиотека детской литературы на тувинском языке». Сюда войдут все произведения тувиноязычных писателей для детей, а также переводы на тувинский язык произведений русских и мировых классиков детской литературы, поскольку одной из задач создания данного сайта составители видят сохранение всего наследия, созданного со времени возникновения тувинской художественной литературы и переводов на тувинский язык для детей. Главной проблемой создания данного сайта является поиск переводов. Переводчиками были не только профессиональные переводчики и писатели, но и работники редакций, журналисты, ученые, поэтому не все тексты войдут в базы данных сайта «Писатели Тувы» и наоборот, базы данных сайта будут неполными. Многие тексты, переведенные в 50-60-х годах прошлого века, утрачены и отсутствуют в библиотеках, поиски нужно делать в личных библиотеках и архивах. Для удобства пользователей в нем можно будет вести поиск произведений по темам, жанрам, писателям, переводчикам, годам, авторам, названиям произведений, а также по целевым группам: для детей дошкольного возраста, младших школьников, юношей; переводной или оригинальный текст; если текст переводной, то его название на языке оригинала, его автор.

На базе этого же портала будет создан отдельный сайт «Классические произведения тувинской литературы», который послужит надёжным источником фактического материала для составления словарей, грамматик, учебников, справочных пособий. Это будут полнотекстовые электронные варианты произведений тувинской литературы с соответствующим литературоведческим комментарием. В настоящее время формируется список произведений, которые будут составлять базу данных, они составляются по жанрам и по целевой аудитории.

Следующий планируемый сайт – «Электронная школьная библиотека на тувинском языке» – будет включать в себя тексты произведений, рекомендованные по программе в качестве обязательного и дополнительного чтения. Естественно, сюда войдут не только произведения тувинских писателей, но и переводы на тувинский язык произведений русских

писателей, писателей представителей литератур народов России, зарубежных писателей.

Таким образом, электронный образовательный ресурс «Тываның чогаалчылары (Писатели Тувы)» является базой данных целого ряда близких, но разных по целевому назначению и содержанию сайтов на тувинском языке. Он также будет электронным архивом тувинской художественной литературы.

Библиографический список

1. Куканова В. В., Салаев Б. К., Трофимова С. М. Структура электронного учебника калмыцкого языка: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. 2013, № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_20/6730-uchebnik-kalm-yaz.html (дата обращения: 16.03.2016.).
2. Салчак А. Я. Электронный корпус текстов тувинского языка // Новые исследования Тувы. 2012, № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_15/5231-salchak.html (дата обращения: 16.03.2016.).
3. Федеральные образовательные ресурсы для общего образования. URL: http://www.edu.ru/db/portal/sites/res_page.htm (дата обращения: 16.03.2016.).
4. Электронные учебники: рекомендации по разработке, внедрению и использованию интерактивных мультимедийных электронных учебников нового поколения для общего образования на базе современных мобильных электронных устройств. М.: Федеральный институт развития образования, 2012. 84 с.

© Бавуу-Сюрюн М. В., 2016

О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ ПО СОХРАНЕНИЮ И РАЗВИТИЮ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

О. В. Доможакова

Министерство образования и науки РХ, г. Абакан

В статье представлены основные нормативные правовые акты, итоги принятия дополнительных мер по сохранению, функционированию, развитию хакасского языка в образовательных организациях Республики Хакасия.

Ключевые слова: система образования Республики Хакасия, образовательные организации, хакасский язык.

В системе образования Республики Хакасия принимаются меры по сохранению, функционированию и развитию хакасского языка.

Система образования республики обладает достаточной нормативной правовой базой, соответствующими условиями для обучения хакасскому языку и литературе.

Изучение родных языков является составляющей федеральных государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего, среднего общего образования. Федеральные государственные образовательные стандарты являются основой объективной оценки соответствия образовательной деятельности и подготовки обу-

чающихся образовательных организаций установленным требованиям [1, ст. 11]

Приняты нормативные правовые акты, обеспечивающие функционирование и развитие хакасского языка в образовательных организациях Республики Хакасия. Основными нормативными правовыми актами являются:

- Закон Республики Хакасия от 05.07.2013 № 60-ЗРХ «Об образовании в Республике Хакасия» (с изменениями);
- постановление Правительства Республики Хакасия от 23.11.2010 № 596 «Об утверждении государственной программы Республики Хакасия «Развитие образования в Республике Хакасия (2011–2015 годы)» (с изменениями);
- постановление Правительства Республики Хакасия от 24.12.2012 № 893 «Об утверждении положения об условиях и порядке назначения ежемесячной доплаты к стипендии студентам образовательных организаций высшего образования, обучающимся по направлению подготовки бакалавриата «Педагогическое образование» (профиль подготовки, связанный с изучением хакасского языка и литературы) на условиях договора о целевом обучении для работы в сфере образования в Республике Хакасия»;
- постановление Президиума Правительства Республики Хакасия от 16.09.2013 № 95-п «Об утверждении Концепции развития поликультурного образования в Республике Хакасия»;
- постановление Правительства Республики Хакасия от 25.09.2013 № 521 «Об утверждении положения о порядке и формах государственной итоговой аттестации для обучающихся по образовательным программам основного общего и среднего общего образования, изучавших родной язык из числа языков народов Российской Федерации и литературу народов России на родном языке из числа языков народов Российской Федерации и выбравших экзамен по родному языку из числа языков народов Российской Федерации и литературе народов России на родном языке из числа языков народов Российской Федерации для прохождения государственной итоговой аттестации»;
- постановление Правительства Республики Хакасия от 13.11.2013 № 622 «Об утверждении государственной программы Республики Хакасия «Региональная политика Республики Хакасия (2014–2016 годы)» (с изменениями);
- постановление Правительства Республики Хакасия от 27.10.2015 № 556 «Об утверждении государственной программы Республики Хакасия «Развитие образования в Республике Хакасия (2016–2020 годы)» (с изменениями);
- приказы Министерства образования и науки Республики Хакасия от 14. 10. 2011 №100-1368 «Об утверждении Положения о формах и по-

рядке проведения государственной (итоговой) аттестации по родному языку и родной литературе», от 17.01.2013 № 100-28 «Об организации государственной (итоговой) аттестации по родному языку и родной литературе обучающихся, освоивших общеобразовательные программы основного общего образования и среднего (полного) общего образования в Республике Хакасия», от 15.09.2014 № 100-976 «О методических рекомендациях по составлению рабочих программ по учебным предметам «Хакасский язык», «Литературное чтение», «Хакасская литература», «Хакасский язык и литература» и другие.

Построены новые национальные школы: МБОУ Казановская основная общеобразовательная школа на 70 мест в с. Казановка Аскизского района, МБОУ Матурская средняя общеобразовательная школа на 240 мест в Таштыпском районе, начальные школы на 20 мест с квартирой для учителя в с. Политово Аскизского района и с. Верхние Сиры Таштыпского района. Продолжается строительство 4 новых школ: МБОУ «Усть-Есинская СОШИ» на 240 мест, МБОУ «Катановская СОШ» на 150 мест, в МБОУ «Июсская СОШ» на 300 мест, начальная школа-учительский дом в с. Койбалы Бейского района на 20 мест.

Модернизирована материально-техническая база национальных школ республики. Реализованы проекты «Школьный автобус», «Благоустройство школьных дворов», «Школьная парта», «Школьное окно», «Школьный спорт», «Школьное питание», «Информатизация системы образования». Осуществлен капитальный ремонт МБОУ «Куйбышевская общеобразовательная школа-интернат среднего (полного) общего образования», МБОУ «Новомарьясовская средняя общеобразовательная школа-интернат», МБОУ Базинская средняя общеобразовательная школа на сумму около 9 млн. рублей. Осуществлен капитальный ремонт здания Иллимовской начальной общеобразовательной школы, выполнен ремонт кровель Тюрт-Тасской начальной общеобразовательной школы Аскизского района на сумму около 1,1 млн. рублей. В 2014 году на капитальный ремонт спортивного зала и строительство спортивной площадки МБОУ Калининская СОШ, МБОУ Усть-Чульская СОШ им. М. Е. Кильчичакова израсходовано более 2 млн. рублей. Отремонтированы школьные здания, оснащены современным технологическим, спортивным оборудованием, построены пришкольные детские спортивные площадки национальных начальных школ в малых селах республики: аал Аев, аал Казановка, аал Лырсы на сумму 2,4 млн. руб.

Значительно улучшена материально-техническая база ГБОУ РХ «Хакасская национальная гимназия-интернат им. Н. Ф. Катанова», которая вошла в топ-500 лучших школ России, а также МБОУШИ «Аскизский лицей-интернат имени М. И. Чебодаева», который вошел в 200 лучших сельских школ России. Эти школы являются центрами этнокультурного образования в республике.

Сформирован высокопрофессиональный кадровый состав для обучения детей хакасскому языку. Все школы, в которых организовано изучение хакасского языка, на 100 процентов укомплектованы высококвалифицированными педагогическими кадрами. Всего учителей хакасского языка на уровне основного общего образования – 68 человек. Имеют высшую квалификационную категорию 32 учителя, государственные награды – 27 чел., в том числе почетное звание «Заслуженный учитель Республики Хакасия» – 2 чел. На уровне начального общего образования осуществляют педагогическую деятельность 203 учителя начальных классов с дополнительной специальностью «Хакасский язык». Победителями приоритетного национального проекта «Образование» в Республике Хакасия стали 4 учителя хакасского языка.

Соавторами учебников «Хакасский язык» и «Хакасская литература» для 5–9 классов являются 5 учителей (Карачакова Е. Г., Тюмерекова Т. Т., Идимешева И. В., Тиникова В. С., Топоев Р. П.).

Учителя хакасского языка получили признание в Сибирском федеральном округе Российской Федерации.

Кызласова М. М., учитель хакасского языка МБОУ Кызласовской СОШ им. Р. А. Кызласова, – делегат съезда учителей Сибири, кавалер золотого знака «Достояние Сибири».

Во Всероссийском мастер-классе учителей родных, включая русский, языков 5 учителей стали победителями в различных номинациях. В 2014 году Сагалакова К. Е., учитель МБОУ «Аскизский лицей-интернат им. М. Е. Чебодаева», удостоена наивысшей награды всероссийского конкурса (гран-при).

Общественное признание Республиканского Совета старейшин родов хакасского народа «Человек года» получили 4 учителя хакасского языка.

Осуществляется подготовка специалистов для осуществления образовательного процесса на хакасском языке для школ республики.

С 2013 года из республиканского бюджета Республики Хакасия 31 студенту ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», которые обучаются по направлению подготовки бакалавриата «Педагогическое образование» (профиль подготовки, связанный с изучением хакасского языка и литературы), осуществляется ежемесячная доплата к стипендии в размере 2 000 рублей. За три года объем средств для студентов составил 1,8 млн. рублей

Проведена работа по разработке, изданию и внедрению в учебный процесс учебников и учебных пособий на хакасском языке в соответствии с новыми федеральными государственными образовательными стандартами начального общего, основного общего образования.

В 1–4 классах изучаются учебные предметы «Хакасский язык», «Литературное чтение на хакасском языке», в 5–9 классах – предметы «Ха-

касский язык», «Хакасская литература», в 10–11 классах – учебный предмет «Хакасский язык и литература».

Учебники «Хакас тілі» (1–9 кл.), «Хакас тілі» «Хакас литературазы» (5–9 кл.), Букварь (1 кл.), «Хыгырчаң кинде» (1–4 кл.) включены в федеральный перечень учебников (приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 31.03.2014 № 253).

Все 19 учебников изданы и внедрены в образовательный процесс школ республики. Норма обеспеченности учебниками по хакасскому языку и литературе соответствует требованиям ФГОС и составляет не менее 1 учебника на каждого обучающегося по каждому учебному предмету (6786 учащихся). Укомплектованность учебниками по всем учебным предметам составляет 100 процентов. Кроме учебников, разработаны и изданы 36 учебных пособий на хакасском языке (дополняют учебники) в количестве 19080 экземпляров.

На издание учебников и учебных пособий за последние годы израсходовано 9 млн. рублей из республиканского бюджета Республики Хакасия.

В настоящее время осуществляется разработка учебников «Хакасский язык и литература» в печатной и электронной форме для 10–11 классов в целях включения в федеральный перечень учебников.

Издана дополнительная литература на хакасском языке, в том числе русско-хакасский школьный словарь (2014).

Учебно-методическими комплектами, материально-техническими и информационными средствами обучения оснащены 130 кабинетов хакасского языка. К примеру, МБОУ Бутрахтинская средняя общеобразовательная школа имеет один из лучших в республике кабинетов хакасского языка с доступом в сеть Интернет, оснащенный современным информационным оборудованием (компьютеры, мультимедийный проектор, интерактивная доска и др.).

Приняты дополнительные меры по изучению хакасского языка в дошкольных образовательных организациях. Разработана и издана примерная рабочая программа по учету и развитию этнокультурного компонента (хакасский язык) для детских садов в соответствии с ФГОС дошкольного образования.

В 2015 году для детей дошкольного возраста, дошкольных организаций издан литературно-художественный журнал «Кунічек».

Изданы 3 учебно-наглядных пособия на хакасском языке «Уучаның ырлары», «Аңнар паза ибдегі маллар», «Иркечектің кип-азаа». Пособия представляют собой книжки-раскраски с ярко иллюстрированными красочными рисунками и хакасскими текстами, они знакомят детей дошкольного возраста с хакасским народным костюмом, национальными музыкальными инструментами, флорой и фауной республики.

Изданы 2 методических пособия «Чиримнің алтын пайы», «Методические рекомендации по изучению хакасского языка и культуры» для воспитателей дошкольных организаций, которые содержат практический материал, тематические рассказы, сказочные сюжеты для обучения детей хакасскому языку.

МБДОУ Аскизский центр развития ребенка – детский сад «Тополек» присвоен статус региональной инновационной площадки на тему «Проект «Ине тілі» как инновационная технология обучения дошкольников хакасскому языку» на 2016–2019 годы. На капитальный ремонт и оснащение оборудованием данного детского сада израсходовано 8,6 млн. рублей.

В 2016 году впервые в республике появился первый республиканский детский сад «Жарки», расположенный на базе ГБОУ РХ «Аскизская школа-интернат» для детей от 3 до 7 лет. На капитальный ремонт и оснащение детского сада было выделено более 18 млн. рублей.

Увеличилась количество дошкольных учреждений, в них численность воспитанников, изучающих хакасский язык:

Изучение хакасского языка в дошкольных организациях Республики Хакасия за 2011–2016 годы

Показатель	Годы					
	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Количество дошкольных учреждений, ед.	31	32	34	40	59	61
Численность воспитанников, изучающих хакасский язык, чел.	1170	1230	1540	1560	2090	3047

Создана система поддержки одаренных детей в области хакасского языка и литературы. На поддержку детской одаренности в области хакасского языка и литературы нацелено мероприятие государственной программы «Развитие образования в Республике Хакасия» – субсидии бюджетам муниципальных образований на организацию кружков по развитию детского хакасского литературного творчества в муниципальных общеобразовательных организациях. За три года (2013–2015) на организацию хакасских кружков израсходовано 3,8 млн. рублей. По итогам работы кружков учащиеся опубликовали свои творческие работы (180 публикаций) в газете «Хабар», журналах «Тигір хуры» и «Күнічек» и местных, школьных периодических изданиях.

Осуществлено развитие системы воспитательной работы и дополнительного образования по формированию интереса, мотивации учащихся к изучению хакасского языка, любви к родному языку, малой родине, расширению их кругозора в области национальной культуры, развитию личности учащихся, адаптации к жизни в обществе.

Ежегодно проводится комплекс республиканских, муниципальных воспитательных мероприятий в области хакасского языка и литературы

(конкурсы, фестивали, профильные лагеря, проекты, родительские собрания и др.).

Стал традиционным республиканский фестиваль «Ине тілі», проводимый совместно с республиканским общественным движением за сохранение и развитие хакасского языка «Ине тілі» (Чертыкова З. А.).

Проведены совместно с Хакасской региональной общественной творческой организацией «Союз писателей Хакасии» новые мероприятия: конкурс видеоклипов, иллюстраций (комиксов) «Я – режиссёр страниц книг писателей Хакасии», конкурс «Юные тахпахчи». Сформирован электронный сборник детских иллюстраций и комиксов по произведениям писателей Хакасии.

В городе Абакане реализован проект «Чапсых чоох», в рамках которого в эфир вышли 6 радио- и 4 телепередачи, включающие занятия по запоминанию распространенных хакасских слов и предложений.

В Год литературы реализован проект «Рюкзачок книг писателей Хакасии». «Рюкзачок» включает книги на русском и хакасском языках для учащихся с 1 по 11 классы. С книгами хакасских писателей познакомились 5149 школьников.

В Алтайском районе реализован проект «Детский музыкальный спектакль на хакасском языке «Мелейек». Спектакль был показан жителям села Аршаново, аала Сартыков. В Чарковском сельсовете РХ реализован проект «Хакас тілі – өбекелерібістің тамыры».

Реализован проект «Развитие семейных традиций» в Бейском районе. По итогам проекта изготовлен видеофильм на хакасском языке и издан сборник материалов. Учителя Красноключинской ООШ и жители аала Красный ключ показали проведение хакасской свадьбы. Проект нацелен на воспитание у учащейся молодежи семейных ценностей, любви к родному языку.

Библиографический список

1. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17. 12. 2010 № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (с изменениями).

© Доможакова О. В., 2016

ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА В УСИНСКОЙ ДОЛИНЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Т. Н. Журавель
СФУ, г. Красноярск

В статье дается оценка возможности сохранения тувинского языка в Усинской долине, расположенной на юге Красноярского края. Результаты исследования основываются на данных, полученных в ходе социопсихолингвистического исследования населения названного района.

Ключевые слова: языковая ситуация, языковое прогнозирование, ревитализация языка, мажоритарный язык, миноритарный язык, престиж языка, тувинский язык.

Усинская долина – это неофициальное название южной части Ермаковского района Красноярского края. Она располагается на границе с Республикой Тува и в прошлом являлась частью Усинского пограничного округа – территории, одновременно принадлежащей Российской Империи и Урянхайскому краю. Будучи приграничным, данный район заселялся одновременно русскими и тувинцами, и в настоящее время Усинская долина – это единственное место компактного проживания тувинцев в Красноярском крае. Численность представителей данного этноса в Усинской долине в 2012 г. составляла 384 чел. Это 19,52 % от общей численности населения района. При этом достаточно велико количество метисов. Процент владения родным языком среди усинских тувинцев равен 69. На момент исследования тувинский язык активно функционировал только в сфере семейно-бытового общения. В остальных сферах он практически не был представлен: в 2012 г. тувинский язык перестал преподаваться в Верхнеусинской средней школе, в незначительной степени он сохранился в традиционной хозяйственной деятельности (охота), как конфессиональный язык (в ходе буддийских и шаманских обрядов во время праздников) и как язык фольклора (песни). Также было установлено, что межпоколенная передача тувинского языка в Усинской долине сокращается. Эти и другие данные убедительно свидетельствуют о языковом сдвиге в среде тувинского населения Усинской долины.

Одновременно с этими процессами происходит и противоположно направленный процесс, а именно создание в Усинской долине Центра тувинской культуры при поддержке Центра русской культуры в Республике Тува. Несмотря на то, что центр пока не занимается языковым вопросом, он организует праздники и всевозможные культурные мероприятия, что повышает в целом интерес к тувинской культуре, а через нее возможно повышение интереса и к тувинскому языку как к основополагающей части этой культуры.

На фоне этих и других обстоятельств попробуем оценить возможные перспективы сохранения тувинского языка в Усинской долине.

Демографическая база носителей тувинского языка, вероятнее всего, в ближайшие 10–20 лет останется без изменений. Она будет пополняться за счет мигрантов из Тувы, но коренные усинцы-тувинцы будут продолжать смешиваться с местным нетувинским населением, а дети от смешанных браков, вероятнее всего, будут с рождения говорить по-русски. Те же, у кого оба родителя являются тувинцами, могут в будущем обрести интерес к родному языку за счет деятельности Центра тувинской культуры.

Кстати сказать, если сотрудники центра проявят активность в деле обучения тувинскому языку, возможно, это вызовет больший эффект, чем возвращение языка в школу. Тувинский язык будет восприниматься потенциальными учениками уже не как скучная школьная повинность, а как культурный феномен, часть празднично-обрядовой жизни общества. Так что усинской интеллигенции, возможно, следует уделять внимание именно развитию отношений с Республикой Тува и усиливать культурную составляющую в деле обучения молодежи тувинскому языку.

Интерес к тувинской культуре и религии в настоящее время растет. Как уже отмечалось, несколько лет назад в с. Верхнеусинском появилось *оваа* – шаманское святилище, регулярно проводятся праздники и встречи с тувинцами из республики. В основном активность в этих мероприятиях принадлежит людям среднего возраста, но молодые члены их семей также иногда проявляют интерес к этим мероприятиям. Возможно, в будущем можно будет говорить о возрождении тувинской этнической духовной культуры, хотя бы на внешнем уровне праздников, концертов, традиционных блюд и костюмов. Возможно также, что тувинский язык станет неотъемлемой частью подобных мероприятий за счет своей символической, этнообразующей функции.

В повседневной коммуникации роль тувинского языка постепенно будет сокращаться. Во-первых, это следует из того, что общение по-тувински происходит либо между людьми среднего и старшего возраста, либо между взрослыми детьми и их пожилыми родителями и в гораздо меньшей степени между молодыми людьми или старшими при обращении к младшим. В Усинской долине постепенно разрушается естественная передача языка от старшего поколения к младшему: родители, желая создать для детей наилучшие условия, делают выбор в пользу русского языка, более подходящего как для повседневного общения, так и для получения образования и восхождения по карьерной лестнице. Во-вторых, согласно данным, полученным в результате свободного ассоциативного эксперимента, языком общения в сознании тувинцев является именно русский язык, в то время как тувинскому отводится роль этнического символа, одного из оснований тувинской культуры. Тувинский язык, согласно представлениям его носителей, –

это уходящий язык, язык предков, к тому же это язык «сложный» для освоения и понимания, так что в бытовом общении роль тувинского языка будет закономерно сокращаться.

Что касается возвращения тувинского языка в школу, то это маловероятно даже в свете принятия нового закона «О родных (национальных) языках коренных малочисленных народов, проживающих на территории Красноярского края». Учитывая, что усинские тувинцы почти не ведут традиционный образ жизни, их язык не попал в число языков, охраняемых данным законом. Со стороны учеников и их родителей также не следует ожидать энтузиазма по поводу возрождения тувинских классов и тувиноязычного обучения по указанным выше причинам. Таким образом, идея о возвращении тувинского языка в Верхнеусинскую школу не будет поддержана ни властью, ни родителями учеников.

Распространение тувинского языка на иные сферы (СМИ, традиционная хозяйственная деятельность, управление и т. п.) еще менее вероятно, ибо возвращение этнического языка в эти сферы экономически нецелесообразно. Возрождение коммуникации на тувинском языке в сфере религии также невозможно ввиду того, что население Усинской долины в целом малорелигиозно. Возвращение буддийско-шаманских обрядов и праздников, скорее всего, не имеет под собой серьезной мировоззренческой основы, а всего лишь привлекает своей внешней стороной. Так что возрождение тувинского языка посредством традиционных религий также маловероятно.

Итак, процесс языкового сдвига в Усинской долине Красноярского края необратим. Но нельзя сказать, что он идет катастрофическим темпом. Возможно выделить две разнонаправленные тенденции: замедляющую языковой сдвиг и провоцирующую его. Замедляющая тенденция вызвана следующими факторами:

- постоянный приток тувиноговорящих мигрантов из Республики Тува;
- попытки возрождения тувинской культуры;
- восприятие тувинского языка как этнообразующего начала;
- в целом положительное отношение к тувинскому языку.

К факторам, провоцирующим языковой сдвиг, можно отнести следующие:

- отказ родителей от передачи тувинского языка следующему поколению;
- низкий престиж тувинского языка по сравнению с русским;
- отношение к тувинскому языку как к «музейному экспонату» – элементу традиционной культуры, уходящей в прошлое;
- восприятие русского языка как языка государства, карьеры, будущего.

Исчезновение тувинского языка в Усинской долине – это вопрос времени. Произойдет это нескоро, возможно потребуются десятки лет. Пра-

ительство Республики Тува пытается затормозить языковой сдвиг и, возможно, эти усилия дадут свой результат, но тот язык, который удастся сохранить, будет языком Тувы, а не языком усинских тувинцев, который в некоторых своих чертах уникален. Усинский диалект тувинского языка возможно сохранить лишь в активной повседневной коммуникации коренных жителей сел Верхнеусинское и Нижнеусинское, а объем этой коммуникации неуклонно сокращается.

Библиографический список

1. Дацышен В. Г. Тувинское население Усинского пограничного округа Енисейской губернии. Из истории русско-тувинских отношений // Новые исследования Тувы. 2009. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_3/465-dasishen.html
2. Фельде О. В., Журавель Т. Н. Тувинский язык в Красноярском крае: опыт социопсихолингвистического исследования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 10. С. 159–163.

© Журавель Т. Н., 2016

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ – ПРИЗРАК ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В. Г. Карпов

ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

В статье рассматривается проблема влияния глобализационных процессов на судьбу языков малочисленных народов, отрицательные последствия этих процессов в плане сохранения разнообразия и самобытности языков и культур на земном шаре. Автор излагает собственную точку зрения на причины утраты малочисленными народами своей идентичности и возможные пути её возрождения.

Ключевые слова: титульные народы, глобализация, эволюция, сохранение языка, многополярность, национальная культура, самобытность, языковая политика.

Проблеме глобализации, охватывающей сегодня весь мир, уделяется сегодня особое внимание. Ученые и политологи пытаются выявить социально-политические и экономические причины, породившие глобализационные процессы, предугадать их положительные и отрицательные последствия для человечества. Одни утверждают, что она принесет человечеству больше благ, чем вреда, другие, наоборот, считают, что результаты глобализации в большинстве своем будут отрицательными для дальнейшей эволюции цивилизации на земле, так как она приближает человечество к последней заключительной стадии эволюции цивилизации в целом. Что принесет глобализация человечеству?

Очень многие журналисты и ученые утверждают, что наибольшее зло глобализационные процессы принесут культуре. Глобализация, уничтожив разнообразие языков и культур народов мира, приблизит этим самым человечество к последнему, заключительному этапу мировой цивилиза-

ции, который, по мнению известного немецкого философа-идеалиста О. Шпенглера, является заключительной стадией любой культуры, основными признаками которой являются «...развитие индустрии и техники, деградация искусства и литературы, огромное скопление людей в больших городах, превращение народов в безликие массы» [1, с. 553]. Конечно, не во всем можно согласиться с О. Шпенглером, однако если посмотреть на нынешние города-мегаполисы, то они уже сегодня напоминают скопление безликих масс, о которых говорит немецкий философ.

Наиболее просвещенная часть населения европейских стран уже сейчас обеспокоена перспективой, нарисованной для человечества О. Шпенглером, и принимает меры по торможению процессов глобализации, прежде всего в области культуры и языков малочисленных народов.

25 июня 1992 г. на заседании Комитета министров Совета Европы в качестве конвенции была принята Европейская Хартия региональных (коренных) языков или языков нацменьшинств, которая призывает все государства, подписавшие её, к борьбе за сохранение культуры, языка своих нацменьшинств. Полный текст Хартии приводит в своей монографии Т. Г. Боргоякова [2, с. 141–157].

В статье 5 Конвенции к основным элементам самобытности национальных меньшинств отнесены религия, язык, традиции и культурное наследие.

Правительство Республики Хакасия обратило серьезное внимание на присланный в его адрес Генеральным секретарем Совета Европы текст Хартии. В октябре 2000 г. по инициативе Т. Г. Боргояковой был проведен международный семинар по обсуждению текста Хартии и в её свете дан анализ языковой ситуации в Хакасии и Сибири в целом. В работе семинара приняли участие представители администрации Европейской Хартии в Совете Европы, независимые эксперты многих стран, представители правительственных органов РФ, Республики Хакасия, вузов Сибири, представители хакасской интеллигенции.

При таком солидном составе участников семинара состоялся серьезный разговор о необходимых мерах по сохранению языков и культур национальных меньшинств сибирского региона.

В Хакасии реанимация хакасской культуры и языка началась как раз в этот период.

В 1992 г. в Хакасии был принят Закон «О языках народов Республики Хакасия», который позволил заметно повысить престиж языка титульного народа среди населения Хакасии. Во-первых, был повышен статус языка коренного населения. Хакасский язык был признан вторым государственным языком в республике, в составе Хакасского государственного университета основан Институт саяно-алтайской тюркологии. Был принят также «Закон об образовании РХ», в котором акцентировалось внимание на совершенствовании и доступности изучения родного языка всеми представи-

телями нацменьшинств Хакасии и всеми желающими русскими. С восстановлением Хакасского книжного издательства расширились возможности для издания учебников для хакасских школ и публицистической литературы на хакасском языке. В хакасских школах были выделены часы на так называемый «национально-региональный компонент», который предусматривал изучение истории и природы родного края.

К сожалению, через 3–4 года упомянутый выше разумный и весьма полезный национально-региональный компонент был признан ненужным излишеством и исключен из учебного плана национальных школ. В результате национальная школа лишилась основы для воспитания любви, уважения к своей малой Родине, ее культуре, традициям и природе.

Заметные шаги сделаны и в области культуры: появилась своя филармония, укомплектованная профессиональными певцами, музыкантами, хореографами, открылся второй драматический театр «Читиген», появились национальные вокально-инструментальные ансамбли, которые успешно пропагандируют хакасскую музыкальную и сценическую культуру у себя дома и за рубежом. В последние десятилетия наши лучшие музыкально-вокальные и танцевальные коллективы успешно гастролируют по городам России, СНГ и странам дальнего зарубежья, вызывая восторг у зрителей своим оригинальным, самобытным искусством. В Хакасии возобновилось празднование национальных праздников, соблюдение всех национальных обрядов, ритуалов. Много сделано для увековечения имен известных людей Хакасии, оставивших в ее истории заметный след (установление памятников, мемориальных досок, присвоение их имен улицам, школам, учреждениям). В школах, районных домах культуры созданы музеи хакасской культуры.

Заметно повысился интерес к хакасскому языку, культуре и истории хакасского народа, о чем свидетельствуют публикации о Хакасии в зарубежных изданиях. Так, один из номеров журнала «Штудии Гималаев и Центральной Азии», вышедший в Нью-Дели в 2009 году, посвящен полностью Хакасии [3].

О повышении интереса к хакасскому языку за рубежом свидетельствует введение в учебные планы некоторых университетов хакасского языка как учебной дисциплины, например, в Анкарском университете (Турция), в университете города Франкфурт-на-Майне (ФРГ).

Знаменательным событием для авторитета хакасского языка является перевод на хакасский язык и издание Институтом перевода Библии (г. Москва) в 2008 г. детской Библии., а также православной Библии (Старый Завет в 2007 г. и Новый Завет – в 2009 г.).

Все вышеперечисленные достижения являются результатом работы министерств национальной и территориальной политики, образования и науки, культуры и правительства Республики Хакасия в целом.

Но проделанной работы оказалось недостаточно, чтобы язык и культура титульного народа республики в условиях все наступающей глобализации не умирали, а продолжали жить и развиваться.

В газете «Хабар» от 15 декабря 2010 г. профессор Красноярской педагогической академии В. П. Кривоногов опубликовал некоторые результаты своего исследования культуры, вероисповедания и быта современных хакасов. Он пришел к выводу, что среди современных хакасов только 46,4 % знают свой родной язык и пользуются им при общении. Хакасский язык занесен в Красную книгу исчезающих языков ЮНЕСКО.

Одной из серьёзных причин утраты родного языка считаю отсутствие у молодежи интереса к общению на родном языке. Одним из наиболее важных путей сохранения языка считаю чтение литературы на хакасском языке. Книга – это немой учитель и мудрый воспитатель. Известно, что читать и писать известный ученый Н. Ф. Катанов научился, обучаясь в одноклассном училище в селе Аскиз. А путь в науку ему открыли книги из местной библиотеки, подаренные Аскизу золотопромышленником П. И. Кузнецовым.

Почему же все-таки число владеющих родным языком идет на спад? Грустный итог нашей национальной языковой политики?

Я думаю, что в этом печальном итоге виновата не национальная, а экономическая политика в нашей стране, в частности, постоянное желание правительства решать национальные вопросы как можно с меньшими финансовыми затратами.

Всем известно, что национальная культура, язык оседлых малочисленных народов в относительно чистом виде могут сохраняться при условии только компактного проживания их носителей в селах, но не в городах или рабочих поселках с разноязычным населением, где они стремительно ассимилируются более многочисленными народами. В Хакасии сёл, в которых преобладающим населением являются хакасы, осталось очень мало, но и те по преимуществу относятся к категории умирающих, так как в них не созданы минимальные условия для достойного проживания и жизнедеятельности коренного населения.

Небольшие хакасские сёла, расположенные в наиболее удобных местах для занятия их жителей сельским хозяйством, животноводством, из экономических соображений были переселены государством в более «цивилизованные» центры под флагом укрупнения населенных пунктов. Это лишило переселенцев их привычного образа жизни, разрушило компактность их проживания. Так, в течение 60 послевоенных лет в Хакасии исчезли десятки хакасских населенных пунктов. Показательным примером такого укрупнения являются три села Таштыпского района: Печин, Карагай, Чиланы. Это были вполне нормальные села, в которых были вполне приличные колхозы с положенным количеством пахотной земли и скота (овцы, коровы, лошади) со своей конторой, клубом, школами,

магазином и со своими традициями. В настоящее время в них доживают одни старики.

После закрытия школ детей стали возить в школы более крупных сел на автобусах или гужевым транспортом. Некоторые дети размещались в пансионаты. А, как известно, отрыв детей в раннем возрасте от родителей отрицательно сказывается на их воспитании. Семья играет большую роль, особенно в раннем детстве, в формировании таких чувств, как уважение к старшим, национальная принадлежность, трудолюбие, честность, совестливость и др., а также таких общечеловеческих ценностей, как любовь к малой и большой Родине. Эти качества закладываются, прежде всего, в семье, а позже во время дальнейшей учебы в школе, вузе, в армии они только закрепляются.

На чувстве национальной принадлежности основывается осознание ребенком того, частью какого народа, носителем какой культуры он является.

Показательным в этом плане является Швеция, сохраняющая малочисленные школы, если в них насчитывается даже по 2–3 ученика. Учитель едет в малочисленную школу, а не учеников транспортируют в соседнее село. Именно села являлись и являются сегодня хранителями языка. Дедушки и бабушки, общающиеся со внуками на родном языке, сами того не осознавая, поддерживают его жизнь. Поэтому политикой государства должно стать сохранение сел, создание на селе нормальных условий для проживания, для трудоустройства и досуга молодежи.

В газете «Хабар» за 08.02.2011 года напечатана статья внештатного корреспондента, в которой автор называет около десятка деревень Ширинского района, в которых нет необходимой для села инфраструктуры: школы, магазина, клуба, почты, медпункта. Поэтому молодежь покинула эти села. В такое село сегодня калачом не заманишь ни учителя, ни врача, никакого другого специалиста. И абсолютное большинство таких сел – хакасские села. Как же наше правительство собирается поднимать сельское хозяйство, которое объявлено как одна из приоритетных задач страны наряду с образованием, здравоохранением, демографией и др. ? Если немедленно не принять кардинальных мер, то через 20 лет в Хакасии не останется ни одного не ассимилированного хакасского села.

Если мы не лицемерим, когда говорим о необходимости сохранения деревни, сельского хозяйства, языка, культуры национальных меньшинств, то надо срочно вернуть в села вчерашних селян. Ясно, что в нынешнее село они не вернуться. Нужно каждое село, в котором удастся сохранить начальную школу как селообразующий объект, связать дорогой (хотя бы гравийной) с центром, заасфальтировать в селе центральные улицы, ведущие к школе, магазину, медпункту и т. д. Современное село должно иметь клуб, спортзал, связь с центром. Для обеспечения жителей села качественной водой необходимо пробурить в нескольких точках

артезианские колодцы, а в домах и квартирах, построенных для специалистов, забить трубы для водяных насосов. Разумеется, в селе должно быть электричество, газ, радио и телевидение. Вот тогда в село потянутся люди.

Второй серьезной экономической причиной упадка наших сел является отсутствие паритета цен на продукцию сельского хозяйства и промышленные товары. Именно по этой причине в селе не задерживаются фермеры. Им не выгодно в современных условиях заниматься сельскохозяйственным производством, которое на сегодня нерентабельно. Чтобы фермеру купить один трактор, ему нужно взять неподъемный кредит в банке под все имеющееся имущество. На этом общероссийском фоне заметны положительные шаги правительства РФ. В последнее время оно взяло курс на восстановление сел: реанимируется вся инфраструктура села. Думается, что в случае продолжения этого курса будут налицо результаты.

Вот тогда в село потянутся люди, вернется молодежь, приедут нужные специалисты. Это приведет к возрождению школ, национальных традиций, заработает язык как средство общения и как основа национальной культуры. Расширятся сферы функционирования языка, язык вернется в семью. А развитие языка и культуры и станет защитой от наступления глобализации.

Разве это не выполнимо? Думается, что вполне выполнимо, если наше правительство и наши чиновники повернутся к селу лицом, а город поделится своими возможностями с селом.

Библиографический список

1. Большая советская энциклопедия. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1978. Т. 29. 640 с.
2. Боргоякова, Т. Г. Миноритарные языки: проблемы сохранения и развития: учебное пособие. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2001. 160 с.
3. Himalayan and Central Asian Studies/ – ISSN 0971-9318. Vol. 13, Nos. 2-3 (April-September). New Delhi (India), 2009. 135 p. (ж. Штудии Гималаев и Центральной Азии. Новый Дели (Индия), 2009. 135 с).

© Карпов В. Г., 2016

СОЗДАНИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА В ГОРОДЕ АБАКАНЕ

Г. В. Озерова

Городское управление образования
Администрации города Абакана, г. Абакан

В статье предложен анализ условий для сохранения и развития хакасского языка в столице Республики Хакасия с приведением данных по предоставлению горожанам услуг по изучению хакасского языка и по формам его изучения в образовательных учреждениях Абакана. Приводятся примеры социально-образовательных проектов этнокультурной и лингвистической направленности, реализованных на территории Абакана в 2015 году, как в образовательных учреждениях, так и в библиотеках города, клубах по месту жительства, культурно-досуговых центрах Абакана, детских оздоровительных лагерях.

Ключевые слова: хакасский язык, сохранение, развитие, образовательное учреждение, социально-образовательный проект, языковая среда, мотивация к изучению хакасского языка.

Самая большая ценность народа – его язык. Язык, на котором он пишет, говорит, думает...

Д. С. Лихачев

В городе Абакане принимаются активные меры по созданию условий для сохранения и развития хакасского языка – второго государственного языка республики. Интерес к языку воспитывается в детстве. Именно поэтому одним из приоритетных направлений является обеспечение права детей на изучение хакасского языка, на удовлетворение их этнокультурных образовательных потребностей.

За последние 5 лет в Абакане заметно увеличилось количество образовательных учреждений, в которых горожанам предоставлена услуга по изучению хакасского языка. Если в 2011 г. хакасский язык было предложено изучать в 11 детских садах Абакана, то в 2015 г. занятия по хакасскому языку ведутся в 19 дошкольных учреждениях. В декабре 2015 г. на территории г. Абакана открыт новый детский сад «Добрыня», рассчитанный на 340 мест для детей от 2 до 7 лет. Всего в образовательном учреждении открыто 14 групп, в двух группах детского сада начата реализация специальной программы по изучению маленькими абаканцами хакасского языка. Увеличилось количество школ, где изучается хакасский язык: с 7 школ в 2011 году до 20 – в 2015.

Закономерен рост охвата детей, которые изучают хакасский язык: в 2011 г. это были 390 дошкольников и 515 детей школьного возраста. В 2015 г. – 866 дошколят, из них 795 детей коренной национальности, и 2708 школьников, из них 1298 детей коренной национальности. Для

сравнения, в 2004 году доля хакасских школьников, изучавших родной язык в школе составляла 34 % [1, с. 28].

Хакасский язык в школах города изучается в разных формах: как учебный предмет, включенный в учебный план, а также факультативно, в рамках внеурочной деятельности и посредством дополнительного образования. [См. об этом также: 2].

В двух школах города (МБОУ «СОШ № 24» и МБОУ «СОШ № 22») с 2011 г. действуют национальные классы, учебные предметы «Хакасский язык», «Литературное чтение» включены в учебный план на уровне начального общего образования, «Хакасский язык», «Хакасская литература» есть в учебном плане школ на уровне основного общего и среднего общего образования.

Следует отметить, что число учащихся, занимающихся в национальных классах, растет. Увеличивается их доля от общего числа детей коренной национальности. Если в 2011 г. доля учащихся, изучающих хакасский язык от общего количества детей хакасской национальности в школах 22 и 24, составляла 58 и 62 % соответственно, то в 2015 г. этот показатель вырос до 70 % в каждом ОУ.

На базе школы № 22 с целью создания в городе развивающей языковой образовательной среды действует муниципальный Центр поликультурного образования. В Центре открыта школа выходного дня для горожан, желающих изучать хакасский язык. Задача, которую решают организаторы этой необычной школы – создать ситуацию живого общения носителей языка между собой. Работа школы выходного дня ведется для детей и их родителей.

На базе Центра продолжает работу консультационный пункт методической поддержки учителей хакасского языка, созданы кружки детского хакасского театрального и литературного творчества. Информация о работе Центра размещена на сайте МБОУ «СОШ № 22», ГУО Администрации города Абакана, освещается в средствах массовой информации.

По инициативе Центра реализован проект «Чапсых чоох». Данный проект является победителем республиканского конкурса на предоставление грантовой поддержки муниципальным образованиям в области сохранения хакасского языка и культуры. Основные мероприятия проекта – создание цикла радио и телепередач, способствующего расширению аудитории, использующей хакасский язык в качестве средства общения. В проекте участвуют учителя хакасского языка школ города Абакана, корреспонденты ИРТА «Абакан». В 2015 году в эфир вышли 10 радио и телепередач, цифровые версии которых пополнили медиатеки образовательных учреждений города. Следует отметить, что на абаканском телевидении выходит ещё одна передача данной тематики – «Изеннер! Здравствуйте!».

В Абакане реализуются и другие социально-образовательные проекты по изучению и популяризации хакасского языка: «Виртуальный кабинет

хакасского языка» в Лицее; «Изучаем хакасский язык всей школой» в МБОУ «СОШ № 1», проект БиблиоМИКС «Родом из Хакасии» в муниципальных библиотеках. Последний проект реализован в рамках гранта Правительства Республики Хакасия в области государственной молодежной политики и направлен на повышение уровня знания литературы и хакасского языка в молодежной среде. В реализации данного проекта приняли участие более 500 школьников и студентов.

Интерес к языку и культуре Хакасии поддерживается в системе дополнительного образования. Так, в Центре детского творчества города Абакана реализуются дополнительные образовательные программы с использованием лингвистических особенностей хакасского языка: «Мой край – Хакасия», «Обучение игре на хакасских народных инструментах», «Хакасский орнамент». Разработаны образовательные модули: «Стилизация хакасского костюма в современной молодежной одежде», «Хакасский эпос». В 2015 г. Центром детского творчества на основе сетевого взаимодействия разработаны проекты: сетевой проект «С любовью к Хакасии» (совместно с Союзом композиторов Республики Хакасия, Союзом писателей Республики Хакасия, Союзом театральных деятелей Республики Хакасия) и сетевой проект «Хакасия, мира тебе, добра и процветания!» (совместно с Союзом композиторов Республики Хакасия). Результаты разработки и реализации данных проектов: победа в республиканском конкурсе на предоставление грантов Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия в номинации «Укрепление межнациональных, межэтнических и межконфессиональных отношений, профилактика экстремизма и ксенофобии», выпуск на средства гранта сборника инструментальных пьес композиторов Хакасии для детей и юношества (100 экз.), организация I Открытого конкурса инструментального и вокального исполнительства «Играй и пой, моя Хакасия!» (ноябрь, 2015 г.).

В детских школах искусств и музыкальных школах города работают творческие коллективы учащихся – ансамбли национальных инструментов «Радость», «Чылтыс», в том числе ансамбль хакасских народных инструментов.

Важным фактором повышения внутренней мотивации к изучению хакасского языка является научно-исследовательская деятельность обучающихся. На муниципальных научно-практических конференциях «Умный дошколенок», «ГНОМ» (для 1–4 классов), «Юные исследователи Абакана» (для 5–7 классов), «Юность. Наука. Культура» (8–11 классы) действуют секции «Хакасский язык и литература». С целью выявления, развития и поддержки одаренных детей проводятся конкурсы на хакасском языке, в том числе музыкальный фестиваль дошкольников «Чылтызахтар» («Звёздочки»), интеллектуальный эрудит-марафон «Умники и умницы» (5–9 классы), конкурс «Живи, родной язык!» («Чурта, төреен

тілім!)), посвященный Международному дню родных языков (1–11 класс) и др.

Растет профессиональное мастерство педагогов, реализующих программы по изучению хакасского языка, об этом свидетельствуют результаты их участия в профессиональных конкурсах, фестивалях разного уровня:

Тинникова Л. И. (МБОУ «Лицей») – лауреат республиканского конкурса «Учитель родного языка – 2013»;

Боргоякова И. Н. (МБОУ «СОШ №1») – лауреат конкурса «Учитель родного языка – 2015», победитель конкурса лучших учителей в рамках ПНПО «Образование» (2015 г.);

Улугбашева О. И. (МБОУ «СОШ №24») – призер республиканского конкурса «Лучший кабинет родного языка», учитель (2014 г.);

Кискидосова Е. С. (детский сад «Кристаллик») – победитель регионального конкурса педагогов дошкольного образования «Занятия по родному языку», воспитатель (2015 г.).

Лучший опыт абаканских педагогов представлен в сборнике методических материалов «Чапсых чоох». Сегодня такой сборник используется во всех ОУ города.

Вопрос сохранения и развития хакасского языка, безусловно, не может решаться только в рамках образовательных учреждений. Работа ведется в микрорайонах города, на уровне клубов по месту жительства, в культурно-досуговых центрах. Сегодня в клубных учреждениях действуют несколько творческих объединений, популяризирующих хакасскую национальную культуру с использованием лексики хакасского языка: эстрадно-фольклорная студия «Ай сузы», театр мод «Чиркеен» (Абаканский дворец молодежи), любительское объединение декоративно-прикладного творчества «Алтын чурек», творческое объединение «Хакасские узоры» (Городской культурный центр). На базе культурно-досугового центра «Красный Абакан» в 2015 году открылся литературно-просветительский салон «Народу забытое я возвращаю...». Цель проекта – изучение национальных традиций, языка, быта, культуры и литературы республики. В течение года участниками стали более 500 детей в возрасте от 7 до 12 лет.

Вот уже 3 года подряд в период летних каникул в загородном муниципальном детском оздоровительном лагере «Звездный» проходит билингвистическая (языковая) смена «Ынархас», во время которой дети погружаются в языковую среду, совершенствуют речевую активность на хакасском и английском языках в условиях летнего лагеря (в 2015 г. участниками данной смены стали 99 школьников).

«Чтобы стать успешным, жить достойно и быть счастливым, надо уметь говорить на языке земли, которая является для тебя родной», – таков лейтмотив публикаций в муниципальных периодических изданиях: в

газете «Абакан», в журнале «Абакан». Публикациям о культуре, истории и языке Хакасии (в течение 2015 г. – более 70 публикаций) посвящены рубрики «Время. События. Люди», «Наш город», «Семья и общество», «Образование», «Мир искусства». В декабре 2015 г. в газете «Абакан» открыта рубрика «Изучаем хакасский язык вместе».

Городским управлением образования Администрации города Абакана, муниципальными образовательными учреждениями ведется разъяснительная работа с родителями по формированию мотивации к изучению родного языка.

В течение 2014–2015 учебного года в образовательных учреждениях города состоялась серия родительских собраний «Родной язык – духовное наследие народа», в которых приняли участие около 5000 родителей школьников города. Организаторы родительского собрания провели экспресс-опрос среди участников на тему: «Зачем нужно изучать хакасский язык в образовательных учреждениях Абакана?» Ответы были такие:

- «Хакасский язык – государственный язык Республики Хакасия»;
- «Из уважения к бабушкам и дедушкам, которые живут в Хакасии»;
- «Билингвы шире и глубже понимают мир, чем носители одного языка»;
- «Чтобы сохранить свою самость»;
- «Чтобы у наших детей появилось больше возможностей найти свое место на своей земле, в Хакасии»;
- «Двуязычие помогает избежать конфликта отцов и детей»;
- «История, культура и язык родной земли воспитывают человека будущего».

Это мнения жителей Абакана, которые говорят о том, что в вопросе сохранения и развития хакасского языка есть единомыслие. И живет убежденность, что при заинтересованном участии горожан нам вместе удастся продолжить эффективную работу в данном направлении. В планах – создание Интернет-сайта муниципального Центра поликультурного образования, активизация конкурсно-просветительской деятельности с опорой на семейное участие в мероприятиях.

Великому русскому писателю А. И. Куприну принадлежит мудрая мысль: «Изучение и сбережение родного языка является не праздным занятием от нечего делать, но насущной необходимостью». Эта мысль, безусловно, созвучна деятельности, которая осуществляется в городе Абакане по созданию условий для сохранения и развития хакасского языка.

Библиографический список

1. Боргоякова Т. Г. Проблемы языкового планирования в Республике Хакасия // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: материалы II международной научной конференции 25–27 сентября 2008 года, Абакан / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2008. С. 24–30.

2. Тугарина Т. Н. Реализация национально-регионального компонента в образовательных учреждениях г. Абакана // Развитие языков и культур коренных народов Саяно-Алтая: материалы Всероссийской научно-практической конференции 19–20 апреля 2007 года, Абакан / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Изд-во ХГУ, 2007. С. 80–84.
- © Озерова Г. В., 2016

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ КАЗАХСКОМУ ЯЗЫКУ В КАЗАХСТАНЕ

М. Б. Сабыр

Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет
г. Уральск (Казахстан)

Данная статья посвящена проблеме казахско-русского двуязычия в казахстанском обществе. Казахстан является полиэтническим государством, в связи с чем существует необходимость повышения статуса казахского языка для других этносов, живущих в Казахстане, до уровня «второго» языка.

Ключевые слова: казахский язык, этнопсихоллингвистика, двуязычие, родной язык.

Язык является неперенным условием развития человеческой культуры, непревзойденным средством формирования мысли и передачи ее другим людям. Известный казахский писатель Г. Мусрепов говорил, что «язык – это вечный признак бессмертия нации» [1]. Поэтому вопросы языкознания всегда актуальны.

Среди народа очень популярно высказывание одного выдающегося казахского деятеля Ахмета Байтурсынова – «Сөзі жоғалған жұрттың өзі де жоғалады», что в переводе означает «народ, потерявший свой язык, исчезнет и сам» [2]. Подобные высказывания мыслителей можно встретить у разных народов. Таким образом, проблемы взаимоотношения языка и нации всегда были актуальными для ученых-лингвистов. Изучением и исследованием подобных вопросов занимается этнопсихоллингвистика.

Этнопсихоллингвистика – это одна из отраслей психоллингвистики, изучающая национально-культурные особенности языка, их связь с психологией человека, а также языковые возможности в речевой деятельности человека. Проблемы двуязычия и многоязычия являются актуальными для этнопсихоллингвистики. В отношении билингвизма с термином «язык» сложился ряд устоявшихся сочетаний: в зависимости от времени усвоения – «первый язык» и «второй язык», по отношению к социуму – «родной язык» и «иностраннй язык», в зависимости от возрастных особенностей осваивающих язык – «двуязычие в детском возрасте» и «двуязычие взрослых», по отношению к социальной среде – «национальное двуязычие» и «индивидуальное двуязычие», в зависимости от путей обучения – «природное двуязычие» и «искусственное двуязычие»; в зависи-

мости от употребления можно классифицировать на «принимающий двуязычие» (рецептив), «повторяющий двуязычие» (репродуктив) и «продуктивное двуязычие» (продуктив).

Проблема двуязычия является актуальной и для Казахстана. В нашей стране (как и во многих других республиках бывшего СССР) в целях общения используются два языка – казахский как язык коренного (в нашем случае, казахского) населения и русский язык. В связи с этим происходит условное разделение страны по признаку «казахоязычные» и «русскоязычные», которое не является сугубо этническим, а скорее этноязыковым.

После принятия независимости Республики Казахстан вопрос о статусе и применении казахского языка стал предметом не только научных, но и политических и социальных дискуссий. Согласно Конституции Республики Казахстан казахский язык является государственным языком. С момента принятия в 1997 году закона «О языках в Республике Казахстан» в стране созданы все предпосылки для расширения и углубления процессов языкового строительства во всех основных сферах общественной жизни. В настоящее время в стране сформированы правовые основы для успешной реализации функционального развития государственного языка. Процессы внедрения казахского языка в общество постоянно углубляются: повсеместно открываются дошкольные учреждения и школы; казахский язык является обязательным предметом в школах с русским языком обучения; на страницах республиканских газет и журналов широко обсуждаются вопросы функционирования и культуры казахского языка; обязательным условием при приеме на государственную службу является знание государственного языка; большое внимание уделяется деятельности Государственного терминологического комитета и Ономастической комиссии; выходят в свет академические издания по грамматике казахского языка и словари по различным отраслям; объявляется паритетность (50 % на казахском языке и 50 % на русском языке) эфирного времени на радио и телевидении; делопроизводство ведется на государственном и русском языках и т. д. Вышеуказанные достижения являются результатом скоординированных и целенаправленных действий государственных органов, организаций и общества в целом.

Однако, несмотря на достигнутые результаты, следует отметить, что уровень владения казахским языком в разных слоях общества до сих пор недостаточно высок, процент людей (в том числе и казахов), не владеющих или слабо владеющих казахским языком, остается все еще существенным. В связи с этим для русскоязычных казахов и представителей других этнических групп казахский язык приближен к вышеуказанному понятию «второго языка», но не полностью ему соответствует. В психолингвистике понятия «второй» и «иностранный» языки имеют между собой ряд отличительных особенностей, которые заключаются в сле-

дующем: второй язык осваивается в естественной среде, то есть в условиях естественного двуязычия, тогда как иностранный язык осваивается искусственным путем, т. е. посредством обучения.

Для истинного казаха казахский язык является родным, поэтому понятие «второго языка» по отношению к нему в данном случае носит чисто условный характер. В казахстанском обществе казахско-русское двуязычие представлено как национальное свойство, а русско-казахское двуязычие на уровне частных случаев. Еще в 1914 г. А. Байтурсинов заметил: «Какие различия существуют между типами, свойствами, характерами наций, а также путями их развития, такие же различия присутствуют и в их языках. Наши соотечественники, получившие образование на русском или ногайском языках, не могут правильно писать на казахском. Причина этому – отсутствие навыка письма на данном языке, его несформированность с детства. Обучавшимся на русском близка русская словесная система, обучавшимся на ногайском – ногайская. Естественно, что при постановке казахских слов согласно русской или ногайской системе нужного эффекта не будет. В целях недопущения данного явления каждый народ при обучении ребенка вначале учит его говорить, писать на родном языке, учит разбираться в его системе, и только после полного освоения родного языка приступает к обучению другому языку»[2]. Почему бы и нам не придерживаться такого принципа? Эстонский культуролог М. Хинт в конце 80-х гг. доказал, что обучение второму языку с детского возраста приводит к «полуязычию» [3]. «Полуязычный» ребенок, владеющий двумя языками, в истинном положении вещей не знает надлежащим образом ни одного языка, и в случаях, требующих относительно сложных речевых навыков, не способен дать конкретного ответа ни на одном из двух языков. Данная проблема имеет место и в современном казахстанском обществе.

По мнению русского психолингвиста Р. М. Фрумкиной, у термина «двуязычие» нет четких границ, а при присоединении социальных проблем (проблем русских в странах СНГ, кроме России), этот вопрос становится еще более сложным и запутанным. Сложность, как было сказано выше, связана с появлением «двуязычия»[3]. Согласно исследованиям ученого, «полуязычные» люди хорошо знают свой родной язык, а усвоению же другого языка значения не придают. Как следствие этого – проблема «полукультурия». Приведем примеры из повседневной жизни, имеющие парадоксальное значение. Вопрос о благополучии, здоровье на казахском языке звучит как «Жүріп жатыр ма?», на русском – «Ходит?». Оба выражения являются абсолютно идентичными по значению, но у русских может возникнуть уместный вопрос: «Как это у казахов можно одновременно и ходить (жүру), и лежать (жату)?» Аналогичен и пример двух понятий: в городах, селах русские «живут», а казахи «стоят» (тұрады). Употребление таких слов мы можем объяснить тем, что казахи

вели кочевой образ жизни, для них жизнь – это движение, а на месте стоянки они «стоят» – останавливаются, обосновываются. Аналогичных примеров можно привести множество. И как вывод – что не отражено в языке, того нет и в культуре. Таким образом, малейшие изменения в культуре, ее основе могут привести к «полукультурию», «полуязычию».

Но нельзя путать понятие «полукультурием» с бескультурием и необразованностью. Это не является изъяном или каким-либо недостатком, это конфликтное состояние индивида, связанное с непреемственностью культур. В современном Казахстане такое противоречие можно обнаружить практически в любом человеке, в частности:

Придание казахскому языку статуса государственного имело очень важное значение, но до сих пор казахский язык не получил должного применения во всех отраслях и сферах общественной деятельности человека.

Русскоязычные казахи не выступают против казахского языка, но их образование, воспитание, культура были на русском языке, поэтому их языковой фон – это русская или проникшая через русский язык западная культура. Казахский язык и культуру они не отрицают, но психологически не воспринимают. Даже те индивиды, которые владеют казахским языком, испытывают внутренние противоречия и спор.

«Полукультурием» можно обнаружить и у так называемых «новых казахов». Неожиданное богатство столкнуло их с новой жизненной ситуацией, привело к вынужденным изменениям характера, образа жизни. Возник вопрос о выборе языка и культуры, полезной для них. На место прагматизма приходит меркантилизм. Общество (казахское, русское и любое другое) отвергает их. Они же, в свою очередь, желают внедриться и влиться в него.

Аналогичное противоречие наблюдается и у детей, обучающихся в казахстанских русских или городских казахских школах. В обществе ситуация одна, в семье – другая. Как следствие – различия между обучением и воспитанием.

Внутреннее противоречие возникает и у воспитанников детских домов и школ-интернатов.

Казахстан является полиэтническим государством. Самым многочисленным после коренного населения являются русские. С одной стороны, это русские мигранты, а с другой – их нельзя назвать мигрантами. На протяжении многих веков, живя на казахской земле, они жили русской культурой, русским языком, в связи с чем у многих субъектов сформировалась психология империализма, великодержавности русского языка и культуры. Внедрение казахского языка и культуры казахского народа, по их мнению, нарушит, оборвет связь с их родным языком и культурой. К тому же новое всегда сложно воспринять, а тем более принять. Есть язык, который удовлетворяет их быт и культуру, а второй язык (в нашем случае

это казахский) представляет лишь лишнюю нагрузку на психику, и они психологически не принимают второй язык.

Особое значение психолингвисты придают освоению и использованию стратегии обучения языку. А. А. Залевская разделила данные стратегии на три типа: метакогнитивный (опирается на сознательный подход к пониманию и запоминанию слова); когнитивный (опирается на использование учебно-образовательных материалов); социально-аффективный (основывается на осознанном избавлении от негативных мыслей о способностях языка и использование его для достижения определенных целей) [4].

При осуществлении последней стратегии возникает вопрос так называемого «промежуточного языка», которым сообщается уровень овладения языком обучаемым. На сегодняшний день в Казахстане «промежуточный язык» наблюдается у тех казахов, которые изучают казахский язык в качестве второго языка.

Одни психолингвисты придерживаются мнения, что «промежуточный язык» нужно понимать как влияние психологических процессов при изучении другого (второго или иностранного) языка. Другие же понимают его как индивидуальную языковую систему у субъекта, вытекающую из цельного представления об осваиваемом языке. Данное явление имеет такие языковые закономерности как симплификация (упрощение), овергенерализация (преобладающий итог), трансфер (перенос), клише.

На каждом этапе обучения правила изучаемого языка представляются осваивающему язык в виде определенного комплекса собственных представлений об этом языке.

На сегодняшний день истинные казахи к «промежуточному» казахскому языку относятся критически, преподаватели казахского языка желают избавиться от него. В действительности же его преодоление является обязательным этапом в изучении казахского языка. А преодоление его возможно посредством психолингвистического обучения, благодаря слиянию когнитивной и метакогнитивной стратегий.

Нужно отметить, что естественный переход говорящих на казахском языке как на «промежуточном» к истинному казахскому языку возможен при учащении случаев общения на нем, для чего необходимо создать определенные условия.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно выделить следующее:

С научной точки зрения современный казахский язык для русскоязычного населения находится между понятиями «иностранный» и «второй» язык. Существует необходимость повышения его статуса для других этносов, живущих в Казахстане, до уровня «второго языка».

Исследователи проблем «двуязычия» доказали, что один из двух языков обязательно является преобладающим. Наша цель – сделать преобла-

дающим казахский язык, чтобы казахстанский социум воспринимался с рассудительной и здравомыслящей толерантностью.

В нынешний компьютерный и информационный век освоение языка через механическое запоминание практически невозможно. Необходима лингвокультурная, этнопсихологическая среда. Обязательным компонентом освоения языка должен являться жизненный мотив.

Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев отметил, что «казахский язык должен являться основным фактором, объединяющим казахстанский народ»[5]. В связи с этим перед учеными-психолингвистами Казахстана стоит большая задача усовершенствования методики обучения казахскому языку русскоязычного населения в направлении к этнопсихологии.

Библиографический список

1. Мусрепов Г. М. Шығармалар жинағы, 5 томдық. Т 1-2. Алматы, 1972-1973.
2. Байтұрсынов Ақжол. Өлеңдер мен тәржімелер. Публицистикалық мақалар. Алматы, Жалын. 1991 ж.
3. Фрумкина Р. М. Психолингвистика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 320 с.
4. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. 206 с.
5. Назарбаев Н. А. Послание народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства». 2015 г.

© Сабыр М. Б., 2016

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ. ОПЫТ СЕРБИИ

Л. Л. Толвайшис

Факультет европейских политико-правовых исследований,
Университет «Эдуконс»,
г. Нови-Сад (Сербия)

В статье представлены опыт Сербии в области построения модели языковой политики и последствия внедрения выбранных институциональных решений для межэтнических отношений. Учёт ошибок Сербии может оказаться перспективным для России при оценке рисков внедрения модели зонтичной организации, выступающей единственным официальным представителем этнической группы в политической системе и наделённой полномочиями и регулярной бюджетной поддержкой.

Ключевые слова: национально-культурная автономия, языковая политика, мультикультурализм, национальные меньшинства Сербии

Как в РФ, так и в Сербии в основу концепции национально-культурной автономии (далее – НКА) положена добровольная самоорганизация меньшинств в целях сохранения самобытности, развития языка,

образования и культуры [10, ст. 1; 5, ст. 2]. Различия между институтами автономии двух государств заключаются в правовом статусе, особенностях учреждения и механизмах финансирования. Так, российские НКА организованы в форме общественных объединений граждан [7, с. 151–184]. В Сербии национальные советы национальных меньшинств (далее – НСНМ) избираются непосредственным голосованием по особым спискам избирателей от меньшинства, составляемых на добровольной основе. НСНМ выступают институциональной основой целостных культурных систем меньшинств (ст. 75. 3 Конституции) [9, с. 163].

Законодательством РФ допускается существование отдельных НКА одних и тех же групп на местном, региональном и федеральном уровне, тогда как НСНМ в Сербии наделены монополией на представительство соответствующих групп и на управление рядом учреждений. Рекомендации советов по делам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока не воспринимаются в качестве обязательных для исполнения [11, с. 208]. НСНМ Сербии наделены властно-распорядительными полномочиями и механизмом распределения бюджетных средств. Закон обязывает государственные, региональные и местные власти запрашивать мнение НСНМ в процессе принятия правовых актов в области официального использования языка, образования, культуры и СМИ на языках меньшинств. Наконец, государственная поддержка НКА в РФ – уполномочивающая норма, а в Сербии – обязывающая. Соответственно, финансирование российских НКА ограничивается рамками целевых программ. В Сербии 30 % средств, выделяемых для НСНМ из госбюджета, распределяется поровну между всеми зарегистрированными НСНМ, а прочие 70 % – пропорционально численности меньшинства, числу учреждений в ведении НСНМ и охвату их деятельности. Представители нацменьшинств, чья доля в составе населения Сербии составляет минимум 2 %, имеют право использовать свой язык в обращении к органам государственной власти, а также в работе парламента. Конституция запрещает урезать достигнутый уровень защиты прав меньшинств (ст. 20).

Меньшинства, живущие в Автономном Краю Воеводина (далее – АКВ), находятся в привилегированном положении благодаря наличию краевой сети учреждений и финансированию из бюджета АКВ. Статусом официального в АКВ наделены 6 языков – сербский, венгерский, словацкий, румынский, русинский и хорватский, а в отдельных муниципалитетах в АКВ и центральной Сербии – также албанский, болгарский, чешский, македонский и боснийский [8, с. 25]. Закон об официальном использовании языков и алфавитов [6, ст. 11. 2] обязывает муниципалитеты, в составе населения которых доля меньшинства достигает 15 %, наделить его язык статусом официального, наряду с сербским. 15 %-ный порог сопряжён с организационными и финансовыми сложно-

стями: малые муниципалитеты сталкиваются с перспективой официального использования сразу нескольких языков. К примеру, в сравнении с Австрией (Каринтия и Бургенланд, где применяется 20–25 %-ный порог), этот порог слишком низок. Поэтому рекомендуется истолковывать его как долю носителей языка, а не представителей меньшинства [1, с. 19].

Наделение НСНМ политическими, административными, информационными и финансовыми ресурсами ознаменовало продолжение социалистической традиции «сословного» деления по этническому признаку. Закрепление СМИ и прочих учреждений за НСНМ способствовало не столько межкультурному, сколько исключительно меньшинственному характеру этих учреждений, грозя обернуться сегрегацией, а не интеграцией, сохранению параллельных миров в культуре, образовании, СМИ, языковой сфере. Так, венгерским НСНМ предложено в местах компактного проживания меньшинств преподавать сербский язык как иностранный, а требования для формирования смешанных классов ужесточить [3]. В процессе исполнения международных конвенций выяснилось, что немалая часть неславянских меньшинств не владеет сербским. Как следствие, их представители всё более склонны к отъезду за границу в поисках работы.

Отдельные статьи стратегий информирования, принятых венгерским, словацким и русинским НСНМ, противоречат государственным стратегиям, профессиональным и этическим принципам журналистики, так как управленческие полномочия истолковываются как редакционные. Ключевая роль отводится «национальному самосознанию», а в жертву этнически сплывающей роли искусства и СМИ приносятся объективность информирования, художественная ценность и связи с соседними культурами.

Право на официальное использование языка при контактах с органами государственной власти практически не соблюдается. Отсутствует действенный правовой механизм обязательного наделения языка статусом официального на муниципальном уровне в случае, если 15 % населения составляет нацменьшинство. Большая часть муниципалитетов осуществляет административные процедуры на сербском, и лишь по требованию граждан задействует переводчика. Использование языков нацменьшинств в судах осложняется отсутствием преподавания юридической терминологии на этих языках, не определены критерии и способы проверки знаний языков. Требования вести дело на языке большинства часто выдвигаются с целью ускорения процесса, а на языке меньшинства – с целью его затягивания.

Высокими законодательными стандартами защиты права на официальное использование языков меньшинств Сербия превзошла международные нормы [2, с. 236]. Тем не менее, не проведена оценка условий осуществимости этих стандартов. Помимо нехватки административного

ресурса, претворению в жизнь выбранной либеральной концепции препятствуют ограниченные финансовые возможности государства и дефицит кадров, в совершенстве владеющих языками большинства и меньшинств. Положение усугубляется необходимостью учреждения особых служб и систематизации рабочих мест переводчиков и лекторов, установлении национального баланса в кадровой структуре органов власти (ст. 77. 2 Конституции) [4, ст. 21]. Большая часть положений декларативна, а для их эффективного применения не хватает подзаконных актов. Наличие таковых в АКВ позволило отчасти решить проблемы. В отсутствие внятной государственной стратегии многоязычия правовые акты не связаны между собой, а преподавание на языках меньшинств не способствует гармоничному двуязычию – развитию знаний параллельно на нескольких языках.

Библиографический список

1. Башић Г., Ђорђевић Љ. Остваривање права на службену употребу језика и писама националних мањина у Републици Србији. Београд: Заштитник грађана Републике Србије, 2010. 90 с.
2. Голић Д., Драгојловић Ј. Службена употреба језика и писама националних мањина // Култура полиса. 2015. № 27. С. 223-238.
3. Дневник. Мултијезичност у све празнијим учионицама. 2. 03. 2014.
4. Закон о заштити права и слобода националних мањина. Службени гласник, бр. 72/2009 и 97/2013 – одлука УС.
5. Закон о националним саветима националних мањина. Службени гласник РС, бр. 72/2009, 20/2014 – одлука УС 55/2014.
6. Закон о службеној употреби језика и писама. Службени гласник РС, бр. 30/2010.
7. Осипов А. Г. Национально-культурная автономия в России: идея и реализация // Этнокультурное многообразие – потенциал развития общества в странах Центральной Азии (практика, концепции, модели, перспективы): материалы международного семинара / под ред. Н. Багдасаровой, М. Глушковой, Н. Асылбековой. Бишкек: 2004. С. 151-184.
8. Покрајински омбудсман АПВ. Две године националних савета. Истраживање покрајинског омбудсмана. Нови Сад: ПО АПВ, 2012.
9. Толвайшис Ј. Совети националних мањинств как инструмент етническе политике в отношении малочисленных этносов Сербии: опыт, проблемы, перспективы // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: сб. науч. статей / под ред. В. В. Поддубикова. Кемерово: Практика, 2014. С. 162–167.
10. Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (с изменениями и дополнениями).
11. Чемчиева А. П. Общественные организации коренных малочисленных народов Республики Алтай: проблемы взаимодействия с властью // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности: сб. статей / под ред. В. В. Поддубикова. Кемерово: Практика, 2013. С. 205-210.

© Толвайшис Ј. Ј., 2016

ПОНЯТИЯ «ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА» И «ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ

Б. Ж. Цыбденова

Восточно-Сибирский государственный
институт культуры, г. Улан-Удэ

В статье рассматривается интерпретация понятий «языковая политика» и «языковое планирование», наиболее часто используемых и принятых в современной российской и американской социолингвистике. Языковая политика, являющаяся составной частью государственной политики любого государства, зависит от множества факторов в условиях полиэтнических и многоязычных стран, таких как политика государства, идеология социальных групп, а также языковых, этнических, социально-экономических и социально-культурных факторов. Правящие круги должны проводить правильную языковую политику и осуществлять мудрое языковое планирование, принимая во внимание как языковые права миноритарного народа, народностей, так и нации для мирного сосуществования народов внутри многонационального государства, сохранения и развития национальных культур и языков, лингвистического и культурного разнообразия в мире.

Ключевые слова: языковая политика, языковое планирование, языковой инжиниринг, языковое строительство.

В современной российской и американской социолингвистике имеют некоторые нюансы в трактовке понятий «языковая политика» и «языковое планирование» и их понятийных производных.

Термин «языковое планирование» возник для решения языковых проблем при строительстве наций-государств после II мировой войны, в период распада европейских колониальных империй и создания новых наций, особенно в Азии и в Африке.

Впервые определение языкового планирования (Language Planning) было дано Э. Хаугеном. Под языковым планированием он понимал любое воздействие на язык, осуществляемое со стороны определенных организаций или частных лиц и имеющее официальный или неофициальный характер [9]. Схожее определение языкового планирования дали А. Д. Швейцер и Л. Б. Никольский: «Языковое планирование фактически охватывает любое сознательное и целенаправленное воздействие на язык» [8, с. 119]. Для развивающихся стран более характерны такие виды планирования, как разработка официальной политики с целью выбора кода и как расширение функций кода, а для более развитых – культивирование разновидностей кода) [7, с. 153–154].

В американской лингвистике дисциплина, изучающая языковую политику и языковое планирование, первоначально имела название «языковой инжиниринг» («language engineering») и была направлена на создание

программ для решения языковых проблем новых независимых развивающихся наций [10, с. 2].

В отечественном языкознании традиционно стали употреблять термин «языковое строительство» в годы Советской власти. Языковое строительство проводилось через государственную политику, направленную как на внутреннюю структуру, так и на функциональную сторону языка. В первом случае речь идет о нормировании в области произношения, морфологии, синтаксиса и лексики, включая также мероприятия по разработке и совершенствованию письменности, графики и т. п. Во втором случае воздействие может быть оказано, во-первых, на расширение или сужение функций языка в определенной языковой ситуации, а во-вторых – на состояние отдельных подсистем единого языка (стилей, жаргонов, диалектов). [1, с. 177].

Термин «языковая политика» в американской лингвистике появился позднее. В 1970 г. его употребил Дж. Фишман, не отметивший существенного отличия от понятия «языковое планирование» [11].

Традиционно «языковой политикой» называют политику государства по национально-языковым вопросам. Языковая политика определяет совокупность мер, предпринимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или сохранения старых языковых норм. В языковую политику входят также процессы нормирования, кодификации литературной нормы, сознательная слово – и терминотворческая деятельность; т. е. процесс выбора языкового образования для тех или иных коммуникативных целей.

Американский социолингвист Роберт Б. Каплан трактует языковую политику как совокупность идей, законов, постановлений, правил, практик, которые способствуют достижению запланированных изменений в языке общества, группы или системы. Языковая политика может быть осуществлена на различных уровнях, начиная с документов по официальному планированию языка и официальных решений до неофициальных заявлений о намерении (т. е. дискурс языка, политики и общества, которые на первый взгляд, не кажутся языковой политикой). Сознательное и целенаправленное воздействие на язык осуществляют как отдельные лица (ученые, учителя, государственные деятели), так и общественные группы (правительства, партии, общественные организации и движения) [10, с. 2] (перевод наш).

Языковая политика подразумевает теорию активного контроля над процессом языкового развития, в то время как языковое строительство (или языковое планирование) подразумевает практику или процесс осуществления мер для претворения в жизнь теории, т. е. языковой политики.

С точки зрения Роберта Б. Каплана, языковое планирование – это деятельность, предпринимаемая правительством для того, чтобы способствовать систематическим языковым изменениям в какой-либо языковой общности. Осуществление языкового планирования руководствуется общепризнанным языковой политикой правительства (или каким-нибудь другим властным органом или лицом). Как в прошлом, так и в настоящем языковое планирование большей частью предпринимается правительством и задумывается как деятельность, направленная сверху-вниз, выражающая ряд представлений, убеждений, идей и так далее, определенной доминирующей социальной группы [10, с. 2].

Языковая политика, будучи составной частью национальной политики государства, требует гибкости и учета множества факторов в условиях полиэтнических и многоязычных стран, где «соотношение языков по их коммуникативным функциям, по использованию в различных сферах социальной жизни тесно связано с механизмами политического управления, национального согласия и социальной стабильности» [2, с. 263].

Общая политика государства, идеология социальных групп и другие социальные факторы оказывают свое влияние на язык посредством языковой политики. Эффективность языковой политики во многом зависит от воздействия складывающихся условий в регионе, а именно – языковых, этнических, социально-экономических и социально-культурных. Параллельно языковая политика оказывает определенное воздействие на развитие этнической, языковой, социально-экономической и социально-культурной обстановки в регионе. Иными словами, языковая политика сама представляет фактор развития социально-лингвистической ситуации на той или иной территории [4, с. 47].

Языковая политика представляет собой механизм выявления обладателей политической власти и экономических ресурсов. Языковая политика – это также механизм, помогающий доминирующим группам устанавливать гегемонию в процессе языкового употребления. Иерархическим образом устроенные социальные системы ассоциируются с эксплуатационной языковой политикой, которая проявляется в том, что отдельным группам предоставляется преимущественное право пользоваться определенным языком или его разновидностью. Кроме того, эксплуатационная языковая политика, закрепленная в системах образования полиэтнических государств, ограничивает миноритарные языковые группы использовать в качестве средства обучения родные языки, а также не способствует развитию двуязычия среди учащихся [11].

Вопросы языковой политики и языкового планирования возникают на любом этапе развития общества при взаимодействии двух и более языковых общностей внутри одного государства, когда встает проблема выбора средства коммуникации для взаимопонимания и обустройства общественной жизни и когда присутствует стремление пользоваться в

любой ситуации своим родным языком. Реализация потребности взаимопонимания, стремления и права пользоваться родным языком – залог мирного сосуществования народов внутри многонационального государства, сохранения и развития национальных культур и языков, лингвистического и культурного разнообразия в мире. Правящие круги должны проводить правильную языковую политику и принимать такие меры по устройству языковой жизни, которые учитывали бы как языковые права меньшинств, так и нации. Данная проблема является особенно актуальной в многонациональной России в условиях глубоких социальных перемен, связанных с мерами, принятыми субъектами РФ по реализации постановлений и Законов о языках для возрождения языковых традиций и расширения социальных функций языков титульных народов [5, с. 4], в эпоху глобализации, коммуникационных и информационных технологий.

Библиографический список

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: к вопросу о предмете социолингвистики. Л., 1975. 276 с.
2. Великов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М., 2001. 439 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 709 с.
4. Никольский Л. Б. Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока. М.: Наука, 1986. 194 с.
5. Цыбденова Б. Ж. Языковая ситуация в Республике Бурятия / Вост. -Сиб. гос. акад. культуры и искусств. Улан-Удэ: Изд. -полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008.
6. Чернышев В. А. Факторы складывания и изменения языковой ситуации //Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки. М., 1970. С. 44.
7. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. М., 1977. 176с.
8. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М., 1978. 216 с.
9. Haugen E. Planning for Standard Language in Modern Norway // Antropol. Ling. 1959. № 8. Haugen, 1959.
10. Kaplan R. B. Language planning // Applied Research on English Language: 2(1) 1

Ресурсы удаленного доступа

1. Гришаева Е. Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве (функциональный аспект): автореф. дис. ... на соискание ученой степени доктора филологических наук. Красноярск, 2007. URL: www.dissercat.com/content/tipologia-yazykovykh (дата обращения: 22.12.2015).

© Цыбденова Б. Ж., 2016

РОЛЬ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ «ИНЕ ТІЛІ» В СОХРАНЕНИИ РОДНОГО ЯЗЫКА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

З. А. Чертыкова

Республиканское общественное движение «Ине тілі», г. Абакан

Республиканское общественное движение за сохранение и развитие хакасского языка «Ине Тілі» с момента своего создания в 2003 году неизменно следует основной цели, заявленной в его названии. Совет движения объединяет на общественных началах наиболее продвинутых, заинтересованных и неравнодушных представителей хакасского народа. Это позволяет нам предлагать и реализовывать новые проекты и формы работы, направленные на укрепление имиджа родного языка и более активное и творческое его использование рядовыми носителями языка. К наиболее успешным проектам можно отнести такие мероприятия на хакасском языке, как: вечера юмора «Хормачы Иир», конкурсы и мастер-класс Хакасских семей, конкурсы исполнителей героических сказаний, конкурсы знатоков хакасского языка среди молодого поколения и взрослых и др. [2].

Конкурсная основа и новые формы мероприятий способствует повышению мотивации участников, более полному раскрытию их творческого потенциала и привлечению новых групп поддержки, заинтересованных в продвижении родного языка как источника духовного обогащения. Так, Альбина Курбижекова, племянница знаменитых хайджи П. В. Курбижекова и тахпахчи А. В. Курбижековой, сама непревзойденная тахпахчы, вспоминает: «Когда движение «Ине Тілі» объявило конкурс на хакасском языке, я работала в школе № 28 г. Абакана. Именно в процессе подготовки к конкурсу родился тахпах о родном языке «Төрөөн тілім».

Этот прекрасный тахпах теперь исполняют и профессиональные коллективы (театр «Читіген», например), и он популярен среди рядовых тахпахчи. Это связано не только с его глубоким эмоциональным содержанием, но и с традиционным поэтическим ритмом, интонационным рисунком и ярким образным языком. Можно сказать, что тахпах Альбины Курбижековой «Төрөөн тілім» стал замечательным гимном красоте и богатству хакасского языка. Приведем отрывок из него:

Тасхыл тағларының аразынаң,
Тамырланып, чулычах сыхча.
Тадар тілім андағ арығ
Таңнастығ чоохнаң сабланча.
Хорлап аххан хара суучах
Хоос көөнөң ипті көгленче.
Хакас тілім андағ сіліг,

Хайхастыг сӧснӧ сабланча.
Читӧ хыллыг чадыганым
Чӱресе кере ӱннен тур.
Чоным тӧлӧ ханым-чаным
Чалахай чоохха килӧс тур.
Тоҕыс хыллыг чадыганым,
Тӧлӧг чӧлӧ, ӱннен тур.
Тӧрӧс тӧлӧм – тынган тӧлӧм,
Тахапахха, кӧге килӧс тур.

Начиная с 2011 года «Ине Тӧлӧ» организует мероприятия на хакасском языке за счет грантовой поддержки в рамках республиканской долгосрочной целевой программы «О развитии языков народов Республики Хакасия 2011 – 2013 гг.», утвержденной Правительством РХ, совместно с АГУ «Центр культуры и народного творчества им. С. П. Кадышева» Министерства культуры РХ. Среди реализованных проектов можно назвать такие, как:

– Конкурс хакасских команд КВН среди учреждений науки, образования и культуры г. Абакана «Ине Тӧлӧ – Чоннын худы» (2011);

– Конкурс хакасских команд КВН, посвященный 150-летию Юбилею великого хакасского ученого Н. Ф. Катанова, в 2012 г.

В 2013 г. общественное движение «Ине Тӧлӧ» выиграло грант на реализацию проекта, в рамках которого мы провели обучающие семинары «Тахпах чорыгы» с выездом в аалы разных районов республики. В рамках этих семинаров ансамбль «Чон кӧглерӧ» (руководитель Н. В. Катаева) провел серию мастер-классов по тахпахам. Активное участие в их проведении принял практически весь коллектив прославленного народного ансамбля, который постоянно включает тахпахи в свой репертуар. В программу семинаров вошли преимущественно обрядовые (свадебные) тахпахи, которые по-прежнему исполняются в хакасских свадебных церемониях.

Следует отметить важную особенность: все конкурсы и мероприятия «Ине Тӧлӧ» проводятся только на родном языке. Можно предположить, что именно поэтому они стали традиционными и самое главное – востребованными.

Рассматривая родной язык как духовное наследие народа, мы обращаемся к истокам, сохранным, в том числе, в трудах первого хакасского ученого профессора Н. Ф. Катанова, который ввел языковое наследие предков в научный оборот. Он оставил свой завет нам и будущим поколениям: «Изучайте свой край, свое село, которые вы невежливо именуете «дырой»... Посмотрите, как интересно, как самобытно творчество наших народностей, как прекрасны их предания, былины, сказки, пословицы, их песни и музыка... Я кое-что сделал по изучению языка, но надо сделать гораздо больше...». Мы должны помнить эти проникновенные слова

Н. Ф. Катанова, которые звучат через века как наставление бережно хранить и изучать свой язык и богатейшее фольклорное наследие.

Сегодня нам всем необходимо знать, на каком уровне находится наш хакасский язык, какое место занимает среди языков других малочисленных коренных народов, как реагировать на угрозы, стоящие на его пути?

Ответы на эти вопросы содержатся в работах одного из основателей движения «Ине Тілі», доктора филологических наук, профессора Т. Г. Боргояковой [1, 2]. Она справедливо отмечает, что можно придать языку максимально высокий статус, законодательно закрепить самые широкие права по его использованию во многих сферах социальной жизни, но эти права останутся лишь потенциальной возможностью, если не будет народа, который захочет этими правами воспользоваться, читать изданные книги, словари и учебники.

Отнесение хакасского языка к группе языков под угрозой исчезновения в Красной книге языков ЮНЕСКО в 1993 г было вызвано такими негативными факторами, как: доля лиц, владеющих родным языком по отношению к составу всего этноса, и количество детей, не владеющих родным языком, даже в местах компактного проживания этноса. Причем Ю. Йанхунен, автор статьи о хакасском языке, отмечает, что хакасский язык в целом находится под угрозой исчезновения, но в отдельных местах он практически уже вышел из употребления.

Т. Г. Боргоякова считает, что, несмотря на наличие всех оснований для признания данного вывода, нам не следует сдаваться и опускать руки; ведь диагноз даже неизлечимой болезни всегда оставляет шанс, за который мы будем бороться. Важнейшим приоритетом в этой борьбе является сохранение и постепенное увеличение количества лиц как говорящих на хакасском языке и творящих на нем, так и пока только изучающих хакасский язык. Именно этим занимается движение «Ине Тілі», добровольное участие в котором всегда открыто для желающих присоединиться. Как основную опору поддержки языка оно рассматривает его сохранение в семье и его ближайшем окружении. Мотивационную основу этой общественной работы составляют мероприятия государственных учреждений и органов власти, направленных на поддержку функционирования хакасского языка в важнейших официальных и социальных сферах республики.

Опыт проведения республиканского фестиваля «Ине тілі» (с 2010 г.) показал эффективность сотрудничества с органами государственной власти РХ: Министерством национальной и территориальной политики РХ, Министерством образования и науки РХ, Министерством культуры. Количество желающих участвовать в мероприятиях растёт с каждым годом. В 2015 году на участие в данном фестивале поступили заявки от 14 команд.

В пояснительной записке к положению о республиканском фестивале «Ине тілі» Н. С. Майнагашева, кандидат филологических наук, ведущий

научный сотрудник сектора литературы ХакНИИЯЛИ, отмечает, что в ходе подготовки конкурса «Ине тілі» реализуется установка на активное использование языка фольклорных источников, что имеет огромное воспитательное, познавательное и эстетическое значение. Именно национальный фольклор является могучим действенным средством умственно-го и нравственно-эстетического воспитания детей, развивает умение тонко чувствовать художественную форму, мелодику и ритм родного слова, расширяет знание о традиционной культуре, даёт прекрасные образцы родного языка и способствует укреплению позитивной этнической идентификации.

Так, фестиваль «Ине тілі» в 2014 году был посвящён теме лошади (ат) в жизни хакасов. Участники фестиваля изучили огромное количество научной и научно-популярной литературы, подготовили интереснейшие тексты о лошади, прочитали алыптыг нымахы, импровизировали, соревновались в мастерстве красноречия и «скороговорения» на хакасском языке, подготовили рисунки на заданную тему. Удачным был конкурс анимационных сюжетов по мотивам хакасских богатырских сказаний. Стало доброй традицией фестиваля «Ине тілі» дарить каждому участнику специально изданный сборник на заданную тему: «Ат полары – хулуннан, ир полары – кічігден» (2014), «Народные истоки тахпахов» (2013). В юбилейный год Н. Ф. Катанова совместно с Центром культуры и народного творчества им. С. П. Кадышева подарили книгу «Хан пора» И. Ф. Коковой. В 2016 году в качестве специального приза участникам предполагается издание одного из Алыптыг нымахов.

Движение «Ине тілі» продолжает тесное сотрудничество с научными сотрудниками ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова, ХакНИИЯЛИ, ХАКИРО и другими деятелями образования и культуры. Так, С. С. Чаптыкова, Заслуженная артистка РФ и РХ, Председатель союза театральных деятелей РХ, в отчёте за 2015 год пишет о тесном сотрудничестве правления СТД с движением «Ине тілі», отмечая вклад режиссеров и актеров в консультационную и практическую помощь в организации мероприятий «Ине тілі». В этом движении подрастает талантливое поколение молодежи, знающее родной язык и традиции своего народа – есть вера, что они завтра придут в театр. Движение «Ине тілі» выражает благодарность СТД за помощь в организации и проведении фестивалей на протяжении многих лет, – завершает С. С. Чаптыкова. Сама Светлана Семёновна, несмотря на огромную занятость, является непревзойденным ведущим конкурсов и фестивалей «Ине тілі».

Сохранение и развитие культур и языков народов России, укрепление их духовной общности является важнейшей частью государственной национальной политики РФ. Республиканский фестиваль «Ине тілі» проводится в рамках подпрограммы «Укрепление единства Российской нации и гармонизации межрегиональных отношений в РХ» (2014–2016 гг.), у-

вержденный постановлением правительства РХ от 13.11.2013 г. № 622. Кроме нашего движения учредителями и организаторами фестиваля являются: Министерство национальной и территориальной политики РХ, Министерство образования науки РХ, Министерство культуры РХ. Основной темой фестиваля *Ине тілі* в 2016 году является уникальный памятник нематериального культурного наследия Алыптыг Нымах. Целью фестиваля является сохранение и развитие хакасского языка и расширение сфер его использования. Его задачи:

– оказание содействия деятельности образовательных организаций РХ популяризации хакасского языка и эпического наследия;

– содействие укреплению позитивной этнической идентичности подрастающего поколения через изучение героических сказаний;

– повышение привлекательности языка хакасского эпоса для интеллектуального и творческого развития учащихся, расширение словарного запаса обучающихся за счёт богатого языкового наследия героических сказаний хакасского народа.

В заключение мне бы хотелось выразить огромную благодарность всем участникам движения «*Ине тілі*», которые посвящают своё время, вдохновение, силы и энергию поддержке и развитию родного языка.

Библиографический список

1. Боргоякова Т. Г. Развитие социальных функций государственных тюркских языков республик Южной Сибири. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук. М., 2002. 327 с.
2. Боргоякова Т. Г. Развитие билингвизма в республиках Тыва и Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7-1 (25). Тамбов: Грамота. 2013. С. 36–39.
3. Чертыкова З. А. Роль общественности в сохранении родного языка: хакасский опыт // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России. Материалы международной научно-практической конференции 22–14 сентября 2005 года, Абакан / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2005. С. 93–97.

© Чертыкова З. А., 2016

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ И ФОНЕТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКОВ СИБИРИ

ОБ ОДНОСЛОЖНЫХ КОРНЯХ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

И. А. Абдувалиев

Институт языка и литературы НАН КР,
г. Бишкек (Кыргызстан)

В тюркских языках, в том числе и в кыргызском, корень может выступать самостоятельным полноценным словом, которое по своему звуковому и грамматическому строению является, в основном, односложным и состоит из таких типов звуковых сочетаний, как гласная, согласная-гласная, гласная-согласная, согласная-гласная-согласная. По мнению многих учёных, древний пласт лексики кыргызского языка, как и других тюркских языков, состоит из односложных корневых слов. При выявлении их происхождения, и сравнении с материалами диалектов, письменных памятников, а также родственных тюркских языков, приходим к выводу, что практически все исконные тюркские слова берут начало от односложных основ.

Ключевые слова и фразы: корень, основа, односложный, тюркские языки, аффиксы.

Основной функцией языка является обслуживание общения людей, их взаимодействия. Общение осуществляется посредством слов, являющихся основными единицами языка. С помощью слов достигается взаимопонимание людей, поддерживается активность отношений в их общественной жизни. Используя слова, выражая через них свои мысли, люди взаимодействуют друг с другом.

Что такое слово? Учёные-лингвисты дают на этот вопрос различные ответы. Однако, их общий смысл сводится к тому, что слово мы произносим и слышим, используем, понимаем его значение. То, что мы осознаем, говорим и слышим, является словом.

Что мы произносим? Единство звуков, исходящих из наших уст, понятное и нам самим, и слушающему нас собеседнику. Если звуки или сочетания звуков понятны, значит, они являются словами. Звуки и их сочетания понятны благодаря значению, которое в них есть, именно это значение и делает слово словом. Состоя из звуков и звуковых единств, слово может состоять из одного или более слогов. Это свойство слова изучается в грамматике. Здесь мы не будем на нем останавливаться.

Поскольку проблема, которую мы рассматриваем, – это односложные корневые слова, то мы и обратим наше внимание лишь на эту сторону вопроса.

В тюркских языках, в том числе в кыргызском языке, корень может выступать самостоятельным полноценным словом. По своему звуковому и грамматическому строению оно является, в основном, односложным и состоит из таких типов звуковых сочетаний, как гласная (Г), согласная-гласная (СГ), гласная-согласная (ГС), согласная-гласная-согласная (СГС). С точки зрения многих ученых, древний пласт лексики тюркских языков, в том числе кыргызского языка, состоит из односложных корневых слов [1, с. 47–50]. Конечно, высказываются и мнения, утверждающие, что к древним могут быть отнесены и основы, состоящие из двух и более слогов. Не подвергая сомнению позицию башкирского ученого Т. М. Гарипова [2, с. 106], Б. О. Орузбаева, изучив собранные ею материалы по кыргызскому языку, делает вывод о том, что в совокупности «существует 75 структурных типов» безаффиксных основ [1, с. 53]. Исследовав эти 75 типов безаффиксных основ в кыргызском языке [1, с. 68–190], Б. О. Орузбаева проанализировала в том числе «звуковой строй так называемых первичных основ» [1, с. 68], однако при этом не было приведено доказательств в пользу первичности каких-либо из дву- и многосложных основ. Названный труд явился результатом ее многолетних исследований, о чем говорит привлечение в качестве примеров всех видов безаффиксных основ кыргызского языка, их подсчет и выведение их общего числа и количества по частям речи. Если суммировать все односложные основы, описанные в книге Б. О. Орузбаевой, у нас получится всего 1 365 слов.

Если выявить историческое происхождение, сравнить с материалами разных диалектов кыргызского языка, а также родственных тюркских языков, то вполне можно убедиться, что практически все исконные слова кыргызского языка берут начало из односложных основ. Так, внимательное рассмотрение структуры дву- и многосложных слов кыргызского языка показывает, что в них произошло слияние с основой не только ныне непродуктивных или неполноценных, но и мало продуктивных и даже продуктивных аффиксов, в силу чего оказалось затемнено собственно значение односложной основы. Изучая корневые слова в кыргызском языке, известный лингвист С. А. Давлетов подразделял их на свободные и связные [3, с. 13–14]. Мы в своих трудах [4, с. 16] поддерживали такую точку зрения, которая зародилась из того факта, что основы в тюркских языках, в том числе в кыргызском, могут служить в качестве полноценного слова. Например, корневые основы следующих слов являются самостоятельными словами: *кырг. чачтуу* ‘волосатый’ (чач ‘волос’), *утуш* ‘выигрыш’ (ут- ‘выигрывать’), *тапкыч* ‘находчивый’ (тап- ‘найти’). Что касается таких слов, как *тегерек* ‘круглый’, *тоглок* ‘шарообразный’, *акса-* ‘хромать’, *эңсе-* ‘желать’, *сыла-* ‘гладить’, то в них явно прослеживается корень (основа), который слился с присоединившимися аффиксами (-*галак*, -*са*, -*ла*), и его нетрудно вычленить. Части слов, остающиеся

после отделения аффиксов (*те ~ тек, то ~ ток, ак, эң, сы*), лишь в совокупности с этими аффиксами проявляют свое лексическое значение. Для того, чтобы обозначить эти части слов как тип корня (основы), С. А. Давлетов ввел термин **байланышма уңгу** 'связной корень' [3]. На наш взгляд, было бы благоразумно и в других тюркских языках применить подход С. А. Давлетова по вопросу расчленения слова на морфемы.

Односложные корневые слова мы условно подразделяем на следующие три подгруппы: 1) самостоятельно употребляющиеся как полноценные слова с лексическим значением; 2) выражающие лексические значения при помощи аффиксов как словообразовательных, так и словоизменительных; 3) обозначающие лексические значения в сравнении с фактами диалектных слов, родственных языков и данных письменных памятников.

I. В словарном составе современного кыргызского языка самостоятельно употребляющихся односложных корневых слов типа **Г**, по данным Б. О. Орузбаевой, – 15 [1]. Часть из них слова междометия: *а* 'он', *и* 'межд., побудительное', *о* 'межд., выражающее горе, сожаление', *оо* 'сваливаться', *уу* 'охота', *уу* 'яд', *ээ* 'хозяин' и др.

Односложные корневые слова типа **ГС** и **ГСС**: *аз* 'мало', *ай* 'луна', *ай* 'месяц', *ак* 'белый', *аң* 'яма', *ат* 'имя', *ат* 'лошадь', *аш* 'пина', *оор* 'тяжелый', *ууз* 'мозоливо', *уул* 'сын', *ууч* 'горсть', *арт* 'перевал', *арт* 'задняя сторона', *өрт* 'пожар', *эрк* 'воля', *айт-* 'сказать', *арт-* 'навьючивать' и многие другие.

Односложные корневые слова типа **СГ** и **ССГ**: *же* 'или', *боо* 'веревка', *буу* 'пар', *жаа* 'лук (оружие)', *жоо* 'враг', *жөө* 'пешком', *зоо* 'скала (недоступная)', *коо* 'яма', *көө* 'сажа', *куу* 'мелодия', *төө* 'верблюд', *же-* 'кушать', *ме-* 'на, бери', *буу-* 'связывать, крепко связывать', *жуу-* 'приближаться', *жуу-* 'мыть, смывать' и многие другие.

Односложные корневые слова типа **СГС** и **СГСС**: *бай* 'богач', *бал* 'мёд', *баш* 'голова', *бек* 'крепкий', *бий* 'танец', *беш* 'пять', *бут* 'нога', *жал* 'грива', *жер* 'земля', *жол* 'дорога', *кыз* 'девочка', *кыш* 'зима', *чың* 'крепкий', *бар-* 'идти', *бас-* 'ходить', *бил-* 'знать', *буз-* 'разрушать', *жап-* 'закрывать', *жет-* 'дойти', *каз-* 'копать', *бөрк* 'шапка', *журут* 'народ', *калт* 'ложь', *карт* 'старый', *конч* 'голень', *көрк* 'красота', *курт* 'червь', *курч* 'острый' и многие другие.

II. Наш язык – язык агглютинативный. Слова в тюркских языках, особенно, в кыргызском, в котором хорошо сохранилась гармония гласных, легко расчленяются на морфемы. Поэтому, во многих словах лексическое значение корневой основы осознается с помощью словообразовательных или словоизменительных аффиксов, присоединенных к ним. Приведем примеры односложных корневых слов, выражающих лексические значения при помощи аффиксов самого кыргызского языка: *адым* 'шаг' (ср.: *бут* + *ым* 'приговор', *жар* + *ым* 'половина' и т. д.) < ат ~ ад: атта- 'ша-

гать, перешагивать»; атта- 'шагать, перешагивать; прыгать, перепрыгивать', здесь вторая часть слова (-та) является фонетическим вариантом продуктивного словообразовательного аффикса -ла; *āt-* 'шагать' [5, с. 193]. См. каз. «ат- (синкр. шаг, ход, ходьба // шагать, ходить): *атта-* < *ат* + *та-* перешагнуть, перепрыгнуть; *адым* < *ад* + *ым* шаг, длина одного шага. Ср. чув. *от-* шагать» [6, с. 97] [7, с. 188]; *кайса-* 'торопливо есть, есть наскоро' (ср.: *суу* + *са-* 'жаждать', *теп* + *се-* 'топтать' и т. д.) < кай (?); *куру-* 'сохнуть, высохнуть, усыхать' [ср.: *бай* + *ы-* 'богатеть', *жоош* + *у-* 'смиряться', *курч* + *у-* 'остреть' и т. д.) < кур 'сухой, высохший; сухость', др. -тюрк. *qur* ~ *qurıǵ* 'сухой' [8. Т. 3, с. 122], ср. тув. кур 'нетронутый, целинный' [10, с. 265]; *титире-* (ср.: *жалт* + *ыра-* 'сверкать', *калт* + *ыра-* 'дрожать', *шарк* + *ыра-* 'грохотать' и т. д.) < подр. тит (?); *моңкү* 'становиться на дыбы, взбрыкивать на месте'. Др. -тюрк. *töñ-* 'становиться на дыбы, вскидывать зад (о лошади)' [9, с. 346]. Ср. тув. *мөөр* ~ *мөг* 'становиться на дыбы, брыкаться; скакать, стараясь сбросить седока' [10, с. 302]; *мүн* (в кыргызском *устаревшее слово*) 'бульон, суп', хак. *мүн* 'бульон' [11, с. 259]; тув. *мүн* 'суп, бульон' [10, с. 304]; др. -тюрк. *mün* 'бульон' [12. Т. 1, с. 341]; *алды* 'перёд, передняя часть', хак. ал 'перед, передняя часть чего-л.' [11, с. 48]; др.-тюрк. *al* 'перёд' [13, с. 356]; общетюрк. ал 'перед, передняя часть, передняя сторона' [14, с. 124]; *албыр* (ал + *быр-*) 'сиять, блестеть, пылать; пламенеть; краснеть (о лице), возбуждаться' [24, с. 47], где *-быр* ~ *-мыр* мертвый словообразовательный аффикс: алт. *јагмыр* 'дождь' < *јаг-* ~ кырг. *жаа-* 'идти (о дожде)'. Каз. ал 'алый, розовый, бледно-розовый, светло-красный': ал *кызыл* 'светло-красный, ярко-красный'; ал *күрөң* 'светло-рыжая (масть лошади)' [7, с. 186]; аз. ал 'алый, румяный, красный' [16, с. 29]; общетюрк. аал 'алый' [14, с. 125-126]; *котоло-* 'сгрудиться, столпиться'; котон южн. 'скотный двор'; топ. Жар-котон < жар 'овраг; крутой берег' и котон уст. 'место остановки, стоянки кочевника со скотом' < *кот* + *он* типа «*ийин* – плечо, *мурун* – нос, *карын* – желудок» [1, с. 291], где выделяется словообразовательный аффикс *-ан* ~ *-ын*. Ср. тув. кодан (коьдан) 1) 'усадебя; двор; место, где находится аал'; 2) 'отара, стадо, табун (одного аала)' [10, 244]; *көнөк* 'кожаное ведро'; *көнөчөк* 'маленькое ведерко' < *көн* 'выделанная сапожная кожа, простой сорт кожи': *көнчү* (*көн* + *чү*) 'кожевник (мастер)'; башк. *күн* 'выделенная кожа': *күн* итек 'кожаные сапоги' [17, с. 294], хак. *көнек* (-гі) 'ведро' [11, с. 200]; *омок* (*ом* + *ок*) 'сила, бодрость; опора, поддержка', хак. *омах* 'бодрый, живой (о характере)' [11, с. 302]; *омоктуу* 'сильный, бодрый'; *сындауу* 'статный; имеющий хороший вид и обладающий положительными качествами'; сыр аяктын сыры кетсе да, сыны кетпейт *погов.* Ср. хак. сын 'рост, высота, стан' [11, с. 552]; *талы-* 'замереть, онеметь; падать в обморок'; талма 'эпилепсия'; талык- 'утомиться, устать, измучиться'; алт. тал- 'падать в обморок, терять сознание' [18, с. 169]; *тегиз* (*тег* ~ *тек* + *ыз*) 'ровный; равнина'; текши

‘равно, одинаково; сплошь, целиком’; текче ‘полка’. *Ср. калм.* тег ‘степь, поле’ [19, с. 488]; **тегерен-** (*тег ~ тек + ер + ен*) ‘кружиться, вращаться’; тегерек ‘окружность, круг’; тегирич ‘тканая ковровая полоса (*шириной около 15–18 сантиметров*)’, идущая по кругу внутри юрты ниже сгиба унины’; тегирман ‘мельница’. А. Н. Кононов от глагольной основы *tegiṛ ~ teviṛ* ‘поворачивать’ выделяет словообразовательный аффикс *-r ~ -ir* [20, с. 118]; **тең** ‘каждый из двух выюков, навьюченных на верховое животное’. А. Кайдаров относит к корневому слову *тең* исконно тюркское. Исторически оно восходит к *тең* ‘равный, одинаковый’. Кочевники во время перекочевки готовили поклажу так, чтобы ее части были равными для навьючивания на лошадь, отчего выюки кочевников назывались словом *тең*. «По всей вероятности *теңге* – древняя форма эквивалента обмена товаров тюркских народов, которые могли обменивать скот, равняя их по весу или поголовно» [21, с. 22]. *Ср.* тенге ‘деньги; монета (*тюркских народов*); денежная единица Республики Казахстан’; **тынч ~ тыныч** ‘спокойный, мирный, тихий; покой’; тынчтык (*тын + ыч + тык*) ‘мир’; *башк.* тын ‘тихий, спокойный, бесшумный; тихо, спокойно’ [17, с. 559]; **уку-** (*ук + у-*) ‘подтолкнуть (*в бок*)’, *ср. тув.* уг ‘направление’ [10, с. 432]; **упчу** (*уп ~ оп + чу*) ‘соска’. *Ср.* оп- ‘глотать, хлебать’; **уста** (*ус ~ уз + та*) ‘мастер, кузнец’. *Ср.* уз ‘искусница, рукодельница, искусник’; *др. тюрк. уз:* *uz kiṣi* ‘мастер; человек умеющий рукодельничать’ [22. Т. 1, с. 64]; **чөргө-** (*чөр + гө-*) ‘завернуть, обернуть, обмотать’, *тув.* чөргээр < чөрге- ‘пеленать’; уруг чөргээр ‘пеленать (свивать свивальником) ребенка’ (10, с. 543-544); *хак.* чөргек ‘комбинезон для грудного ребенка (*из шкуры мерлушек*)’ [11, с. 998] и др.

III. Немалое количество слов в современном кыргызском языке обладает корневой частью, которую трудно расчленить. Однако, при помощи фактов родственных языков в них можно обнаружить устаревшие корневые основы, которые сливаясь со словообразовательным элементом, превратились в неразложимые слова. Приведём следующие примеры: **айыр ~ айры-** ‘раздваивать; разрывать, разлучать; различать’ (*ай + ыр; ай + ры-*); *айры* ‘развоенный; развилина; вилы’. *Др. -тюрк.* *adīṛl-* ‘быть отделенным’ [9, с. 12]; *adīl-* ‘расставаться, разлучаться, разделяться’ [9, с. 13]. *Ср. каз.* «**ай** *синкр.* разводить, раздвигать; отделять, отводить, отстранять// разведенный, раздвинутый; отделенный» [7, с. 186]. *Ср. хак.* *азыр* (*аз + ыр*) ‘развилина, разветвление, раздвоение (*концов*)’; *развилистый, разветвленный*, где четко выделяется словообразующий аффикс *-ыр ~ -ір ~ -р* [11, с. 1080]; **бийик** ‘высокий’ (*ср.: көн + ук* ‘привыкать’, *кан + ык* ‘насыщаться’, *тур + ук* ‘стоянка’ и т. д.) < бий ~ биз, *ср. тув.* бизен ‘гребень (горы)’ [10, с. 102]; **кудук** ‘колодец’ < *куд- ~ куй- ~ хус-* ‘лить, наливать’, *др. -тюрк.* *qud-* ‘лить’ [9, с. 463], *хак.* хузарга (*хус-*) ‘лить, наливать; поливать’ [11, с. 858], *тув.* кудар (*кут-*) ‘лить, наливать’ [10,

с. 261]; **күчүк** ‘шенок’, *тур.* küçük ‘маленький’. Есть предположение: «... аз., алт., балк., кирг., уйг. күчүк, башк. көсөк, казах. күшиш, каракалп., ног. күшүк, где *күч ~ *күш, ~ *көс вокативное слово; **макта-** ‘хвалить’ < мак ~ мах; *см. хак.* мах (-гы) ‘слава; хвала, гордость’: мах ползын сагаа ‘хвала тебе’ [11, с. 237]; **мөөр** ‘печать; именная печать’. Слово предположительно от **мө.** *Ср., бур., монг.* мө-р ‘след, путь, строка’ [23, с. 105]. Однако, К. О. Юдахин зафиксировал заимствованным из иранских языков [24, с. 535]; **төкөр** (төк + өр типа өн + өр ‘ремесло; умение, мастерство’) ‘хромой’; төкүрөндө- ‘хромать, ковылять хромяя’. *Ср. бур., монг.* тох-и-р ‘кривой, согнувшийся, скрюченный, искривленный, изувеченный’, *бур.* тох-ий-хо ‘пригибаться, искривляться’, *бур., монг.* тох-ой ‘изгиб, излучина, лука (реки, седла); локоть’; тох-и-р ‘кривой; изогнуться’; тах-и-м ‘коленный сгиб (сзади)’ [23, с. 106]; **бодо** (мал) ‘крупный скот’ < бод, *калм.* бод ‘крупный скот’ [19, с. 103]; **бозо** ‘буза (род домашнего алкогольного хлебного напитка)’; *калм.* боз ‘(суща, остающаяся после перегонки молочной калмыцкой водки)’ [19, с. 104], *также* буз ‘буз (напиток)’ [19, с. 116]; **жака** (жак + а типа так + а ‘подкова’) ‘воротник’, *тур.* уака ‘ворот, воротник’ (30, с. 904); *калм.* зах [25, с. 88], *монг.* зах [26, с. 57] ‘воротник’; **жору-** ‘предсказывать, предугадывать; толковать сны, угадывать наперед’ < жор-; *кар.* йор- ‘отгадывать (загадку); объяснять значение (сна)’ [27, с. 249]; *тур.* уогу ‘толкование сна’ [30, с. 932]; **кундик** (кин + дик) ‘пуп; пуповина’; *хак.* кін ‘пуп, пуповина’ [11, с. 177], *тув.* хин ‘пупок’ [10, с. 477]; **көйгөй** ‘горе, печаль’; *башк.* көй- ‘горевать, печалиться, переживать, кручиниться’ [28, с. 28]; **көшөр-** ‘упрямиться, артачиться, противиться, упорствовать; с упорством приняться за что-либо’. *Ср. бур., монг.* хөш-өр ‘окоченевший, неуклюжий, одеревеневший’ [23, с. 107]; **куда** ‘сват’ < куд; *тув.* куда ‘свадьба; сват; сватовство’ [10, с. 261]; *калм.* худ ‘сват’ [19, с. 607]; **москоол** (мос + коол типа тос + коол ‘препятствие, помеха, преграда’; өт + көөл ‘проход; брод, переправа’) ‘(о человеке) плотный, крепкий’. *Ср. калм.* босх ‘вставать, подниматься’ [19, с. 111]; **орто** ‘середина; средний (между чем-либо)’; *калм.* өр ‘середина’ [19, с. 422]. *Ср. аз.* орд ‘внутренняя сторона щек в полости рта’ [16, с. 274]; **согончок** ‘пятка’; *калм.* цох ‘ступа’ [19, с. 637]; **сүмбө** [сүм + бө(?)] ‘шомпол’; *калм.* сүм ‘шомпол’ [19, с. 465]; **тизе** ‘колено’, *диал. южн.* тиз [15, с. 304]; *башк.* тез ‘колено’ (28, с. 65); **токол** (ток + ол) ‘безрогий, комолый’. *Ср. др-тюрк.* тоқ јілқи ‘лошадь без челки на лбу; безрогий скота тоже так называется’ [12, с. 334]; **токто-** (ток + то-) ‘останавливаться, прекращаться, задерживаться’; *токтом* ‘постановление’; *др. -тюрк.* тоқ + та- ‘остановиться, удержаться’ [20, с. 118]; **тыңша-** (тың + ша) ‘слушать, подслушивать’; тыңчы ‘подслушивающий; согладатай; тайный агент, шпион, сыщик’. *Ср. др-тюрк.* тің ‘слушание’ [9, с. 568]; **үңкур** ‘пещера’; үңү- ‘врезаться, врыться во что-либо; пробить, проковырять дыру’; үнүрөй- ‘зиять; иметь вид пещеры’. *Ср. каз.* «үңгі- <

уң + *gi-* врезаться, врыться, делать выемку, сверлить дупло; уңгир < уң + гир пещера; үңірей- < уң + ір + ей- зиять» [7, с. 296]; үпчү синкр. ‘тесемки, пришиваемые к одежде (вместо пуговиц)’ // ‘пришивать тесемки к одежде; украшения’; үпчүндө- ‘покрыть (коня) роскошной попоной’. Ср. калм. үв (үве) ‘имущество; домашний скарб; приданое’ [19, с. 544]; жүгөн (жүг ~ жүк + өн) ‘узда’; ср. монг. зүг ‘направление’ [29, с. 56]; үшкү (үш + кү) ‘сверло, перка; шило для прокалывания дыр в уук (см.)’. Ср. др. -тюрк. üştürdi ‘заставил колоть, проколоть’ [12. Т. 1, с. 237]; ol ok üştürdi = o okun temrenini delmekle emretti, deldirdi [8. Т. 1, с. 222] ‘он велел проколоть наконечник стрелы (лука)’, где словоизменительные аффиксы: *tür-di* ~ *тыр-* ды четко выделяется; *чоор* (< *чоо* + *р*) ‘дуда; пастушеская свирель, жалейка (из пустотелого стебля)’. Ср. бур. суу-р, монг. цуур ‘дудка (название растения со стволом, полым внутри)’; бур., монг. цуу ‘насквозь, напролет’; бур. суу-ла-ха, монг. цуу-ла-х ‘пробить насквозь, сделать дыру’ [23, с. 105]; *чыкта-* ‘увлажнять, смачивать’, *хак.* чиг ‘сырой, невареный; нежареный, непеченый, некипяченный’ [11, с. 975], *тув.* шык ‘сырость, влажность; сырой, влажный’ [10, с. 587]. *См., калм.* чиг ‘осадок, влага’ [25, с. 57]; *шири* ‘сыромятная копченая кожа крупного скота’ (возможно *ши* + *ри* или *ши* + *р* + *и*). В монгольских языках слово *шири* состоит из двух морфем: «...бур. диал. шэ-рэ ‘сыромятная кожа, шкура; мышечная связка’, *письм. монг.* ши-ри, *монг.* ши-р-э-х ‘стегать, подстегивать, прошивать’» [23, с. 106]; *эңкей-* (*эң* + *кей-*) ‘нагибаться, наклоняться’; ‘(главным образом о всаднике) наклонившись схватить с земли’; *тенге энди- южн.* ‘состязание всадников в схватывании монеты с земли’. Ср. *кар. эн-* ‘спускаться, опускаться’ [27, с. 662] и др.

Как видим, односложные корневые слова с сохранением ясной семантики составляют основу современного кыргызского языка. Вместе с тем архаичные лексико-грамматические средства в основах слов ещё более сближает кыргызский язык тюркскими языками Южной Сибири: *мөң* ~ *mön* ~ *тув.* мөг; *мүн* ~ *хак.* мүн, *тув.* мүн; *жамгыр* < *алт.* жаг-; *уку-* < *тув.* уг; *айыр-* ~ *хак.* аз-ыр; *кудук* < *хак.* хус-ым; *макта-* < *хак.* мах и др.

Некоторые односложные корневые слова со связными корнями имеют факты параллели с дальнеродственными языками: *мөөр* < *мө* ~ *бур., монг.* мө-р; *төкөр* < *төк* ~ *бур., монг.* тох-и-р; *бодо* < *бод* ~ *калм.* бод; *бозо* < *боз* ~ *калм.* боз; *жака* < *жак* ~ *калм., монг.* зах; *көшөр* < *көш* ~ *бур., монг.* хөш-ө-р; *куда* < *куд* ~ *калм.* худ; *москоол* < *мос* ~ *калм.* босх; *чоор* ~ *бур.* суу-р, *монг.* цуур; *чыкта-* < *чык* ~ *калм.* чиг и др.

Наш анализ относительно немногих исконных слов подталкивает на дальнейшее продолжение сравнительного изучения кыргызского языка с тюркскими языками Сибирского региона, а также языками монгольской и маньчжурской группы.

Библиографический список

1. Орузбаева Б. О. Соз курамы. Бишкек, 2000.

2. Гарипов Т. М. Башкирско-татарские языковые параллели (материалы к сравнительной грамматике кыпчакских языков Урало-Повольжья) // Языковые контакты в Башкирии. Уфа, 1972.
3. Давлетов С. Кудайбергенов С. Азыркы кыргыз тили: морфология. Фрунзе: Мектеп, 1980.
4. Абдувалиев И. Кыргыз тили: морфология б-ча лекциялар курсу. Бишкек, 2003.
5. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. М.: Наука, 1970.
6. Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык. Чебоксары, 1971.
7. Кайдаров А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата: Наука, 1986.
8. Махмуд Кашкари. Дивану лугати-т турк, I-III. (пер. на турецк. яз.). 2006.
9. Древнетюркский словарь. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1969.
10. Тувинско-русский словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1968.
11. Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006.
12. Махмуд Кашкари. Дивану лугати-т турк, I, II. (пер. на кырг. яз.). Бишкек, 2013.
13. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М. -Л., 1951.
14. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974.
15. Юнусалиев Б. М. Тандалган эмгектер. Фрунзе: Илим, 1985.
16. Азербайжанча-русча лугат. Баку: Азербайжан дьвлат нашрияты, 1985.
17. Башкирско-русский словарь. М.: Госуд. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
18. Алтай тилдиге морфом сөзлиги (орус ла английский тилдерге көбүргени). Горно-Алтайск, 2006.
19. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977.
20. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.: Наука, 1980.
21. Абдувалиев И. Профессиональная лексика в кыргызском языке: сравнительно-типологический анализ на материале конноспортивной лексики. Бишкек, 2001.
22. Махмуд Кашкари. Дивану лугати-т турк, I–III. (пер. на уйг. яз.). 1981–1984.
23. Бертагаев Т. А. Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках. В кн.: Проблемы общности алтайских языков. Л.: Наука. 1971. С. 90-109.
24. Киргизско-русский словарь. Сост. Юдахин К. К. М., 1965.
25. Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык: лексикология. Элиста, 1985.
26. Сыдыков С. Монгольско-тюркские языковые параллели. Фрунзе: Илим, 1983.
27. Караниско-русско-польский словарь. М.: Русский язык, 1974.
28. Ишбердин Э. Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. М., 1986.
29. Надеяев В. М. Современный монгольский язык: морфология. Новосибирск, 1988.
30. Турецко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977.

©Абдувалиев И. А., 2016

ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННАЯ ОМОНИМИЯ ОСНОВ И КОРНЕЙ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

П. Е. Белоглазов
ХакНИИЯЛИ, г. Абакан

В статье рассматривается природа такого сложного явления в языке, как глагольно-именная омонимия корней и основ, которое вкратце можно охарактеризовать так: корни и основы, функционирующие в языке как самостоятельные слова, являясь омонимами, без каких-либо дополнительных грамматических пока-

зателей могут выражать значение глагола или имени. В хакасском языке явление глагольно-именной омонимии имеет свои особенности, которые рассматриваются в данной статье.

Ключевые слова: лексика, хакасский язык, глагольно-именная омонимия, корни и основы.

В любом языке есть факты, требующие изучения. Одним из таких фактов в тюркских языках следует считать глагольно-именную омонимию основ и корней или так называемый тюркский синкретизм. Труды Н. К. Дмитриева, Н. А. Баскакова, А. Н. Кононова, Э. Н. Наджиба, Б. М. Юнусалиева, И. А. Батманова, А. М. Щербака, К. М. Мусаева, А. Т. Кайдарова и, особенно, Э. В. Севортыяна позволили говорить о глагольно-именных основах как об объективном лингвистическом факте, сыгравшем важную роль в истории словообразования тюркских языков. Историческая реальность таких слов принималась во внимание в трудах по отдельным тюркским языкам, этимологических и исторических словарях и исследованиях в области грамматики всех тюркских языков.

Э. Н. Наджип обнаружил синкретичные лексемы в средневековых тюркских памятниках письма: «Хосров и Ширин», «Сирадж ал-Кулуб» и многих других. И. А. Батманов писал о синкретичных корнях, «кажущихся с точки зрения нынешнего мышления омонимами, а на самом деле представляющих из себя фундамент, из которого и выросли впоследствии имена и глаголы» [1, с. 44–45]. Глагольно-именные соответствия основ А. А. Юлдашев считает одним из сложных и неразработанных аспектов общей проблемы полифункциональности лексем [7, с. 227].

Одним из основных источников синкретизма корней-основ в тюркских языках принято считать каузативный, то есть причинный характер значений, комплексность семантики древних слов, обозначавших причинно связанные явления суммарно [5, с. 427]. Дж. Клосон по поводу все еще необъясненных остаточных явлений праязыка в языке памятников считал, что в древности в тюркских языках не было четких различий между существительными и прилагательными с одной стороны, и глаголами с другой, вследствие чего пра-слова только в результате длительной языковой эволюции конкретизировали свое лексико-грамматическое значение и морфологически определялись как самостоятельные части речи [3, с. 45].

Анализ источников тюркского синкретизма показывает, что «разные этапы развития словообразования отличаются между собой способами и условиями создания слов, конкретные формы которых образуют словообразовательные модели, присущие тому или другому уровню грамматического развития тюркских языков. В настоящее время выясняется, что действующему издавна аффиксальному способу предшествовал, а в известный период параллельно с ним действовал принципиально новый

способ словообразования – корневая глагольно-именная омонимия, которой в грамматической сфере соответствует синкретизм частей речи» [5, с. 78].

Учитывая недостаточную изученность проблемы корневой глагольно-именной омонимии, а также теории синкретизма частей речи, необходимо выявить глагольно-именные пары, бытующие в языке. При этом глагольно-именные корни обще- и межтюркского характера не составляют большинство в числе обнаруженных в процессе анализа синкретичных основ. Тем не менее этот пласт лексики языка очень важен, так как факт отнесенности той или иной формы к обще- или межтюркскому пласту лексики исключает её случайность.

Кроме того, «хотя общетюркские основы создавались в позднее время в эпоху письменности, распространяясь из одного языка или ареала в языки остальных ареалов, основная масса обще- или межтюркской лексики сформировалась в древнейшие эпохи, начиная с фазы относительно более однородного состояния тюркских языков» [6, с. 25]. Поэтому синкретичные корни, бытующие во всех или нескольких группах тюркских языков, являются наглядным подтверждением архаичности или древности подобных образований, отчасти дошедших до нас в прежнем качестве.

Приведем хакасские примеры обще- или межтюркских синкретичных моносиллабов времени пратюркского этапа в истории развития тюркских языков: чар- «колоть, раскалывать» – чар «берег»; кӱс- «переселяться, кочевать» – кӱс «кочевка»; хат- «свивать, скручивать» – хат слой, ряд»; хос- «прибавлять» – хос «пара»; ой- «долбить, делать углубление – ой «впадина, котловина»; тын- «1) дышать; 2) вдыхать, вбирать воздух» – тын «дыхание; 2) душа»; тоң- «1) зябнуть, замерзнуть, мерзнуть; 2) застывать, леденеть, твердеть от холода» – тоң «1) мерзлый, мороженный; 2) твердый, крепкий»; сис- «1) нарывать; 2) вздуться, вспухать, опухать, отекает; 3) вздуться, пучить» – сис «нарыв, фурункул» и т. д.

Число тюркских корней, выступающих в качестве и глагольных и именных основ было некогда более значительным и по мере приближения к нынешнему состоянию оно уменьшилось вследствие тенденции грамматического «прояснения», в результате чего один и тот же корень в разных языках имеет нетождественную семантику: в одном он синкретичен, в другом сохраняет в себе лишь глагольное значение, а в третьем языке употребляется в качестве именной основы.

Например, синкретичные в тюркских языках корни-основы в хакасском имеют лишь семантику имени, глагольное значение закрепилось за производными формами: йан (кир.) «бок» и «подходить с боку» – нан (хак.) «1) верхняя часть бедра, бедро, бок; 2) бок (одежды)»; бай (кир.) «богатый» и «богатеть» – пай (хак.) «1. бай, богач; 2. богатый» (ср. пайы- (хак.) «богатеть»); түн (тур.) «вечер, ночь» и «темнеть, смеркаться» – тӱн

(хак.) «1. ночь; 2. темный, глухой, дремучий» (ср. төне- (хак.) «расположиться на ночлег; 2) перен. спать, дремать, находиться в полусонном состоянии (о человеке)»); хат (алт.) «ряд, слой» и «складывать» – хат (хак.) «слой, ряд» (ср. хата- (хак.) «1) увеличивать что-л. в несколько раз; умножать; 2) мат. умножать; 3) наслаивать, простегивать») и т. д.

Синкретичные в тюркских языках корни-основы в хакасском обладают значением глагола, именная семантика представлена другими лексемами: йорт (аз.) «идти рысью, идти неровным ходом» и «рысь, рысью» – чорт- (хак.) «1) бежать, ехать мелкой рысцой; 2) перен. разг. бегать (о человеке)» (ср. чорых (хак.) «1) рысь; ход (лошади); 2) перен. бег (человека)»); сез (кир.) «чувствовать, догадываться, предугадывать» и «чувство» – сис- «1) чувствовать, чутя предчувствовать; 2) разгадывать, отгадывать что-л. » (ср. сизик (хак.) «догадка, чутье; 2) сообразительность, сметливость; 3) намек»); тал (кир.) «замирать, неметь, падать в обморок» и «растерявшийся, обессиленный» – тал- (хак.) «1) уставать; 2) неметь, костенеть, цепенеть (о руках, ногах); 3) падать в обморок, потерять сознание; 4) страдать эпилепсией; 5) замирать, обмирать; окаменевать, оцепеневать (от испуга, неожиданности) (ср. талаңыр (хак.) «человек, часто теряющий сознание, впадающий в обморочное состояние (от удара, плача, кашля) и другие.

Синкретичная семантика тюркских корней является отголоском древнейшей (и первичной) комплексности семантики праформ. Поэтому, изучая диахронические срезы лексики тюркских языков, необходимо учитывать эволюцию значений тюркских слов от исходного нерасчлененного, общего к более конкретному, частному.

Тюркский синкретизм, будучи остаточным явлением в тюркских языках, бытует не только в виде омонимов, но и в «скрытой» форме, часто фиксируя отдельные компоненты глагольно-именных пар в разных языках и фонетических оформлениях.

«Явление полифункциональности корней в тюркских языках – рефлексдоаффиксальной стадии пратюркского словообразования, восходящей к более ранним эпохам дописьменного функционирования. Учитывая это, а также данные тунгусо-маньчжурских и монгольских языков, следует относить данное явление не только в пра-, но и в прототюркский период» [2, с. 242].

Библиографический список

1. Батманов И. А. Части речи в киргизском языке. Фрунзе, 1936, 48 с.
2. Кажибеков Е. З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках. Алма-Ата, 1986, 272 с.
3. Клосон Д. Тюркская и монгольская стадии. Ч. 2 Лондон, 1962, 186 с.
4. Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962. 643 с.
5. Севортян Э. В. Об «Этимологическом словаре тюркских языков» // Вопросы языкознания. №6. М., 1976, 138 с.
6. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. 767 с.
7. Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972. 416 с.

Условные обозначения

1. аз. – азербайджанский
2. алт. – алтайский
3. кир. – киргизский
4. тур. – турецкий
5. хак. – хакасский

© Белоглазов П. Е., 2016

ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРАТИВА В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Н. И. Винокурова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

В данной статье мы рассматриваем особенности императива в якутском языке. В частности, рассматриваются две временные парадигмы повелительного наклонения – близкое будущее и отдаленное будущее, употребление частного падежа в повелительном наклонении. Статья также затрагивает вопрос классификации якутского императива с точки зрения Всемирного атласа языковых структур.

Ключевые слова: повелительное наклонение, якутский язык, императивность, Всемирный атлас языковых структур, императивно-хортативные системы.

Якутский язык насчитывает десять форм наклонений со своими собственными морфологическими показателями и семантикой. Повелительное наклонение, или императив является одним из косвенных наклонений и было широко рассмотрено со всех сторон в фундаментальном труде Е. И. Коркиной, посвященном наклонениям в якутском языке [3, с. 139–169]. Повелительное наклонение в якутском языке обладает весьма широкой семантикой побуждения от прямого приказа до увещевания, наставления, мольбы или просьбы. Его отличительной чертой от других косвенных наклонений является разношерстный набор суффиксов, варьирующий по лицам, а также ограниченность временных рамок. В работе Е. И. Коркиной дан исторический обзор разных подходов к данному наклонению [3, с. 139–147], где показано, что большинство ранних исследователей выделяли настоящее и будущее время. Однако, Е. И. Коркина правомерно полагает, что «применительно к повелительному наклонению трудно говорить о настоящем времени. Осуществление действий в повелительном наклонении возможно мыслить только после речи, ибо особенность побудительной модальности такова, что она предполагает свою реализацию только в будущем. Поэтому за глаголами повелительного наклонения можно признать одно будущее время, которое в отношении возможности совершаемости действия к моменту речи можно разграничить на близкое будущее и отдаленное будущее» [3, с. 147].

Близкое будущее повелительного наклонения обладает полной парадигмой во всех лицах и числах. Во втором лице форма повелительного наклонения совпадает с нулевой словарной формой. Первое лицо множественного числа имеет два варианта выражения. Отрицательная форма образуется путем вклинивания суффикса отрицания между основой глагола и морфологическим показателем императивности. Парадигма близкого будущего времени также включает двойственное число, посредством которого осуществляется призыв, обращение говорящего к слушающему в единственном числе выполнить какое-нибудь совместное действие.

Таблица 1

Близкое будущее время глагола *олор* ‘сидеть, садиться’

	Положительная форма	Отрицательная форма
1 ед.	Олор-уу-м 'давай я сяду; пусть я сяду; сяду-ка я'	Олор-ум-уу-м 'давай не сяду я; пусть не сяду я; не сяду-ка я'
2	Олор 'садись; сиди'	Олор-ума 'не садись; не сиди'
3	Олор-дун 'пусть он сидит; пусть он сядет'	Олор-бо-тун 'пусть он не сидит; пусть он не садится'
Dual	Олор-уох 'давай присядем с тобой; давай посидим с тобой'	Олор-ум-уох 'давай не будем сидеть с тобой; давай не будем садиться с тобой'
1 мн.	Олор-уоѳ-ун, олор-уох-ай-ын 'давайте присядем; давайте посидим'	Олор-ум-уоѳ-ун, олор-ум-уох-ай-ын 'давайте не присядем; давайте не будем сидеть'
2	Олор-ун 'садитесь; сидите'	Олор-ума-н 'не садитесь; не сидите'
3	Олор-дун-нар 'пусть они сядутся; пусть они сядут'	Олор-бо-тун-нар 'пусть они не сядутся; пусть они не сядут'

В отдаленном будущем времени парадигма повелительного наклонения состоит только из форм второго лица единственного и множественного числа: 2 ед. *кэлээр* 'приходи', 2 мн. *кэлээрин* 'приходите'; в отрицательной форме – *кэлимээр* 'не приходи', *кэлимээрин* 'не приходите'.

Обе рассмотренные временные парадигмы повелительного наклонения являются основным вариантом, от которого с помощью суффикса –*ый/-ый* можно образовать усилительно-просительный вариант. Кроме этого основного суффикса, задействованного во всех личностно-числовых комбинациях, имеются еще менее употребительные суффиксы, ограниченные рамками определенного лица: 1) *-ыный/-ыный* в первом лице единственного числа; 2) во втором лице единственного числа *-рый/-рый*, *-рыный/-рыный* (если основа оканчивается на гласные звуки и дифтонги), *-ыый/-ыый* (если основа оканчивается на согласные зву-

ки); 3) в первом и втором лицах множественного числа *-ытый/-ытыый, -ытыный/-ытыныый* (3, с. 156-158, 160; 2, с. 322). Например:

1 ед.: *көрүүм* ‘давай я посмотрю’ – *көрүүм-үй, көрүүм-үүй, көрүүм-үңүй, көрүүм-үңүүй* ‘ну, пожалуйста, давай я посмотрю; ну, пожалуйста, дай мне посмотреть’

2 ед.: *тохтоо* ‘остановись, стой’ – *тохтоо-руй, тохтоо-рууй, тохтоо-рундуй, тохтоо-рундуй* ‘ну, пожалуйста, остановись же’

3 ед.: *аахтын* ‘пусть он прочитает’ – *аахтын-ый, аахтын-ыый* ‘пожалуйста, пусть он прочитает’

Дв. ч.: *барыах* ‘давай пойдем с тобой’ – *барыаҕ-ый, барыаҕ-ыый* ‘ну, пожалуйста, давай же пойдем с тобой’

1 мн.: *утуйуо бун* ‘давайте спать’ – *утуйуо бун-утуй, утуйуо бун-утууй, утуйуо бун-утунуй, утуйуо бун-утунууй* ‘ну, пожалуйста, давайте наконец будем спать’

2 мн.: *кэлин* ‘приходите’ – *кэлин-итий, кэлин-итийий, кэлин-итиний, кэлин-итинийий* ‘прошу вас, пожалуйста, приходите’

3 мн.: *аһаатыннар* ‘пусть они покушают’ – *аһаатыннар-ый, аһаатыннар-ыый* ‘ну, пожалуйста, пусть же они покушают; пожалуйста, разрешите им покушать’.

Еще одной особенностью повелительного наклонения является то, что все вышеприведенные формы обладают способностью управлять частным падежом. В действительности, оба времени повелительного наклонения являются единственным грамматическим контекстом, допускающим появление прямого дополнения в частном падеже.

(1) Көмө-лөһ-өр киһитэ бул-ун-уу-м.
помощь-VERB-AOR человек-PART найти-REFL-IMP-1SG
‘Найду-ка я себе помощника’.

(2) Дьоро киэһэ-бэ хаан-на буһар-дын-нар.
праздничный вечер-DAT кровь- PART варить-IMP-3PL
‘Пусть они приготовят кровяную колбасу для праздничного вечера’.

Е. И. Коркина [3, с. 149–150] указывает на существование двух противоположных мнений среди тюркологов относительно включения первого лица в систему повелительного наклонения. На материале якутского языка она приходит к мнению, что за повелительным наклонением следует признать наличие форм первого лица. Действительно, объединение всех вышеприведенных форм в единую парадигму повелительного наклонения правомерно не только в силу общей семантики и функции, но и подтверждается общими грамматическими фактами – возможностью присоединять маркеры усилительно-просительного варианта и управлять частным падежом.

Во Всемирном атласе языковых структур (WALS) морфологическим формам, имеющим отношение к повелительному наклонению, посвящено

несколько глав: морфологический императив (70), прохибитив (71), императивно-хортативные системы (72). Признак «морфологический императив» имеет пять значений. Тюркские языки относятся к наиболее многочисленной группе языков со следующим значением: в языке имеются морфологически предназначенные императивы второго лица единственного и множественного чисел. Говоря о морфологическом императиве, составители атласа имеют в виду только формы второго лица, когда адресатом говорящего является слушающий в единственном или множественном числе (1, глава 70). Таким образом, под понятие морфологического императива не подпадают формы двойственного числа, где говорящий обращается с призывом не только к слушателю, но и к самому себе. В якутском языке морфологический императив представлен формами отдаленного будущего, а парадигма близкого будущего может характеризоваться как представляющая собой императивно-хортативную систему, где формы второго лица являются императивами, а остальные = хортативами. Как и в большинстве тюркских языков, представленных в атласе, императивно-хортативные формы якутского языка формально однородны, поскольку все образованы морфологическим суффиксальным способом выражения. Таким образом, якутский язык представляет собой образец языка с максимальной императивно-хортативной системой [1, глава 72].

Библиографический список

1. Всемирный атлас языковых структур (World Atlas of Languages Structures). URL: <http://wals.info/>
 2. Грамматика 1982 – Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М., 1982.
 3. Коркина Е. И. Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970. 307 с.
- © Винокурова Н. И., 2016

ПАРАМЕТРЫ КВАНТИТАТИВНОСТИ ГЛАСНЫХ В ГОВОРАХ ДИАЛЕКТА АЛТАЙ-КИЖИ

А. А. Добринина, И. Я. Селюткина
Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск

В статье рассматриваются некоторые фонетические закономерности в области алтайского вокализма, выявленные точечным обследованием говоров диалекта алтай-кижи в населённых пунктах Онгудайского, Усть-Канского и Усть-Коксинского районов Республики Алтай. Анализ инструментальных данных свидетельствует о том, что долгота, постулируемая как первичная, реализуется крайне несистематично; вторичная (стяженная) долгота во всех локальных подговорах имеет фонологический статус; позиционная долгота гласных имеет в диалекте алтай-кижи свою специфику.

Ключевые слова: алтайский язык, диалект алтай-кижи, вокализм, длительность, квантитативность, инструментальные методы.

Материалом для данного исследования послужили экспедиционные записи, сделанные в 2013–2015 гг. в шести населённых пунктах Онгудайского р-на (в сёлах Бичикту-Бом, Кара-Кобы, Купчегень, Инеген, Шибе и в посёлке Онгудай), в пяти сёлах Усть-Канского р-на (Верх-Ануй, Яконур, Козуль, Кайсын и Оро) и в трёх сёлах Усть-Коксинского р-на (Усть-Кокса, Сугаш и Кујурлу) Республики Алтай.

Результаты анализа длительности гласных с учётом фонического и фонологического факторов в составе 10 пар моносиллабов-квазиомонимов, различающихся лишь параметрами краткости-долготы вокальных компонентов, приведены в таблице 1, где V – гласный, V: – долгий гласный, C – согласный, АД – абсолютная длительность, АД V:/АД V – соотношение длительности долгого и короткого гласных.

Во всех обследованных территориальных говорах диалекта алтайкижи показатели квантитета вторичных (стяжённых) долгих гласных превосходят параметры кратких гласных, это соотношение составляет в парах квазиомонимов от 1,1 до 3,6. В среднем же пропорция АД V:/АД V в Онгудайском р-не составляет 2,0 (Шибе – 2,2; Кара-Кобы – 2,1; Купчегень – 1,7), в Усть-Канском – 1,96 (Верх-Ануй – 2,3; Яконур – 2,1; Оро – 1,5), Усть-Коксинском – 1,6 (Сугаш – 1,6; Кујурлу 1,7; Усть-Кокса – 1,4).

Таким образом, инструментальные данные свидетельствуют о чётком различии кратких и долгих гласных фонем, при этом в онгудайском и усть-канском говорах эта оппозиция выражена более контрастно, чем в усть-коксинском. Облигаторность изменения семантики слов-квазиомонимов в корреляции с квантитативными параметрами их вокальных компонентов подтверждает фонологический статус вторичной долготы гласных.

Статус долготы гласных, постулируемой как первичная, проверялся на выборке, включающей 41 словоформу из 78, приведенных А. М. Щербаком в «Сравнительной фонетике тюркских языков» [5, с. 50–52] как словоформы, в которых предполагается функционирование первичной пратюркской долготы. Акустический анализ данных свидетельствует о том, что первичная долгота реализуется не систематично. Хотя в подговорах Усть-Коксинского р-на долгота проявляется более последовательно, тем не менее, фактически не зафиксировано слов, которые во всех локальных подговорах стабильно реализовались бы с долготой. Материал не дает достаточных оснований для вывода о функционировании в современных территориальных говорах диалекта-алтай-кижи первичной долготы гласных как системы.

В ряде южносибирских тюркских языков констатируется функционирование позиционной долготы гласных: в би- и полисиллабах с неоднородной вокальной осью происходит закономерное (не спорадическое) удлинение (более) широких кратких гласных в открытом слоге (не только в первом) перед слогом с (более) узким гласным; при этом разделяющий

слоги интервокальный согласный должен быть шумным звонким или сонорным, но не глухим (а:дь ‘имя=его’, но qatъп ‘женщина’).

Анализ приведённых в таблице 2 акустических данных по локальным подговорам диалекта алтай-кижи также свидетельствует о реализации указанной закономерности: в онгудайском говоре отношение длительности более широкого гласного 1-го открытого слога V_1 к длительности узкого гласного 2-го слога V_2 составляет в среднем 1,7 (при разбросе средних показателей от 1,5 в с. Купчегень до 1,8 в сс. Шибе и Кара-Кобы; рис. 1); в усть-канском говоре средний показатель составляет 1,5 (от 1,2 в с. Козуль до 2,1 в с. Кайсын); в усть-коксинском говоре – 1,2 (1,1 в с. Су-гащ, 1,2 в сс. Кујурлу и Усть-Кокса). Таким образом, позиционная длительность гласных реализуется как во всех трёх территориальных говорах, при этом в онгудайских локальных подговорах эта закономерность проявляется значительно более контрастно, чем в усть-коксинских.

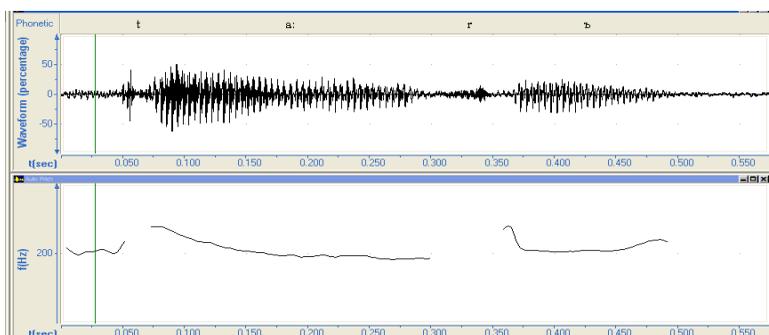


Рис. 1. Словоформа тары «ta:rgъ» ‘porok=ego’

Сопоставление с данными по контактными тюркским языкам (в хакасском языке соотношение $V_1:V_2$ составляет 1,5–3,1 [3, с. 94]; в кумандинском – 1,7–3,4; в языке туба-кижи – 4,8 [4, с. 84]; в тувинском (каа-хемский говор) – 1,7–5,5 [1, с. 182], указывает на то, что в диалекте алтай-кижи позиционное удлинение гласных реализуется довольно последовательно, но при этом степень удлинения широкого гласного относительно узкого выражена значительно слабее, чем в ряде других родственных языков.

Тюркологи, описывающие данную закономерность в шорском языке (Н. П. Дыренкова, Н. В. Шавлова), в туркменском (Н. К. Дмитриев), в чулымско-тюркском (А. П. Дульзон, Р. М. Бирюкович), констатировали удлинение гласных перед аффиксами личной принадлежности. М. И. Боргояков зафиксировал для хакасского вокализма удлинение широких гласных «нормальной» долготы до длительности долгих перед слогом с узкими *ы* и *и* независимо от морфологической структуры слова.

Таблица 1

Квантитативные параметры гласных в говорах диалекта алтай-кижи

№	Словоформа		Семантика	Онгудайский район						Усть-Канский район						Усть-Коксинский район					
	Орфограмма	Транскрипция		Шибэ		Кара-Кобы		Купчегень		Верх-Ануй		Яконур		Оро		Сугаш		Кујурлу		Усть-Кокса	
				АД V, мс	АД V:/ АД V	АД V, мс	АД V:/ АД V	АД V, мс	АД V:/ АД V	АД V, мс	АД V:/ АД V	АД V, мс	АД V:/ АД V	АД V, мс	АД V:/ АД V	АД V, мс	АД V:/ АД V	АД V, мс	АД V:/ АД V	АД V, мс	АД V:/ АД V
1	тар	taɾ	‘порох’	222	1,2	135	1,2	198	1,4	268	1,9	169	–	143	1,3	126	1,6	194	1,9	118	1,3
2	таар	ta:ɾ	‘мешок’	268		163		283		512		–		194		209		369		154	
3	ай	aɨ	‘луна’	117	1,4	142	–	118	1,6	98	2,7	115	–	149	1,1	179	1,6	167	2,3	94	2,5
4	аай	a:ɨ	‘порядок’	165		–		192		265		–		158		285		384		235	
5	эр	eɾ	‘мужчина’	138	2,1	136	2,0	176	1,7	223	1,9	85	–	–	–	185	1,8	251	1,3	196	1,6
6	ээр	e:ɾ	‘седло’	292		276		303		419		178		189		334		334		317	
7	ме	mɛ	‘На!’	122	2,6	91	2,4	118	2,1	94	2,5	–	–	178	1,4	135	2,2	163	1,9	142	1,5
8	мее	mɛ:	‘мозг’	323		216		246		238		178		253		299		321		216	
9	сок	sɔqʰ	‘бить’	132	2,3	67	2,8	98	2,1	168	1,6	97	1,2	108	1,9	121	2,3	106	1,5	129	2,0
10	соок	sɔ:qʰ	‘холодно’	302		187		205		273		112		211		288		168		261	
11	сбк	sɔ:k	‘распарывать’	95	2,4	88	–	99	1,7	111	2,5	–	–	93	1,2	238	1,0	189	1,1	121	1,8
12	сббк	sɔ:k	‘род’	227		–		170		277		–		115		244		206		228	
13	јун	ʰjɔn	‘стирать’	104	2,4	–	–	–	–	75	3,5	59	–	–	–	210	1,1	158	1,6	202	1,1
14	јуун	ʰjɔ:n	‘собрание’	253		252		181		263		214		271		229		260		229	
15	ур	oɾ	‘наливать’	110	–	120	–	178	1,4	152	2,1	124	1,4	191	1,6	203	1,7	144	1,8	109	2,7
16	уур	o:ɾ	‘тяжелый’	–		–		247		327		171		314		354		258		296	
17	кур	χɔɾ	‘ремень’	108	2,2	92	2,0	95	1,6	120	1,7	79	1,6	104	–	154	1,5	130	1,7	157	1,5
18	куур	χɔ:ɾ	‘жарить’	243		188		148		202		129		–		226		219		250	
19	күн	kyɱ	‘солнце’	116	2,9	–	–	101	2,1	91	2,9	73	2,7	75	1,9	159	1,2	127	2,1	180	1,6
20	күүн	ky:n	‘желание’	339		–		211		265		200		146		193		268		294	
В среднем по кратким гласным				126,4	2,2	100,7	2,1	131,2	1,7	140,0	2,3	100,1	2,1	61,8	1,5	85,5	1,6	81,45	1,7	72,4	1,4
В среднем по долгим гласным				268		213,7		218,6		304,1		168,9		92,5		143,5		139,3		98,8	

Таблица 2

Позиционная длительность гласных в говорах диалекта алтай-кижи

№	Словоформа		Семантика	Онгудайский район						Усть-Канский район						Усть-Коксинский район					
	Орфограмма	Транскрипция		Шибе		Кара-Кобы		Купчегень		Оро		Козуль		Кайсын		Сугаш		Кужурлу		Усть-Кокса	
				V ₁	V ₂	V ₁	V ₂	V ₁	V ₂	V ₁	V ₂	V ₁	V ₂	V ₁	V ₂	V ₁	V ₂	V ₁	V ₂	V ₁	V ₂
Абсолютная длительность (АД) гласного, мс																					
1	ажы	aZь	‘пища=его’	–	–	–	–	203	156	–	–	–	–	–	–	150	157	176	178	167	155
2	аны	aNь	‘зверь=его’	224	211	101	107	147	125	153	262	133	86	90	66	134	132	169	156	165	160
3	тары	taгь	‘порох=его’	167	87	191	62	207	112	196	70	138	92	123	76	99	95	204	205	142	113
4	каны	qaпь	‘кровь=его’	169	85	156	121	175	96	94	72	88	62	121	58	111	108	155	149	116	81
5	озы	o:зь	‘рот=его’	–	–	217	102	–	–	127	100	–	–	142	68	143	203	246	257	156	137
6	абыс	a:bьs	‘священник’	249	91	135	64	–	–	97	51	139	87	136	0	129	90	162	80	125	47
7	озым	o:zьm	‘рот=мой’	165	107	223	85	268	128	112	71	128	78	204	0	135	71	172	108	121	87
8	карып	qa:гьр	‘жаря’	289	44	267	125	–	–	111	37	–	–	167	47	91	76	173	86	124	85
9	алты	altь	‘шесть’	144	121	79	76	109	110	93	115	62	163	82	84	110	119	162	173	110	186
В среднем по V ₁				156	–	152	–	123	–	109	–	76,4	–	95	–	122	–	179,9	–	136	–
В среднем по V ₂				–	83	–	82	–	81	–	86	–	63	–	44	–	110	–	154	–	117
Соотношение АД V ₁ : V ₂				1,8		1,8		1,5		1,3		1,2		2,1		1,1		1,2		1,2	

По мнению А. В. Дыбо, «... не исключено, что под этим распределением скрывается также некоторое опосредованное отражение пратюркской долготы, выразившееся в оппозиции фонационного характера, которая дает аллофонические удлинения» [2, с. 15]. На наш взгляд, рассматриваемое удлинение гласных реализуется во всех лексемах, в звуковых оболочках которых соблюдаются указанные выше позиционно-комбинаторные условия; эта фоническая закономерность имеет, фактически, тотальный характер, охватывая, в том числе, и слова с предполагаемой первичной долготой гласных. Но при этом следует подчеркнуть, что обязательным условием удлинения гласного является звонкость межслогового согласного, возможно, аналогично феномену «огузского озвончения» при реконструкции пратюркской долготы [2, с. 6, 10].

Библиографический список

1. Дамбыра И. Д. Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск, 2005.
2. Дыбо А. В. О «первичных» долготах в тюркских языках // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13. Вып. 1. С. 5–20.
3. Кыштымова Г. В. Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка. Новосибирск, 2001.
4. Сарбашева С. Б. Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2004.
5. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

© Добринина А. А., Селютина И. Я., 2016

МОДЕЛИ ЦЕЛЕВЫХ КОНСТРУКЦИЙ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

Н. Н. Ефремов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

В статье анализируется структура и семантика бипредикативных конструкций, выражающих целевые отношения, в якутском языке. Установлено, что обсуждаемые конструкции оформляются посредством деепричастных, причастно-надежных, послеложных и союзных моделей. Конструкции с деепричастными моделями монособъектны – невариативно-субъектны, другие же, за исключением построенный с показателем дательного надежа, вариативно-субъектны. Конструкции с аналитическими скрепами образуют две группы построений: целевые конструкции бифинитного типа и монофинитные построения с безличной препозитивной предикативной частью.

Ключевые слова: якутский язык, целевые бипредикативные конструкции, зависимые предикат, скрепа.

Целью данной статьи является описание структурно-семантических особенностей целевых бипредикативных конструкций (далее – БПК)

якутского языка как двусторонних синтаксических единиц, характеризующихся планом выражения и планом содержания. В якутском языкознании в рамках сложного и полипредикативного предложений изучались основные типы целевых БПК [2, 4]. Однако дальнейшее развитие исследований якутского языка требует освещение данных БПК и с позиции функционально-семантического подхода.

В якутском языке целевые БПК по характеру средств связи частей подразделяются на 3 структурных типа: синтетические (с аффиксальными показателями связи частей), аналитико-синтетические (с послеложными показателями) и аналитические (с союзными показателями).

Структурные модели синтетических и аналитико-синтетических БПК представляются прежде всего формой зависимого предиката, которая обозначается условно в символической записи (см. «Условные обозначения»; ср.: [3]).

Синтетические БПК характеризуются зависимым предикатом, выраженным деепричастиями (*-аары, а*), а также причастиями в форме дательного и винительного падежей лично-предикативного склонения. Аналитико-синтетические БПК оформляются зависимыми предикатами, выраженными инфинитными предикативными структурами (прежде всего, причастиями на *-ар, -бат*) в сочетании с послелогам (*туһугар, иһин, инниттэн, наадатыгар*) [2, с. 256–259]. В аналитических БПК предикативные части возглавляются финитными формами, которые сочетаются посредством скреп (*диэн, туһуттан, сыалтан, ол туһугар*).

БПК с зависимыми предикатами, выраженными деепричастиями *-аары* (отрицательная форма *-маары*), *-а*. Структурные модели этих БПК: $T_{\vee} \text{ аары+P/}$, $T_{\vee} \text{ маары+P/}$ и $T_{\vee} \text{ а}$. $T_{\vee} \text{ аары+P/}$, $T_{\vee} \text{ маары+P/}$ в отличие от $T_{\vee} \text{ а}$ являются специализированными средствами выражения целевых отношений. Эти три модели моносубъектны, то есть невариативно-субъектны.

БПК с $T_{\vee} \text{ аары+P/}$ отличаются от $T_{\vee} \text{ а}$ тем, что ими выражается акцентированное (актуализированное) отношение – значение целевого назначения (мотивация). Они не допускают преобразование по модели $T_{\vee} \text{ а}$: *Аһата, арааһа, нэһилиэк сугулааныгар бараары* (ср. *бара), *атын көлүйтэрэн эрдэһэ* [ИГ М 248] ‘Отец, кажется, заставил его (сына) запрягать лошадь, **чтобы** поехать на собрание наслег’.

Надо отметить, что БПК с $T_{\vee} \text{ а}$ передают целевое значение в тех случаях, когда главный предикат оформляется глаголами движения: ... *сарсыарда тайахтыы бардыбыт* (ЕК ССБ 14) ‘Утром мы отправились **охотиться** на сохатого’.

$T_{\vee} \text{ маары+P/}$ выражают отрицательное целевое отношение: *Оһонньор тоңумаары бураанын паньыаранан кэбиинэлээн кэбиспитэ* (Аар тайһа 14-17. 01. 2016, с. 4) ‘Старик, **чтобы** не мерзнуть, сделал для своего бурана кабину из фанеры’.

БПК с зависимыми предикатами, выраженными причастно-падежными формами – T_v ар +/- дат. п., T_v ыах +/- вин. п. Они характеризуются в качестве неспециализированных средств выражения целевых отношений. БПК модели T_v ар +/- дат. п. в отличие от деепричастных БПК, которые выступают в моносубъектной форме, функционируют как в моносубъектном, так и в разносубъектном оформлении. Примеры. БПК с T_v ар +/- дат. п.: *Атыһыттар барыстаахтык эргинэлэригэр бу правительствo бары усудубуйаны оңордо* (ХС 1982 5 43) ‘Это правительство создало все условия, **чтобы** купцы **торговали** выгодно’ (разносубъектная БПК); *Сайдыылаах дойдудалга сырыттаха дьоннор ыттарын дьаарбаталларыгар анал сирдээхтэр* (МБ БС 49) ‘В развитых странах люди имеют специально отведенные места для выгула своих собак’ (моносубъектная БПК).

Что касается БПК с T_v ыах +/- вин. п., то они, по данным нашей выборки, зафиксированы в разносубъектной форме. А сказуемое главной части обычно оформляется в повелительном наклонении. При этом зависимой частью описывается ситуация «результатирующей цели» [1, с. 152]. Примеры: T_v ыах +/- вин. п. *Бэлэх оңоруохпутун биир бэргэхэтэ атыылааң* (ИС С 12) ‘**Чтобы мы сделали** подарок (на свадьбе), продайте одну шапку’; *Утэхэ төбөтүгэр үөлүөхпүн Биир эмэ кырбас эти Бэссэр да буолбаккын* (МО 74) ‘Чтобы я (пожарил) на кончике рожны, Ты бы дал (мне) хотя бы один кусочек мяса’.

БПК аналитико-синтетического типа представлены моделями с послелогами: T_v ар +/- туһугар, T_v ар +/- иһин, T_v бат +/- инниттэн / T_v бат инниттэн, T_v бат +/- наадатыгар. Они как моносубъектны, так и разносубъектны, т. е. вариативно-субъектны. В моносубъектных БПК послеложного типа зависимый предикат характеризуется безличным оформлением.

БПК с *туһугар*, *инниттэн*, *наадатыгар* являются специализированными средствами выражения целевых отношений, а конструкции с *иһин* – неспециализированными, то есть многозначными. Примеры. T_v ар +/- туһугар: *Эн ситэри өйдүүрүң туһугар*, ... *сигилии кэпсиим* (ХС 1982 5 19) ‘**Чтобы ты** (меня) **понял** до конца, ... я расскажу (об этом) подробно’ (разносубъектная БПК); T_v ар +/- иһин: *Кини (Миша), хата, Николай ыраахтааһы бүрүстүөлүгэр төннөрүн иһин, хаанын тохторбута* (ЭЭ МЫ 23) ‘Он, наоборот, **чтобы** царь Николай вернулся на свой престол, пролил свою кровь’; T_v бат +/- инниттэн: *Маннык түбэлтэһэ силиэдэбэтэл, кэлин дьыала булкулла сылдыбатын инниттэн, сирэй көрсүһүүнү ыытара хайаан да наадалаах этэ* (из Академической картотеки «Большого толкового словаря якутского языка») ‘В таком случае следователю необходимо было организовать очную ставку (обвиняемого с потерпевшим), чтобы впоследствии в делопроизводстве не возникали путаницы’ (разносубъектная БПК); T_v бат инниттэн: *Туох эмэ мөкү быһыы*

таһыстаһына, удьуор хааңна куһаһаны сыһыарбат инниттэн, ылычын кистишлэр (из разговорной речи) ‘Если случается какой-нибудь плохой поступок, **чтобы** это не допустить в унаследование, молча скрывают’ (моносубъектная целевая БПК в составе сложноподчиненного предложения со значением условия); Т_v бат// наадатыгар: [ыарыһах] *долгуйбатын наадатыгар*, *бэйэтин кыана тутунна* (ЭЭ ТА 172) ‘**Чтобы** (больной) не заволновался, она вела себя сдержанно’ (разносубъектная БПК).

БПК аналитического типа характеризуются в основном финитными предикатами. В зависимости от позиции скреп, при помощи которых сочетаются предикативные части, названные БПК подразделяются на 2 подтипа: БПК с постпозитивными скрепами и БПК с препозитивными скрепами.

В БПК-х первого подтипа предикативные части сочетаются посредством скреп, размещенных в постпозиции препозитивной части. В БПК-х второго подтипа предикативные части соединяются при помощи скреп, расположенных в препозиции постпозитивной предикативной части.

Аналитические БПК с постпозитивными скрепами представляются следующими скрепами: *диэн, сыалтан, туһуттан*.

В БПК со скрепой *диэн* зависимое сказуемое принимает форму повелительного наклонения: модель Т_vповелительная форма глагола +/- *диэн* *Матпый биһиккини «оһонньоттору ыңыртаан аһалың» диэн түөрт ыалга ыттылар* (Аар Тайҕа 5-18. 11. 2015, с. 4) ‘Матвея и меня отправили к четырем соседям, **чтобы** мы позвали и привели (оттуда) стариков (в гости к своим родителям)’.

В БПК-х со скрепами *сыалтан, туһуттан* предикат препозитивной части выражается причастием на *-ар*. Эти конструкции моносубъектны, так как препозитивная часть имеет безличное оформление, то есть в отличие от БПК с *диэн* они монофинитны.

БПК со скрепой *сыалтан*: модель Т_v ар сыалтан Киһи *дьылһатын билэр сыалтан таңха иһиллишлэрэ* (Аар Тайҕа. 14-27. 01. 2016, с. 3) ‘С целью угадывать судьбу человека совершали святочные гадания’.

БПК со скрепой *туһуттан*: модель Т_v ар туһуттан «*Киин куорат хаһыат «Ньургунун – кыайыы сибэккитэ» диэн улуу үүнээйи модун күүһүн туһанар туһуттан улахан хамсааһыны оңорорго этии киллэрэр* (Киин куорат. 14-27. 01. 2016, с. 1) ‘Газета «Киин куорат» с целью использования могущественной силы великого растения, вносит предложение организовать движение под названием «Подснежник – цветок победы»’.

Аналитические БПК с препозитивными скрепами в основном реализуются в виде БПК с скрепой *ол туһугар*: модель «финитная глагольная форма, **ол туһугар** финитная глагольная форма» *Эһиги эрэ дьоллоохтук*

олоруң, ол туһугар мин туоххун да харыстаабаппын ‘Только вы живите счастливо, ради этого я ничего не пожалео’ [2, с. 303].

Таким образом, целевые конструкции образуются посредством деепричастных, причастно-падежных, послеложных и союзных моделей. БПК с деепричастными моделями моносубъектны – невариативно-субъектны, другие же, за исключением БПК с T_v аях+// вин. п., вариативно-субъектны. БПК с аналитическими скрепами образуют две группы построений: целевые конструкций бифинитного типа и монофинитные БПК с безличной препозитивной предикативной частью.

Библиографический список

1. Буркова С. И. Сопоставительное описание функционально-семантических полей обусловленности в лесном и тундровом диалектах ненецкого языка. Новосибирск: НГУ, 2003. 260 с.
2. Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2-й / Убрятова Е. И., Ефремов Н. Н. и др.). Синтаксис. Новосибирск: Наука, 1995. 336 с.
3. Ефремов Н. Н. Сложноподчиненные предложения в якутском языке. М.: Наука, 1984. 88 с.
4. Ефремов Н. Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке. Структурно-семантическое описание. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 193 с.

Условные обозначения

T_v – глагольная основа; T_v ар+// дат. п. – причастие настоящего-будущего времени в дательном падеже лично-предикативного склонения. T_v аары+//P/ – деепричастие следования в форме сказуемости (форма сказуемости употребляется факультативно).

Источники иллюстративных материалов

1. Аар Тайҕа. газета.
2. ЕК ССБ – Егор Каргузов. Сунтаар сорсуннаах булчуттара. Дьокуускай: ИД «Илгэ», 2015. 224 с.
3. ИГ М – Иван Гоголев. Манчаары. Дьокуускай: Бичик, 2001. 352 с.
4. ИС С – Иннокентий Семенов. Сонордьуттар. Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1983. 104 с.
5. Киин куорат. газета.
6. МБ БС – Миитэрэй Баппаҕай. Бу сиргэ. Дьокуускай: Компания «Дани-Алмас», 2014. 212 с.
7. МО – Муома олоңхолоро. Дьокуускай: Бичик, 2004. 237 с.
8. Хотугу Сулус. литературно-художественный журнал.
9. ЭЭ ТА – Эрилик Эристиин. Талыллыбыт айымньылар. Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1954. 544 с.
10. ЭЭ МЫ – Эрилик Эристиин. Маарыкчаан ыччаттара. Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1983. 584 с.

© Ефремов Н. Н., 2016

ВЫРАЖЕНИЕ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И МИРАТИВНОСТИ В РУССКОМ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (К ВОПРОСУ О ФОРМАЛЬНОМ АСПЕКТЕ СРАВНЕНИЯ)

А. Д. Каксин

ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

В статье сравниваются системы средств выражения эвиденциальности (указание на источник или способ получения информации) и миративности (указание на неожиданность действия) в русском и тюркских языках. Источником сведений служили многочисленные грамматические описания указанных языков (в т. ч. работы автора статьи), лишь небольшая часть которых указана в библиографическом списке. В результате сравнения разных систем автор делает вывод о том, русский язык относится к языкам, в которых нет специализированных форм выражения эвиденциальности и миративности (оттенки указанных значений передаются в основном интонацией и лексическими средствами), а в тюркских языках другая ситуация: в них фиксируются соответствующие лексические, а также интонационные, средства, но основная роль (при выражении эвиденциальности и миративности) отводится специфическим аналитическим формам и конструкциям (с участием служебных, или вспомогательных, глаголов).

Ключевые слова: эвиденциальность, миративность, средства выражения, глагольные формы, русский язык, тюркские языки, хакасский язык

Под эвиденциальностью (или засвидетельствованностью) мы понимаем указание на источник или способ получения информации, а под миративностью – выражение неожиданности действия (или ситуации) для субъекта.

Тюркологи бесчисленное число раз писали о глагольных формах тюркских языков, выражающих эвиденциальность и миративность, часто – без подробного анализа, просто терминологически фиксируя именно эту семантическую роль разбираемых форм.

«Некоторые тюркологи считают, что хакасская форма прошедшего времени на =ган является аналогом турецкого прошедшего субъективно-го времени на =miş. Как известно, форма на =miş указывает на факт совершения действия в прошлом, подчеркивая при этом субъективный характер информации... В хакасском языке это значение передается формой прошедшего «заглазного» на =гыр» [1, с. 186–187].

Об эвиденциальных и миративных формах в алтайском языке более подробно было написано ранее. «В зону маркированной прямой засвидетельствованности, помимо формы на -ды (недавно-прошедшее), входят и другие специализированные формы: настоящее эвиденциальное на =адыр, передающее непосредственное восприятие в момент речи, и серия форм с частицей эди: Тү-ган эди – засвидетельствованное отдаленное прошедшее, Тү-атан эди – засвидетельствованное

прошедшее хабитуальное (регулярно повторяющееся действие в прошлом). ... Косвенная засвидетельствованность выражается совмещенно с миративностью формой на *-нтыр* (устар.) и производными от нее частицами *болтыр, болунтыр, эмтир*. ... Косвенная засвидетельствованность в варианте пересказывательности имеет также специализированные формы представления – конструкции с участием грамматизированных форм глагола говорения *де-* (*дежет* и др.). Наконец, имеются и формы, специализированные на выражении только миративной семантики – причастия в сопровождении спрягаемых частиц *туру не, турбай* [5, с. 546–547].

Итак, тюркские языки располагают множеством грамматических средств, задействованных для выражения эвиденциальных и миративных значений. В русском языке названные значения передаются исключительно лексически и интонационно [см., напр.: 2; 3, с. 303; 4, с. 321–322; 6, с. 61–67]. Анализируя переводы текстов с подобной семантикой (например, с хакасского языка на русский), приходим к выводу, что самым употребительным словом русского языка в аналогичных контекстах является лексема «оказывается».

Кычың Пычонның хойын чар парарга *килтир* [Бла, с. 250] ‘Кычын *пришел, оказывается*, чтобы отделить овец Пычона’.

Эне зе, Хапың, *таныс полтырзар*. Арса, пирее чарғы-чахаан пирген поларлар? – сурча Хапыңнаң [Бла, с. 262] ‘*Вот оно что*, Хапын, *вы знакомы, оказывается*. Может быть, они дали какое-то указание? – спрашивает у Хапына’.

– Сын... саңай *чабас партыр*, – сыбыранған Сабис [Бла, с. 85] ‘Правда, совсем *смирный стал, оказывается*’.

Аар-пеер харахсынзаң, тағлар хойрах-хайрых хырларынаң харах чит-песче *сөй тартыл парыбыстырлар* [Чт] ‘Если оглядываешься туда-сюда, горы своими неровными вершинами *протянулись, оказывается*, так, что глаз не достает’.

Аңчыл кізі, ікі азахтығ сошказын чапчаң турғызып, мылтиин киртігіне салып, көстеп киліп, хыйлаан *пазыбыстыр* [Чт] ‘Охотник, быстро поставив свою двуногую сошку, свое ружье наставив на плечо, целясь, *нажал* на курок, *оказывается*’.

Пұур пазын *мөкейте тудыбыстыр*... Ікінчізін аңның мойнына урухты *кире тастабыстыр* [Чт] ‘Волк голову *опустил, оказывается*... Во второй раз аркан на шею зверя *закинул, оказывается*’.

Мин, сала маай арах кізі, одырғанча, чииттер нымзах орыннарға толдыра *одырыбыстырлар* [Чт] ‘Пока я, медлительный человек, заходил (в автобус), молодежь, *оказывается, заняла* все мягкие места’.

Көкблннң кибін хызыцах хара плистең *тіктир* (ам сала хоор партыр) [Бтт] ‘Одежду для куклы девочка *шила, оказывается*, из черного плиса’.

Пір дее кізі тузында аның чазын иптеп *санабиндыр* [Іт] ‘Ни один человек в свое время *не считал, оказывается*, сколько ему лет’.

Ирепчі кізілер, ол хустарны илееде чапсып көріп, *турып алчаң полтырлар* [Іт] ‘Супруги долго, с удивлением глядя на этих птиц, *застаивались обычно, оказывается*’.

Пу чоохты И. А. Побызиков улуғларынаң *истір* [Іт] ‘Этот рассказ И. А. Побызиков от своих старших *слышал, оказывается*’.

Ол тын даа ыраххы тус полбаза, чон чаахаңаң на *тузаланчаң полтыр* [Іт] ‘Хоть это было совсем недавно, люди, *оказывается, пользовались* только луками’.

Анфиза, Таназар хази көріп, теен: «Хасхы *айланган ноо!*» [Чх, с. 77] – Анфиза, взглянув пронзительно на Тану, сказала: «Беглянка *вернулась, оказывается!*»

По вышеприведенным тюркским примерам видно, что значение, передаваемое по-русски словом «оказывается», в исходном языке заключено в глагольной форме (которая может быть аналитической). Нельзя сказать, что в тюркских языках нет специальных лексем, соответствующих русским «оказывается», «мол», «дескать», «де», «однако», «видать», «похоже на то» и другим. Они есть (одним из самых распространенных эвиденциально-миративных слов тюркских языков является слово *инес / инеш* «оказывается»), но зачастую не употребляются потому, что избыточны.

В любом языке модальные и вводно-модальные слова (и сочетания), а также примыкающие к ним экспрессивы, слова и обороты со значением эмоционально-качественной оценки, играют значительную роль. Но только в последние два десятилетия была осознана необходимость составления толковых словарей функциональных слов (частиц, союзов, междометий и т. п.). Поскольку в последнее время общепринятым является отграничение эвиденциальности и миративности от модальности, считаем необходимым добавить к списку подобных функций также (вводно-)эвиденциальные и (вводно-) миративные слова и сочетания. В частности, достаточно много слов и сочетаний с указанной семантикой мы находим в имеющихся словарях тюркских языков. К примеру, словарей хакасского языка разного рода – достаточно много, вышел уже и двуязычный словарь академического типа [7]. В последнем содержится определенное количество эвиденциальных и миративных слов, например:

Ноо I мест. 1) что ... 2) какой; *ср. хайдағ; ноо кирекнең* по какому делу; *ноо тоғысха хынчазың* какая работа тебе нравится; *ноо кізі ол* кто это такой, какой это человек;

Ноо II 1) *част. препозит.* -усилит. что за, какой; *ноо нима полды* а) что произошло?; б) что за оказия?; *ноо кізі* а) кто это?; б) что за человек?; *ноо туза* что за польза, какая польза, что толку; 2) *част. постпозит.* -

утверд. да, же; **ол ноо** да это же он; **хазыр ноо** да и строгий же ... [7, с. 283].

В заключение, исходя из рассмотренного материала, дадим общую характеристику систем выражения эвиденциальности и миративности в русском языке и в тюркских языках. Основным признаком может служить наличие (или отсутствие) глагольных форм и конструкций, специализированных на выражении эвиденциальных и миративных значений. Русский язык относится к языкам, в которых таких специализированных форм нет: указанная семантика выражается с участием имеющихся форм наклонений. Оттенки эвиденциальности и миративности передаются в основном интонацией и лексическими средствами типа вводных «мол», «видно», «оказывается», «ба!», «эвон!». В тюркских языках ситуация другая: в них есть, конечно, соответствующие лексические, а также интонационные, средства, но основную роль при выражении эвиденциальности и миративности играют специфические аналитические формы и конструкции (с участием служебных, или вспомогательных, глаголов).

Библиографический список

1. Боргоякова Т. Н. Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в языках разных систем (на материале хакасского, турецкого и английского языков) // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: материалы Всероссийской научной конференции. 25–27 ноября 2002, Абакан. Абакан: Издательство ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2002. С. 184–187.
2. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
4. Плулунган В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
5. Скрибник Е. К., Ознова А. А. Средства выражения засвидетельствованности и миративности в алтайском языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исследований РАН; отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 519–551.
6. Темпоральность. Модальность / В серии: Теория функциональной грамматики / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. 263 с.
7. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөбтік / Коллектив авторов. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Список сокращений

1. Чт – Чолдагы тогазылгар (Чорых блокнодынаң) / Я. Сунчугашев. Ленин чолы. 17 февраля 1977 г.
2. Чх – Костяков И. Чибек хур [Шелковый пояс]. Роман. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2006.
3. Ыа – Доможаков Н. Г. Ыраххы аалда. В далеком аале. Роман. На хакасском и русском языках. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2010.
4. Ытг – Ыраххы тустар танылгалары / Я. Сунчугашев. Ленин чолы. 17 августа 1977 г.
5. Иг – Икі тирек / Я. Сунчугашев. Ленин чолы. 6 октября 1977 г.

© Каксин А. Д., 2016

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЗНАЧЕНИЙ ФОРМ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Г. Ф. Лутфуллина

Казанский государственный энергетический
университет, г. Казань

Статья посвящена рассмотрению особенностей перевода форм будущего времени французского и татарского языков на русский язык. Две формы будущего времени французского языка различаются по степени дистантности от момента речи. В то время как две формы будущего времени татарского языка различаются модальными значениями – степени уверенности. При переводе на русский язык данные отличия не учитываются.

Ключевые слова: временная референция, дистантность, футурум, будущее время.

Формы Future Simple, Future Immediate/Билгеле Килэчэк Заман, Билгесез Килэчэк Заман относят действия к будущему временному плану. В плане будущего в русском языке две формы времени различаются по тому, представляется ли будущее действие как целостное *я прочту* или нет *я буду читать, может и дочитаю*. Во французском языке различают будущее по дистантности от настоящего момента – ближайшее к настоящему моменту *je vais lire* и более отдаленное *je lirai*. В татарском языке две формы будущего времени отличаются по степени уверенности в реализации действия в будущем. Одна форма более категорична *Мин укыячакмын* (=обязательно), другая форма менее категорична – *Мин укырмын* (могу и не читать). Различия форм связаны с модальностью. Однако татарские формы будущего временного периода традиционно трактуются как безусловно темпоральные. В татарском языке парадигматическим значением формы Билгесез Килэчэк Заман (будущее неопределенное) является значение следования за моментом речи, нейтральное в модальном отношении, тогда как Билгеле Килэчэк Заман (будущее категорическое) имеет дополнительное созначение категоричности с реализацией значений совершенного и несовершенного видов [7, с. 220]. Можно было бы предположить, что значение категоричности коррелирует со значением проспективности, т. е. обязательность факта совершения действия в будущем имплицитно его временную конкретность. Однако, этот модальный оттенок не влияет на проспективность временной референции в будущем. Главная роль в реализации временной референции принадлежит неглагольным средствам временной локализации.

Единый подход в интерпретации французского и татарского футурума заключается в том, что и романисты, и тюркологи однозначно признают их темпоральный статус доминантным. *Качественная темпоральность*

футурума – нонкальное следование как парадигматическое значение, тонкальная симультанность и взаимный порядок действий как синтагматические значения. Качественно-темпоральное значение футурума определяет локализацию ситуации в плане будущего. *Количественное темпорально-аспектуальное значение* предполагает одностороннее ретроспективное ограничение длительности на оси времени нонкальной точкой – моментом речи.

Нонкальное следование

– Alors, je ne te dirai pas, dit-elle. – Je *viendrai* pour toute la journée. – Tu vois..., commença-t-elle, grave, si je t'ai demandé de venir ici aujourd'hui, c'était pour te dire... [10, с. 23].

– Ну, так не скажу, – сказала она. – *Приду* на целый день [2, с. 27].

Je *vais faire* tout mon possible, madame Blin [11, с. 34].

– Я *сделаю* все, что в моих силах, мадам Блен [4, с. 45].

–Урта рэттэ, иң-иң артта мин ике малайны *күрермен* [6, с. 76].

– В этом ряду, на самом конце, я *увиджу* двух мальчиков (здесь и далее перевод автора)

Сизэм, үтүчеләрнең кайберләре мине *күрәчклар*, ләкин күзләр очрашу белән күрмәмешкә салышып, Президент артынан чабам [1, с. 178].

Чувствую, что проходящие мимо меня люди, меня точно *увидят*, но делаю вид, что никого не замечаю, я побежал за Президентом.

Значение нонкального следования от момента речи, интерпретируемого как референциальная точка *punc* (= сейчас), является системным для временных форм будущего времени в французском и татарском языках. В приведенных примерах форма *future simple je viendrai* [(1)] и форма *future immediate je vais ferai* [(2)] обе имеют значение нонкального следования моменту речи – моменту диалога. Однако, главное отличие заключается в дистантности от момента речи. В. А. Плунгян пишет, что «показатели временного дейксиса могут дополнительно различать степени отдаленности от момента речи [5, с. 363]. Основными граммемами временной дистанции в языках мира являются: 1) «ближайшая» или «иммедиатная» – ситуация имеет место в непосредственной близости от момента речи; 2) «близкая» – в день, включающий момент речи; 3) «умеренно» близкая – отдалено одним днем; 4) «отдаленная» – отдалена интервалом в несколько месяцев, недель, дней; 5) «сверхотдаленная» – отдалена большим промежутком времени [5, с. 364]. В татарском языке предикаты *күрермен* [(3)] в форме Билгесез Киләчәк Заман и *күрәчклар* [(4)] в форме Билгеле Киләчәк Заман различаются только по категоричности, т. е. степенью уверенности в реализации действия в будущем. В русском варианте высокая степень уверенности передается наречием *точно (увидят)*. При переводе на русский язык семантические различия не сохраняются – везде используется форма бу-

душего совершенного [(1)] – [(4)]. В плане будущего в русском языке две формы будущего времени различаются по тому, представляют ли они будущее действие как целостное *я прочту* или нет *я буду читать, может и дочитаю*. Следовательно, при переводе сохраняется только значение нонкального следования, т. е. темпоральное значение, а характеристика действия осуществляется по новому критерию. Глаголы *увидеть* [(3)], *сделать* [(2)], *прийти* [(1)] являются предельными и, следовательно, переводятся на русский язык совершенным видом.

Тонкальное следование

– Je ne me sens pas bien, je ne suis pas tranquille, je *viendrai* plus tard quand... cela sera possible. [9]

– Я себя нехорошо чувствую, я не спокоен... *я после приду*, сам приду, когда... можно будет [3, с. 78].

– ... янына килеп утырганда, теге рәсемне икәү *күрерләр дә сөйләшерләр* болар: «Бу бит ... [7, с. 89].

Присев рядом с ним, они двое *увидят* ту картину и *поговорят* об этом: «Это ведь...

При реализации значений тонкального следования подразумевается реализация ситуация после определенного момента в будущем – момента *tunc* (= тогда). В примере [(5)] значение тонкального следования выражено неглагольно – обстоятельством *plus tard* / *позднее*. В татарском примере [(6)] значение тонкального следования подразумевает взаимное следование / предшествование ситуаций – *күрерләр дә сөйләшерләр / увидят и поговорят*, т. е. представлено глагольное выражение момента *тогда*. При переводе значение тонкального следования сохраняется, так как соотносительная ситуация и момент представлены эксплицитно. В русском переводе используется форма будущего совершенного, что объясняется предельной семантикой глаголов *увидеть, поговорить* [(5)] [(6)].

Таким образом, **в обоих языках** количественное темпорально-аспектуальное значение футурума предполагает реализацию ретроспективно ограниченной моментом речи ситуации. Основная нагрузка контекстуально-референциальной актуализации возлагается на неглагольные средства. Темпоральные обстоятельства выражают референциальный интервал секвентной полиситуативности, представленной количественным несовпадением в будущем временном плане – *Tout à l'heure il rassemblera toutes ses choses dans cinq minutes. Хәзер биш минутта ул айберләрен жыйп бетерә. Сейчас за пять минут он соберет свои вещи*. Темпоральные обстоятельства детерминируют референциальный статус. При переводе на русский различия временных форм будущего французского языка по дистантности и различия форм будущего времени татар-

ского языка по модальности нивелируются. При переводе сохраняется только референциальное значение неопределенного или определенного следования, т. е. темпоральное значение, а характеристика действия осуществляется по новому критерию – представлено ли будущее действие как целостное или нет, что составляет основу дифференциации форм будущего времени в русском языке.

Библиографический список

1. Гатина Х. Х. Бесценные находки: сказки, воспоминания, письма. Казань: Татарское книжное издательство, 2006 г. 345 с.
2. Гончаров И. А. Обломов. М.: Просвещение, 1965. 134 с.
3. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. СПб: Просвет, 1981. 300с.
4. Модiano Патрик. Утраченный мир / пер. Ю. Яхнина. М.: Культура, 1989. 231 с.
5. Плунгян В. А. Введение в грамматические значения и грамматические системы языков мира: учеб. пособие. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
6. Хамзин А. Н. Если хочешь жить долго...: юмор и сатира. Казань: Татарское книжное издательство, 2007. 173 с.
7. Харисов Р. М Избранные произведения. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 345 с.
8. Хисамова Ф. М. Татар теле морфологиясе. Казань: Мәгариф, 2006. 334 с.
9. Dostoïevski. Fédor Crime et châtiment (Élisabeth Guertik, 1947).
10. Gontcharov. Ivan Oblomov (Arthur Adamov (1), Luba Jurgenson (2), 1959 (1), 1988 (2)).
11. Modiano Patrick. Quartier perdu (1985).

© Лутфуллина Г. Ф., 2016

ИМЕННЫЕ МОДЕЛИ ЭЛЕМЕНТАРНОГО ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ РЕЛЯТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А. А. Озонова

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск

В статье рассматриваются основные именные модели элементарного простого предложения релятивной семантики в алтайском языке, выражающие разные типы отношений между людьми.

Ключевые слова: алтайский язык, модель элементарного простого предложения, именное предложение, релятивная семантика.

Элементарное простое предложение с именным сказуемым на материале южносибирских тюркских языков рассматривались в работах М. И. Черемисиной [4; 5; 6; 7; 8; 9] и ее учеников [1; 2; 3]. М. И. Черемисина впервые выделила основные именные модели для этих языков, отметила их своеобразие по сравнению с глагольными моделями.

В данной статье будут рассмотрены две основные модели релятивной семантики в алтайском языке, выражающие разные типы отношений между людьми: $N_{\text{Nom}}N_{\text{Gen}}N_{\text{Nom}}(\text{cop})$ «кто чей кто» и $N_{\text{Nom}}N_{\text{Dat}}N_{\text{Nom}}(\text{cop})$ «кто

кому кто». Первые два компонента этих моделей – участники отношения, а сказуемое – выразитель их отношения друг к другу. Формально эти модели различаются падежной формой второго актанта: в первой модели он представлен формой притяжательного падежа, а во второй – дательного. Семантически они различаются по передаваемым ими оттенками смысла и по способу функционирования.

В модели $N_{Nom}N_{Gen}N_{Nom}(cop)$ «кто чей кто», передающей отношения между людьми, первый актант представлен именем существительным или местоимением в неопределенном падеже, второй актант – именем существительным или местоимением в притяжательном падеже, а предикат – именем отношения (часто термином родства) в неопределенном падеже. В предложениях, построенных по этой модели, существительное в форме притяжательного падежа скрывает в себе указание на второй актант, за которым стоит второй участник отношения.

Артур – Кырмалдыныгуулы. (ВМ,ЧК,66) ‘Артур – сын Кырмалды.’

Предикатами этой модели в большинстве случаев выступают термины родства. Это не случайно, поскольку в традиционном алтайском обществе отношения родства являются основными и определяют социальное место и статус каждого человека. Как правило, при представлении человека называют его имя в сочетании с личными именами ближайших родственников или предков и указанием рода (*сёка*). Рассматриваемая модель требует обязательного эксплицитного выражения притяжательного актанта, поэтому в предложениях этой модели термины родства без актанта в форме притяжательного падежа не употребляются.

Амыр – Алтынайдын аказы. ‘Амыр – старший брат Алтынай’; *Наташа, сен менин сыйным.* (ТШ,ЫЭИ,218) ‘Наташа, ты моя младшая сестра.’

Термины родства в семейном кругу выполняют чисто номинативную и апелятивную функцию. И в этих функциях они употребляются с посесивным оформлением, без определяющего их имени в форме притяжательного падежа: *Акабыс, барактар.* ‘Старший брат, пойдемте’.

В современном алтайском языке термины родства приобретают в разных контекстах расширительное употребление.

Ол бистин литературанын адазы болуп калды. (БУ,Т,134) ‘Он стал отцом (основателем) нашей литературы’; *А менин тилим база түрк тилдердин карындажы.* (БУ,Т,201) ‘А мой язык тоже брат тюркских языков.’

Этой моделью также передаются дружеские, приятельские, соседские и враждебные отношения.

Ол слердин jakшы нокоригер, наjыгар. (О,73) ‘Он ваш хороший друг, товарищ’; *А эмди дезе Алеша Боцманнын болушчызы.* (БУ,Т,11) ‘А теперь Алеша помощник Боцмана.’

В современном обществе важную роль играют социальные отношения, которые определяются профессией, общественным положением, местом работы. Эти отношения также передаются рассматриваемой моделью.

Ол райкомнын качызы. (ТШ,ЫЭИ,215) ‘Он секретарь райкома’; *Мен областной больницынын стоматологический, ӧртак айдар болзо, тиш эмдеер бӧлүгинин заведующийи.* (БУ,Т,97) ‘Я заведующая стоматологическим, если точнее сказать, зуболечебным отделением областной больницы.’

Вторая модель $N_{Nom}N_{Dat}N_{Nom}(cop)$ «кто кому кто», по всей видимости, заимствована из русского языка. В художественных текстах предложения, построенные по этой модели, встречаются значительно реже. Предикатами в них также используются термины родства, но в определенных контекстах. Рассмотрим два предложения.

(1) *Бу кижжи сенин адан болор.* ‘Этот человек твой отец’; (2) *Бу кижжи сеге ада болор.* ‘Этот человек тебе отец.’

В примере (1) ситуация представления родного (генетического) отца лицу, которое по каким-то причинам этого не знал. В пример (2) ситуация представления некоторого человека, который не будучи родным отцом, будет выполнять отцовские обязанности, т. е. отношения не кровного родства.

Эта модель с терминами родства также используется в вопросительных предложениях по установлению типа отношений, степени родства.

Ол карганак сеге кем? ‘Кто тебе этот старик?’; *Слер меге канайын тӧрӧдн болдыгар?* (СС,АКС,111) ‘Вы мне как родственница будете?’

Таким образом, в алтайском языке для выражения отношений между людьми используются две именные модели. Модель со вторым актантом в форме притяжательного падежа является исходным для алтайского языка. Она выражает все типы человеческих отношений и, прежде всего, отношения кровного родства. Модель со вторым актантом в форме дательного падежа менее употребительна, что служит основанием для предположения о ее заимствовании из русского синтаксиса. Она используется в определенных контекстах, при установлении степени родства и типа отношений между лицами (друг, раб, слуга и др.).

Библиографический список

1. Озонова А. А. Основные модели качественной характеристики и оценки в алтайском языке // Языки и литературы народов Горного Алтая. Международный ежегодник. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского госуниверситета, 2006. С. 94–97.
2. Серээдар Н. Ч. Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1995.
3. Серээдар Н. Ч., Скрибник Е. К., Черемисина М. И. Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск, 1996.

4. Черемисина М. И. О системности в сфере моделей предложения (на материале языков Сибири) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 1. Новосибирск: НГУ, 1995а. С. 3–21.
5. Черемисина М. И. Исследование предложения в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. Новосибирск, 1995б. С. 63–68.
6. Черемисина М. И., Скрибник Е. К. О системе моделей элементарных простых предложений в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. Новосибирск, 1996. С. 46–57.
7. Черемисина М. И. Исследование моделей ЭПП в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. Новосибирск, 1997. С. 56–61.
8. Черемисина М. И. Структура и типология именных предложений // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. Новосибирск, 1998. С. 96–104.
9. Черемисина М. И. Предложения с именным сказуемым (на материале тюркских языков Южной Сибири) // Архив гуманитарного знания. Граду и научному сообществу. № 1(3). Санкт-Петербург, 2012. С. 243–255.

Текстовые источники

1. **БУ,Т** – Б. Укачин. Туулар туулар ла бойы артар. Горно-Алтайск, 1985.
2. **ВМ,ЧК** – В. Майхиев. Чблдбордин күүзи. Горно-Алтайск, 2004.
3. **О** – Омок ло нак болушчылар. Горно-Алтайск, 1987.
4. **СС, АКС** – С. Суразаков. Алтайым керегинде сөс. Горно-Алтайск, 1985.
5. **ТШ,ЫЭИ** – Т. Шинжин. Ырыс эжелген ижемби. Горно-Алтайск, 1986.

© Озонова А. А., 2016

О СТРУКТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ ИМЕННЫХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ФОРМ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Г. И. Панова

ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

В статье рассматривается структурная типология морфологических форм именных частей речи русского языка, к которым условно присоединяются наречия и слова состояния. Выделяются простые и комплексные морфологические формы, последние дифференцируются в зависимости от количества их морфологических значений (два, три, четыре) и особенностей их формального выражения.

Ключевые слова: морфологическая форма, морфологическая форма простая, морфологическая форма комплексная, морфологические средства, словоформа.

Агглютинативный хакасский язык и флективный русский относятся к языкам с развитой морфологией. Основной единицей морфологического строя в таких языках является морфологическая форма, реализующаяся в тех общих вариантах, которые обусловлены типологическим различием средств выражения грамматических значений слова.

Анализ особенностей структуры морфологических форм (МФ) в одном языке может послужить фоном для изучения их структуры в другом языке. Типы МФ русского языка рассматриваются с точки зрения количества морфологических значений (МЗ) и особенностей их формальной

репрезентации в общей структуре форм изменяемых слов, что впервые является предметом исследования. В силу ограниченного объёма статьи мы анализируем только формы именных частей речи, условно присоединяя к ним наречия и слова состояния.

Прежде чем говорить о типологии МФ слова, представим наше понимание основной единицы морфологического строя¹. МФ можно определить, раскрывая её структуру в «развёрнутом» и «свёрнутом» вариантах. В первом случае *морфологическая форма* – это единство морфологического значения, плана его выражения и обобщенной основы слов данной части речи.

Это реальная, но абстрактная единица, которую можно мысленно отделить от конкретных, материальных словесных единиц (как мы абстрагируем геометрические фигуры от материальной плоти конкретных предметов) и представить при помощи графических аналогий. См., например, графическую аналогию МФ мн. числа, им. падежа существительных:

МЗ мн. числа, им. падежа
основа сущ. [ы/и, а]

Звук (фонема) [ы] или [а] в структуре данной формы субстантива (мы отвлекаемся от её возможной омонимии) составляет план выражения значений мн. числа и им. падежа. А единство МЗ и плана его выражения составляет *морфологическое средство*, т. е. формообразующий аффикс или служебное слово. Поэтому *морфологическую форму* можно представить в свёрнутом виде: это единство морфологического средства и обобщенной основы слов данной части речи. См., например, свёрнутое представление той же морфологической формы ‘основа сущ. + фл. *ы/и, а*’.

Абстрагированные МФ реализуются в *словоформах* – конкретных словесных единицах, представляющих собой единство МФ и лексемы (основы) конкретного слова, например: *зим-ы, сосед-и, город-а*.

МФ могут включать разное количество значений, соотносённых тем или иным способом со средствами их выражения, находящимися за пределами основы слова. В связи с этим МФ можно разделить на *простые*, имеющие одно МЗ, и *комплексные*, включающие больше одного значения [3, с. 25–26]. Представим диапазон и особенности структуры простых и комплексных неглагольных морфологических форм в русском языке.

Простые морфологические формы. Простыми, однозначными, в русском языке являются в абсолютном большинстве случаев синтетиче-

¹Мы здесь не рассматриваем разные истолкования понятия морфологической формы, представленные в трудах российских лингвистов-классиков и современных грамматистов. См. об этом: [1, с. 20–138; 2, с. 54–73; 4, с. 120–127 и др.].

ские МФ. Это: 1) форма множественного числа кратких прилагательных (включая местоименные): 'осн. прил. + фл. -ы/-и' (*добры, ярки; каковы* и *таковы*), 2) форма сравнительной степени прилагательного (наречия, слова состояния): 'осн. прил. + суфф. -ее, -е, -ше' (*светлее, ярче, дальше*), 3) падежные формы числительных, включая местоименные, например: 'осн. числ. + фл. -ю' (*пятью*) или 'осн. числ. + фл. -ыми/-ими' (*четверыми, сколькими, столькоми*), а также 4) падежные формы местоимений-существительных, имеющих нестандартные МФ, и потому мы приводим их примеры только в структуре словоформ: *себя; кто, неким, что, ничем*.

Из аналитических МФ однозначными являются формы наречия и слова состояния, имеющие лишь значения 5) сравнительной и 6) превосходной степеней сравнения: 'более + нар. /слово сост.' (*более глубоко*) и 'наиболее + нар. /слово сост.' (*наиболее глубоко*).

Итак, простыми в русском языке могут быть МФ прилагательных и числительных (включая местоименные), местоимений-существительных, наречий и слов состояния.

Комплексные морфологические формы. Комплексные МФ именных частей речи могут включать от двух до четырёх МЗ. Определим состав двух-, трёх- и четырёхзначных форм и характер формальной репрезентации их значений в общей структуре МФ.

Комплексные морфологические формы двузначные. Двузначные МФ тоже преимущественно синтетические. Они реализуются в следующих типах словоформ: 1) словоформы кратких прилагательных (включая местоименные) типа *добр-а, каков-Ø*, имеющих МЗ ед. числа и определённого рода; 2) полных прилагательных типа *добр-ые, добр-ых*, включающих МЗ мн. числа и определённого падежа; 3) словоформы числительного *дв-а, дв-е* с их МЗ им. (вин.) падежа и соответствующего рода; 4) словоформы существительных типа *сад-ы, братья (j-а)*, окн-*ам, зим-ами*, имеющие МЗ мн. числа и соответствующего падежа, а также 5) словоформы субстантивов *nomina sexus* типа *отец-Ø, пап-а, Михайл-о – мам-а, мать-Ø, Верунчик-Ø*, где окончания выражают МЗ ед. числа и падежа (здесь – им.)

Подчеркнём, что флексии у *nomina sexus* не участвуют в выражении рода. Материальным носителем родовой информации является только основа слова с её значением пола, хотя в большинстве случаев она и сочетается с типичным для данного рода окончанием (-а – для женского, Ø – для мужского). Таким образом, абстрагированная МФ, реализующаяся в данных словоформах, содержит только значения ед. числа и падежа.

К двузначным примыкают также МФ, представленные в словоформах существительных, не являющихся *nomina sexus*, типа *зим-а, белк-а; сад-*

Ø, человек-Ø; мор-е, существ-о. Ситуация с ними не вполне неоднозначна. Дело в том, что их окончания самостоятельно, т. е. за пределами лексической основы, тоже выражают только МЗ ед. числа и им. падежа¹. И хотя каждое из этих субстантивов имеет соответствующий род, но флексии не являются его самодостаточными выразителями. Так, МФ 'осн. сущ. + фл. -а/-я' может реализоваться не только в словоформах женского рода (*зима*), но и мужского (*юноша, дядя, зайчишка*), и даже среднего (*семья, дитя*). Аналогично нулевую флексию могут иметь субстантивы не только мужского, но и женского рода (*дом – тень, зять – мать*), а флексию -о/-е – не только среднего, но и мужского рода (*облако – Михайло, море – волчице*).

Однако, флексии этих слов всё-таки принимают участие в выражении рода, но только во взаимодействии с элементами их основы. Так, нулевая флексия у субстантивов типа *сад-Ø, человек-Ø, герой-Ø* участвует в выражении мужского рода в единстве с твёрдым (не шипящим) конечным согласным основы или с [й]. Окончание -о /-е свидетельствует о среднем роде субстантива типа *небо, море* только в единстве с основой, не содержащей семы лица мужского пола (ср.: *Михайло, подмастерье* – муж. р.) и семы субъективной оценки предмета, названного субстантивом мужского рода (ср.: *домишко, волчице* – муж. р.). А окончание -а/-я у слов типа *зима, курица* участвует в выражении женского рода во взаимодействии с ещё большим количеством элементов основы. Во-первых, прежде всего в значении основы должны также отсутствовать семы мужского пола (ср.: *папа* – муж. р.) и субъективной оценки предмета, названного субстантивом мужского рода (ср.: *зайчишка* – муж. р.), а кроме того, план выражения лексем не должен оканчиваться на [л'] (ср.: *знамя* – ср. р.). И, наконец, это не должно быть слово *дитя*, имеющее при флексии -я (-а) средний род.

Получается, что у существительных не *nomina sexus* флексии принимают участие в выражении рода в комплексе: а) либо с элементом плана выражения основы (*сад-Ø*), б) либо с элементами плана её содержания (*небо*), в) либо с теми и другими элементами (*зима*). Таким образом, если в плане числа и падежа МФ полностью абстрагирована от лексем (основы) субстантива, то в плане рода у субстантивов не *nomina sexus* форма и лексема как бы срастаются друг с другом. Таким образом, комплексная МФ, реализующиеся в словоформах субстантивов типа *зим-а, дом-Ø, неб-о*, включает два МЗ (числа и падежа) и ещё некоторый «намёк» их на родовое содержание, которое во многом зависит от особенностей лексической основы слова.

¹Здесь и далее мы отвлекаемся от падежной омонимии словоформ типа *садØ, окно* (им. = вин.)

В сфере аналитических МФ двузначными являются две формы: сравнительной и превосходной степеней, представленные в словоформах типа *более добр-ы, наиболее добр-ы*. В них флексия выражает значение мн. числа, а вспомогательный компонент передаёт значение большей или наибольшей степени проявления признака.

Итак, двузначные МФ в русском языке могут иметь прилагательные (включая местоименные), числительное *два* и существительные. В синтетических формах оба МЗ выражаются двузначной флексией: *сильн-а; сильн-ые; дв-а; сад-ы; юнош-а, мать-Ø*; в аналитических – однозначной флексией и однозначным аналитическим компонентом: *более добр-ы, наиболее добр-ы*.

Комплексные морфологические формы трёхзначные. Они также могут быть синтетическими и аналитическими. Синтетические МФ реализуются в словоформах прилагательных (включая местоименные) типа *добр-ое, сильн-ого, ясн-ую, этот-Ø, наш-ему*; числительного *один-Ø, одн-о, одн-ой* и субстантивов типа *будущ-ее, мостов-ая*, где флексия выражает МЗ ед. числа и соответствующего рода и падежа.

Аналитические трёхзначные МФ – это тоже формы степеней сравнения, представленные в словоформах типа *более добр-а, наиболее добр-Ø*, где флексия выражает значение ед. числа и рода, а вспомогательный компонент – значение большей или наибольшей степени проявления признака.

Итак, в современном русском языке трёхзначные МФ могут иметь прилагательные, субстантивы и числительное *один*. В синтетических формах все три МЗ выражаются одной трёхзначной флексией (*добр-ое, одн-о*), а в аналитических – два значения передаются двузначной флексией, а одно – собственно аналитическим элементом (*более добр-а*).

Комплексные морфологические формы четырёхзначные. Четыре значения включают только МФ сравнения прилагательных. Во-первых, это синтетическая форма, представленная в словоформах типа *добр-ейш-ая, высоч-айш-ий*, где флексия выражает МЗ ед. числа и рода и падежа, а суффикс – значение наибольшей степени проявления признака. Во-вторых, аналитические формы, представленные в словоформах типа *более добр-ый и наиболее добр-ый*, где флексия выражает те же МЗ, а аналитический компонент – значение сравнительной и тоже превосходной степени, и в словоформах типа *сам-ый добр-ый*. Здесь флексия изменяемого аналитического компонента дублирует выражение числа, рода и падежа, передаваемых окончанием в структуре базового компонента комплексной формы, включающего обобщённую основу прилагательного: ‘*сам-ый + осн. прил. + -ый / -ий*’.

Таким образом, в структурном плане МФ подразделяются, с одной стороны, на простые и комплексные, с другой – на синтетические и аналитические. Простые МФ могут содержать следующие МЗ, выражаемые преимущественно синтетически: числа (*добры, таковы*), падежа (*пятью, скольких*), сравнительной и превосходной степеней сравнения (*добрее, более глубоко – наиболее глубоко*).

Комплексные МФ, синтетические и аналитические, включают от 2 до 4 значений. Двузначные МФ могут иметь комбинацию следующих значений: 1) числа (ед.) и рода: *добра такова*, 2) падежа (им.) и рода: *два*, 3) падежа и числа: а) мн.: *добрые, сады*; б) ед.: *юноша*; 4) числа (мн.) и степени сравнения: а) сравнительной: *более добры*, б) превосходной: *наиболее добры*. Трёхзначные МФ могут включать комплекс значений: 1) числа (ед.), рода и падежа: а) *добрая*, б) *будущее*; 2) числа (ед.), рода и степени сравнения: а) сравнительной: *более добра*, б) превосходной: *наиболее добра*. Четырёхзначные МФ, присущие только прилагательным, содержат значения числа (ед.), рода, падежа и степени сравнения: а) сравнительной: *более добрая*, б) превосходной: *наиболее добрая, самая добрая и добр-ейши-ая*. Следовательно, комплексные МФ могут различаться количеством МЗ, их комбинацией и особенностями формального выражения в общей структуре формы слова.

Библиографический список

1. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005. 620 с.
 2. Клобуков Е. В. Теоретические проблемы русской морфологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 96 с.
 3. Панова Г. И. Морфология русского языка: энциклопедический словарь-справочник. М.: УРСС, 2014. 444 с.
 4. Фоменко Ю. В. Мифы современной лингвистики. Новосибирск, 2010. 175 с.
- © Панова Г. И., 2016

СЕМАНТИКА ПОВТОРОВ В ЭЛЕМЕНТАРНОМ ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Н. Ч. Серээдар

Тувинский институт гуманитарных
и прикладных исследований, г. Кызыл

В статье рассматриваются способы выражения повторов в элементарных простых предложениях тувинского языка. Отмечаются разные точки зрения тюркологов о значении повторов. Показана специфика их употребления, анализируются семантические оттенки повторов. Отмечается, что глаголы деятельности, состояния, поведения, движения могут иметь при себе прямой объект действия. Прямое дополнение одинаково возможно как при сказуемом, вы-

раженном переходным глаголом, так и при сказуемом, выраженном непереходным глаголом.

Ключевые слова: элементарное простое предложение, повтор, семантика, усилительное значение, разговорный стиль, глагол.

Настоящая статья посвящена определению места повторов в системе грамматических средств тувинского языка. Задачей статьи является рассмотрение застывших образований, которые несут разные смысловые оттенки и модальные значения.

В тюркологии повторы рассматривались в работах Н. К. Дмитриева [10], В. Г. Егорова [11], Е. И. Убрятовой [21], С. Н. Муратова [15], А. Кайдарова [15], Р. А. Аганина [1], М. И. Адилова [2] и др. Н. А. Баскаков впервые в тюркологии отнес редупликацию деепричастий к видовой характеристике глагола. По мнению Н. А. Баскакова, «многократный вид глагола образуется также посредством повторения деепричастия данного глагола» [6]. Ряд характерных особенностей повторов в татарском языке рассмотрен Х. Г. Агишевым [3], в казахском языке данный вопрос поднимался Т. Б. Калабаевой [14]. Многие вопросы, связанные с повторами, находятся в синтаксическом поле [7], и при решении их происхождения и взаимосвязей необходимо исходить из общих синтаксических и морфологических критериев [8]. Данный вопрос нами не рассматривался. Изучение повторов в тюркских языках продолжается и в настоящее время [4, 9, 12].

Повторы как грамматическое средство в современных языках привлекают внимание многих исследователей. Лексико-грамматическая структура повторов в тюркских языках изучается достаточно интенсивно: повторы имен существительных, имен прилагательных, числительных, наречий, местоимений, повторы специальных усилительных слов (частиц и наречий), повторы модального слова, повторы подражательных слов. Среди их значений наиболее ярко выделяются значения множественности, интенсивности, усиления. В процессе изучения синтаксических особенностей татарской разговорной речи были установлены и описаны структурно-грамматические типы повторов имен и глаголов, а также раскрыта их семантика [9, 16]. Удвоение основы применяется и в других тюркских языках. При этом удвоенная основа во многих языках наряду с усилением лексического значения выражает различные грамматические понятия. Так, например, в узбекском языке удвоение основы в именах существительных выражает множественность, в именах прилагательных – интенсив, в глаголах – длительность и повторяемость действия, в именах числительных – разделительность [20].

Повторы глаголов выражают и модальные значения. Они семантически многообразны. Синтаксические повторы как усиленные конструкции

с однокоренными словами, структурные типы удвоений (повторений) широко представлены в тюркских и других языках [13, 17].

Однако, насколько можно судить по приведенным в работах выше перечисленных исследователей материалам, удвоенные основы лишь в особых случаях образуют новые слова. Нередко они оказываются принадлежностью разговорного стиля. В подавляющем большинстве случаев удвоение основ дает не новые слова, а особые формы слов.

Для тувинского языка характерны повторы родственных слов, в частности глаголов и существительных, которые часто являются производными от указанных глаголов. Это явление характерно как языку фольклора и современной литературы, так и обычной разговорной речи.

Авторы «Грамматики тувинского языка» А. А. Пальмбаха, Ф. Г. Исхаков пишут: «Глаголы в основном залоге подразделяются по своему грамматическому значению на переходные и непереходные. Переходные глаголы обозначают действие, переходящее на прямой объект, и управляют винительным падежом (оформленным и неоформленным). Непереходные глаголы обозначают действие (или состояние), которое не переходит на прямой объект. Они не управляют винительным падежом, но могут управлять другими косвенными падежами» [14].

Но наш материал показывает, что в тувинском языке в этом смысле нет деления на переходные и непереходные глаголы. Прямое дополнение одинаково возможно как при сказуемом, выраженном переходным глаголом, так и при сказуемом, выраженном непереходным глаголом. К таким глаголам относятся глаголы деятельности, глаголы состояния, глаголы поведения, глаголы движения и др.

В тувинском языке большую группу составляют глаголы занятия, которые допускают повторы. Некоторые глаголы со значением деятельности в сказках становятся переходными: *аңын аңна*- ‘охотиться на зверя’, *малын малда*- ‘пасти скот’, *кажыын кажыкта*- ‘играть в бабки, в кости’, *наш паштан*- ‘готовить пищу, кухарничать’. Они содержат в себе по две семы: совершать действие – объект-результат действия: *алдыла*= ‘охотиться на соболя’, *аңна*= ‘охотиться’; ‘отправляться на охоту’; *байлаңна*= ‘ловить мальков’, *белде*= ‘ловить тайменя’, *күжугенне*= ‘охотиться на пищуху’, *авырганна*= ‘охотиться на белку-летягу’, *өдүректе*= ‘охотиться на уток’, *өлүкте*= ‘заниматься добычей пушники’, *киште*= ‘охотиться на соболя’, *койгунна*= ‘охотиться на зайцев’, *кокайла*= ‘охотиться на волков’, *куртта*= ‘ходить в поисках червей, насекомых, чтобы ими питаться (обычно о птицах)’, *кундуста*= ‘охотиться на бобра или выдру’, *кушкашта*= ‘ловить птичек, охотиться на птичек’, *кушта*= ‘охотиться на птицу’, *күжугенне*= ‘охотиться на пищуху’, *кузенне*= ‘охотиться на колонков’, *күртүле*= ‘охотиться на тетерева’, *куске-күжугенне*= ‘охотиться на мышей и других мелких грызу-

нов', *кускеле*= 'ловить мышей, охотиться на мышей', *кырзала*= 'охотиться на хорька', *сырбыкта*= 'охотиться на белку, белковать' и др. Хотя глаголы *аңна*= 'охотиться' и *малда*= 'пасти скот' включают в свою семантику компоненты, выраженные словами *аң* 'зверь' и *мал* 'скот', но, на наш взгляд, словосочетание *мал малда*- чаще употребляется, чем глагол *малда*- без имени существительного. Из данных глаголов очень часто употребляются следующие глаголы с именами существительными: *аң аңна*, *мал малда*. Они не вполне употребимы без названий указанных объектов, а выражения *аң аңна*-, *мал малда*- не избыточны. Кроме этого, в качестве объекта могут выступать другие имена существительные *чылгы малдаар*, *иви малдаар*, которые конкретизируют содержание. Например: *Ол аңнап чорупкан* – Он поехал на охоту. Но в сказках и в художественной литературе мы видим обратную картину. Глагол *аңна*- требует винительного падежа от имени существительного, которое произошло от корня данного глагола. Например: *Кучүтү-Мерген ... Арзылаң-Ала-Тайгазынче аңын аңнап хап чоруп каан иргин* (ДШАТМ, 54) – Кучуту-Мерген ... поехал на охоту в Арзылан-Ала-Тайгу: ...*Аныяк чораан шаанда бир айда аңын аннаар, бир айда малын малдаар ...* (МТ, 7) – Когда (он) был молодым, один месяц охотился, один месяц пас скот...

В сказках часто встречаются повторы глаголов и существительных, производные от данных глаголов: *чугаазын чугаалажыр* 'разговаривать' (букв. разговаривать разговор), *шайын шайлаар* 'чаевничать' (букв. чаевничать чай), *сөзүң-домааң домактаныр* 'говорить' (букв. говорить слово), *бир ажыгны ажыглаар* 'использовать одно поражение', *бир органы аргалаар* 'использовать один способ', *сиирин сиирээр*, *өөн өглээр* 'ставить юрту', *паиш паиштаныр* 'готовить еду, кухарничать', *сөзүн сөглээр* 'говорить слово', *ажыын ажыыр* 'горевать, страдать' (букв. горевать горем), *саанын саар* 'доить корову', *ижин иштенир* 'работать' (букв. делать дело), *домааң домактаныр* 'говорить' (букв. говорить предложение), *илбини илбилир* 'волшебством заниматься', *чорун чоруур* 'делать дело' (букв. ходить хождением), *кышкызын кышкыраар* 'кричать' (букв. кричать крик), *алгызын алгыраар* 'кричать' (букв. кричать крик), *сыгыдын сыгыртыр* 'исполнять горловое пение', *хөөмейин хөөмэйлээр* 'исполнять горловое пение', *уйгузун удуур* 'спать' (букв. спать сном), *чурт чурттаар* 'жить' (букв. жить житье), *ыры-хөөмейин ырлап-хөөмэйлээр* 'исполнять горловое пение', *ырын ырлаар* 'петь песню', *дүш дүженир* 'видеть сон'. Например: *Улуг дыжың дыштанып, улуг уйгун удуп ал, оглум!* (Тыва тоолдар, 133) – Отдохни большим отдыхом, поспи глубоким сном, сынок!; *Сөзүң-домааң домактанып чыт* (ДШАТМ, 32) – Говори (букв. Говори свое слово); *Аза-Дүрүүр хаан кода-хүрээзинге чедип келгеш, адар даңны атсы улуг боданын боданып, муңгак сеткилин сеткип олуруп-тур эвеспе* (ДШАТМ,

153) Аза-Дуруур приехал в свое королевство, все утро думал, грустил (букв. Аза-Дуруур приехав в свое королевство, все утро думал думу, грустил грустно грустью); ...*Сен дыжың дыштанып көрген эвес сен, бо дүне өгге хонгаш, улуг уйгуңну удуп, дыштанып ал – дээн – ...* Ты же никогда не отдыхал, в эту ночь в юрте поночуй, поспи и отдохни – так сказал (букв. Ты же не отдыхал отдыхом, в эту ночь в юрте поночевав, спи глубоким сном, отдохни – так сказал) (Тыва улустун тоолдары, 250).

Из них сочетания *сеткилин сеткиир* ‘думу думать’, *чонун чоннаар* ‘объезжать народ’, *доозунун доозуннаар* ‘поднимать пыль’ являются идиоматическими выражениями. На наш взгляд, данные сочетания без первого компонента не употребляются.

Проф. Е. И. Убрятова считает, что прямое дополнение в якутском языке, выраженное отглагольным именем, образованным от той же глагольной основы, усиливает значение сказуемого [21]. О. В. Субракова отмечает, что синтаксису языка героических сказаний хакасского языка свойственны некоторые типы однокоренных словосочетаний, которые используются для усиления лексического значения слов (*хоных хонган, тўнег тўнеен* ‘ночь ночевал’, *ат адирга* ‘имя давать’, *ыр ырлирга, көг көглирге* ‘песни петь’, *сөлир сөзүн полза сөлее* ‘если есть что сказать скажи’ [18]. Б. И. Татаринцев показал, что в тувинском языке повтором существительных в определенной мере усиливается семантика глаголов, им придается какая-то особая конкретность, наглядность [19].

В тувинском языке, как показывает наш материал, повторение основы слова в форме зависимого от нее члена предложения обозначает усиление ее лексического значения, как и в якутском, хакасском языках. Имя существительное в винительном падеже при однокоренном глаголе принимает аффикс 3-го лица в значении ‘свой’: *аң=ы=н аңнаар* ‘охотиться на своего зверя’, *мал=ы=н малдаар* ‘пасти свой скот’. Так же, на наш взгляд, данные повторы обозначают, кроме усилительного значения, множественность и разнообразие скота или зверя. Из материала видно, что не все глаголы допускают повторы. Например, *күжүгенне*= ‘охотиться на пищу’, *авырганна*= ‘охотиться на белку-летягу’,

Таким образом, по нашим материалам повторы, выполняя стилистическую и грамматическую функции, выражают количество, разнообразие объекта; наиболее ярко их грамматические значения обнаруживаются при анализе разговорной речи, сказок. Не все глаголы могут иметь при себе прямое дополнение, которое либо может выражать реальный объект действия, либо служит средством усиления глагола.

Библиографический список

1. Аганин Р. А. Повторы и однокоренные парные сочетания в современном турецком языке. М., 1959. 73 с.
2. Адилов М. И. Система повторов в азербайджанском языке: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Баку, 1968. 36 с.

3. Агишев Х. Г. Синтаксические сочетания однокоренных слов в русском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1970.
4. Абдуллаева А. А. Система повторов в кумыкском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1999.
5. Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. М. – Л., 1940.
6. Гаджиева Н. З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975. 303 с.
7. Ганиев Ф. А. Видовая характеристика глаголов татарского языка. Казань, 1963. 100 с.
8. Галлямов Ф. Г. Повторы в современном татарском языке. Казань: Школа, 2003. 144 с.
9. Дмитриев Н. К. О парных словосочетаниях в башкирском языке / Н. К. Дмитриев // Изв. АН СССР. Сер. VII. 1930. № 7. С. 501–522.
10. Егоров В. Г. Слова-повторы как показатели формальных грамматических категорий в ряде языков мира // Ученые записки НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. 1965. Вып. 28. Филологический сборник. С. 20–32.
11. Зарипова А. М. Редупликация в английском и турецком языках // Вестник Челябинского государственного университета. Выпуск №13. 2007. Челябинск, 2007. С. 28–33.
12. Зейналов Ф. Р. Категория модальности и способы ее выражения в тюркских языках // Советская тюркология, 1970. № 2. С. 95–101.
13. Исахов Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961. 472 с.
14. Кайдаров А. Парные словосочетания в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958. 168 с.
15. Калабаева Т. Б. Лексико-грамматическая структура повторов в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1980. 20 с.
16. Муратов С. Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961. 130 с.
17. Сафиуллина Ф. С., Галлямов Ф. Г. Повторы как грамматическое средство в современном татарском языке // Советская тюркология. Баку, 1984. С. 68–72.
18. Сибатагов Р. Г. Модальность как структурно-семантическое единство // Советская тюркология. 1978. № 4. С. 22.
19. Субракова О. В. Язык хакасского героического эпоса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1978.
20. Татаринцев Б. И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М., 1987. 198 с.
21. Уринбаев З. Б. Лингвистическая природа редупликаций в современном узбекском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1982.
22. Убрятова Е. И. Удвоение основы слова в якутском языке // Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М. –Л., 1960. С. 211–222.

Список текстовых сокращений

1. ДШАТМ – Демир шилги аьттыг Тевене-Могe. Кызыл, 1970.
2. Тыва тоолдар – Тыва улустун тоолдары. Кызыл, 2012.
3. (МТ, 7) – Моторк Тирчин. Күдээлер. Кызыл, 1990.

© Серээдар Н. Ч., 2016

ДИСТРИБУЦИЯ И ИНВЕНТАРЬ МАЛОШУМНЫХ СОГЛАСНЫХ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА (КЫЗЫЛЬСКИЙ ДИАЛЕКТ)

В. В. Субракова
ХакНИИЯЛИ, г. Абакан

В данной работе выявляется дистрибуция малошумных согласных фонем кызыльского диалекта хакасского языка. При определении состава фонем были использованы критерии различительной релевантности, дополнительного распре-

ления и свободного варьирования. Фонемы кызыльского диалекта хакасского языка впервые исследуются с помощью экспериментально-фонетических методов.

Ключевые слова: фонетика, фонема, инвентарь, дистрибуция, диалект, язык.

Одной из основных задач фонологического исследования является выявление инвентаря функциональных единиц – фонем – совокупностью различных методов и приемов.

Исходя из понимания фонемы как минимальной смысловозначительной единицы языка и в соответствии с принципами функционального анализа, при определении состава фонем за основу были приняты критерии различительной релевантности, дополнительного распределения и свободного варьирования [1, с. 149–152].

Цель данной статьи – выявить дистрибуцию малошумных согласных в кызыльском диалекте хакасского языка. На основании изучения полученных материалов в диалекте в исконно хакасских словоформах, как и в ниже-тёйском говоре сагайского диалекта, в кызыльском выявлено 8 малошумных согласных: **m, n, r, l, j, ɟ, ɲ**. Качественно-количественные характеристики звуков даются предварительно на слух.

Ниже приводятся списки словоформ, иллюстрирующих функционирование малошумных согласных во всех возможных позициях и комбинациях, при этом используются символы: C₁ – шумные глухие согласные, C₂ – шумные звонкие согласные, C₃ – малошумные согласные. В суммированном виде дистрибуция малошумных согласных звуков представлена в таблице.

Дистрибуция малошумных согласных

Звук	Позиции								
	CV-	-VC	-VCV-	-V C C ₁ V-	-V C C ₂ V-	-V C C ₃ V-	-VC ₁ C V-	-VC ₂ C V-	-VC ₃ C V-
m	+	+	+	-	+	+	-	-	+
n	+	+	+	(+)	+	+	-	-	+
r	-	+	+	(+)	+	+	(+)	+	+
l	-	+	+	(+)	+	+	+	+	+
j	(+)	+	+	(+)	+	+	-	(+)	-
ɟ	-	+	+	-	+	+	-	-	-
ɲ	-	+	-	-	+	+	-	-	-
ʏ(˘ːʏ)	-	+	-	-	+	+	-	-	-
...	-	-	-	-	+	+	-	-	-

Примечание: (+) – редко встречающиеся звуки

Звук m – малошумный смычный губно-губной носовой согласный встречается в начальной, конечной, интервокальной, медиально-преконсонантной в сочетании с согласными из групп C₂ и C₃, медиально-постконсонантной позициях, напр.: **малты** malytə ‘топор’, **марчыx** marʃəx ‘скворец’, **моршо** mɔrʃɔ ‘цветок’, **мончар** mɔnʃar ‘воротник’, **ситкім** sitk m ‘блоха’, **эм** ɛm ‘наживка, приманка’, **кім** k m ‘кто’, **чөмөк** ʃɔmɛk ‘темя (детское)’, **шымалчax** ʃymalʃəx ‘мизинец’, **омащ** ɔmaf ‘ложка’, **хумусха** χumusuχə ‘муравей’, **эмдік** ɛmd k ‘дикий, необученный’, **эмниге** ɛmniɣe ‘насаживать наживку’, **тамныг** tamny ‘вкусный, питательный’, **эмчек** ɛmʒik ‘женская грудь’, **авамнац** ‘с медведем (творит. п.)’, **сүнмен** sünmɛn ‘прорубь’, **нэнмір** nɛnmir ‘дождь’

Звук n – малошумный смычный переднеязычный носовой согласный функционирует в начальной, конечной, интервокальной, медиально-преконсонантной в комбинации с согласными C₁, C₂ и C₃, медиально-постконсонантной позициях, напр.: **нарпах** narpəx ‘чурбан’, **нагыс** naɣys ‘один, единственный’, **нэгежим** nəɣeʒim ‘жена старшего брата’, **шүлен** ʃülen ‘маскируйся’, **күн** kün ‘солнце’, **хозан** χɔzɔn ‘заяц’, **иргін** irɣ n ‘старый’, **ханар** χanar ‘плавники’, **энес** ɛnɛs ‘свекровь’, **мэнет** mɛnɛt ‘рубль’, **чончалах** ʃɔnʃalaχ ‘ласка’, **мончар** mɔnʃar ‘воротник’, **корынса** kɔrɣnsə ‘горница’, **кинде** kində ‘бумага’, **нандыг** nandyɣ ‘приданое’, **нэнже** nəɣe ‘сколько’, **хабынчыx** χabyɣnyχəx ‘ручка двери’, **кэнжі** kɛnʒi ‘цепь’, **шонга** ʃɔnɣa ‘народу (дат. п.)’, **алнында** alnyndə ‘раньше, прежде’, **хулнах** χulnəχ ‘жеребенок’, **эйнелер** ɛjnɛlɛr ‘духи шамана (иноск.)’, **аңноч** aŋnɔʃ ‘охотник’, **аңналага** aŋnalaɣa ‘падать, валиться’, **сөңнө** sɔɣnɔ ‘марьян корень’.

Звук l – малошумный смычный переднеязычный боковой согласный употребляется в конечной, интервокальной, медиально-преконсонантной перед согласными C₁, C₂ и C₃, медиально-постконсонантной после согласных C₁, C₂ и C₃ позициях, напр.: **йабал** jaβal ‘плохой, плохо’, **кімоол** k mɔ:l ‘кто’, **ілеш** ɛʃ ‘удочка’, **кімелік** k mɛl k ‘пахта’, **чылтырах** ʃylytɣəx ‘стекло, бутылка’, **палбах** palβəx ‘широкий’, **эллік** ɛl k ‘рукавицы’, **көблже** kɔβlʒe ‘помаленьку’, **көлге** kɔlɣe ‘носик чайника’, **чилбігей** ʃilβ ɣeɣ ‘копчик’, **шылтыс** ʃylyts ‘корень’, **тэлбеге** tɛlβeɣe ‘вожжи’, **халбах** χalβəχ ‘абажур’, **албуға** alβu ə ‘соболь’, **халбаан** χalβa:n ‘не осталось’, **өзелдірік** ɔzɛldir k ‘низина в горах’, **чалтах** ʃaltəχ ‘широколобик’, **ілгер** ɛlɣer ‘восток, вперед’, **салгай** sal əɣi ‘крапива’, **чарлац** ʃarlatʒ

‘обрыв’, **чылгайах** ʃyɫ aјəx ‘масленица’, **алгыг** al y ‘широкий, просторный’, **аглах** aɡləx ‘малочисленный’, **оглы** oɡly ‘сын’.

Звук г – малошумный переднеязычный дрожащий согласный, констатируется в конечной, интервокальной, медиально-преконсонантной позициях перед согласными С₁, С₂ и С₃, в медиально-постконсонантной после согласных С₂ и С₃ позициях, напр.: **ишкер** ʃker ‘восток, на восток’, **кеир** keјiɡ ‘старый пожилой’, **көзiр** koez r ‘козырёк’, **пээр** pеzr ‘сюда’, **арон** aron ‘отдельно’, **ирет** iret ‘северная сторона горы’, **ороза** ozoza ‘пост’, **өреме** oereme ‘сметана’, **нарпах** naprəx ‘чурбан’, **тiрсек** t rsek ‘часть ноги выше пятки’, **чарлац** ʃarɫəj ‘обрыв’, **чүгүрчек** ʃügürcek ‘колесо’, **хаптыргаш** хартургаʃ ‘кнопка’, **кирбе** kirbe ‘пиявка’, **ортын** ortyn ‘средний’, **орты** orty ‘середина’, **ортолыг** ortolyɡ ‘косогор, склон горы’, **көртум** kærtum ‘смотрю’, **торда** tordə ‘осадок масла’, **серген** sergen ‘нашивки’, **марчых** marʃyʊx ‘скворец’, **мэрчи** mərʃ ‘узлы (лимфотические)’, **пүрчүк** pürʃük ‘почки тальника’, **парша** para ‘все, вся’, **тарлаг** tarlaɡ ‘пашня’, **умурт** umurt ‘черемуха’, **сөөрке** soerke ‘волокушка (охотничья)’, **мэргежек** mərgezek ‘ерш (рыба)’, **оргы** oɡ y ‘детёныш марала’, **тогыргы** to y r ‘дятел’, **аргамах** ar aməx ‘Рождество’, **пабырган** pabyrɡ ən ‘летяга’, **чагырга** ʃa y ɡ ‘кедровка’, **көдiргек** koeɡd rgek ‘нёбо’, **орлига** oɡli ə ‘плакать, реветь’, **сарлыган** sarly ən ‘пищуха’, **абра** abrə ‘телега’, **шухран** ʃyʊxɾəj ‘рысь’.

Звук j – малошумный целевой среднеязычный согласный. В начальной позиции, как и в хакасском литературном языке, встречается редко – зафиксирован в словоформах как **йахсы** jaʊsy ‘хороший, хорошо’, **йабал** jabal ‘плохой’. Чаще звук **j** встречается в конечной, интервокальной, медиально-преконсонантной в сочетании с согласными С₁, С₂ и С₃, позициях, в постпозиции к шумному звонкому менее употребителен, напр.: **тоолай** to:ləj ‘заяц’, **сай** saј ‘галька’, **көбiгей** koeβ ɡej ‘брусника’, **апыйах** арујах ‘кукла’, **хайыс** хајyс ‘ремень’, **тайы** тајy ‘дядя, брат’, **пойыл** pојyɫ ‘нынче’, **найжы** пaјzу ‘друг, товарищ’, **сайбаг** saјbə ‘нарушение’, **ойба**

oјbə ‘пепел’, **хайда** хајdə ‘где’, **айгах** ај əx ‘когти’, **тэйже** tэјzэ ‘бабушка со стороны матери’, **тэйне** tэјnэ ‘тетка, старшая сестра’, **эйрен** ‘напиток из квашенного молока’, **ойна** oјnə ‘играй’, **хаймах** хајməx ‘сметана’, **кайле** kaјle ‘жесть’, **төйлек** toјlek ‘оболочка’, **пайлац** paјləj ‘пихта’, **эйлен** eјlən ‘возвращаться’, **айбуц** ајbуц ‘невод’.

Звук ɲ – малошумный смычный заднеязычный носовой согласный зафиксирован, в конечной, интервокальной, медиально-преконсонантной позициях с согласными С₂ и С₃, напр.: **шухран** ʃyʊxɾəj ‘рысь’, **айбуц** ајbуц ‘невод’, **пайлац** paјləj ‘кедр’, **пэлчек** pэлʃeʃ ‘перевал (горный)’, **чыцал** ʃyʊɫ ‘рама (окна)’, **нецер** nэцr ‘пустой, дуплистый’, **тiңizi** t ɲ z ‘тот’,

неңмір nɛɪm r ‘дождь’, **сўңмен** sūɲmɛn ‘прорубь’, **туңма** tunmə ‘младший брат (сестра)’, **тоңдол** tonɔol ‘град’, **тоңданаç** tɔɲɔnaɲʃ ‘чибис’, **аңнал** aɲnal ‘падать, валиться’, **аңнощ** aɲnɔʃ ‘охотник’, **õңниç** œɲnʲ ʏ ‘красивый, разноцветный’, **сõңнõ** sœɲnœ ‘марьин корень’.

Звук \bar{y} (~ g), определяемый на слух как сверхслабый малозумный глухой или частично оглушенный заднеязычный сверхъзкощелевой или – факультативно – слабосмычный, употребляется в ауслaute мягкорядных словоформ, напр.: **пег** рэу ‘князь, бек’, **тег** т’зү ‘касайся’. При агглютинации звук \bar{y} , оказавшись в медиально-интервокальной или медиально-преконсонантной позициях, либо выпадает и происходит стяжение гласных, либо, сохранившись, в позиции начала слога (а в потоке речи – и в позиции конца слога) утрачивает свои характеристики сверхслабости и малозумности, фактически чередуясь со слабым шумным **g**, напр.: **кõг** k’ǖȳ ‘веселье’ – **кõм** k’ǖ:m [← k’üg m] ‘веселье=мое’ – **кõд** k’ǖ: [← k’üg] ‘веселье=его’ – **кõгде** k’ǖȳd’z ‘на веселье’ – **кõгзер** k’ǖȳz’er ‘к веселью’ – **кõглер** k’ǖȳl’er ‘веселье (мн. ч.)’.

Сопоставление дистрибутивных характеристик малозумных согласных кызыльского диалекта хакасского языка свидетельствует о том, что звуки **m, n, r, l, j, ç** встречаются в ряде одинаковых позиций и не могут при этом заменить друг друга без того, чтобы не изменить семантику слова или не исказить его до неузнаваемости. Следовательно, на основании второго правила Н.С. Трубецкого можно выделить шесть малозумных согласных фонем: [m], [n], [r], [l], [j], [ç] [Трубецкой: 1960].

Вопрос о физиологических и физических характеристиках звуков **g**, \bar{y} и ... и о принадлежности их к тому или иному классу фонем решается с использованием экспериментально-фонетических методов. Следует отметить, что Д. И. Чанков в монографии “Согласные хакасского языка” [3, с.] относит все звуки типа **г** и **г** к шумным звонким. Исследования фонетики ниже-тёйского говора сагайского диалекта, с использованием экспериментально-фонетических методов, свидетельствуют о том, что в артикуляционно-акустическом отношении шумные слабые звуки **g**, – реализации шумной слабой краткой фонемы [χ], и малозумные звуки **g**, это аллофоны малозумной сверхслабой фонемы [] [2, с. 210].

Как и в сагайском диалекте хакасского языка, в кызыльском при определении инвентаря шумных согласных фонем были выявлены звуки – шумный

заднеязычный смычный **g**, малозумный заднеязычный сверхъзкощелевой или слабосмычный $\bar{\bar{y}}$ (~ \bar{g}), и малозумный щелевой $\bar{\bar{x}}$ (~ $\bar{\chi}$), употребляющийся в интервокальной и медиально-биконсонантной позициях.

По субъективному слуховому восприятию и мускульному ощущению фонему [...] следует отнести к сверхслабым малозумным согласным, поскольку она реализуется в более слабых аллофонах, чем звонкие интервокальные оттенки шумной слабой фонемы [χ]₁, сравните, напр.: **азагым** aza: ʔm ‘нога=моя’ от **азах** χ ‘нога’ и **тагым** ta: ʔm ‘гора=моя’ от **таг** taq ‘гора’; в **тагым** ta: ʔm звук $\bar{\bar{x}}$ сверхслабый малозумный, а в **азагым** aza: ʔm – слабый шумный.

Что касается звуков \bar{y} и $\bar{\bar{x}}$ в медиально-биконсонантных сочетаниях, то особенности их комбинаторики, подтверждающие правомерность выделения малозумной фонемы [...], подробно рассматриваются ниже. Здесь же считаем необходимым отметить следующее. Препозитивные $\bar{\bar{y}}$ и $\bar{\bar{x}}$, закрывающие слог, могут, аналогично малозумным, сочетаться со звонкими и малозумными консонантами, напр.: звук $\bar{\bar{y}}$ – **тигде** t’ $\bar{\bar{y}}$ d’z ‘там’, **к глирге** k’ $\bar{\bar{y}}$ l’r’g’z ‘радоваться’; звук $\bar{\bar{x}}$ – **са ба** sa bə ‘известие’, **пу дай** pu dəj ‘пшеница’. Особенности позиционно-комбинаторного функционирования и артикуляционно-акустические характеристики позволяют отнести препозитивные $\bar{\bar{y}}$ и $\bar{\bar{x}}$ к классу сверхслабых малозумных.

Что касается постпрепозитивных **g** и $\bar{\bar{x}}$, находящихся в начале следующего слога, то по особенностям комбинаторики – сочетаемость только с препозитивными малозумными – и по аудитивному восприятию их следует отнести к шумным звонким, напр.: **звук g** – **эйленерге** ‘возвращаться’, **ыстыргаш** ‘щипцы’; **звук $\bar{\bar{x}}$** – **пабырган** ‘летага’, **чылгайах** ‘масленица’, **аргамах** ‘Рождество’.

Как видно из анализа позиционно-комбинаторных характеристик малозумных согласных, в анлаутной позиции констатируются лишь звуки **m, n**; согласные **g, l, ɲ, ɳ, $\bar{\bar{y}}$, ...** и, фактически, **j** в инициали – позиции, маркируемой в хакасском языке относительным усилением фонической напряженности – не употребляются. В финальной и медиально-преконсонантной с согласными C₂ и C₃ позициях (конца слова и слога – позициях наименьшей фонической напряженности) реализуются все восемь малозумных консонантных звуков. В медиально-преконсонантной позиции с шумными глухими согласными типа C₁ могут комбинироваться малозумные **n, g, l, j**. Здесь следует отметить также, что в медиально-биконсонантных комплексах более продуктивной для малозумных (по

количеству возможных комбинаций) является *препозиция*. В медиально-*пост*консонантной позиции с согласным C_1 сочетаются лишь малошумные **l, r**. Таким образом, периферийные с точки зрения активного артикулирующего органа малошумные консонанты (губно-губной **m** и заднеязычно-язычковые **ŋ, n, ɲ, ɳ, ...**) не сочетаются с постпозитивными и препо-
 зитивными *шумными глухими*, в отличие от центральных (переднеязычных **n, r, l** и среднеязычного **j**, хотя и их функционирование в составе таких сочетаний крайне ограничено). Все это косвенно свидетельствует о сравнительно более напряженном и шумном характере согласных **r, l, j** (по крайней мере, в финальной позиции и в постпозиции к шумным глухим согласным) сравнительно с **m, n, ŋ, ɳ**, и подтверждает нашу трактовку анализируемых согласных как малошумных, а не сонорных, как это принято в традиционной тюркологии. Малошумные гуттуральные ротовые $\bar{\bar{y}}$ и $\bar{\bar{y}}$ не функционируют не только в анлауте и в медиальных биконсонантных комбинациях с согласными C_1 , но и в интервокале (финальные $\bar{\bar{y}}$ и $\bar{\bar{y}}$, оказавшись при агглютинации в позиции между гласными, как правило, выпадают) и в медиально-постконсонантном положении – позиции начала слова и слога (позиции относительного усиления напряженности) для них неприемлемы.

Итак, результаты функционального анализа с применением критериев дополнительной и контрастирующей дистрибуции и свободного варьирования позволяют выделить в кызыльском диалекте хакасского языка семь самостоятельных малошумных согласных фонем: [m], [r], [l], [n], [j], [ɲ], [ɳ] (рис.).



Инвентарь хакасских малошумных согласных фонем (кызыльский диалекта)

Библиографический список

1. Общее языкознание (Внутренняя структура языка). М., 1972. 565 с.
2. Субракова В. В. Система согласных сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. Новосибирск, 2006. 244 с.
3. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Наука, 1960. 372 с.
4. Чанков Д. И. Согласные хакасского языка. Абакан, 1957. 107 с.

© Субракова В. В., 2016

КЛАССИФИКАЦИЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ПОСЛЕЛОГОМ *ЧИЛИ* С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ СИНТАКСИЧЕСКОГО МЕСТА В ПРЕДЛОЖЕНИИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Э. В. Султрекова

ХНГИ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

В статье анализируется один из типов сравнительных конструкций, функционирующий в современном хакасском языке, – с использованием слова «чили». Предмет и эталон сравнения могут быть выражены любой частью речи в субстантивной функции. Модуль может быть выражен как имплицитно, так и эксплицитно в функции сказуемого.

Ключевые слова: хакасский язык, сравнительная конструкция, послелог, субстантивация, предмет, эталон и модуль сравнения.

Для выражения сравнений и сопоставлений язык формирует комплекс языковых средств, который образуется из единиц разных уровней языковой системы: полнозначных слов, аффиксов и служебных слов, специальных синтаксических конструкций. Все эти типы средств работают в сравнительных конструкциях хакасского языка. В настоящей статье мы описываем один из типов таких конструкций, а именно использующий слово *чили* «словно», «подобно», «как».

В статье «Сравнительные конструкции, образованные при помощи послелогов *чили* и *осхас*» [2, с. 62–63] нами ранее уже были описаны: определение Г. И. Донидзе слова *чили* как послелога в хакасском языке [1, 258], его соответствия частице *чылап/чилеп* в алтайском языке [3, 116] и компаративным связкам в русском языке [4, 15] и др.

Целью же данного исследования является рассмотрение сравнительных конструкций с послелогом *чили* «словно», «подобно», «как» с точки зрения их синтаксического места в предложении в хакасском языке.

Всякая сравнительная конструкция является отображением ситуации сравнения. В ситуации сравнения мыслятся следующие элементы:

1. Субъект сравнения, т. е. сравнивающий индивидуум.
2. Объект сравнения, т. е. то, что сравнивается (предмет).
3. Эталон сравнения, т. е. то, с чем сравнивается.
4. Модуль сравнения, т. е. тот признак

(набор признаков), по которому производится сопоставление объекта и эталона.

В сравнительной конструкции с послелогом **чили** предмет и эталон сравнения выступают в одной и той же синтаксической роли и, соответственно, в одинаковой морфологической форме. Предмет и эталон могут быть выражены любой частью речи, способной выступать в субстантивной функции: существительным, личным местоимением, прилагательным, числительным, причастием, любое из них может иметь зависимые слова. Причастие относится к ситуационным предметам и эталонам. Модуль сравнения может быть выражен имплицитно: в функции сказуемого главной предикации (спрягаемой формой глагола) или сказуемого зависимой предикации, то есть обстоятельства (деепричастием, деепричастным оборотом или наречием). При этом вся конструкция с **чили** должна рассматриваться как обстоятельство образа действия, зависящее от соответствующей предикации.

I. Чаще всего, предмет сравнения выступает в функции *подлежащего*.

1. Предмет сравнения выражен существительным в основном падеже (может быть в форме принадлежности):

1) Эталон сравнения выражен существительным:

а) *Ана ол туста самолеттар тигирде, тигилген чили, айланызып, бомба тастап сыхханнар* (ИК, ЧХ, 157) «В это время самолеты, кружась в небе как коршуны, стали бросать бомбы». В этом случае модуль выступает в функции обстоятельства выраженного одиночным соединительным деепричастием.

б) *...Ах түдүн, пүлүдах чили, чогар алдыра тарапча (СЧ, АУХ, 59) «Белый дым, как облачко, рассеивается вверх». В данном случае модуль выступает в функции обстоятельства выраженного наречием.*

в) *Анда аның чалахай, хыйга харахтары нымырт чили чалтырасханнар (ИК, ЧХ, 190) «Там его нежные, умные глаза блестяли как черемуха». В данном случае модуль выражен внутри сказуемого.*

2) Эталон сравнения выражен местоимением:

а) *Чнос, арса, сагам пире чирде минюк чили, окопта, ол оймахта одырча полар*(ИК, ЧХ, 130) «Чнос, возможно, сейчас где-нибудь как я же, в окопе, в сырой земле сидит». Модуль имплицитный.

3) Эталон принадлежит к тому же денотативному множеству, что и предмет, поэтому существительное, выражающее его, поверхностно устраняется. Таким образом, эталон выражен приглагольным прилагательным:

а) *Че таң түрчеден хазарар,*

Иртер хараа сілиш,

Минің сырайым хызарар,

Тутырған огырни чили (ВМ, СХ, 11)

«Но заря скоро рассветет,

Пройдет красота ночи,

Мое лицопокраснеет,

Как у пойманного вора».

Модуль выступает в функции сказуемого.

б) *Полынцевке, пазы, пасха кізіни чіли, азахтары аар тастар сөбөртен париган чіли пілдірген* (НД, БА, 170) «Полынцеву казалось, что голова (его) стала как чужая (как у другого человека), ноги как будто тянущие тяжелые камни». В первой зависимой предикации эталон предметный, принадлежит к тому же денотативному множеству, что и предмет, поэтому существительное, выражающее его, поверхностно устраняется. Таким образом, эталон выражен притяжательным прилагательным. Во второй зависимой предикации эталон ситуационный («тянущие тяжелые камни»), выражен причастным оборотом. Модуль имплицитный.

4) Эталон сравнения выражен относительным прилагательным:

а) *Хаңаа терпектері ачыг сыыттагы ла чіли ыыласчалар* (НД, БА, 11) «Колеса телеги гудят как при горьком плаче». Модуль – сказуемое;

б) *Ибісті, хомдыдагы чіли, амыр пол парган* (НД, БА, 137) «Дом стал тихий как в гробу». Модуль – внутри именного сказуемого.

В приведенных предложениях сравнительные конструкции с *чіли*, образованные с притяжательными и относительными прилагательными, сравнивают действия по его отношению к субъектам: *ыыласчалар хайди?* «скрипят как?» – *сыыттагы ла чіли* «как при плаче»; *пол парган хайди?* «стал какой?» – *хомдыдагы чіли* «как в гробу».

5) Эталон сравнения ситуационный (выражен причастным оборотом):

а) *Федор Павлович, аар ла артын зах апарчатхан чіли, парча* (НД, БА, 170) «Федор Павлович идет, словно несет тяжелую ношу». Эталон – «несет тяжелую ношу». Модуль имплицитный;

б) *Сарысхалар, пірсі пірсінең азарға иткен чіли, сыгырт-сагырт чайчалар* (НД, БА, 76) «Стрекозы стрекочут, словно хотят перестрелкоть друг друга». Эталон – «желающие перестрелкоть друг друга». Модуль – внутри именного составного сказуемого, выражен звукоподражанием;

в) *Түрче поларынаң мылтых табызы, хатыгагас чара тартын турган чіли, тарсылы түскен* (ВК, А, 269) «Немного погода послышался (грохнул) выстрел из ружья, словно раскололось твердое дерево». Эталон – «расколовшееся твердое дерево». Модуль выступает в функции сказуемого.

2. Предмет выражен местоимением. Эталон выражен существительным. Модуль выступает в функции *сказуемого*.

а) *Ол тайга пирігінде пос хус чіли чуртир* (НД, БА, 221) «Он в труднопроходимой тайге будет жить как свободная птица»;

б) Че анзы (Аделя), суга кире тастаан тас чіли, чїт парган(ИК, ЧХ, 149) «Но та (Аделя), исчезла как брошенный в воду камень».

3. Предмет выражен субстантивированным числительным в форме принадлежности. Модуль выступает в функции *обстоятельства*.

1) Эталон выражен существительным: Ікін чізі харындазым чіли табырах чүгүрче (разг.) «Второй бежит быстро как мой брат».

2) Эталон выражен местоимением: Ўзін чізі, минёк чіли, чахсы ўгрен сыхты (разг.) «Третий стал учится хорошо, как и я».

3) Эталон принадлежит к тому же денотативному множеству, что и предмет, поэтому существительное, выражающее его, поверхностно устраняется. Таким образом, эталон выражен субстантивированным числительным. Модуль выполняет функцию *сказуемого*. Например: Алтын чызы ўзін чізі чіли сегір сыххан (разг.) «Десятый стал прыгать как третий».

II. Предмет сравнения выступает в функции *прямого дополнения*. Модуль выполняет функцию *сказуемого* или выражен имплицитно.

1. Предмет выражен эллиптически.

1) Эталон сравнения выражен существительным в винительном падеже:

а) Ирткен чуртазым
Пазымнаң сыйбабаан,
Кічиг паланы чіли,

Чазырхатпаан (ФТ, ИХ, 109)

Модуль – сказуемое.

«Прошедшая жизнь (моя)
Не гладила (меня) по голове,
Не **нежила**
Как **маленького ребенка**».

2) Выражение эталона входит в относительное прилагательное. Наңмыр иб хырина саали түскен, күгүрт оды иб істің күйнөрткі чіли, чарыдыбысхан... (НД, БИА, 48) «Дождь стал лить на край дома, молния осветила дом как днем...». Модуль – сказуемое.

2. Предмет выражен местоимением в винительном падеже.

1) Эталон выражен существительным в винительном падеже.

а) ...Айаам сірерні, кічиг олганахтарны чіли хайраллаам (ВШ, СМ, 86) «...Жалел вас, оберегал как маленьких детишек». Модуль – имплицитный;

б) Син мині, аны чахты чіли, інде тударга хынчазың (ВШ, ХЛС, 102) «Ты меня, как зверюшку, хочешь в норе держать». Модуль – имплицитный.

2) Выражение эталона входит в относительное прилагательное: Пычон аны іл чірбедегі чіли тутча... (НД, БИА, 73) «Пычон держит ее как на цепи...». Модуль – имплицитный.

III. Предмет сравнения выступает в функции *косвенного дополнения*. Предмет и эталон выражены существительным в исходном падеже.

а) Пала иркiзiден, айнадаң чiли, хорыгып, тисче (разг.) «Ребенок убегает, от мужчины, боясь, как от черта». Модуль выполняет функцию *сказуемого*.

б) Нина миннен хости одыарга чиркенче, чыланнан чiли чiскiнче (ВШ, ХЛС, 138) «Нина брезгует садиться рядом со мной, как змеей брезгует». Модуль имплицитный.

IV. Предмет сравнения выступает в функции *обстоятельства*.

1. Предмет и эталон выражены существительным в местном падеже.

Арыгда, тигiрибде чiли,

Кöök саңнарын саапча (ВМ, СХ, 55)

«В лесу, как в церкви,

Кукушка в колокол бьет». Модуль имплицитный.

2. Предмет сравнения может быть эллиптирован. Эталон выражен причастным оборотом («кошка на мышку (прыгнувшая)» с эллиптированным причастием *түскен*, которое формально совпало со сказуемым.

– Арина! Чойланма! – удуга тыга түскен, хоосха күскезер чiли (НД, БА, 188) «– Арина! Не лги! – прыгнул к ней как кот на мышку». Модуль имплицитный.

Таким образом, рассмотрев сравнительные конструкции с показателем *чiли*, мы приходим к выводу, что дееспричастное происхождение служебного слова *чiли* сказывается на его функционировании в предложении: в сочетании с эталоном *чiли* выполняет функцию обстоятельства образа действия. Интересно, что с точки зрения глубинной семантики в этих конструкциях фактически идет речь именно о сравнении предикаций (ср.: *прыгнул на нее как кот прыгает на мышку* и под.).

Библиографический список

1. Грамматика хакасского языка / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. С. 258.
2. Кыржинакова Э. В. Сравнительные конструкции, образованные при помощи послелогов *чiли* и *оxас* // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Вып. 9 / под общ. ред. С. П. Ултургашева. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2005. С. 60–67.
3. Тыбыкова Л. Н. Способы выражения сравнения в алтайском языке // Вопросы алтайского языкознания / отв. ред. М. И. Черемисина. Горно-Алтайск, 1988. С. 116.
4. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. С. 15.

Сокращения

1. ВК, А – В. Кобяков. Айдо // Хызыл чазы = Красная степь. Повести, рассказы, стихи, пьесы. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1982.
2. ВМ, СХ – В. Майнашев. Сырлалган халсарыг = Крашенные ковьялы. Абакан, 1991. 232 с.

3. ВШ, СМ – Сын мүүзі // В. Г. Шулбаева. Сарналбаан сарын = Недопетая песня. Пьесы на хакасском языке. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1985. 208 с.
4. ВШ, ХЛС – Хынысха ла састырба // В. Г. Шулбаева. Сарналбаан сарын = Недопетая песня. Пьесы на хакасском языке. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1985. 208 с.
5. ИК, ЧХ – И. Костяков. Чібек хур. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1989. 232 с.
6. МТ, ПТ – М. Туран. Пай тирек = Ветвистый тополь: повесть /Туран Митхас. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1981. 112 с.
7. НД, ЫА – Н. Доможаков. Ыраххы аалда = В далеком аале. Абакан, 1975. 255 с.
8. СЧ, АУХ – С. Чарков. Ах Ыус хазында = Возле Белого Июса. Абакан, 1994. 176 с.
9. ФТ, ИХ – Ф. Тохтобин. Иирдегі хоостар. Сборник стихов. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1993. 128 с.

© Султрекова Э. В., 2016

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОКРУГЛОЙ ФОРМЫ ОБЪЕКТОВ СРЕДСТВАМИ КОРНЕВОГО СОГЛАСНОГО *l* В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Е. В. Сундуева

Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

В статье рассматриваются лексемы с корневым согласным l, номинирующих класс предметов, объединенных генеральным признаком 'круглый'. В качестве этимонов рассматриваются не конкретные предметы или действия, а образы, иначе образные отклики, возникающие в сознании носителей языка при предъявлении той или иной звуковой оболочки.

Ключевые слова: монгольские языки, номинация, образ, семантика, этимология.

Монгольские языки обладают богатейшим пластом изобразительных средств, представленных звукоподражательными и образными словами. Эти единицы обладают существенной и относительно устойчивой фонетически мотивированной связью между фонемами слова и признаком, полагаемым в основу именованного. Данный лексический пласт обладает рядом признаков: экспрессивность и конкретность семантики, фонетическая гипервариативность, стилистическая ограниченность (разговорная речь, фольклор, художественные произведения) и особый набор словообразовательных формантов, из которых в первую очередь следует отметить глагольный суффикс *-aui* и адъективный суффикс *-yar*, являющиеся самыми надежными «свидетелями» образного происхождения производящей основы. Признаки изобразительных слов, восходящих к определенным звукам и образам, могут быть спроецированы на признаки базовой лексики монгольских языков. Результаты исследований свидетельствуют

вуют о том, что, несмотря на то, что в процессе эволюции языка система изобразительных слов в монгольских языках постепенно была вытеснена на периферийную позицию, она «пронизывает» весь основной корпус базовой лексики монгольских языков.

В данной работе рассматриваются лексемы, в которых корневой согласный / служит для передачи признаков, характеризующих округлую форму объекта. Обширную группу составляют образные прилагательные со значением ‘округлый’ → ‘пухлый, полный, упитанный’, сочетающиеся с различными частями тела человека (руки, лицо, щеки и пр.) или с человеком / животным в целом: бур. *балбагар* ‘пухлый, полный’, *балтагар* ‘толстый и неуклюжий’, монг. *балхгар*, бур. *балхагар*, калм. *балхър* ‘приземистый и толстый, жирный, тучный, упитанный’, монг. *балцгар*, бур. *балсагар*, калм. *балцър*, *балцхр*, ойр. Синьцз. *балцагар* ‘тучный, упитанный, пухлый, полный’, калм. *балчър*, *больбър* ‘мясистый (о лице)’, бур. *болсогор*, *болхогор* ‘выпуклый, круглый; пухлый’, монг. *булбархай* ‘круглый, округлый, шаровидный’, монг. *булбарай*, бур. *булбарай*, *булбуурай* ‘круглый, округлый; пухленький (о ребенке)’, бур. *булсагар* ‘пухлый (о руках)’, бур. *бултаргана*, калм. *бултърн* ‘пухлый, полный (о ребенке); упитанный (о детенышах домашних животных)’, монг. *булхгар*, бур. *булхагар* ‘мягкий, пухлый, пухленький’, монг. *булцгар* ‘пухлый; выпуклый, круглый’, бур. *бүлсүүргэ* ‘кругленький, ядреный (напр. о девушке)’, монг. *бэлхгэр*, ойр. Синьцз. *билхегер* ‘полный, пухлый; пузатый, брюхатый’, монг. *бэлцгэр* ‘одутловатый’; монг. *бялхгар* ‘тучный, полный’, бур. *сулсагар*, *сулхагар*, ойр. Синьцз. *цулхагар* ‘пухлый’, бур. *сүлхгээр* ‘раздувшийся, расплывшийся’, калм. *цулцър*, ойр. Синьцз. *цулцагар* ‘надутый, пухлый’, монг. *юлхгэр* ‘полный, тучный (о человеке)’, монг. *ялхгар* ‘обрюзглый; толстый’ и пр.

Признак ‘круглый’ положен в основу номинации ряда лексем: *bulu yasun* ‘верхняя часть мозговой трубки’, п. -монг. *bulu* ‘трубица, ступица у телеги’ [4, р. 1189], монг. *бул*, бур. вост. *була*, ойр. Синьцз. *бул* ‘ступица (колеса); головка бедренной кости’, монг. *булуу(н)* ‘утолщенный конец трубчатой кости; эпифиз’, монг. *булуу* ‘шишка, желвак, нарост’; бур. *балхансаг* ‘опухоль’; бур. *балсан* ‘мышцы, мускулы (рук)’, бур. *балсан булшан* ‘мускулатура’, п. -монг. *bulcing* ‘икра, бедро, лядвья; мускул, мышца’ [4, р. 1199], монг. *булчин(г)*, бур. *булшан*, калм. *бульчн*, ойр. Синьцз. *булчиң* ‘мускул, мышца, бицепс, икра’; ср. -монг. *bilčirqai* ‘железа’ [1, с. 119], п. -монг. *bulčirqai* ‘шейные железы, желваки на шее, заушница’ [4, р. 1199], монг. *булчирхай*, бур. *булиархай*, калм. *бульчрха*, ойр. Синьцз. *булчирхаа* ‘железа, узел’; п. -монг. *büleke*, *büleki* ‘начало нервов, нервы, сухие жилы’ [4, р. 1234], монг. *бүлх*, ойр. Синьцз. *бүлкен* ‘концы сухожилий (которые они прикрепляются к костям), сухожилия’, бур. *бүлхин*, *бэлхин*, калм. *бүлкн* ‘тромб; утолщенная часть жилы, связка, толстое сухожилие’; п. -мо. *bülin* ‘кусоч запёкшейся крови’ [4, р. 1234], мо. *бүлэн*,

бур. *булин*, зап. *бэлгэн* ‘сгусток запекшейся крови’; бур. *болсоргоно* ‘опухоль, шишка (*под шеей у молодняка*)’, монг. *бялцуу* ‘шишка, нарост; волдырь; неровность шероховатость; почки на вербе’; п. -монг. *böldegen, böldügen* ‘яйцо шулятное, ядро’ [4, p. 1238], монг. *бөлдөг(өн)* ‘мужской половой орган; шулята’, бур. *бүлдэгэн* ‘мошонка животных; мужские половые железа, шулятные яйца’; монг. *бэлбэнцэг* ‘лодыжка (*конская*)’, калм. *белвэнцг*, ойр. Синьцз. *белвенцег* ‘щиколотка’, п. -монг. *belberkei, belberekei* ‘лодыжка у лошадей’ [4, p. 1116], монг. *бэлбэрхий*, калм. *белвркэ* ‘бабка (*у лошади*)’; монг. *бэлцрүү*, бур. *бэлсэрүү* ‘пузырь’, калм. *бөлвэ*, ойр. Синьцз. *бөлвээ* ‘пузырь; водяной пузырь’. Также лексемы данного семантического поля имеют инициальный согласный *ᠵ*:- Монг. *цолцон* ‘нарост, желвак, шишка’, п. -монг. *ᠵулцунг* ‘нарост, желвак на дереве’ [4, p. 2205], монг. *цулхан* ‘нарост на дереве; чашка, седланная из нароста на дереве’, п. -монг. *ᠵолᠴунг* ‘волдырь, пузырь, желвак, нарост на теле или дереве; полукружие в укреплениях или городских воротах’ [4, p. 2205], монг. *цулцан* ‘опухоль, нарост на теле, шишка; альвеолы; пузырек; бруствер’. Округлая форма объекта прослеживается в ойр. Синьцз. *булхаачи* ‘маленькая кожаная фляга для напитков’; бур. Баргуз. *бульдируу* ‘кольцо, перстень’; п. -монг. *böljirgene, üker böljirgene* ‘малина’ [4, p. 1238], монг. *бөлжиргөнө* ‘малина’.

Семантика круга, на наш взгляд, заложена в ср. -монг. *balaqasu(n)* [5], *balyasan* ‘стена; дворец; город’, *balqasun* ‘город’ [МА 110], п. -монг. *balyasu(n)* ‘город, городок, село’ 4, p. 1077], монг. *балгас*, калм. *балъсн*, ойр. Синьцз. *балъсан* ‘град, городище, город’. Д. М. Насилов сближает лексему с тюрк. *палчық* ‘глина’ и считает тюркизмом [2, с. 112]. Лексема произошла от термина, обозначающего хозяйственные постройки, сохранившегося в бурятском языке: *балгааһан* ‘закут (для телят); хлев (для овец)’, *булгааһан* ‘хлев; шалаш; *бох*. юрта; строение’. Процесс семантической филиации лексемы, по всей вероятности, приблизительно выглядит следующим образом: ‘загон, стайка, хлев’ > ‘стойбище’ > ‘несколько стойбищ, аилы из родственных семей’ > ‘город’. Примечательно, что в русском языке слово *город* прошло примерно такие же этапы филиации значения: ‘ограда’ > ‘поселок, область, провинция’ > ‘крупный населенный пункт’ > ‘город’. Ср. эвенк. *балаган* ‘жилище, дом (деревянный, бревенчатый); чум из плах, заваленный дерном, снегом; шалаш’.

Круг как окружение какого-либо лица, сообщество отражен в таких лексемах, как ср. -монг. *bölök* [5], п. -монг. *bölüg* ‘отделение, отряд; глава, часть в книге’ [4, p. 1237], монг. *бүлэг*, бур. *бүлэг*, калм. *бөлг* ‘группа; отряд, партия’, монг. *бүлэг цөлөг* ‘группа’, *бүлэг цүлэг* ‘ватага’, *цүлэг* ‘шайка’; монг. *бүлгэм*, бур. *бүлгэм*, ойр. Синьцз. *бүлгем* ‘группа, кружок; общество, союз’. Ср. рус. *кружок* ‘общество или тематический клуб по ин-

тересам'. Схожая семантика в монг. *булт*, бур. *булта* 'все, всё; все вместе; целиком', п. -монг. *selte* 'вместе, совокупно' [4, p. 1355], монг. *сэлт*, бур. *сэлтэ* 'вместе, совокупно; целое, совокупность; весь'.

Значение 'круг' отчетливо прослеживается в калм. *белг үлгүр* 'ореол'. Также ср. -монг. *belge* [5], *belge* [4, p. 116], п. -монг. *belge* 'знак, признак, заметка, примета, отличительный знак; цель, мета' [4, p. 1116], монг. *бэлгэ*, бур. *бэлгэ* 'знак, признак, примета; эмблема, символ; мета, цель (спортивная)'. По предположению Б. Кемпфа, монгольское слово **belge* имеет тюркское происхождение. Его этимоном является тюрк. **bālgö*, ср. др. -тюрк. *bālgü* 'знак, метка' иногда в конкретном, но, как правило, в абстрактном смысле 'отличительная черта'. Тюрк. *bālgö* и *bālāk*, согласно последним исследованиям А. Рона-Таша и А. Берты, восходят к глаголу *bāl-* 'отмечать, обозначать (*to mark*)' [3, p. 317]. При исследовании лексики с корневым согласным *m* нами было выявлено, что образ 'нечто круглое' заложен в синониме: п. -монг. *temdeg* [4, p. 1730], монг. *тэмдэг*, бур. *тэмдэг*, калм. *темдг*, ойр. *темдег* 'примета, признак; метка; сигнал'; также ср. -монг. *tamya* [МА 339], п. -монг. *tamya* 'печать (казенная, гербовая)' [Kow. 1643], монг. *тамга*, бур. *тамга*, калм. *тамь*, ойр. *тамь* 'печать, штампель, штамп; клеймо, тавро'. Известно, что тамги имели форму простейших геометрических фигур как наиболее удобные для вырезания или выжигания.

Таким образом, если учесть, что понятие наделено образностью, то выражение понятия означает облечение его в словесную форму с учетом того, что в доминантном корневом согласном закодированы сведения о конкретных свойствах обозначаемой вещи, явления. В данном случае доминанта формирует целый класс сходных предметов, объединенных генеральным признаком 'круглый'. В связи с этим в качестве этимонов необходимо рассматривать не конкретные предметы или действия, а образы, иначе образные отклики, возникающие в сознании носителей языка при предъявлении той или иной звуковой оболочки.

Так, если яркое образное прилагательное *балсагар* 'полный, толстый' имеет коррелят в субстантивной сфере *балсан* 'мышцы, мускулы', а прилагательное *балтагар* 'толстый и неуклюжий' – коррелят *балта* 'молот, кувалда', то не обязательно существительные следует считать основами для развития образных значений. У носителей языка при предъявлении форм *балсагар* [хүн], *балхагар* [гар] в первую очередь явственно возникает в сознании образ полного человека, пухлых рук. Поэтому и *балсагар* 'полный, толстый', и *балсан* 'мышцы, мускулы' следует считать производными от омертвелоого дескриптивного корня **bals* со значением 'нечто пухлое, толстое', при этом субстантив следует признать хронологически более поздним образованием, номинально «вырвавшимся» за пределы образной лексики, но сохранившим с ней тесную морфологическую и семантическую связь.

Библиографический список

1. Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддима ал-Адаб, ч. I-II. Труды Института востоковедения [АН СССР], XIV. М. -Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938.
2. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Восточная литература РАН, 2003. 443 с.
3. Kempf B. On Mongolic belge and *mengge* 'sign, mark' // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. 2012. Vol. 65 (3). P. 317–322.
4. Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. V. I-III.
5. Rachewiltz I. Index to The Secret History of the Mongols. Bloomington: Indiana University, 1972.

© Сундуева Е. В., 2016

ГРАММАТИКАЛИЗОВАННЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ СО ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМ ГЛАГОЛОМ *ЈАТ*= 'ЛЕЖАТЬ' (НА МАТЕРИАЛЕ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

А. Р. Тазранова

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск

*Данная статья посвящена процессу грамматикализации вспомогательного глагола *јат*= 'лежать' с глаголом движения *бар*= 'уходить' в составе аналитических конструкций в алтайском языке. В статье описаны 3 новых грамматикализованных форм, которые не были предметом специального исследования в имеющихся источниках алтайского языкознания.*

Ключевые слова: аналитическая конструкция, вспомогательные глаголы бытия, грамматикализация, алтайский язык.

Согласно наиболее общепринятому мнению, причины столь очевидной «вездесущности» грамматикализации связаны прежде всего с особенностями человеческой коммуникации.

Как правильно отметил Т. А. Майсак, в процессе общения говорящие руководствуются двумя отчасти противоположными принципами – стремление к ясности сообщения (т. е. «эффективности») и стремление к экономии усилий. С одной стороны, говорящий хочет, чтобы его высказывание было адекватно понято, и с этой целью он выбирает максимально выразительные средства; с другой стороны, действует и общая тенденция не расходовать усилий больше, чем это необходимо, в результате чего используются максимально экономные средства. Эти принципы, конечно, действуют не только в ходе грамматикализации, однако для понимания этого процесса они чрезвычайно важны.

В самом упрощённом виде путь грамматикализации подразумевает развитие от определенного источника к определенному результату.

Прежде всего, важным эмпирическим фактом является то, что круг источников грамматикализации представляет собой достаточно ограни-

ченное множество – в качестве источника можно обнаружить далеко не любую лексему. Т. А. Майсак, цитируя Э. Траугот и Б. Хайне, отмечает «мы обнаруживаем в одном языке за другим, что для любой области грамматики существует лишь ограниченное число лексем, которые чаще всего становятся источниками» [3, с. 8]. К наиболее распространенным лексическим источникам он относит:

- название частей тела (*голова, лицо, рука* и пр.);
- глаголы бытия (*быть, существовать, находиться, стать*) и обладания (*иметь*);
- глаголы, обозначающие простейшие действия (*делать, говорить, брать, давать*);
- основные глаголы движения (*идти, приходиться, входить*) и способа расположения в пространстве (*сидеть, стоять, лежать*) – это именно те группы, которые будут предметом нашего дальнейшего рассмотрения;
- глаголы, выражающие желание и долженствования (*хотеть, быть должным*).

Следует отметить, что достаточно ограниченным является и набор возможных результатов грамматикализации, т. е. грамматических значений (его иногда называют «универсальным грамматическим набором») см. [4, с. 233–238].

Более того, существуют некоторые корреляции между определенными классами источников и результатов: так, слова, обозначающие части тела, обычно превращаются в показатели пространственных и временных отношений, а глаголы расположения в пространстве – в аспектуальные показатели. Данная корреляция имеется и на морфосинтаксическом уровне: как правило, источники-существительные типа названий частей тела становятся именными модификаторами, а результаты грамматикализации служебных глаголов чаще всего связаны с глагольными категориями. [3, с. 86].

Данная статья посвящена рассмотрению путей грамматикализации аналитических конструкций с глаголом бытия *jam* = ‘лежать’ с глаголом движения *bar* = ‘идти’ в современном алтайском языке.

Глаголы бытия, особенно *tur* = и *jam* =, с давних пор функционируют в тюркских языках, в частности и в алтайском, как грамматикализаторы, позволяющие выразить многие значения и оттенки аспектуального, темпорального или модального типа. Многие современные аффиксы хранят в себе более или менее отчетливые следы присутствия этих глаголов в функции вспомогательных средств, переживших «вторичную» или «третичную» синтезацию.

Как показывает наше исследование, в алтайском языке наиболее грамматикализованным вспомогательным глаголом бытия является *tur* = ‘стоять’,

тогда как *jam* = 'лежать' находится на втором месте, хотя грамматикализованность *jam* = 'лежать' в поле настоящего времени превышает *тур* = в современном алтайском языке. Грамматикализация глагола *jam* = с глаголами движения превалирует над общей грамматикализацией вспомогательных глаголов бытия, в частности ВГ *тур* =.

В тюркских языках примером грамматикализованных изоглоссов могут служить изоглоссы форм настоящего времени. По классификации Н. Н. Широковой, тюркские языки разбиты на два макроареала: 1) языки, в которых выделяется одна форма настоящего времени (якутский, караимский, татарский, кумыкский, чувашский); 2) языки, в которых больше одной форм настоящего времени. Алтайский язык относится ко второй группе, так как в нем выделяют 3 формы настоящего времени. Новые формы настоящего времени образуются по модели аналитические конструкции типа «деепричастие + вспомогательный глагол» и образованные от этих конструкций стяженные формы. Данный процесс в алтайском языке идет до сих пор.

Традиционно в алтайском языке выделяют форму настоящего времени на *=aam/ =am*, которая возводится к конструкции аспектуального типа *=a тур* =. Н. П. Дыренкова определяла эту форму как настоящее общее, Н. А. Баскаков сдвигает ее в план будущего времени. В учебных грамматиках эта форма считается центральной формой настоящего времени в алтайском языке со значением настоящего общего и настоящего расширенного времени. В разговорной речи алтайцев она все чаще вытесняется формой также восходящей к конструкции аспектуального типа, но уже с другим деепричастным показателем и другим вспомогательным глаголом *=ып чат* =, которая считается формой настоящего данного момента.

В алтайском языке глаголы движения *бар* = 'идти' и *кел* = 'приходить' являются самыми частотными в речи и концептуально значимыми, что позволяет назвать их «самыми глагольными среди глаголов». Именно, с этими двумя глаголами происходит грамматикализация многих аналитических конструкций. Алтайская синтетическая форма настоящего продолженного времени на *=адыр* < *=a + тур*, возникшую в результате слияния некогда отдельных форм, по нашим наблюдениям, в современном алтайском языке употребляется только с этими двумя глаголами движения *бар* = 'идти' и *кел* = 'приходить', образуя значение данного момента (пример 1). Эта особенность глаголов *бар* = и *кел* = характерна для многих тюркских языков. В данной статье подробно рассмотрим стяженные формы глагола с глаголом движения *бар* =.

На данном этапе нами обнаружены 2 стяженные грамматикализованные формы, образованные от ВГ *jam* = с глаголом движения *jam* =: это формы *=атты* и *=аткан*. Структурную схему можно представить следующим образом:

1. $Tv_{\text{бар}} \downarrow (Cv1) - AUX \downarrow (j)_{\text{ят+ты+афикс лица}}$.

(1)

Ол бѳкчѳйип, букаларды армакчынын учыла согуп братты (< бар=ып ят=ты) (МШ, КС, 45)

‘Он, нагнувшись, бил кончиком кнута быков.’

Данная конструкция *бра-т-ты* по идее является трехкомпонентной конструкцией, в результате стяжения двух вспомогательных глаголов *бар*= ‘идти’ и *ят*= ‘лежать’ образовалась двухкомпонентная АК со значением прошедшего времени, соотношенное с тем моментом речи, обозначающее действие-процесс, происходящее у нас на глазах, связана с определенностью. Формально можно было бы считать ее стянутой формой настоящего-конкретного времени на =*адыры/ аат* (см. выше), но это не совсем так, т. к. в одной словоформе не может быть двух форм времени, т. е. =*ат* и =*ды*. Основное значение формы *бра-т-ты* – прошедшее время данного времени (момента) или более удачной ее характеристикой представляется ‘ситуация осуществилась до точки отсчета и сохраняет свою релевантность к этой точке’, которая употребляется только в отношении глаголов движения *бар*= и *кел*=.

Представляется, что и здесь следует говорить именно о начальной стадии грамматикализации таких конструкций.

В том его виде, как представлено в примере (2) и (3), используется для представления ситуации как находящейся в процессе развития, длительной или продолжающейся, а иногда также – как регулярно повторяющейся на протяжении некоторого периода времени.

(2)

Свет ѳчѳн братты (< бар=ып ят=ты).

‘Свет постепенно угасал.’

(3)

Оору кижѳ язылып братты (< бар=ып ят=ты).

‘Больной постепенно выздоравливал.’

Больной находился в таком состоянии, что вот-вот выздоровеет.

(4)

Керектер коомойтып братты (< бар=ып ят=ты).

‘Дела ухудшались.’

Все эти конструкции, употребляясь в форме на =*ат-ты*=, обозначают постепенное развитие ситуации в настоящем или прошлом – постепенное приближение к пределу в случае предельных глаголов, либо постепенное увеличение каких-либо параметров ситуации по сравнению с предшествующим моментом в случае с непредельными глаголами.

Эта форма прошедшего данного момента имеет в алтайском языке различные ступени своего фонетического развития и редукции, от наибо-

лее фонетически полной формы до максимально-стяженной формы *барып јат=ты / братты*.

2. $Tv_{\text{бар}} = \downarrow(Cv1) - AUX_{\downarrow(j)ат+кан+аффикс\ лица}$.

Данная стяженная конструкция в форме на =*ат-кан* является наиболее частотной по сравнению с формой =*ат-ты*.

(5)

Мен бойымнаг качып бараткам... (< бар=ып јат=ка-м) (JK,ŷŷC,241)

‘Я убегаю сам от себя.’

Если первая конструкция со стяженной формой =*ат-ты* применяется в значении прошедшего времени конкретного момента, то конструкция =*ат-кан* употребляется в значении настоящего времени данного момента, переплетаясь с аспектуальным значением дуравтивности и указывая на наличие процесса действия в определенный момент настоящего.

Стяженная комбинация *брааткан* в данном случае выражает значение настоящего времени.

(6)

Ол эмдиге ле атту јортуп брааткандый (< бар=ып јат=кан=дый) (ЛК,ЧЧ,275)

‘Как будто он до сих пор едет верхом.’

Для того чтобы перенести действие в прошлое и придать модальное значение к данной стяженной форме постпозиционно прикрепляются разные модальные слова и частицы (примеры 7–8).

(7)

Капшай, от куйдүрер! Кабортозын кырып брааткан (< бар=ып јат=кан) *болор, капшай!* (ЛК,ЧЧ,253)

‘Быстрее, жгите огонь! Наверное, половину уже уничтожили, быстрее!’

Данная конструкция часто используется, когда говорящий, сам, не являясь непосредственным наблюдателем происходящего действия (поскольку находится в каком-то другом пространстве), представляет это событие происходящим в данный момент. Будучи, находясь далеко от предполагаемых действий, делает предположение об их совершении в данный момент. В прошлом он сам не раз был участником или свидетелем подобных действий.

Данная конструкция используется для передачи информации, полученной из третьих рук. Основное значение косвенной засвидетельствованности в широком смысле. С оттенком неполной достоверности.

(8)

Је онын сүр-кебери арчылып, тумантып бараткан (< бар=ып јат=кан) *эмпир* (AA,öЧК,35)

‘Но его внешний вид стираясь, оказывается, чернело.’

Говорящий перед фактом, что фотография находится в процессе изнашивания.

Таким образом, процесс образования форм времени в алтайском языке, как и во многих тюркских языках, еще не закончился. Одни и те же формы используются и в значении настоящего и в значении прошедшего времени. Иногда это различие во времени дифференцируется при помощи разных лексических средств и модальных слов

В алтайском языке, как и во всех сибирских тюркских языках, процессы образования формы настоящего времени на базе аспектуальных форм – это очень активное и живое явление.

В алтайском языке формальные элементы *јаткан*, составляющие данную форму, находятся на различных ступенях фонетического развития.

Обе формы, в отличие от форм прошедшего времени на *=ды* и *=ган*, ни при каких глагольных основах не могут выражать результативного действия, они указывают лишь на наличие процесса действия в определенный момент прошлого или настоящего.

Библиографический список

1. Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М. –Л., 1940. 303 с.
2. Баскаков Н. А. Алтайский язык // Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. 532 с.
3. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. Москва, 2005. 480 с.
4. Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2000. 383 с.

Список условных сокращений и обозначений

Грамматические значения в глоссах. **1Sg** – личный аффикс 1-го л. ед. ч.; **2Sg** – личный аффикс 2-го л. ед. ч.; **3Sg** – личный аффикс 3-го л. ед. ч.; **1Pl** – личный аффикс 1-го л. мн. ч.; **2Pl** – личный аффикс 2-го л. мн. ч.; **3Pl** – личный аффикс 3-го л. мн. ч.; **ACC** – винительный падеж; **ABL** – исходный падеж; **AUX** – вспомогательный глагол; **COND** – условное наклонение; **CONJ** – союз; **Cv1** – форма соединительного деепричастия на *=n*; **Cv2** – форма слитного деепричастия на *=a*; **DAT** – дательный падеж; **GEN** – родительный падеж; **INSTR** – орудный (инструментальный) падеж; **ITER** – итератив (аффикс множественности субъекта или действия); **LOC** – местный падеж; **MOD** – модальная частица; **NEG** – отрицательная форма глагола, причастия, деепричастия; **PAST1** – форма прошедшего времени на *=ды*; **Pl** – множественное число; **POSS** – аффикс принадлежности; **PP1** – форма причастия прошедшего неопределенного времени на *=ган*; **Pr2** – форма настоящего времени на *=ы / =у*; **PrP** – форма причастия настояще-будущего времени на *=ар*; **PTCL** – частица; **RECIP** – совместно-взаимный залог; **Q** – вопросительная частица; **Tv** – основа глагола; **=** – морфемный шов при наложении морфов; **/** – разграничитель значений в комплексной морфеме.

Текстовые источники

АА ӨЧК – А. Адаров. *Өлүмин чанкыр кужы*. Горно-Алтайск, 2002; **ЛК ЧЧ** – Л. Кокышев. *Чөлдөрдүн чечеги*. Горно-Алтайск, 1968; **МШ КС** – М. Шолохов. *Көдүрилген солук*. Горно-Алтайск, 1989; **СМ АК** – С. Манитов. *Аш кылгада*. Горно-Алтайск; **ЖК ҮҮС** – Ж. Канчин. *Үстүбисте үч сүмер*. Горно-Алтайск, 2003. 1985.

© Тазранова А. Р., 2016

О КАТЕГОРИИ ЛИЦА В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В. И. Харабаева

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

Приводится краткий обзор о фактах, касающихся данного вопроса в якутском языкознании. Особое внимание уделяется выявлению особенностей функционирования аффиксов лица. В силу того, что категория лица неотделима от категории сказуемости, не только финитная форма, но также и личное оформление деепричастий, личные составные аналитические конструкции находят отражение в трудах исследователей якутского языка.

Ключевые слова: якутский язык, категория лица, аффиксы лица, финитная форма глагола, личное оформление деепричастий, глагольные лично-отнесенные аналитические конструкции.

Категория лица в современном языкознании закрепила за собой статус полифункциональной категории, способной выполнять важнейшие морфологические и синтаксические функции. Семантическая дейктическая функция категории лица состоит в маркировке значений 1-го лица как репрезентанта говорящего, 2-го лица как репрезентанта слушающего, адресата, 3-го лица как субъекта высказывания, не принимающего участие в речи.

Категория лица якутского глагола представлена в «Грамматике современного якутского литературного языка» (1995) следующими аффиксами: 1). Аффиксы принадлежности – ед. ч. 1-е л. *-ым*, 2-е л. *-ыҥ*, 3-е л. *-а*, множ. ч. 1-е л. *-быт*; 2-е л. *-гыт(-кыт, -хыт)*, 3-е л. *-лара (-лар)*, *тара (-тар)*; 2). Аффиксы сказуемости – ед. ч. 1-е л. *-бын*, 2-е л. *-гыҥ (-бын)*, 3-е л. *-р*, множ. ч. 1-е л. *-быт*, 2-е л. *-быт*, 3-е л. *-лар*. 3). Аффиксы лица в повелительном наклонении: ед. ч. 1-е л. *-ыым*, мн. ч. 1-е л. *-ыах*, двойств. ч. 1-е л. *-ыаҕ-ыҥ*, ед. ч. 2-е л. *-Ø*; *-аар*; множ. ч. 2-е л. *ыҥ*, ед. ч. 3-е л. *-тын*, множ. ч. 3-е л. *-тыннар*; 4). Древние аффиксы сказуемости: *-м*, *-н*, которые употребляются только в 1-м и 2-м лице ед. ч. [2, с. 16].

Впервые в якутском языке о грамматической категории лица было отмечено О. Н. Бетлингком. О. Н. Бетлингк был уверен, что все функциональные формы глагола произошли от отглагольных имен. По его мнению, чтобы глагольное имя выступало как глагол, к нему должно примыкать личное местоимение, т. е. – аффигованный посессив. Аффигованными посессивами он называл две разновидности аффиксов лица – аффиксов сказуемости и принадлежности [1, с. 372–385], которые выражают два способа при сказуемых. По его наблюдению, «аффигованные посессивы, добавленные к предикату, перемещают сказуемое в прошедшее время» [1, с. 380], а аффиксы сказуемости (личные аффиксы

второго типа) О. Н. Бетлингк определяет как «предикативные аффиксы настоящего времени» [1, с. 289]. Автор приводит примеры, где глагольное имя прошедшего времени на *-быт* с аффигованным посессивом выступает как имперфект, имя на *-тах* – как наклонение необходимости, имя на *-батах* – как отрицательный имперфект, глагольное имя будущего времени на *-ых* – как футурум: *Мин көрбүтүм* 'я увидел', *эн көрбүтүң* 'ты увидел', *мин кэлбэтэбим* 'я не пришел', *мин кэлиэбим* или *мин кэлиэм* 'я приду' [1, с. 379–380]. Также указывается, что показатели категории принадлежности широко употребляются при формировании предикативных конструкций (напр.: *эн таңараны ытыктаабатың* «твое непочтение бога», *мин олорор дьиэм* «дом, в котором я живу») [1, с. 378], при которых категория принадлежности сохраняет значение отношения к лицу.

Таким образом, О. Н. Бетлингк при анализе исследуемого материала подчеркнул полифункциональность аффиксов лица, имеющих важную роль в грамматической системе якутского языка, и заложил прочный фундамент для последующих исследований функциональных форм глагола (Е. И. Убрятова [1976], Л. Н. Харитонов [1947], Е. И. Коркина [1970], Н. И. Попова [1992], Н. Н. Ефремов [1998], Г. Г. Филиппов [1989; 1999]).

О главном отличии якутских глагольных форм от таковых в других языках в плане выражения категории лица указала известный якутовед Е. И. Убрятова: «Деление глагольных форм на личные/неличные, имеющее место в других тюркских языках, для якутского языка лишено смысла, так как все группы глаголов, за небольшим исключением, принимают личное оформление, когда они выступают в роли сказуемого зависимого предложения» [6, с. 40]. Другими словами, категория лица в глагольной форме якутского языка является обязательной или факультативной.

Кроме того, Е. И. Убрятова подчеркнула роль аффиксов принадлежности и сказуемости, наряду с другими средствами, в выражении синтаксических отношений членов сложноподчиненного предложения [7, с. 292]. При исследовании предикативного сочетания она интерпретировала личное оформление сказуемого как средство согласования между подлежащим и сказуемым предложения. Такую мысль автор высказала еще при исследовании простого предложения: «Сказуемое всегда оформлено аффиксами сказуемости (и аффиксами принадлежности). Аффиксы сказуемости, собственно, не являются специальными оформителями сказуемого. Они выражают согласование в лице подлежащего и сказуемого» [7, с. 94]. Таким образом, аффиксы сказуемости и аффиксы принадлежности (в роли аффиксов лица) обладают широкими функциональными возможностями.

В якутском языкознании утвердилось положение о том, что все причастия якутского языка употребляются в значении конечных глаголов и

более того, становятся базой для образования новых форм. Происхождение финитных глаголов от причастий подробно рассмотрены в монографиях Е. И. Убрятовой [1976] и Е. И. Коркиной [1970], в докторской диссертации Г. Г. Филиппова [1999]. Г. Г. Филиппов приходит к выводу, что «современная конечная форма глагола – это потерявшее другие свойства то же причастие или отпричастное новообразование, специализировавшееся только в функции глагольного сказуемого» [8, с. 155–156]. Автором сгруппированы по происхождению формы конечных глаголов якутского языка следующим образом: 1) употребление причастий в значении конечных глаголов; 2) причастия, перешедшие в конечные глаголы, получившие развитие в последнее время; 3) конечные глаголы деепричастного происхождения; 4) исконно конечные формы [8, с. 305].

Начиная с О. Н. Бетлингга, якутоведы отмечают способность принимать аффиксы лица деепричастиями. В грамматиках определяли деепричастия, как и в других тюркских языках, неизменяемыми формами, но в то же время отмечали их способность к спряжению аффиксами сказуемости [9, с. 66; 5, с. 159–164]. В последующем известные исследователи якутской грамматики Е. И. Убрятова и Е. И. Коркина не согласились с мнением о неизменяемости деепричастий в якутском языке, указав, что многие из них спрягаются по лицам. Подчеркивая способность якутских деепричастий принимать личное оформление как специфику якутского языка (по сравнению с другими тюркскими языками), Е. И. Убрятова высказалась о возможном влиянии в этом плане на якутский язык эвенкийского языка. В то же время автор предполагает, что данное явление «развивалось в якутском языке в связи с общей перестройкой сложного предложения в направлении развития согласования в лице подлежащего и сказуемого зависимого предложения» [7, с. 317]. Более подробное описание о функционировании личного оформления деепричастий находим в работе Е. И. Коркиной «Деепричастия в якутском языке» [1985]. Е. И. Коркиной впервые было отмечено, что способность якутских деепричастий присоединять личные аффиксы позволяет им, хотя и в ограниченных размерах, выступать в функции самостоятельных сказуемых независимого предложения.

Образование с помощью личных аффиксов различных лично-отнесенных глагольных форм и конструкций, служащих в якутском языке для выражения модальных значений исследовала Е. И. Коркина. Ею выявлены 4 основных способа образования глагольных лично-отнесенных модальных конструкций. В результате исследования выяснилось, что конструкции в составе причастий *-ар*, *-ых* и *-быт* с глаголом *буол*- и конструкции в составе падежно-причастной формы *-ыхпын* и группы функционально-модальных глаголов, а также конструкции в составе причастий *-ар*, *-ых*, *-быт*, *-тах* и модальных частиц представляются достигшими высокой степени грамматикализации, имеют сложившуюся парадигму, синтаксически нечленимы и семантически монолитны

[3, с. 87]. Разряд модальных, функционально-модальных и модальных частиц, способных вступать в сочетания с падежно-причастной формой *-ыхпын*, а также причастиями *-ар*, *-ых* и *-тах*, строго ограничен в своем составе. Что касается свободных лично-глагольных сочетаний с модальным значением, по мнению автора, их список остался не полностью исчерпанным [3, с. 87].

Таким образом, в исследованиях по якутскому языку имеются существенные замечания и сведения о категории лица, определяющем соотношение субъекта-подлежащего и предиката, т. е. находящегося в позиции синтаксического центра предложения.

Библиографический список

1. Бетлингк О. Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука. 1990. 646 с.
2. Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2. Синтаксис. Новосибирск: Наука. 1995. 336 с.
3. Коркина Е. И. Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке. Якутск: Кн. изд-во. 1979. 96 с.
4. Коркина Е. И. Деепричастия в якутском языке. Новосибирск: Наука. 1985. 208 с.
5. Саха тыла. Морфология. Якутск: Кн. изд-во. 1973. 208 с.
6. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Часть II. Сложное предложение. Кн. 1. Новосибирск. 1976. 214 с.
7. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Новосибирск: Наука. 2006. 603 с.
8. Филиппов Г. Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование: дис. ... доктора филол. наук. Якутск, 1999. 506 с.
9. Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Якутск: ГОСИЗДАТ ЯАССР, 1947. 313 с.

© Харабаева В. И., 2016

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ХАКАССКОЙ МЕСТОИМЕННОЙ ЧАСТИЦЫ *ХАЙДАҒ-ДА* 'КАКОЙ-ТО', 'КАКОЙ-НИБУДЬ'

Л. И. Чебодаева, М. А. Чебокчинова
ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

Настоящая статья посвящена функционально-семантическому описанию хакасской местоименной частицы хайдаг-да «какой-то, какой-нибудь». Проанализировав высказывания с местоименной частицей хайдаг-да «какой-то, какой-нибудь», авторы приходят к выводу, что лексема хайдаг-да кроме местоименной функции широко используется в роли частицы, которая характеризуется оценочной, прагматической семантикой и выражает эмоциональную оценку признака, объекта Лексема хайдаг-да в роли частицы отличается ограничениями в сочетаемости, predeterminedными морфологическим типом местоименного слова и его семантическими особенностями.

Ключевые слова: хакасский язык, частица, семантика, прагматические функции, эмоционально-оценочное значение, метод, неопределенное местоимение, объект исследования.

В настоящее время, в связи с развитием в современном языкознании таких теорий, как коммуникативная лингвистика, лингвистика текста, когнитивная лингвистика, прагматика, изучение языковой единицы получило коммуникативно-прагматическое направление, появились новые формы и методы их исследования [2, с. 183; 3, с. 129]. Современные исследователи в своих работах все чаще делают акцент на коммуникативном аспекте языка, в основе которого лежит функционирование языковых единиц в высказывании, в речи.

Настоящая статья представляет собой попытку функционально-семантического описания хакасской местоименной частицы *хайдаг-да* «какой-то, какой-нибудь», которая находит широкое функционирование в хакасской разговорной речи. Однако, несмотря на свою широкую употребительность, она не была объектом специального исследования.

Лексема *хайдаг-да* «какой-то, какой-нибудь» в Грамматике хакасского языка квалифицируется как местоимение с неопределенным значением [1, с. 245]. Однако анализ высказываний с данной лексемой показывает, что она имеет такие употребления, когда обозначает не указание на признак или предмет (неопределенный, определенный), а какую-то оценку признака или предмета. Например, ср.:

а) *Магаа удур хайдаг-да кизи килчеткен* (И. Топ.) 'Навстречу мне шел какой-то человек'. *Таглар хайдаг-да сарымзах оңниг пилдиргенер* (Т. Балт.) 'Горы казались какого-то желтоватого цвета' – в приведенных высказываниях лексема *хайдаг-да* выполняет функцию неопределенного местоимения. В первом высказывании она выражает неизвестный, неопределенный признак и показывает, что предмет неизвестен говорящему, во втором – неясность, приблизительность обозначения признака;

б) *Чайгы арыг пісті хайдаг-да таңнастыг амырынаң өріндірчеткен* 'Летний лес радовал нас какой-то удивительной умиротворенностью'. *Ол хайдаг-да махтанчык одыр* 'Он, видно, какой-то хвастун'. В данных высказываниях *хайдаг-да* передает эмоционально-оценочное отношение к предмету, лицу: в первом высказывании *хайдаг-да* передает сложный образ переживаемого состояния говорящего, во втором – передается подчеркнутое отрицательное отношение говорящего к объекту речи.

Рассмотрим подробнее употребление лексемы *хайдаг-да* в качестве частицы, ее семантику и особенности сочетаемости.

В результате анализа высказываний с местоименной частицей *хайдаг-да* выявлено следующие его значения.

1. ХАЙДАГ-ДА в значении 'какой-то' обозначает:

а) неясность, приблизительность выражения: говорящий как бы уклоняется от точного обозначения признака, из-за того, что затрудняется в его определении или делает это намеренно. Ср.: *Көрчеткен күн тигір төзін хайдаг-да кизи чоохтан полбас сіліг хызыл оңнең чаап настабысхан* (А. Хал.) 'Заходящее солнце стало покрывать горизонт каким-то неопи-

суюмо красивым красным цветом'. *Оларның хончыктары хайдаг-да пілдізі чох, хомай чуртас апарчатханын Самой хацанох сизінген* (В. Шул.) 'Самой давно замечал, что их соседи ведут какой-то непонятный, нехороший образ жизни'. *Харасхыда пірее-пірее истіл парчатхан табыстар Маринекті тың хорыхтырбааннар. Чыит ипчі, пір дее нимее хайбин, хайдаг-да таңнастыг ник киртіністіг парчаан на парчатхан аллынзар* (Л. Чеб.) 'Время от времени издающиеся в темноте звуки Маринек не пугали. Молодая женщина, шла и шла вперед, не обращая ни на что внимание, с какой-то удивительно крепкой верою'.

Местоимение *хайдаг-да* создает сложный образ переживаемого состояния, делает его единственным в своем роде, тем самым и единичным. Такая характеристика значения отражает не местоименную семантику *хайдаг-да*, а чисто прагматическую.

Сочетаемость у *хайдаг-да* в рассматриваемом значении следующая: правый компонент – непредикативный, морфологически представлен качественным прилагательным, реже – существительным с качественным значением;

б) говорящий намекает на отрицательное отношение к объекту оценки или подчеркивает такое к нему свое отношение: *Сірернің араңарда мин хайдаг-да нимее чарабас кізібін* (И. Топ.) 'Среди вас я какой-то никчемный человек'. *Сыннаң даа, синің аргызың хайдаг-да азымахчы* (С. Кар.) 'И вправду, твой друг какой-то рвач'. *Піди көргенде, ол хайдаг-да алаасым ипчі* (В. Шул.) 'Так посмотреть, она какая-то взбалмошная женщина».

В данном значении *хайдаг-да* сочетается с предикатом, содержащим отрицательную оценку, морфологически выраженным существительным или прилагательным.

2. ХАЙДАҒ-ДА в значении 'какой-нибудь'. Выявлено два употребления, когда эта лексема имеет не местоименную семантику, а чисто оценочную, прагматическую:

а) выражает положительную оценку объекта, оправдание какого-то его поступка, действия: *Ол ипчизін хайдаг-да Майрацахтың үчүн тастабыспаан* (Л. Чеб.) 'Он бросил свою жену не ради какой-нибудь Майрацах'; *Пу тогысты хайдаг-да кізі наспаан, а пу сурыгны өтіре пілчеткен кізі пір ле күн нимес істенмеен* (И. Топ.) 'Эту работу писал не какой-нибудь человек, а трудился не один день человек, хорошо знающий этот вопрос'.

В данном значении местоименная частица сочетается с непредикативным компонентом, выраженным именем существительным, предполагающим положительную оценку;

б) указывает на незначительность и приблизительность количества: *Тогысты хайдаг-да ікі-үс күнге идібіскеннер* (Н. Тин.) 'Работу сделали за каких-нибудь два-три дня'; *Хомзыныстыг пір ле ние, хайдаг-да чарым*

чылга прай ниме тонал парган (А. Кот.) 'Обидно только одно, что за какие-нибудь полгода все разрушено' и функционирует с количественно-именными сочетаниями и с существительными количественной семантики.

Проведенный анализ высказываний с местоименной частицей *хайдаг-да* «какой-то, какой-нибудь» позволяет сделать следующие выводы:

1) лексема *хайдаг-да* кроме местоименной функции широко используется в роли частицы;

2) местоименная частица *хайдаг-да* характеризуется оценочной, прагматической семантикой, она выражает эмоциональную оценку признака, объекта.

3) *хайдаг-да* в роли частицы отличается ограничениями в сочетаемости, предопределенным и морфологическим типом местоименного слова и его семантическими особенностями.

Библиографический список

1. Грамматика хакасского языка / под ред. Н. А. Баскакова. М., 1975. С. 245–253.
2. Кобозева И. М. «Смысл» и «значение» в наивной семиотике // Логический анализ языка: культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 183-186.
3. Нагорный И. А. Семантика модальных частиц ЕДВА, ЛИ, ВРЯД ЛИ в высказывании // Лексическая, словообразовательная и синтаксическая семантика. М.: Наука, 1990. С. 129–13.

© Чебодаева Л. И., Чебокчинова М. А., 2016

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ И ЛЕКСИКОЛОГИИ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

О. А. Боргоякова

Бискалжинская СОШ Аскизского района РХ

В данной статье дается семантическая классификация фразеологических единиц с соматическим компонентом в хакасском языке, определяются стержневые компоненты, участвующие в образовании фразеологических единиц данной семантики.

Ключевые слова: фразеологические единицы, соматизмы, класс фразеологических единиц, отрицательные, положительные и нейтральные эмоции, чувства.

Научное исследование тюркского фразеологического фонда на материале языков народов СССР началось в начале 60-х годов прошлого столетия. В хакасском языкознании комплексная работа по сбору, систематизации и анализу фразеологических единиц (ФЕ) стала проводиться позднее, в конце 70-х – начале 80-х годов. В 1980 г. появилась первая статья, посвященная семантической классификации хакасских ФЕ, с опорой на богатый фразеологический материал [1]. В 1996 году вышел первый двуязычный хакасский фразеологический словарь Т. Г. Боргояковой, который до сих пор служит важной лексикографической базой данных по фразеологическому богатству хакасского языка [2].

Переносное употребление названий частей тела человека в сочетании с другими словами, когда они «начали обозначать психическое состояние, способности человека и др., привело к фразеологизации этих словосочетаний», часто общих для тюркских языков, – отмечается в [6, с. 158]. Особенности соматической фразеологии хакасского языка, рассмотренные Т. Г. Боргояковой, относятся к активности разных соматизмов в создании фразеологизмов, дистантному расположению их компонентов и актуализации значений ФЕ – полисемантов [3]. В работе предложены также основные семантические группы соматических ФЕ.

Цель данной статьи: предложить категоризацию соматической фразеологии хакасского языка с учетом удельного веса выявленных групп и роли стержневых компонентов, участвующих в образовании фразеологических единиц с описанием состояний, поведения человека.

Как известно, человеческое тело относится к одному из самых доступных для наблюдения и изучения объектом, и поэтому слова, обозначающие части тела человека, так же древни, как и само человеческое соз-

вание. С помощью этих «инструментов» познания человек стал ориентироваться в пространстве и во времени, выражая свое отношение к миру.

Термин «соматизм» имеет различные толкования. Согласно широкому толкованию, соматизмы, [от греческого *soma (somatos)* – «тело»] – это средства обозначения явлений, относящихся к сфере телесности. В более узком смысле, соматизм – это любой значащий признак, положение или движение лица и всего тела человека [4, с. 24]. Из данных дефиниций также следует объяснение высокой продуктивности соматизмов в создании ФЕ, связанной с ясностью роли и функций частей и органов тела и легкостью их аллегорического осмысления.

Существуют различные подходы к изучению соматических фразеологизмов в плане диахронии и в плане синхронии. В настоящее время все большую актуальность приобретает проблема интерпретации образа фразеологизма в пространстве культурного знания, в свете чего различные соматизмы, участвующие в создании образа, исследуются на предмет выявления культурных смыслов [5, с. 10].

В хакасском языке в качестве компонентов-соматизмов, позволяющих включить фразеологическую единицу в корпус исследовательского материала, были признаны следующие лексические единицы: *нас* (голова), *сас* (волос), *арга* (плечо), *мойын* (шея), *харах* (глаз), *пурун* (нос), *ахсы* (рот), *тис* (зуб), *хулах* (ухо), *тил* (язык), *чүрек* (сердце), *хан* (кровь), *эчек* (пявка), *хол* (рука), *азах* (нога), *пил* (спина), *салаа* (палец), *сөбк* (кость), *ирин* (губа), *миис* (мозг), *сырай*, *чүс* (лицо), *харын* (живот). Например: *аар тиллиг* («злослычный»), *чүрек сыстанча* («тосковать»).

В соответствии с характером идентифицирующего компонента хакасские фразеологизмы с компонентом-соматизмом можно распределить по следующим классам:

1. Класс фразеологических единиц с соматическим компонентом 'голова и ее части'. В данный класс вошли фразеологические единицы с компонентами *нас* (голова) (25 % ФЕ), *харах* (глаз) (10 % ФЕ), *пурун* (нос) (5 % ФЕ), *аас* (рот) (5 % ФЕ), *горло* (*тамах*) (2,5 % ФЕ) *тис* (зуб) (2,5 % ФЕ), *хулах* (ухо) (5 % ФЕ), *тил* (язык) (35 % ФЕ), *ирин* (губа) (2,5 % ФЕ), *сырай*, *чүс* (лицо) (5 % ФЕ), *лоб* (*хамах*) (2,5 % ФЕ), *наах* (щеки) (2,5 % ФЕ), а также их производными, в словарных дефинициях и внутренней форме которых, зафиксирован компонент 'голова', например:

Нас чирге «бранить, изводить упреками» (букв. голову есть) «*Ипчиң пазыңны чип парир*». (Ф. Бурнаков) «Жена голову твою скоро съест» (ХРФС);

Хамах түзірге «хмуриться». (букв. лоб ронять) *Ах Ханның хамах түзіп, харах чылайыбысхан*. «У Ах Хана лоб нахмурился, глаза сузились» (ХРФС);

Тис сындырарга «потерпеть неудачу в чем-либо» (букв. зуб сломать). *Тистерін сындыр саларлар! Пис тее муң кізі ыссыннар – пір дее кізіден*

хорыхпинчам! «Зубы обломают! Хоть пять тысяч человек пусть пришлют – никого не боюсь!» (ХРФС).

2. Класс фразеологических единиц с компонентом-соматизмом, объединенных общим значением ‘верхние конечности’: *хол (рука)*, (75 % ФЕ), *иңне (плечо)* (10 % ФЕ), *салаа (палец)* (5 % ФЕ), *тыргах (ноготь)* (5 % ФЕ), *арга* (спина) (5 % ФЕ) и их производными:

Тыргах чагазын ча «нисколько, ни капельки» (букв. с кончик ногтя) «*Пар хоптан! Директордаң тыргах чагазын ча даа хорыхпинчам!* «Иди, жалуйся! Я директора нисколько не боюсь!» (ХРФС);

Арга-мойын тыбаан «быть еще недостаточно окрепшим, сильным» (букв. спина – шея не затвердела) (ХРФС).

3. Класс фразеологических единиц с компонентом-соматизмом, объединенных общим значением ‘нижние конечности’: *азах (нога)* (20 % ФЕ), *эчек (пятка)* (10 % ФЕ) и их производными:

Азахха түзерге «умолять, просить кого-либо о чем-либо» (букв. на ногу падать). *Хайзы, автобустарда орын даа пар полза, автобуса одыртпас. Азахха даа түс, синнең чоохтаспас.* Некоторые, хотя в автобусе и есть места, не посадят в автобус. Хоть в ноги им падай, и разговаривать с тобой не станут» (ХРФС);

Эчекке назарга «догонять, подходить вплотную» (букв. на пятку наступать) ... *Че немецтер, тізең, оларның эчектеріне сала наспин килчелер.* А немцы идут, чуть не наступают на пятки (ХРФС).

4. Класс фразеологических единиц с компонентом-соматизмом, объединенных общим значением ‘внутренние органы’. К данному классу мы отнесли фразеологизмы, содержащие в своем составе компоненты *чүрек (сердце)* (60 % ФЕ), *паар* (печень) (20 % ФЕ), *өкле* (легкое) (10 % ФЕ), *өйт* (желчь) (5 % ФЕ), *миис* (мозг) (5 % ФЕ) и их производные:

Чүрек чарарга «сильно напугать кого-либо» (букв. сердце расколоть). *Арминек, адын чидіне минзер пас киліп, тіпче: «Мының чал чүреен пазох чар көрерчiк».* «Арминек, ведя за собой лошадь, подошел ко мне и говорит: «Его бы снова надо попугать» (ХРФС);

өйт – парны өтерге «хорошо понять что-либо, основательно усвоить» (букв. желчь – печень пропитать). *Сым одырыбыстың ма? өді – паарың өтсе, пу күнім тик чуртабаам, сағынарбын* «Ну что замолчал? Если ты понял, то я буду считать, что сегодняшний день прожила не зря» (ХРФС).

5. Класс фразеологических единиц с соматическим компонентом, объединенных общим значением ‘туловище’, насчитывает 4 единицы с компонентами *харын (живот)* 90 % ФЕ), *арга* (спина) (10 % ФЕ) и их производными:

артых харын «дармоед, тунеядец» (букв. лишний живот). *Аның көрізінең не сағын пілгедег полған: Пу айнаны, артых харынны, нимее*

мында одыртып алганнар? «Лишь по одному его взгляду можно было прочесть: Этого черта, дармоеда, зачем сюда посадили?» (ХРФС);

арга-мойын алызарга «любезничать, обниматься» (ХРФС).

Таким образом, наиболее многочисленным классом является класс фразеологических единиц с компонентом – соматизмом, объединенных общим значением ‘голова и ее части’, что, очевидно, объясняется тем фактом, что голова считается одной из важнейших частей человеческого тела, с которым связаны все мыслительные процессы, а также это место расположения всех органов чувств. Обработка всей поступающей из внешнего мира человеку информации происходит благодаря этим органам чувств.

Проанализировав ФЕ с компонентом–соматизмом, нами был выявлен обширный класс ФЕ, обозначающих различные чувства человека. Их также можно разделить на группы и подгруппы:

ФЕ, выражающие отрицательные эмоции и чувства человека:

ФЕ, выражающие «грусть, скуку, уныние, тоску» (30 %):

Паар хуруп парарга «тосковать, печалиться» (букв. печень иссохла): *Анаш, Анаш! Паарым миниң хуруп парган. Сагаа най, най сагынгам* (ВШ, КХ, 295) «Анаш, Анаш! Печень моя иссохла. По тебе очень, очень тосковала».

Чүрек длерге «печалиться, грустить, потерять интерес» (букв. сердце умерло): *Чүрегім өл парган, Тойса Васильевна. Туганнарым чипчелер – ирге пар полбассың* (ВШ, ХС, 118) «Сердце мое умерло, Тойса Васильевна. Родные грызут – замуж не выйдешь».

ФЕ, выражающие «раздражение, гнев, ярость, ужас» (20 %):

Өкпе түзерге «раздражаться, злиться, быть в ярости» (букв. легкие опустились): *Пивоны алыңар, туразар киріңер! – өкпезі түспинче Сәмәннің* (ХЧ) «Пиво берите, заходите домой! – не успокоится Семен».

Чүрегі чарыл парарга «очень сильно разозлиться» (букв. сердце его разорвалось): *Аны агылыбыссалар, Опристің чаңазының чүрегі чарыл парар* (ВШ, СС, 56) «Если его приведут, сердце ее сестры разорвется (от злости)».

ФЕ, выражающие «волнение, беспокойство, тревогу, страдание» (15 %):

Чүрек ачирга «беспокоиться, тревожиться» (букв. сердце горит): *Син миниң ічемзің, дөремзің, туңмамзың. Чүреем сагаа ла ачыпча.* (ВШ, СС, 34) «Ты моя мама, подруга, сестра. Сердце мое лишь о тебе горит».

Чүрее сіртли түзерге «волноваться, беспокоиться» (букв. сердце его екнуло): *Анаштың чүрее сіртли түскен. Анызы ічезіне, Палчога, төбй полган* (ВШ, КХ, 298) «Сердце у Анаши екнуло. Та на мать, на Палчогу, сильно была похожа».

ФЕ, выражающие «страх, испуг, боязнь, ужас» (12,5 %):

Чүрек чарарга «сильно напугать кого-либо» (букв. сердце расколоть).

Састар чике турарга «сильно напугаться» (букв. волосы прямо встали).

ФЕ, выражающие нейтральные и положительные чувства человека:

ФЕ, выражающие «удивление, изумление» (15 %):

Харах улуг көрбізерге «удивиться» (букв. сделать большие глаза):

Сини сурис чөрлер бе, Орис? – харахтарың улуг көрп, сурган Валя. (ТБ, О, 45) «Тебя преследуют что ли, Орис? – вытаращив глаза, спросила Валя».

ФЕ, выражающие «радость, счастье, удовольствие» (12,5 %):

Чүрек чарирга «радоваться» (букв. сердце светится): *Аны көрп, чүреем чараан* (Х, 2012) «Его увидев, сердце светилось».

ФЕ, выражающие «влюбленность, любовь» (7,5 %):

Чүрек сыйлирга «сердце дарить, любить» (букв. сердце дарить): *Сагаа ба? – иледе сагынып, нандырган Тана. – Сагаа мин чүреем сыйлирбын* (ИК, ЧХ, 32) «Тебе что ли? – помолчав, ответила Тана. – Тебе я свое сердце подарю».

Таким образом, анализ ФЕ с соматическим компонентом, связанных с положительными эмоциями и чувствами человека, показал, что стержневыми композитами ФЕ с заданной семантикой, являются следующие слова: *чүрек* «сердце» (45,5 %), *паар* «печень» (10,0 %), *өкпе* «легкие» (10,0 %), *хут* «душа» (10,0 %), *харах* «глаза» (10,0 %), *көңні* «душа» (10,0 %). Как видим, для выражения эмоциональных состояний человека главными словами выступают в 67 % случаях соматизмы, всего два раза – слова со значением *дух, душа*.

Библиографический список

1. Боргоякова Т. Г. Классификация фразеологических единиц хакасского языка с точки зрения семантической слитности компонентов // Советская тюркология. 1980. № 4. С. 72.
2. Боргоякова Т. Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. Абакан: Издательство ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1996. 144 с.
3. Боргоякова Т. Г. Хакасская фразеология: учебное пособие. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2014. 156 с.
4. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. Издательство Русский язык. М., 1980. 320 с.
5. Сайфи Л. А. Концептуализация соматического образа человека в языке и дискурсивных практиках (на материале современного английского языка): автореф. дис... канд. филол. наук. Уфа, 2008. 26 с.
6. Ураксин З. Г. Фразеология башкирского языка. М.: Наука, 1975. 192 с.

Список сокращений

1. ВШ, СС – В. Шулбаева. Сарналбаан сарын. Абакан, 1975.
2. ИТ, ПЯ – И. Топоев. Пир яблах. Абакан, 1991.
3. ИК, ЧХ – И. Костяков. Чибек хур. Абакан, 1989.
4. ТБ, О – Т. Балтыжаков. Орис. Абакан, 1964.
5. ХЧ – Газета «Хакас чирі».
6. ХРФС – Краткий хакасско-русский фразеологический словарь // Т. Г. Боргоякова. Абакан: Издательство ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1996. 144с.

© Боргоякова О. А., 2016

ТОПОНИМИЯ СИБИРИ: ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

И. А. Дамбуев

Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Топонимы являются неотъемлемой частью культурного наследия всякого государства, что закреплено на международном и национальном уровнях законодательным образом. Уважение и сохранение топонимии коренных народов России требует их правильного употребления и последовательной передачи на русский язык. Анализ топонимов народов Сибири на материале Государственного каталога географических названий свидетельствует о необходимости их дальнейшей нормализации.

Ключевые слова: топонимия, орфография, нормализация, культурное наследие.

Большая роль в пропаганде идей по сохранению топонимов как исторического, культурного и лингвистического наследия принадлежит Конференциям ООН по стандартизации географических названий. На восьмой Конференции в 2002 г. топонимы были признаны компонентом исторического и культурного наследия стран. После принятия ЮНЕСКО в 2003 г. Конвенции об охране нематериального культурного наследия, в 2007 г. девятая Конференция признала, что топонимы являются частью нематериального культурного наследия. На десятой Конференции в 2012 г. была принята резолюция, рекомендующая использовать ряд критериев для определения топонимов как объектов культурного наследия, среди которых: древность имени, устойчивость имени во времени, редкость имени или топонимического явления, на которое указывает имя, способность имени свидетельствовать о культурных, географических, исторических, социальных и других фактах, связанных с обозначаемым местом, и составляющих специфику данной местности, региона или страны, и др.

Особое внимание уделяется географическим названиям коренных народов. Так, на пятой Конференции ООН по стандартизации географических названий в 1987 г. было рекомендовано всем странам, имеющим группы аборигенного населения, приложить особые усилия по сбору их географических названий. На восьмой и девятой Конференциях (2002, 2007 гг.) была признана необходимость регистрации и использования географических названий национальных меньшинств, групп коренного населения в целях сохранения и придания нового импульса развитию культуры меньшинств и коренных народов.

В России вопросы сохранения топонимии коренного населения и национальных меньшинств решались по-разному. Так, во второй половине

XVIII в. при разработке атласа Российской империи написание топонимов предлагалось «отдать на рассуждение самих сочинителей ландкарт» [5]. В начале XX в. подкомиссия по транскрипции географических названий Картографической комиссии Императорского Русского географического общества отмечала: «на протяжении одной только Европейской России находятся представители всевозможных национальностей, имеющих яркое отражение своих языков в названиях местностей. ... Часть этих названий подверглась русификации, а часть ... передана русскими буквами, нередко совершенно не соответствующими местным звукам и искажающим туземное написание до неузнаваемости» [6, с. 47]. В результате научно-методической работы по нормализации топонимов было решено на картах «не выходить за рамки русского алфавита, но максимально использовать его возможности для достижения наибольшей точности при передаче звуков иного языка» [6, с. 48].

Советский период наложил свой след на топонимию коренных народов России. Активная русификация национальной топонимии, идеологизация названий, порвавшая древние традиции топонимической номинации, депортация этнических, этноконфессиональных и социальных групп, оказали негативное влияние на исторически сложившуюся топонимию. Однако во второй половине XX в. начинается активная деятельность в сфере нормализации топонимов, в том числе на национальных территориях. Одной из важных особенностей этой деятельности было признание местной национальной топонимии. Например, при сборе географических названий на территории автономных республик, областей и округов рекомендовалось выявлять написание названий «в графике национального языка», что «позволит с большей достоверностью проверить и установить их русскую транскрипцию» [7, с. 5]. Для этого следовало «привлекать местных жителей, владеющих национальным языком», «использовать магнитофоны и диктофоны» [7, с. 6]. В указаниях для полевых работников рекомендовалось «обращать внимание на необходимость согласования родственных (образованных от одного корня) названий разных, но взаимосвязанных по местоположению объектов, сохранение единообразия в написании названий, составной частью которых являются местные географические термины» [7, с. 6].

Отделом транскрипции, впоследствии Отделом географических названий и картографической научной информации, ЦНИИГАиК были разработаны десятки инструкций по передаче нерусских топонимов на национальных территориях на русский язык, в том числе для передачи алтайских, бурятских, мансийских, нанайских, ненецких, селькупских, тувинских, хакасских, хантыйских, эвенкийских, эвенских, якутских названий. Основным техническим способом передачи названий в них является практическая транскрипция. Согласно инструкциям названия должны передаваться с их национального написания с учетом литературного

произношения. Диалектные особенности должны передаваться в тех случаях, когда они закреплены в официальных источниках на национальном языке.

Важно отметить, что сами инструкции совершенствовались с учетом накопленного опыта и практики межъязыковой передачи, что отражалось на некоторых изменениях в области транскрипции. Например, в алтайских топонимах сочетания *йе, йо, йё, йы, йи* по инструкции должны передаваться в русском языке соответственно с помощью сочетаний *йе, йо, йы, йи* (*Толгойок, Кайырлык, Ийикту* вместо *Толгоёк, Каирлык, Иикту*), *ы* через *ы* вместо *и* после *ж, ч, ш* (*Косбажы, Балыкчы, Шыргайту* вместо *Косбажи, Балычи, Ширгайту*) и *у* через *ю* вместо *у* после тех же *ж, ч, ш* (*Кёчюрлю* вместо *Кёчурлю*) [1, с. 3]. При передаче тувинских названий было предусмотрено отражение долготы гласных (во избежание ложной омонимии топонимов, образованных от слов, различающихся в национальном написании долготой); были введены рекомендации передавать сочетания *йө, йу, йы* через *йо, йу, йы* (вместо *ё, ю, и* по прежним правилам); *уу* передавать в начале слов через *уу*, а в последующих слогах через *ю*, а не через *у*, как было ранее; *ы* после шипящих *ж, ч, ш* передавать через *ы*, а не через *и* [2, с. 2]. В инструкции по передаче хакасских названий изменению подверглась передача хакасского *ы* тем же русским знаком во всех позициях, в том числе после шипящих согласных и в сочетаниях с предшествующим *й* [3, с. 3]. Небольшие изменения были внесены и в другие инструкции.

В современной России наименования географических объектов рассматриваются «как составная часть исторического и культурного наследия народов Российской Федерации» [4]. Для их единообразного и устойчивого употребления и сохранения был создан Государственный каталог географических названий. Первичный анализ топонимов, зарегистрированных в данном каталоге, свидетельствует о нарушении установленных правил передачи национальных топонимов практически во всех субъектах. Например, в нарушение указанных инструкций в каталоге по состоянию на 2015 год сохраняются такие формы алтайских названий, как *Толгоек, Каирлык, Иикту, Косбажи*. Тувинские названия не всегда передаются последовательным образом. Так, при рекомендуемых формах *Анай-Ооруг* и *Хайыракан* сохраняются формы *Анатык-Оруг* и *Чаинды*.

Более детальный анализ бурятских топонимов вскрывает многочисленные нарушения установленных правил передачи, что приводит к излишнему варьированию: *Баян-Ундер* и *Баян-Ундэр* (бур. *үндэр* ‘высота; возвышенность’); *Бузыр-Жалга* и *Бузар-Жалга* (бур. *бузар* ‘грязный’); *Мундугур, Мундыгыр* и *Мундэгэр* (бур. *мүндэгэр* ‘выпуклый, выдавшийся’); *Тахой* и *Тохой* (бур. *тохой* ‘излучина, изгиб реки’) и т. д. Также отмечаем многочисленные случаи нарушения слитного и дефисного напи-

сания названий: *Хангарул*, *Хан-Гар-Ула* и *Хонгор-Ула* (бур. *хонгор* ‘милый; привольный’, *уула* ‘гора’); *Баянгол* и *Баян-Гол* (бур. *баян* ‘богатый’, *гол* ‘река; долина реки’); *Харашибирь* и *Хара-Шибирь* (бур. *хара* ‘черный’, *шэбэр* ‘чаща, густой лес’); *Бун-Хан* и *Бунхан* (бур. *бунхан* ‘усыпальница; небольшая часовня’); *Улал-Дзай* (бур. *улаалзай* ‘сарана’); *Улан-Гана* (бур. *улаагана* ‘кислица обыкновенная’) и т. д. Отсутствует единообразие в написании названий, составной частью которых являются местные географические термины: *Альтерак*, *Альтрик* и *Ольтректа* (бур. *олтирог* ‘островок’); *Будук*, *Булык*, *Бульк*, *Булак* и *Булаг* (бур. *булаг* ‘ключ, источник, родник’); *Андальтей-Гол*, *Андолита*, *Андольте*, *Ехэ-Ондельта* и *Ондольто* (бур. *ондоли* ‘родник; наледь с пустотами на поверхности родника’) и т. д.

Перечисленные нами факты нарушения передачи национальных топонимов на русский язык свидетельствуют о недостаточной нормализации названий не только на русском, но и на национальных языках. В связи с этим, в целях сохранения топонимии как культурного наследия, считаем необходимым осуществление поэтапной нормализации названий, начиная с локального (сельское и городское поселение) и районного (муниципальный район) уровней, на которых можно адекватно оценить особенности языковой ситуации и речевого употребления названий. Основной проблемой в решении данной задачи является отсутствие на этих уровнях специалистов, имеющих должную топонимическую и лингвистическую подготовку. Сохранению национальной топонимии может способствовать также активизация краеведческой и топонимической работы, при условии, что эта работа будет осуществляться в научном плане.

В Федеральном законе № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов» сказано, что «органы государственной власти субъектов Российской Федерации могут осуществлять регистрацию, учет, подготовку и издание каталогов, словарей и справочников наименований географических объектов на языках народов Российской Федерации с учетом интересов населения соответствующих территорий» [4]. Перефразируя классика, рассматриваемые вопросы можно резюмировать следующим образом: сохранение культурного наследия народов Сибири должно быть делом самих народов Сибири.

Библиографический список

1. Инструкция по русской передаче географических названий Горно-Алтайской автономной области. М.: Наука, 1977. 39 с.
2. Инструкция по русской передаче географических названий Тувинской АССР. М.: ГУГК, 1975. 27 с.
3. Инструкция по русской передаче географических названий Хакасской автономной области. М.: Наука, 1977. 34 с.
4. О наименованиях географических объектов: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 1997 г. №152-ФЗ. URL: http://docs.pravo.ru/document/view/2933/?not_paid_redirect=1 (дата обращения: 10.03.2016).

5. Поспелов Е. М. Законодательство России по географическим названиям // Оклики улицы Москвы. URL: <http://moscow.gramota.ru/znan07.shtml> (дата обращения: 10.03.2016).
 6. Рубцова З. В. Принципы передачи топонимии в России и республиках ее западного порубежья: Картографический опыт начала и конца века // А. В. Суперанская. Зоя Васильевна Рубцова – топонимист, славист: Научное издание. М. – Калуга: Издательство «Эйдос», 2011. С. 46-62.
 7. Руководство по сбору и установлению географических названий на топографических картах и планах. ГКИНП 13-42-82. М.: Наука, 1985. 54 с.
- © Дамбуев И. А., 2016

НАЗВАНИЯ АТМОСФЕРНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Н. И. Данилова

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов СО РАН, г. Якутск

Рассмотрена тематическая группа лексики с обозначением атмосферных явлений, обусловленных движением природных электрических зарядов, в современном якутском языке. Анализу подверглись слова, обозначающие гром, молнию, северное сияние. Несмотря на установленную во многих исследованиях многозначность первичных наименований в тюркских языках, эта группа лексика отличается однозначностью, конкретным содержанием.

Ключевые слова: якутский язык, лексика, семантика, этимология, словарь.

Метеорологическая лексика, в том числе тематическая группа названий атмосферных явлений, относится к базовому пласту богатства языка, связанному с повседневной практической жизнью носителей языка. Поэтому, совершенно естественно, что она относится к хорошо изученным темам, а в тюркских языках, особенно, в аспекте сравнения данных языковой общности. Материал по данной тематике широко представлен в словарях, а также отдельных диссертационных и других исследованиях. Фундаментальные исследования «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» и «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции», изданные в Москве, соответственно, в 1997 и 2002 годах, содержат богатый материал и глубокий диахронический анализ названий атмосферных явлений. Данная тематическая группа, наряду с другими, служила предметом исследования, представленного в сборнике «Природное окружение и материальная культура пратюркских народов» 2008 года выпуска.

Нужно отметить, что рассматриваемые названия атмосферных явлений имеют широкую функционально-стилистическую сферу – употребляются как в официально-деловой, так и разговорной речи, подаются как слова с конкретной дефиницией в терминологических словарях, имеют распространение во всех территориальных говорах.

В якутском языке для обозначения грома, как атмосферного явления, употребляется слово *этин*. Данное слово в словарях О. Н. Бетлингга и Э. К. Пекарского приводится в значении 'гром', при этом в Словаре якутского языка в значении 'гроза' приведено сочетание *чабылбаннаах этин* 'гром с молнией' [1, с. 317]. В современном языке слово *этин* имеет как общеязыковое, так и терминологическое значение. Предполагается, что это существительное образовалось от глагола *эт-* 1) 'говорить, сказать'; 2) куковать; 3) греметь (о громае) [2, с. 548]. По материалам видно, что употребление глагола *эт-* связано с обозначением производства какого-либо звука речи как человеком, так и другими живыми существами: *кэбэ этэр* 'кукушка кукует'. Кроме того, семантический спектр этого глагола охватывает случаи, когда речь идет о звуке, источником которого является гром: *этин этэр* 'гром гремит' (букв.: говорит). Так, значение 'греметь (о грозе)', наряду с 'говорить, высказывать, сообщать, докладывать, доносить' было отмечено О. Н. Бетлинггом [3, с. 439]. Это значение глагола *эт-* отдельно выведено в «Кратком толковом словаре якутского языка»: *уөһэ халлаанна лиһигирээн тыаһаа-* (этини этэргэ) 'греметь высоко в небе (о громае)' [4, с. 676]. Таким образом, можно предположить, что семантический спектр глагола *эт-*, от которого образовалось *этин* 'гроза', подразумевает производство любого звука, а не только звуков речи.

Важно добавить, что согласно древним представлениям якутского народа, гром наряду с молнией является глашатаем бога, живущего на седьмом небе, немало свидетельств чего можно найти в языковом материале. В Словаре Э. К. Пекарского приведено сочетание *Уллэрэтин* (гремящий гром) – название мифологического существа [1, с. 317]. О мифологической сущности понятия грома свидетельствуют многочисленные названия местностей из картотеки, составленной известным якутским топонимистом М. С. Ивановым-Багдарыын Сүлбэ. При этом он обратил внимание на то, что почти все топонимы со словом *этин* 'гром': *Этин эппит* 'Гром прогремел', *Этин нээх* 'Громовой' и т. д. зафиксированы в центральной зоне Якутии, где традиционно проживают якуты-скотоводы, а в периферии республики встречаются крайне редко [5, с. 37]. Интересно, что в данной картотеке встречается название местности *Этин туспүт* (букв.: 'гром упал'). Семантически связанное с этим топонимом выражение *этин туспүт маһа* 'дерево, на которое упал гром' зафиксировано и в сообщениях информантов. Это выражение также происходит из мифологического представления о том, что гром падает с неба на землю по повелению живущих там богов. Как отмечают исследователи, «согласно мифам, под лиственницей, в которую ударила молния, люди могли найти «топор грома», служащий амулетом и обеспечивающим счастье» [6,

с. 470]. «Топор грома» – *этин сүгэтэ* или *сүгэ таас* ‘топор-камень’, о котором идет речь в этом случае, объясняется как «камень удлиненной согнутой формы, образовавшийся от удара молнии в песок, фульгурит» [7, с. 232]. В этом отношении интерес представляет также сочетание *этин тааһа*, значение которого в толковом словаре якутского языка объясняется следующим образом: «По старинному якутскому поверью: светлый, величиной с куриное яйцо камень, который обладает целебными свойствами, но попадает не к добру, поэтому его держат в «чистом месте» и втайне (букв.: *громовой камень*)» [8, с. 100]. Из значения сочетаний *этин сүгэтэ* ‘топор грома’, *этин тааһа* ‘камень грома’, а также понятия *этин түспүт маһа* ‘дерево, на которое упал гром’, на самом деле связанного с ударом молнии, видно, что гром и молния представлялись носителям якутского языка как элементы единого природного явления.

В родственных языках гром как атмосферное явление обозначается в большинстве случаев словами со значением шум, шум неба или именами звукоподражательного происхождения: например, *gökğürültüs/gürlemesi* ‘шум/грохот неба’ в турецком, *күркүрөө* ‘гром (букв.: грохот)’ в киргизском, *гөк гүрүлтиси* ‘грохот неба’ в туркменском и т. д.

К группе названий атмосферных явлений, связанных с электрическими процессами в природе, в якутском языке относится слово *чабылбан* ‘молния’. О. Н. Бетлингк перевел его как *сверкающий, блистающий, блестящий, сияющий; блеск, сияние; молния* [3, с. 575]. Э. К. Пекарский привел к этому слову вариант *чабылган*, сравнил его с таранчинским *чекілбан*, бурятским *сахилган, цахилбан*, монгольским *чакілбан* ‘молния’ дал следующий перевод: *сверкающий, блистающий, сияющий, испускающий лучи, лучезарный; молния; гроза* [1, с. 3549]. Эта же основа для обозначения молнии употребляется, кроме якутского, и в некоторых других современных тюркских языках, например, киргизском: *чагылган*.

Что касается классификационной группы в целом, то исследователи отмечают «отсутствие для обозначения этого явления единого названия в большинстве тюркских языков» [9, с. 43]. К. М. Мусаев заметил, что из различных названий «пожалуй, самым древним, восходящим к пратюркскому, можно считать синкретичную основу *jaş* ‘молния’, *jaş*- ‘сверкать, блеснуть (о молнии)’, сохранившуюся в некоторых языках» [9, с. 43]. В качестве еще одной тюркской основы со значением ‘молния’ приводится *yıldır*- ‘сверкать, блеснуть’ [там же], от которой образовались широко распространенные названия *йылдырым, yıldırım*. Как можно видеть из представленного материала, для обозначения молнии в якутском языке употребляется слово, распространенное как в монгольских, так и некоторых тюркских языках.

Следующим атмосферным явлением, связанным с движением заряженных частиц, является северное сияние. Наблюдение за этим явлением,

характерным для полярных областей северного полушария, обусловило появление в современном якутском языке сочетания *дьүкээбилуота* ‘огонь юкагира’, в котором *дьүкээбил*// *дьүкээгир*– это якутское название юкагиров, живущих на Крайнем Севере [10, с. 464]. Э. К. Пекарский перевел это сочетание как ‘сполохи, северное сияние’ и привел варианты *хотугу ый уота* ‘пламя северной луны’, *дьүкү хайата* ‘гора юкагира’, *дьүкү уота* ‘огонь юкагира’ [1, с. 869]. Из приведенного названия напрашивается предположение о том, что северное сияние, по представлению якутов, связано с этносом, раньше них освоившим данные территории. Приведенное название имеет широкое распространение во всех функциональных стилях якутской речи от разговорной до научной.

В систему названий атмосферных явлений, связанных с действием электрических и других заряженных частиц, в лингвистических исследованиях обычно включают также зарницу. Но установлено, что «общетюркское название зарницы не отмечено. Разные обозначения возникли в разных регионах и разных языках самостоятельно после распада пратюркских диалектов» [9, с. 43]. В «Русско-якутском словаре» слово *зарница* переведено как *кулум*; *күһүннү чабылбан* ‘сверкание; осенняя молния’. Но при этом слово *кулум* «Большой толковый словарь якутского языка» дает следующий перевод толкования: ‘блеск, отблеск, сияние, сверкание; вспышка’ [11, с. 619]. Якутско-русский словарь перевел это слово как ‘блеск, отблеск, сияние, сверкание’ [12, с. 197]. Представленный материал словарей дает повод говорить, что для обозначения как атмосферного явления современный якутский язык не выработал точного обозначения.

Представленный материал демонстрирует самобытность якутской лексики, употребляемой для обозначения грома, молнии, северного сияния. Эти явления имеют обозначения с четкой дефиницией, распространенные во всех стилях речи. Правда, при этом языковой материал показывает, что гром и молния представлялись как неразрывные явления. Что касается северного сияния, то оно представлено как явление, связанное с чужим этносом, а для зарницы в языке современных якутов обозначения нет.

Библиографический список

1. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: В 3-х томах. 2-е изд. Изд-во АН СССР, 1958-1959.
2. Якутско-русский словарь. М.: Совесткая энциклопедия, 1972.
3. Бетлингк О. Н. О языке якутов / пер. с нем. Рассадин В. И. Новосибирск: Наука, 1990.
4. Саха тылын быһаарыылаах кылгас тылдьыта // Краткий толковый словарь якутского языка. Якутск: Бичик, 2008.
5. БагдарыынСүлбэ. Сири-халлааны кыйа анааран // Обозревая землю и небеса. Якутск: Бичик, 2008.
6. Алексеев Н. А. Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2008.
7. Большой толковый словарь якутского: в 15т. Т. V: (Буква К) / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008.

8. Большой толковый словарь якутского: в 15т. Т. X: (Буква Т: т – төһүүлээ) / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2013.
 9. Мусаев М. К. Представления тюрков о климате // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М.: Восточная литература, 2008. С. 42–67.
 10. Толковый словарь якутского: в 15т. Т. III (Буквы Г, Д, Дь, И) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006.
 11. Большой толковый словарь якутского: в 15 т. Т. IV (Буква К: күөлэниһигин – кээчэрэ) / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2013.
 12. Русско-якутский словарь / под ред. П. С. Афанасьева и Л. Н. Харитоновой. М.: Советская энциклопедия, 1968.
- © Данилова Н. И., 2016

ТЕЗАУРУС КИЛЬДИНСКОГО СААМСКОГО ЯЗЫКА: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ¹

О. Н. Иванищева

Мурманский арктический государственный
университет, г. Мурманск

В работе представлены принципы составления тезауруса кильдинского саамского языка, определены основные положения теории тезауруса, применимые для исчезающего языка коренного малочисленного народа: тип тезауруса, отбор слов-понятий, методы анализа материала, проблемы составления тезауруса для кильдинского саамского языка.

Ключевые слова: тезаурус, кильдинский саамский язык, словарь.

1. Тезаурус языка является типом словаря, имеющего в своей основе иерархическое представление понятий. Типы тезаурусов отмечены в работе В. В. Морковкина «Идеографические словари»: идеографические тезаурусы (классификация понятийных групп, представленных в языке); аналогические словари (представляющие смещение понятийного и алфавитного порядка расположения слов); тематические (учебные идеографические) словари [8, с. 27]. При всем огромном на настоящее время количестве тезаурусных словарей (за почти 150 лет со дня выхода первого идеографического словаря в 1852 г., а были такие словари и до н. э.) теория тезаурусов как словарей продолжает оставаться актуальной, и многие вопросы до сих пор не решены. Практическая значимость таких словарей усиливается в связи с вопросами сопоставительного языкознания, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Обзор идеографических словарей показывает, что тип тезауруса: идеологический словарь или

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Мурманской области в рамках проекта проведения научных исследований («Тезаурус кольско-саамского языка: сохранение лексического фонда в условиях русскоязычного окружения»), проект № 16-14-51001.

тематический словарь – определяет степень абстрактности/конкретности слов-понятий, составляющих словник словаря.

2. Традиционное представление о значимости тезаурусов как эффективного способа для описания тех или иных областей знания [7], организации знаний (информации) о мире приводит к необходимости определить две основные составляющие теории тезауруса: его словник и содержание его словарной статьи.

Словник тезауруса – набор слов, расположенный в определенной последовательности, отражающий классификацию знаний (информации) данного народа о мире.

Важную часть теоретических размышлений о сути тезауруса занимает вопрос о составе словника, о принципах отбора заглавных слов.

Л. В. Щерба, описывая идеологический словарь, говорит о словах-понятиях и исходит из положения о том, что словарь каждого языка можно организовать исходя из значений, т. е. от понятий, выражаемых фонетической формой слов (идеологический словарь) [13, с. 77].

В «Русском идеографическом словаре» Н. Ю. Шведова опирается на идеи, исходящие от самого языка – смыслы собственно бытия, действия, состояния, признака, количества, места, времени, цели, причины [9]. Эти смыслы вписываются в принципы деления языка на части речи, данного самим языком [10, с. VII]. Предметом описания в «Русском идеографическом словаре» является концепт и его смысловая парадигма. Концепт определяется в словаре как исторически сложившаяся понятийно-языковая целостность, т. е. отлившееся в слово, им материализованное, в него вмещённое понятие, относящееся к духовному, ментальному миру жизни человека либо к материальной жизнеобеспечивающей, жизнеобразующей сфере его бытия [9].

Понятно, что принципиального различия в позициях Л. В. Щербы и Н. Ю. Шведовой нет. Это в любом случае слово (форма) с вмещённым в него понятием (содержание). В таком случае особенно важным становится принцип отбора заглавных слов.

3. Пути, избираемые учеными при составлении тезаурусов, можно свести к двум: от слов к системе понятий (теория поля) или от системы понятий к словам (ономасиологический подход) [5, с. 58–59]. У Л. В. Щербы отмечен последний путь: «Для создания настоящего идеологического словаря прежде всего необходимо иметь полный и очень точный список слов-понятий данного языка, а чтобы составить такой список слов-понятий, надо четко описать все значения слов в словарях обычного типа» [13, с. 78].

Но на систему понятий логических в процессе формирования лексического состава накладывались дологические суждения (мифы, суеверия). Поэтому, по мнению Ю. Н. Караулова, путь поля более продуктивен [5, с. 60].

4. Кратко изложенные принципы и проблемы составления тезауросов позволяют нам перейти к мыслям о таком словаре для исчезающего языка, в нашем случае языка коренного малочисленного народа Севера – кильдинского саамского. Кроме того, к некоторым выводам позволяет нам прийти и выпуск 3 словарей по кильдинскому саамскому, созданному в соавторстве с учениками и использующими нашу основную идею создания лингвокультурологических словарей [3; 11; 12]. Для каждого словаря нами была разработана идея, которая разнится в зависимости от материала (лексика духовной культуры, промысловой лексики и лексики, обозначающей домашних животных). В настоящее время идет работа над фитонимами (лексика растительного мира) и лексикой жилища. Поэтому выработка общих идей создания нового в финно-угорской лексикографии словаря становится актуальной, так как назрела необходимость выработки общей платформы, на которой будут создаваться новые словари, и не только для саамского языка.

5. Первая задача, которую надо решить, – это определение принципов отбора заглавных слов (слов-понятий или концептов). Необходимо отметить, что кильдинский саамский язык в лексическом отношении представлен неполно: имеющиеся переводные словари [1; 2; 6] в лучшем случае охватывают 7 000–8 000 слов, что мало помечает при составлении тезауруса. Кроме того, тезаурус в его классическом варианте составляется в основном на материале абстрактной лексики, которая в кильдинском саамском языке представлена в очень незначительном количестве (по крайней мере, по данным словарей и наших полевых исследований). Рассуждения о конкретности мышления саамского народа, «не удовлетворяющегося словами с общим, абстрактным значением для обозначения многих сходных по существенному признаку явлений, но конкретно различающихся между собой в том или ином отношении», А. Г. Эндюковский подтверждает примерами наименований оленя в саамском языке [14, с. 160]. Лексика тематических групп (например в нашем случае, духовной лексики, лексики промысловой, лексики животного мира) является пробелом в теории идеографических словарей, так как лексика реалий покрывается методами описания по типу «Слова и вещи» [5, с. 56]. Отбор слов для групп в тезаурусе обычно осуществляется по словарю или по ассоциациям. Словари кильдинского саамского языка объемом ограничены, а ассоциативных исследований кильдинского саамского языка никто не проводил.

6. Вопросом для исследователя является и метод анализа материала. Традиционно используются компонентная, оппозитивная, комбинаторная методики. Наша гипотеза состоит в том, что наиболее эффективным для составления тезауруса кильдинского саамского языка будет путь дистрибуции и ассоциативного эксперимента, а также учет народных толкований.

7. Такой путь отбора слов-понятий, как установление дифференциальных бинарных признаков [5, с. 46], для кильдинского саамского языка оказался ограниченным, отчасти из-за невозможности сбора языкового материала в полной мере. Так, для обозначения безрогого оленя в кильдинском саамском языке отдельной лексемы не существует. Признак «наличие/отсутствие рогов» в данном диалекте, видимо, не является значимым настолько, чтобы создавать отдельное слово. Для обозначения безрогого оленя используется определение *поаршвыйй* — безрогий (об олене, когда он сбрасывает рога) (см. об этом, напр.: [4]).

Библиографический список

1. Антонова А. А. Саамско-русский словарь. Мурманск: АНО «Арктический центр научных исследований и экспертиз», 2014. 376 с.
2. Афанасьева Н. Е. Саамско-русский словарь / Н. Е. Афанасьева, Р. Д. Куруч, Е. И. Мечкина и др.; под ред. Р. Д. Куруч. М.: Рус. яз., 1985. 568 с.
3. Зоонимикон кильдинского диалекта саамского языка: учебный культурологический словарь / авт.-сост. О. Н. Иванищева, Ю. С. Митина. Мурманск: МГТУ, 2015. 108 с.
4. Иванищева О. Н., Бутылева А. М. Оленеводческая лексика кильдинского диалекта саамского языка // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Вып. 11. 2008. С. 166–173.
5. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 355 с.
6. Керт Г. М. Словарь саамско-русский и русско-саамский: пособие для уч-ся нач. шк. Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1986. 247 с.
7. Лукин Вал. А., Лукин Вл. А. Тезаурус как ориентационный комплекс // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 107–110.
8. Морковкин В. В. Идеографические словари. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 71 с.
9. Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. 1032 с.
10. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. Т. I: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). 807 с.
11. Словарь лексики духовной культуры кольских саами / авт.-сост. О. Н. Иванищева, В. Б. Бакула. Мурманск: МГТУ, 2013. 222 с.
12. Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка) / авт.-сост. О. Н. Иванищева, А. М. Эрштадт. Мурманск: МГТУ, 2014. 249 с.
13. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. С. 54–91.
14. Эндюковский А. Г. Саамский (лопарский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1: Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов / под ред. Г. Н. Прокофьева. М. –Л.: Учпедгиз, 1937. С. 125–162.

© Иванищева О. Н., 2016

Н. Ф. КАТАНОВ: ПОДВИЖНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЁНОГО-БИБЛИОФИЛА

А. Д. Каксин, М. А. Чебокчинова

ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

В статье рассматривается деятельность Николая Федоровича Катанова как библиофила, деятеля книги (как его называли еще в советское время). Как считают авторы статьи, в этой ипостаси выдающегося ученого, в свою очередь, можно выделить несколько составляющих: Н. Ф. Катанов был не просто книголюбом, а неутомимым собирателем дорогих, ценных книг, прекрасным библиографом, составителем сборников, каталогов, литературных обзоров, указателей, а также – непревзойденным рецензентом и комментатором трудов по тюркологии и востоковедению. Отмечается исключительная скрупулезность ученого при составлении библиографии собственных трудов, включающей более 380 работ в области лингвистической тюркологии, фольклористики, этнографии, нумизматики, библиографии и библиотековедения.

Ключевые слова: Н. Ф. Катанов, многогранность деятельности, библиографическая работа, библиотековедение.

В мае 2012 года научная общественность отметила 150-летие со дня рождения ученого-востоковеда, получившего мировое признание, выдающегося сына хакасского народа Николая Федоровича Катанова. Широко известно об общественно-педагогической и культурно-творческой деятельности профессора Н. Ф. Катанова, посвященной цели просвещения инородцев. Будучи деятелем науки, Н. Ф. Катанов «всемерно доказывал современникам необходимость комплексного изучения народностей Сибири, научно обосновывал идеи сохранения самобытной культуры нерусских народов России. Для чего следовало развивать просвещение и образование малых народностей Сибири и России в целом» [5; 6, с. 174].

Н. Ф. Катанов был не только превосходным тюркологом-лингвистом, этнографом и фольклористом [2; 7], но и замечательным коллекционером, нумизматом, музееведом. Ну и, конечно, он был книголюбом и книголюбом, *деятелем книги*, как его называли в советское время [3].

В последней названной ипостаси выдающегося ученого, в свою очередь, можно выделить несколько составляющих: Николай Федорович был не просто книголюбом, а неутомимым собирателем дорогих, ценных книг, прекрасным библиографом, составителем сборников, каталогов, литературных обзоров, указателей, а также – непревзойденным рецензентом и комментатором трудов по тюркологии и востоковедению.

Конечно, лучше всего характеризует ученого-библиофила его стремление собрать хорошую личную библиотеку. Н. Ф. Катанов осуществил свою юношескую мечту: за тридцать лет (1880–1910) собрал значитель-

ную библиотеку, в которой были труды (фолианты) не только по тюркологии и востоковедению, но и по общей лингвистике, индоевропеистике, арабистике, этнографии, демографии и статистике, другим научным направлениям XIX века. Для того, чтобы представить, какие книги были в личной библиотеке Н. Ф. Катанова, достаточно вчитаться в составленную им библиографию – руководство по изучению тюркских языков и народов Енисейской губернии.

«Библиография. Сведения о тюрках Енисейской губернии». ... М. А. *Castren*. Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre, herausgegeben von A. Schiefner. St. Petersburg, 1857; W. W. *Radloff*. Ethnographische Übersicht der nördlichen Türkstämme. Leipzig, 1883; G. *Hassel*. Vollständiges Handbuch der neuesten Erdbeschreibung. 4te Abtheil. I Band. Weimar, 1821; М. А. *Castren*. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845-1849. St. Petersburg, 1856; Г. Н. *Потанин*. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. II. СПб., 1881; ... I. G. *Georgi*. Geographisch-physiologische und naturhistorische Beschreibung des Russischen Reichs. II Theil. 4 Abtheilung. Königsberg, 1799; ... Записки Император. Р. Г. Общества. Т. X. Вып. I. «Путешествие Николая Спафария в 1675 году». СПб., 1882; ... Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. В 4 частях. СПб., 1791; Сравнительные словари всех словарей и наречий, собранные десницею Высочайшей особы. В 2 частях. СПб. ч. I. 1787. ч. II. 1789. С предисловием П. С. Палласа; ... P. S. *Pallas*. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. III Theil. St. Petersburg, 1776; ... Л. *Будагов*. Наречие Сибирских (Енисейских) татар во II т. Его «Сравнит. Словаря турецко-татарских наречий». СПб., 1871; ... К. *Pumper*. Земледелие Азии. Т. III. Алтайско-Саянская горная система в пределах Российской Империи и по Китайской границе. СПб., 1860. ... И. Н. *Березин*. Сборник летописей. История Монголов, соч. Рашид-Эдина (1247–1318 гг.). Перев. с персидского. СПб., 1858 ... [4, с. 278–286].

Можно представить, сколько времени и сил потратил Н. Ф. Катанов на составление этой библиографии: все труды перечитаны, сделаны соответствующие выписки, сама библиография поделена на разделы в соответствии с этнической дифференциацией, а многие упоминаемые труды повторяются в каждом разделе с точным указанием тех страниц, где речь идет о данном конкретном этносе.

Исключительная мера ответственности Н. Ф. Катанова-библиографа проявляется во всем: он осознает, что даже в результате такого кропотливого труда его библиография получилась неполной, и об этом он предупреждает читателя в заключении – своеобразном методическом указании. «Этим мы заканчиваем перечень сочинений, касающихся в том или другом отношении тюрков Енисейской губернии. Перечисленными сочинениями разных ученых и неученых, однако, далеко не исчерпыва-

ется обильный материал, относящийся до этнографии Енисейской губернии и разбросанный в разных книгах, журналах и газетах; кроме того, надо сказать, что не все из указанных нами изданий имеют одинаковую важность в науке; тем не менее, смеем надеяться, что для будущего библиографа енисейских тюрков цифры, указываемые нами подробно при изданиях, значительно облегчат труд создания материалов. Мы вообще постарались по возможности указать все источники, в которых и должен разобраться будущий критик и библиограф. Так как тюрки Енисейской губернии были всесторонне изучаемы различными специалистами и знатоками своего дела, русскими и иностранными, так как было сделано ими для науки очень много, так как свод всех сведений, сообщенных о тюрках Енисейской губернии, и очищенных современною критическою наукою, мог бы составить весьма обширное, полное и обстоятельное сочинение, удовлетворяющее всем научным требованиям, то мы теперь только и можем пожелать одного, именно – составления такого полного свода» [4, с. 287].

Таким образом, книги в библиотеке Н. Ф. Катанова не просто лежали на полках, они постоянно «были в работе». Значительную часть этой превосходной коллекции составляли книги редкие, ставшие к началу XX века библиографической редкостью. Вообще библиотека Н. Ф. Катанова представляла собой весьма примечательное, созданное с усердием и любовью книжное собрание, за отдельные экземпляры которого были заплачены немалые деньги. В наше время библиотеку Н. Ф. Катанова можно увидеть в Турции, в Стамбуле. Почему так получилось? Почему она не в Казани (где Н. Ф. Катанов провел большую часть жизни)? Разъяснение находим в статье известного хакасского писателя и лингвиста Н. Г. Доможакова.

«Известно из формуляра проф. Катанова, что он получал довольствие в 1600 руб., столовых 200 руб., квартирных 200 руб., всего 2000 руб. Львиная доля из этой суммы уходила на приобретение редкостей для пожертвования музеям. Неудивительно поэтому, что Н. Ф. Катанов всю свою жизнь из нужды не выходил. Под властью этой же нужды Катанов лишился богатейшей своей востоковедной библиотеки 8600 томов. Предлагал он ее Российской Академии, Иркутскому генерал-губернатору, Среднеазиатскому генерал-губернатору, но отовсюду получил отказ. Предлагал, наконец, немецким книготорговцам, но в это время в Казани оказался премьер-министр Турции, который случайно узнал о продающейся библиотеке Катанова от купца Юнусова, немедленно адресовался к Катанову и купил библиотеку, и она в 31 сундуке в 1914 г., перед началом первой мировой войны, отправилась в Стамбул» [1, с. 27].

Известно, как ответственно подошел Н. Ф. Катанов к правке словарной части известной тюркологической работы М. А. Кастрена [8], критически оценил транскрипцию ученого финна и сделал необходимые ис-

правления. В результате этой скрупулезной работы родился небольшой труд «Castren's Koibalisch-Deutsches Wörterverzeichnis und Sprachproben es Koibalischen Dialectes. Neu transscribirt von N. Katanoff» («Койбальско-немецкий словарь и речевые образцы койбальского диалекта Кастрена. В обновленной транскрипции Н. Катанова») [9].

Кроме того, что Н. Ф. Катанов произвел правку в словаре, он написал необходимое введение, в котором подробно объяснил, какого рода изменения он произвел в исходном тексте. И, как можно судить по отрывку из этого введения, тюрколог Н. Ф. Катанов (которому в это время было всего 23 года) проявил при этом свою всегдашнюю дотошность и скрупулезность.

«В данном переводе койбальско-немецкого словарика и речевых образцов койбальского диалекта Кастрена я произвел следующие исправления:

Вместо **ы** Кастрен часто пишет: е, è, а, у, о и і; я же напротив везде пишу **ы**; например, Кастрен пишет: utugarben, ôgem, âgarèx, agarîn, agazerben, âlyx, tôkor, titak и tilberaŋ; я пишу: учугарбын, ôгым (от ок), ағырыг, ағырîn, ағызарбын, алыг чокыр, чычак и чылбыраң.

Я пишу: а, ĭ, ы и ä, где Кастрен пишет только е; например, у Кастрена: ailanerben, maltak, kalès, testänärben, tôgozènde, ortezende, kêrek, kälesken; я же пишу: айланарбын, мылтык, кылыс, тістәнәрбін, тоғзынцы, ортазында (от орта), керäk, keläskîn.

В первых слогах я пишу только е вместо ĭ, ä и е Кастрена; челägä, keldîm (от kel), keläskîn и чекпän, где он пишет tilegä, kildem, kälesken и tekpen. Далее, я пишу: ĭ, ы и е в первых слогах, где Кастрен вводит только е или è, например, Кастрен: esenä, ezererben и èsterben, а я пишу: ĭzänä, ызырарбын и естәрбін. ...

Вместо ŋ, ʧ, к Кастрена я пишу во многих случаях нŋ или нг, ч и ң; Кастрен пишет: buruŋa, küŋä, bütürü и türäk ðok; я же пишу: бурунга, күнгä, бүүчүрө и чүрäk чök.

В некоторых случаях Кастрен ставит знаки долготы, где я их не использую, или наоборот; Кастрен пишет: tür, но я пишу түр (из алтайского түңүр). ...

Слова карагасского, коттского и бурятского диалектов, которые Кастрен в своем учении о языке и в словнике привлекает для сравнения с койбальскими словами, я опустил, так как мне было важно только улучшение койбальского текста» [9, с. 97-98; перевод с немецкого языка А. В. Лоевской, И. П. Амзараковой].

В качестве заключения повторим сказанное вначале: активная, плодотворная деятельность Н. Ф. Катанова была многогранна и не ограничивалась лингвистической тюркологией. Его научное наследие включает в себя также многочисленные работы этнографического, фольклористического, нумизматического характера. И, несомненно, современное поколе-

ние помнит о деяниях Н. Ф. Катанова как ученого-библиофила и просветителя.

Библиографический список

1. Доможаков Н. Г. Николай Федорович Катанов // Николай Федорович Катанов: материалы и сообщения / составитель Н. Г. Доможаков / Хакасский НИИЯЛИ. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1958. С. 3–32.
2. Каксин А. Д. Наклонения в «Сагайской грамматике» Н. Ф. Катанова и современное изучение функционально-семантических категорий в тюркских языках Южной Сибири // Наследие Н. Ф. Катанова: языки, история и культура тюркских народов России (к 150-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 16–19 мая 2012 года, г. Абакан / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2012. С. 20–24.
3. Каримуллин А. Г. Н. Ф. Катанов – деятель книги // Историко-культурные связи народов Южной Сибири / Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории; редколл: В. Я. Бутанаев, Д. Г. Савинов, Я. И. Сунчугашев (отв. ред.). Абакан, 1988. С. 197–213.
4. Катанов Н. Ф. Библиография. Сведения о тюрках Енисейской губернии // Сибирский сборник (Приложение к журналу «Восточное обозрение»). 1887. С. 278–287.
5. Султанбаева К. И. Н. Ф. Катанов – выдающийся востоковед, педагог, просветитель // Педагогика. Научно-теоретический журнал. 2009. № 1. С. 72–82.
6. Султанбаева К. И. Н. Ф. Катанов – исследователь тюркских народов дореволюционной России // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011. № 3. Том 2. С. 170–175.
7. Чертыкова М. Д. Песенная лирика карагасов в переводе Н. Ф. Катанова // Основные тенденции развития алтаистики в изменяющихся мировоззренческих условиях: Материалы Международной научной конференции, посвященной 1150-летию российской государственности, 90-летию Ойротской автономной области, 60-летию Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. г. Горно-Алтайск, 26–30 июня 2012 г. Горно-Алтайск, 2012. С. 16–18.
8. Castrén M. A. Versuch einer Koibalisch-Karagassischen Sprachlehre. Koibalisch-Deutsches Wörterverzeichnis und Sprachproben des Koibalischen Dialectes. S. -Pb., 1857.
9. Castrén's Koibalisch-Deutsches Wörterverzeichnis und Sprachproben des Koibalischen Dialectes, neustranscribirt von N. Katanoff // Mélanges Asiatiques, tires du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St. -Petersbourg. 1885. Tome IX, livraison 2. P. 97–205.

© Каксин А. Д., Чебокчинова М. А., 2016

НАИМЕНОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В СААМСКОМ ЯЗЫКЕ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

П. В. Каменев

Научный руководитель: О. Н. Иванишева, д-р филол. наук, профессор
Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск

В ходе перманентно наступающего процесса глобализации уходит в прошлое традиционный уклад жизни коренных народностей, исчезают уникальные многовековые традиции. Чрезвычайно актуальной задачей современности является

сохранение культуры и языка малых коренных народов Российской Федерации, скрупулезное конспектирование всех сторон их традиционной жизни, поддержка их национального самосознания. В настоящей работе мы рассмотрим особенности лингвокультурологического восприятия саами традиционных музыкальных инструментов.

Ключевые слова: саами, кильдинский диалект, традиционные музыкальные инструменты, малые коренные народы Севера, лингвокультурология.

Саами – небольшой финно-угорский народ, населяющий территорию северных регионов континентальной Европы. В настоящее время представители данной народности проживают преимущественно в таких странах, как Швеция, Норвегия, Финляндия. В Российской Федерации саами компактно расселились на территории Кольского полуострова.

Надо оговорить тот немаловажный факт, что современные саами неоднородны в языковом и культурологическом аспектах, так как на протяжении долгого времени существуют чересполосно с пришлым, преимущественно индоевропейским, населением и находятся в состоянии сравнительной автономии от других популяции саами. Это, вкупе с древностью самого народа оказало значительное влияние на этнографическое разнообразие саами.

В рамках настоящего исследования мы будем опираться на кильдинский диалект, распространённый в центральной части Кольского полуострова и послуживший основой для формирования литературной нормы языка российских саами.

Дух языка и дух народа, безусловно, сплетены воедино и существуют в плотной симбиотической связи. Нельзя познать культуру и нюансы построения мыслительных конструкций целых наций, избегая детального изучения этнолингвистических лагун этих народов. Язык, порождаемый людьми, сам становится тем отточенным инструментом, который формирует картину миропредставления своих носителей. Отдельное слово, иноязычный аналог которого не составит труда найти в соответствующем словаре, может нести за собой определенный шлейф культурно коннотированных смыслов, которые будут невольно потеряны при переводе, таким образом будет утерян оттеночный смысл слова и, вместе с тем значительная часть отношения к реалий, которая за этим словом скрывается.

Метод концептуального, комплексного анализа лексики есть способ рассмотреть интеллектуальную образную оболочку, совокупность дополнительных смыслов, осознать разницу, скрывающуюся в культурологических оттенках восприятия одних и тех же реалий окружающего мира носителями различных культур. Одним из авторов таких концептуальных методик трактования лексики является Юрий Сергеевич Степанов, автор труда «Константы. Словарь русской культуры». В своей работе он трак-

тует лингвокультурологические концепты, как некие первоначала мыслительной деятельности, как «предмет эмоции, симпатии и антипатий, а иногда и столкновения» [5, с. 44]. В настоящей работе мы рассмотрим концептуальную модель осознания традиционной саамской стержневой погремущки, так называемой «шэрдэгк».

Обратившись к словарям саамского языка, можно с большой долей уверенности заявить, что слово «шэрдэгк» происходит от слова «шэрр», что переводится как «шуметь, греметь». Таким образом, мы наблюдаем, что этимологические конструкции происхождения слова в значительной мере идентичны, вопреки внушительной отдаленности друг от друга, как в саамском, так и в русском языках [2, с. 86].

Визуально инструмент представляет собой связку осколков оленьих рогов, присоединенных к деревянной или костяной основе небольшого размера. Способ звукоизвлечения заключался в сравнительно равномерных ударах элементов оленьих рогов друг о друга при циклических взмахах руки музыканта. Характерную для саамского народа музыкальность отмечали ещё самые первые этнографические миссии на Кольском полуострове.

Например, Николай Николаевич Харузин в труде «Русские лопари» пишет следующее: «Лопарь любит петь и поёт почти всегда, где только ему не мешает работа или суеверный страх перед божеством.

, во время своих путешествий он любит петь и поёт». Василий Иванович Немирович-Данченко отзываясь о саамской песенной культуре следующим образом: «Лопарка, сидевшая против меня за вёслами, запела, сначала тихо, про себя, а потом и громче... Звуки были чрезвычайно оригинальные. Гортанные, тихие, но в высшей степени монотонные, они не лишены своеобразной прелести». Он же писал: «Одной из причин, почему меня интересовала мурманская лопь, было усвоенное нашими учеными мнение, что у лопарей нет преданий, нет народной поэзии. Мне и до сих пор, несмотря на самые положительные данные, не верится, чтоб существовал, где б то ни было, народ без сказки и без песни. Такого племени нет, как нет чело-веческого организма без сердца» [1, с. 2].

Традиционные музыкальные инструменты саами имеют многовековую историю. В музыке находят свое отражение существующие в представлении народа образы внешнего и внутреннего миров, включаются глубинные ассоциативные механизмы восприятия действительности, воплощаются в звуке эстетические концепты мировосприятия этноса. Большой частью эти инструменты имитативны по отношению к миру природы, который окружал саами-оленевода: «На этом уровне наиболее ярко реализуется имитативная семантика гремящих, гудящих, щёлкающих и звенящих инструментальных тембров, которая проявляется как в воображаемом мифическом, так и в реальном звучании. Такие звучания либо олицетворяют стихии окружающего

природного пространства (гром, ветер), персонификация которых закреплена за определенным духом и божеством, либо связаны с конкретными обитателями мира фауны» [4, с. 6].

Помимо собственно эстетической функции, в музыкальный инструмент шэрдэгк заложена и воспитательная: соприкасаясь с ней, ребенок саами включается в мир взрослых, подчёркивает свою этническую идентичность. Таким образом, мы наблюдаем, что саамская погремушка шэрдэгк, состоящая из обломков оленьих рогов, несет в себе совокупность различных функций и дополнительных смыслов: с ее помощью можно аккомпанировать поюшему, она же может служить игрушкой ребенку, она же, имея звукоимитационную природу, на глубинном уровне ассоциируется с оленьим промыслом и, вероятно, могла отсылать к некоей обрядовой функции, посвященной религиозной практике почитания оленя.

Соответственно уровень семиотической, культурно кодифицированной значимости саамской погремушки из оленьего рога варьируется в зависимости от заданной исследователем модели трактовки вышеобозначенного предмета и может, таким образом, быть осознан в широком диапазоне: колеблясь от детской игрушки до служебного приспособления при отправлении религиозных практик.

Значимость многоуровневого восприятия действительности, проникнутой оттеночными акцентами восприятия культурных реалий, заключает в себе огромную практическую ценность для исследователя. И эта ценность начинает расти в большей мере, если речь идет о малочисленных, обладающих уникальной культурой, народах, таких, как саами.

Библиографический список

1. Керт Г. М. Саамские сказки / под ред. Г. М. Керта. Мурманск: Кн. изд-во, 1980. 316 с.
2. Куруч Р. Д. Соагкнэккь. Саамско-русский и русско-саамский словарь для начальной саамской школы: пособие для учащихся начальной школы / Р. Д. Куруч, И. В. Виноградова, Р. И. Яковлева. М., Мурманск: Мурманский сектор института языкознания Академии наук СССР, 1991. 110 с.
3. Немирович-Данченко В. И. Лопь белоглазая: из поездки в полярный край. 3-е изд. М.: Д. П. Ефимов, 1902. 203 с.
4. Соловьев И. В. Музыкальный журнал русского севера. № 3. Петрозаводск, 2015.
5. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
6. Харузина В. Н. Лопари: Очерк. СПб., 1902. 38 с.

© Каменев П. В., 2016

ФЛОРОНИМЫ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ХАКАССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

З. Е. Каскаракова
ХакНИИЯЛИ, г. Абакан

В статье рассматривается флоронимическая языковая картина мира. Лексика, отражающая растительный мир, связана с культурой народа и отражает особенности национального сознания. Модель мира, по верованию древних, связана с мировым деревом. Предание о мировом дереве славяне по преимуществу относят к дубу, а в хакасских сказаниях – это Пай хазың «Богатая роскошная береза». Концепт «дерево» дает нам возможность ознакомиться с коллективной мудростью народа, с его обычаями и берегами».

Ключевые слова: флоронимы, языковая картина мира, растительный мир, модель мира, концепт.

Лексика флоры относится к древнейшим пластам лексического фонда любого языка. В ней отражается степень практического и культурного освоения человеком окружающей природы. С этой точки зрения флористическая лексика дает благодатный материал для изучения исторических, географических, бытовых условий жизни конкретного народа, обусловленных особенностями его мировидения.

На протяжении всей человеческой истории растения имеют неоценимое значение для человека, предоставляя много того, что необходимо для его жизнедеятельности. Осваивая окружающий мир, и по-своему осмысливая его, человек выделял особенные свойства и признаки предметов, явлений процессов, давал им названия, которые закреплялись в языке и передавались из поколения в поколение. Нашим предкам приходилось запоминать множество разных растений: и полезных – пищевых, кормовых, лекарственных, пригодных для поделок, строительства, шитья одежды, обуви и для прочих нужд. Кроме того, сколько изобретательности нужно было проявить им, чтобы найти подходящие и запоминающие названия и эпитеты. Например, в хакасском языке название растения *сахчаң* от «крапива» – (букв. «жалящаяся трава», *сах-* «жалить» + словообразующий аффикс *-чаң*), *чил оды* «одуванчик» – (букв. «трава ветра», название мотивировано свойством легкосдуваемости семян растения).

Дифференциальные признаки лексем, отображающие растительный мир отражают различную степень детализации предметных сфер. Например:

1. Место произрастания деревьев и кустарников – *тайга* «таежное», *чазы* «степное», *арыг* «лесное», *таг* «горное», *пүк* «луговое», *сас* «болотное», *көл* «озерное».

2. Функция, назначения деревьев и кустарников – *азых* «кормовое», *декоративнай* «декоративное», *комнатадагы чахайахтар* «комнатные цветы».

3. Свойство деревьев и кустарников – *оо* «ядовитое», *им* «лекарственное», *чичең* «съедобное», *нимістіг* «плодовое».

4. По качеству – *хатыг* «твердое», *нымзах* «мягкое», *тадылыг* «сладкое», *хазалчыг* «колючее».

5. Внешний вид деревьев и кустарников – *сабаллыг агастар* «хвойные деревья», *пўрліг* «лиственные», *хачан даа кёк* «вечнозеленые».

6. По размеру – *чоон* «крупное», *пёзик* «высокое», *узун* «длинное», *хысха* «короткое», *оох* «мелкий», *кичіг* «маленький, небольшой».

Приведенные примеры показывают, что в структуру представления знаний о деревьях и кустарниках входят концепты, выделенные при ономастиологическом анализе, подчеркивающие признаки внешнего вида.

Растения играют большую роль в повседневной жизни человека. Особую роль в создании языковой картины мира играют лексемы с предметно-вещественным значением. Тематический класс «Наименования растительного мира» является информативным с точки зрения отражения картины мира. Э. В. Гафиятова в своей статье отмечает: «Лексика, отражающая растительный мир, национальную специфику, связана с культурой народа и отражает особенности национального сознания. Картина мира – реальное человеческое сознание. Мировидение каждого этноса воплощается в картину мира. Язык при этом выполняет миссию познавательного процесса» [2, с. 231].

Говорящие на разных языках могут иметь близкие концептуальные картины мира, в частности, концептосферы «Флора» и «Фауна». Обще-человеческое, национальное и личностное присутствует в концептуальной картине мира.

Концептуальная картина мира «привязана» к языку и преломляется через языковые формы, как концепт «дерево», присущий хакасской и русской культуре. По данным толкового словаря, *дерево* – многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону [5, с. 163].

Многие народы в древности были лесными жителями, а это послужило приданию деревьям сверхъестественной силы. Модель мира, по верованию древних, связана с мировым деревом. Предание о мировом дереве славяне относят к дубу. В памяти сохранилось сказание о дубах, которые существовали еще до сотворения мира. В народной сказке говорится про дуб, который вырос до самого неба и т. д. Почтительное отношение к дереву у разных этносов основано на вере в его целительную силу [2, с. 230].

Например, в хакасских сказаниях из деревьев упоминаются березы, лиственницы, сосны, осины, ивы и различные кустарники, как ракита «харгана». Часто встречается священное дерево – это *Пай хазың*, в переводе «Богатая роскошная береза». В ветках *Пай хазыңа* прячут души умерших богатырей, как правило, растёт она очень далеко. Добираться нужно до неё несколько суток, месяцев, даже годы с большими препятст-

виями. *Пай хазың* имеет эпитет *золотой* «алтын». Дерево бывает обычно старое, ветвистое.

В общих воззрениях хакасов наиболее властные и почти универсальные функции обрёл хозяин родовой горы, а из деревьев самая почитаемая – берёза. Переосмысленный образ его функционирует во многих мотивах сказаний. Каждый год весной и летом хакасы устраивали хозяину родовой горы «тайыг» – своеобразный обряд посвящения и жертвоприношения коня. Его главными фигурами и обрядовыми действиями в описании крупного хакасского тюрколога Н. Ф. Катанова являлись украшенная лентами береза, конь поставленный с северной ее стороны, закалывание белых ягнят, жертвенное поедание их мяса, разбрасывание костей, окропление аракой, присутствие наряженных девушек, угощение кобыльим молоком участников обряда [3, с. 555–556, 570–571].

В семейных обрядах хакасы приносили из леса березу, вырванную с корнями, вкапывали ее около юрты или в юрте, украшали лентами, имитируя связь дерева с землей-матерью. Следует отметить, что в узорах хакасской народной вышивки также можно найти изображения деревьев, трав, цветов, а праздничная одежда обязательно украшалась разноцветными узорами, т. е. ярким растительным орнаментом.

Анализ эпических произведений тюркских народов Сибири содержится в монографии Г. Г. Король, где автор пишет: «Дерево считалось таким же предком, прародителем, как гора, дух и божество. Оно было символом стабильности и реальной опорой в жизни народов, жизнь которых протекала в речных долинах, степных предгорных и горных местностях рядом с лесом, тайгой. Отмечается, что в языке мифологии и обрядности существует теснейшая связь человека (рода) и дерева (предка). Родовые группы имеют своим символом то или иное дерево (мифологические деревья – березы, тополя – есть почти в каждом эпическом сказании). Тем самым дерево становилось доминантным символом культуры, символом жизни как отдельного человека, так и всего рода» [4, с. 153].

Связь растений и человека (людей) привлекает исследователей, об этом пишут книги, статьи. В книге А. И. Семенов-Тянь-Шанской «Мир растений и людей» [6] рассказывается о значении растительного покрова (в особенности деревьев) для жизни всей планеты, и особенно человека. На примере лесов показано небрежное отношение людей к деревьям, негативное воздействие человека на растительность. Между тем для того, чтобы жизнь на Земле продолжалась, людям придется не только сохранить леса (деревья), но и увеличить их площадь и улучшить их производительность. Зеленый покров, создающий вместе с почвой пленку жизни и основу всей биосферы, создает благоприятные условия: кормит всех животных и человека, одевает его, очищает воздух, пополняет энергетические ресурсы Земли и т. д.

По мнению Ю. Н. Исаева «Деревья считаются плодами Матери-Земли, они рождены от брака Земли и Неба. Принадлежность к двум ми-

рам дает право дереву занимать важное место в значениях слов, словосочетаний и мифопоэтических представлениях всех этносов. Концепт «дерево» дает нам возможность ознакомиться с коллективной мудростью народа, с его обычаями и оберегами» [2, с. 231].

Таким образом, на протяжении всей человеческой истории растения имели неопределимое значение для человека, предоставляя много того, что необходимо для его жизнедеятельности. Растительный мир чрезвычайно разнообразен, многообразно его отражение в сознании человека в виде образов, концептов. Модель мира, по верованиям древних, связана с мировым деревом. Предание о мировом дереве славяне по преимуществу относят к дубу, а в хакасских сказаниях часто встречается *Пай хазың* – «Богатая роскошная береза». Участие флоронимов в формировании картины мира связано с духовным миром людей, их эмоциями, оценками и взаимоотношениями.

Библиографический список

1. Гафиятова Э. В. Фитонимическая языковая картина мира (на материале татарского и английского языков) // Вестник ЧГПУ. 2010. № 4.
2. Исаев Ю. Н. Фитонимы как составная часть языковой картины мира // Вестник Чувашского ун-та. Сер. Лингвистика 2012. № 1.
3. Катанов Н. Ф. Образцы народной литературы турецких племен. Т. 9. СПб, 1907.
4. Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.–Кемерово, 2008.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
6. Семенова-Тянь-Шанская А. И. Мир растений и людей. Л.: Наука, 1986. 173 с.

© Каскаракова З. Е., 2016

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ НОРМ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

М. А. Медведева

ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

В настоящее время в хакасском языке назревает необходимость пересмотра вопросов, касающихся диалектной базы литературного языка. В данной статье предпринимается попытка анализа некоторых грамматических форм сагайского диалекта хакасского языка.

Ключевые слова: хакасский литературный язык, сагайский диалект, качинский диалект, сагаизация, сагайцы.

Известно, что новые научно обоснованные рекомендации по проблеме диалектной базы литературного хакасского языка выработала вторая языковедческая конференция, проведенная в 1953 году. Решением этой конференции было: в дальнейшем хакасский литературный язык развивать на базе двух диалектов: качинского и сагайского.

Позже при установлении норм хакасского литературного языка продолжали учитываться особенности сагайского и качинского диалектов.

В одних случаях за основу литературного языка принимались нормы качинского диалекта, в других – сагайского, а в третьих параллельно допускались как сагайские, так и качинские варианты.

В настоящее время в хакасском языке назревает необходимость пересмотра некоторых вопросов, касающихся диалектной базы литературного языка. Эта необходимость возникла в связи с изменением количественного соотношения носителей качинского и сагайского диалектов в пользу сагайского, что выявлено профессором Сибирского федерального университета, доктором исторических наук В. П. Кривоноговым и показано в его книге «Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы». Автор указывает, что в последние десятилетия в составе хакасского народа отмечается устойчивая тенденция доминанции сагайского субэтноса при снижении численности качинцев, кызыльцев и шорцев [3, с. 54].

По его данным, в 1987 году сагайцы составляли 68,1 % хакасского населения, качинцы – 20,6 %, кызыльцы – 4,2 %, шорцы – 4,9 %.

По данным 2007 года эти цифры изменились следующим образом: сагайцы – 71,7 %, качинцы – 16,5 %, кызыльцы – 4,1 %, шорцы – 5,6 %.

Как мы видим, существенное изменение произошло в пользу носителей сагайского диалекта.

Изменение количественного соотношения носителей диалектов хакасского языка в пользу сагайского привело к несоответствию хакасского литературного языка, базировавшегося главным образом на качинском диалекте, современному разговорному языку, основанному на сагайском диалекте. Это несоответствие вызывает недоумение у журналистов, выпускающих единственную в республике газету на хакасском языке, работников радио и телевидения, редакторов национального издательства, наконец, писателей, так как все понимают, что абсолютное большинство читателей газеты «Хабар», книг на хакасском языке, слушателей хакасского радио и телезрителей национальных программ составляют сагайцы.

В результате этой тенденции происходит довольно заметный процесс стихийной «сагаизации» языка хакасской печати, радио и телевидения, художественной литературы, что приводит к разрыву между нормами, зафиксированными в словарях и грамматиках 80-х и 90-х годов, и языком нынешней печати.

Этот разрыв поставил в затруднительное положение также и учителей хакасского языка, составителей нового поколения учебников родного языка. Остро встал вопрос: учитывать ли в новых словарях, учебниках, учебных пособиях сагайские диалектизмы, массово входящие в хакасский литературный язык.

Создавшаяся языковая ситуация вынуждает исследователей хакасского языка, занимающихся проблемами формирования его литературной формы, по-новому, диалектически посмотреть на проблему диалектной

базы современного хакасского литературного языка и обсудить возможные направления нормализации государственного языка.

Кодифицированные грамматические нормы хакасского языка представлены в научной Грамматике хакасского языка, выделяющейся в качественном отношении из всей имеющейся научной и учебной литературы, в апробированных специалистами, обсужденных на методических советах и утвержденных Министерством образования школьных грамматиках и учебно-методических пособиях, а также в словарях. Стабильные школьные и вузовские учебники играют огромную роль в оптимизации и укреплении грамматических норм литературного языка, и в значительной мере благодаря им литературные нормы распространяются все шире, становятся общенациональным явлением.

Специфические особенности хакасских диалектов и их говоров составляет наличие в них разных вариантов или разных типов аффиксов, выражающих одни и те же грамматические категории. Особенно отчетливо просматриваются эти различия при сравнении парадигм склонения именных частей речи в диалектах и в литературном языке.

Одни грамматические формы являются общими для всех диалектов, и они стали нормой литературного языка, другие, наоборот, отличаясь от соответствующих форм по значению, продолжают функционировать лишь в рамках диалекта [1, с. 70].

Посмотрим аффиксы категории именной сказуемости в таблицах.

Таблица 1

Форма именной сказуемости в хакасском литературном языке

Единственное число		Множественное число	
<i>Мин</i> «я»	-бын/-бін -пын/-пін -мын/-мін	<i>Пис</i> «мы»	-быс/-біс -пыс/-піс -мыс/-міс
<i>Син</i> «ты»	-зың/-зің/ -сың/-сің	<i>Сіпер</i> «вы»	-зар/-зер -сар/-сер
<i>Ол</i> «он»	–	<i>Олар</i> «они»	–

Таблица 2

Форма именной сказуемости в сагайском диалекте

Единственное число		Множественное число	
<i>Мин</i> «я»	-бын/бін -пын/-пін -мын/-мін <u>-зым / -зім</u> <u>-сым / сім</u>	<i>Пис</i> «мы»	-быс/-біс, -пыс/-піс, -мыс/-міс, <u>-зыбыс/-зібіс</u> <u>-сыбыс/-сібіс</u>
<i>Син</i> «ты»	-зың/-зің/ -сың/-сің	<i>Сіпер</i> «вы»	-зар/-зер -сар/-сер
<i>Ол</i> «он»	–	<i>Олар</i> «они»	–

Как видно из таблиц, аффикс именной сказуемости 1-го лица ед. числа *-мын/-мін, -бын/-бін, -пын/-пін*, принятый как норма в литературном языке, в сагайском диалекте представлен вариантами *-зым/-зім, -сым/-сім*, что является результатом действия закона аналогии с аффиксом 2-го лица *-зың/-зің, -сың/-сің*. Такое оформление 1-го лица именного сказуемого нередко встречается в речи носителей диалекта.

Кроме того, нужно указать, что в говорах сагайского диалекта, в отличие от литературного хакасского языка, в 1-ом лице ед. числа к одной и той же основе могут присоединяться разные варианты аффиксов; например: *мін сагаймын, сагайбын, сагайзым* «я сагаец».

В 1-м лице мн. числа так же, как и в ед. числе, в устной речи могут употребляться параллельно аффиксы то диалектные: *-зыбыс/-зібіс, -сыбыс/-сібіс*, то литературные: *-быс/-біс, -пыс/-піс*. Обычными для говоров являются и формы *сагайзыбыс* и *сагайбыс* «мы сагайцы».

Таким образом, аффиксы сказуемости 1-го лица единственного и множественного чисел в сагайском диалекте имеют отвергнутые литературным языком варианты: 1-е л. ед. ч. *-зым/-зім, -сым/-сім*.

Большинство сагайцев и даже хакасские писатели в своих произведениях, несмотря на отсутствие в нормативных грамматиках варианта *-зым/-зім*, продолжают его использовать. Например: – *Мін саблыг, чап хамзым, мінің сөзімнең чир алтына түс* (ВК, КТ, 54) «Я известный, хищный шаман, от моих слов провалился под землю»; *Мін арғаас нимессім, мін палыхчызым, – нандырча Хал Петке* (ГК, ПАО, 75) «Я не лентяй, я рыбак, – отвечает Хал Петке».

В данных примерах слова *хамзым, палыхчызым* употреблены с диалектным вариантом аффикса категории сказуемости в 1-м л. ед. ч. *-зым* вместо литературных словоформ: *хаммын* «я шаман», *палыхчыбын* «я рыбак».

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, при склонении некоторых местоимений происходит изменение звукового состава их корня. Например, личные местоимения 1-го и 2-го лица *мін* «я» и *син* «ты» в дательном падеже имеют форму *магаа* «мне» и *сагаа* «тебе». В сагайском же диалекте вместо литературных *магаа, сагаа* широко употребляются формы *мегее* (*меге*), *сегее* (*сеге*). Следует отметить, что формы *магаа* и *сагаа* свойственны только качинскому диалекту.

Личное местоимение 2-го лица множественного числа *сірер* «вы» в сагайском диалекте имеет форму *сілер*, которая также находит широкое употребление в речи носителей диалекта и в художественных произведениях писателей.

Примеры: – *Сілерден, чолда даа учурап, аннаңар сурачаң полгам* (ФБ, ТО, 55) «– Я даже при встрече справлялся у вас о нем»; – *Көргем мін сілер осхастарны* (АХ, А, 107) «– Видел я таких, как вы»; – *Пок, сілерді*

хайди итчең (АЧ, ПТ, 33) «– Ох, что же с вами делать»; *Айна пілер сілерді* (ВШ, СС, 138). «– Черт вас знает».

Правомерность сагайских вариантов указанных личных местоимений также отмечает О. П. Шульбаев в своей статье: «*Сілер*, по мнению отдельных учёных, восходит к древнетюркскому *сі* – ты. При склонении местоимений *мин*, *син* смущает изменение слова с мягким согласным в слово с твердым согласным: *мин+га*, *син+га*. Но ведь в хакасском языке, если слово заканчивается на мягкий гласный, к нему прибавляется аффикс тоже с мягким гласным. В нашем случае должно было быть: *мин+ге*, *син+ге*. Поэтому слова *меге*, *сеге* в сагайском диалекте более правомерны с точки зрения хакасской фонетики» [4, с. 16].

Следовательно, формы личных местоимений, как нам думается, должны быть узаконены в хакасском литературном языке.

Как известно, глагол является частью речи с наиболее сложной морфологической структурой, которая в каждом диалекте хакасского языка имеет свои отличительные особенности. Поэтому из этого обилия диалектных вариантов аффиксов с одним и тем же значением отобрать наиболее приемлемые для литературного языка – проблема достаточно сложная. На заре формирования хакасского литературного языка при отборе глагольных форм, прежде всего предпочтение отдавалось формам сагайского и качинского диалектов. Как отмечалось выше, в одних случаях в качестве литературной нормы принимались формы качинского диалекта, в других – сагайского, а в-третьих, допускалось параллельное употребление как сагайского, так и качинского вариантов.

Так, например, в качинском диалекте хакасского языка, единственный вариант аффикса настоящего времени *-ча* употребляется как с твердыми, так и с мягкими основами. Относительно этой формы в литературном языке было принято решение использовать два варианта в соответствии с законом гармонии гласных: с твердыми основами – качинский *-ча*, с мягкими основами – сагайский *-че*.

В речи носителей сагайского диалекта и в произведениях писателей нередко можно встретить употребление вместо нормативного аффикса 1-го лица единственного числа *-бын/-бін* его стяженный вариант *-сым/-сім*, характерный лишь для сагайского диалекта: – *Оліміме мин поэым хыырчы ыспассым* (АЧ, ПТ, 103) «– За своей смертью я сам гонцов посылать не стану»; *-Чох, мин андар чөрбессім* (НТ, ТКÖ, 49) «– Нет, я туда не буду ходить»; – *Паза мин аннаң чуртабассым* (ВШ, СС, 189) «– Больше я с ней жить не буду»; – *Мин андагох саблыг поларчыхсым* (НТ, КК, 57) «– Был бы я такой же знаменитый»; *Тас сымалирында Петкее олох чит полбассым* (ГК, ПАО, 65) «– В кидании камня все равно мне за Петкой не угнаться»; *Азахта тур полчатырзым, че чочынчатырзым* (ГК, ПАО, 95) «Я, оказывается, на ногах мог стоять, но боялся»; *Мин андада иледе хо-*

май полыбыстырзым (ГК, ПАО, 94) «Говорят, мне тогда стало очень плохо»; *Позым андаг киректи пилбесчиксим* *де* (ГК, ПАО, 91) «Я сам об этих делах не догадался бы».

Сагайский аффикс 1-го лица единственного числа *-сым/-сім* является результатом действия закона аналогии. Он возник под влиянием аффикса 2-го лица единственного числа *-сың/-сің, -зың/-зің: парбассың* «не пойдешь», *көрерзің* «увидишь».

С точки зрения общих тенденций развития аффиксальной системы не только хакасского языка, аффикс *-сым (-сім, -зым/-зім)* является более прогрессивным, чем аффикс *-бын/-бін*.

Такие усечённые варианты аффиксов имеют место и в других временных формах. Например, аффикс будущего времени *-ар/-ер* часто утрачивает свой конечный согласный *р*. Вместо *көрербін* сагайцы говорят *көрөм* «буду смотреть», *аларбын – алам* «возьму».

Парадигма повелительного наклонения в хакасском литературном языке отличается от других наклонений:

Единственное число	Множественное число
1 л. <i>алим, көрим</i>	а) <i>алибыс, көрибіс;</i> б) <i>алаан, көреен;</i> в) <i>алаанар, көреенер.</i>
2 л. <i>ал, көр</i>	<i>альнар, көрінер</i>
3 л. <i>алзын, көрзін</i>	<i>алзыннар, көрзіннер</i>

В сагайском же диалекте хакасского языка во множественном числе 1-го лица вместо литературного аффикса *-аанар/-еенер* употребляется *-алар/-елер*. Эту диалектную форму очень часто можно услышать в речи ведущих хакасского телевидения и радио и увидеть в художественных произведениях писателей, а также в статьях журналистов национальной газеты «Хабар».

Литературную форму можно слышать только в речи носителей качинского диалекта хакасского языка.

Примеры:

Поляк теербенінче түзеелер (КН, КХ, 49) «Давайте спустимся по мельнице поляка»; *Чарасха кіріп алаалар* (КН, КХ, 50) «Давайте пойдём на мировую»; *Худай көрер. Худайга ла матап пазырлар* (КН, КХ, 61) «Бог увидит. Давайте только Богу молиться будем»; *Че тайгазар парыбызалар* (МТ, ПТ, 103) «Ну давайте уйдём в тайгу».

Из вышеприведённых примеров видно, что диалектные формы 1-го лица множественного числа *түзеелер* «давайте спустимся», *кіріп алаалар* «давайте зайдем», *пазыралар* «будем молиться», *парыбызалар* «давайте уйдём» употреблены вместо литературной формы на *-аанар/-еенер*.

При этом диалектная форма *-аалар/-еелер, -алар/-елер* используется исключительно писателями и журналистами, которые являются носителями сагайского диалекта.

Профессор В. Г. Карпов говорит о возможности параллельного употребления этих аффиксов: *-аңар/-еңер, -алар/-елер* [2, с. 29].

Таким образом, необходимо отметить, что в данной статье мы высказали некоторые соображения о признании отдельных морфологических диалектных вариантов в качестве литературных:

1) *кізізім, палазым, кізізібіс, палазыбыс* вместо *кізібің* «я человек», *палабың* «я ребенок», *кізібіс* «мы люди», *палабыс* «мы дети»;

2) *мегее, сегее, сілер* вместо литературных *магаа* «мне», *сагаа* «тебе», *сірер* «вы»;

3) *паралар, килелер, идеелер, одыралар* вместо *парааңар* «давайте пойдём», *килееңер* «давайте приходите», *идееңер* «давайте будем делать», *одырааңар* «давайте садиться»;

4) *парбассым, итпессім, чоохтабассым, чуртабассым* вместо *парбасың* «не пойду», *итпесің* «не буду делать», *чоохтабасың* «не буду говорить», *чуртабасың* «не буду жить»;

5) *парам, идем, пөгем* вместо *парарбың* «пойду», *идербің* «буду делать», *пөгербің* «буду решать».

В заключении отметим, что в ближайшем будущем следует глубже разобраться в этой ситуации и сделать определенные выводы по нормированию хакасского языка. Наблюдается стихийная сагаизация литературного языка, заключающаяся в замене качинских форм сагайскими, не отраженными в нормативных словарях и грамматиках.

Библиографический список

1. Грамматика хакасского языка / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 148 с.
2. Карпов В. Г. Хакас тілінде күстечен наклоненинің пілдірілчеткені паза тузалары // Ежегодник института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Выпуск VI. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2002. С. 29–34.
3. Кривоногов В. П. Хакасы. Этнические процессы во второй половине XX века. Абакан: ТОО «Центавр», 1997. 144 с.
4. Шулбаев О. П. К вопросу о хакасской орфографии // Ежегодник института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Выпуск II. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 1998. С. 11–20.

Список сокращений

1. ГК, ПАО – Г. Казачинова. Пістін аалның олғаннары. Чоохтар. Абакан, 1991.
2. ФБ, ТО – Ф. Бурнаков. Тигір оды. Повесть. Абакан, 1977.
3. АХ, А – А. Халларов. Акай. Повесть. Абакан, 1984.
4. АЧ, ПТ – А. Черпаков. Пай тирек. Повесть. Абакан, 1981.
5. ВШ, СС – В. Шулбаева. Сарналбаан сарын. Пьесалар. Абакан, 1985.
6. НТ, ТКӦ – Н. Тиников. Тіріг кізі ѓлбечен. Повесть. Абакан, 1982.
7. НТ, КК – Н. Тиников. Кавристің көглері. Повесть. Абакан, 1977.
8. КН, КХ – К. Нербышев. Кӧгім Хорымнарда. Роман. Абакан, 1983.

© Медведева М. А., 2016

СИМВОЛИКА РИТУАЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ ВЕСЕННЕ-ОСЕННЕЙ ОБЯДНОСТИ АЛТАЙЦЕВ

Н. Р. Ойноктинова

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск

Статья посвящена символике ритуальных предметов весенне-осенних обрядов жертвоприношения духам-хозяевам Алтая. Объектами семиотического осмысления стали ритуальные предметы и пища. Символизация служит организации сакральных смыслов обряда.

Ключевые слова: предметный код календарного обряда алтайцев, обряд жертвоприношения духам-хозяевам.

В данной статье мы рассмотрим символику ритуальных предметов современного обряда поклонения Алтаю. Материалом исследования послужили полевые видеозаписи календарных обрядов жертвоприношения духу-хозяину Алтая, зафиксированных весной и осенью 2015 г. в Кош-Агачском и Чемальском районах Республики Алтай.

Существуют два названия обряда: первое – *Алтай көдүрери* означает ‘возвышать, возносить Алтай’, второе – *Алтай такыры* ‘приносить жертву Алтаю’. В существующих словарях алтайского языка глагол *такты* = не зафиксирован. В бурятском языке *тахиха* обозначает: 1) *рел.* приносить жертву, совершать жертвоприношение, совершать религиозный обряд; *дээжээр тахиха* приносить в жертву первый кусок пищи, напитка; *хонёор тахиха* приносить в жертву отцу; 2) *перен.* холить, улаживать [3, с. 235]. Так, глагол *такты* = передает значение ‘приносить жертву, совершать жертвоприношение, совершать религиозный обряд’.

Важным когнитивным смыслообразующим механизмом в обряде выступает символизация. Данный способ организации обряда задействован во временном, пространственном, предметном, акциональном кодах. Объектами семиотического осмысления становятся ритуальные предметы, в частности пища, время проведения, организация места проведения, последовательность действия участников обряда.

Материальный предмет – это не просто «вещь», но, в первую очередь, знак, с помощью которого выражается определенный символический смысл. В обряде возвышения Алтая важную функцию выполняют предметы: это ритуальные ленточки и пища, приносимые в жертву. Чтобы заслужить благосклонность духов люди совершают жертвоприношения, на деревья развешивают ленточки (*жалама* или *кыйра*) и адресуют духам-хозяевам и верховному божеству Алтая *алкыш*. Ритуальных ленточек на каждого человека должно быть в четном количестве, т. е. соблюдается принцип парности. Мольты и просят долю не только для себя, но и для своих ближних.

Термин *кыйра*, видимо, восходящий к *kīō- ‘делать что-либо по краю; срезать наискось’ [4, с. 199], обозначает кусок ткани, отрезанный с краю, используемый в обрядах.

Происхождение же слова *жалама*, возможно, как-то связано со словом *жал* 'грива' (лошади). Так как в старину, если не было ткани, алтайцы привязывали оторванный пучок волос с гривы лошади. Ее привязывают к веткам березы, лиственницы в знак почитания духов-хозяев тайги, гор, небесного источника и др.

«Этимологический словарь тюркских языков» даёт следующие сведения по слову ЙАЛАМА: алт. *дыалама*, хак., тув. *чалама*, шор. *чалаба/йалаба*, як. *салама* имеет значения: 1. священная веревочка, растянутая между березами с двадцатью тряпочками, из коих средняя имеет вид животного – Верб., Р III (тел.), Р III 1879 (шор.); узкая полоса материи или шнурок с белыми и красными лентами, растянутые между двух берез около жертвенника – алт.; шнур из конского волоса; волосная нить с нанизанными на нее дарами добрым и злым духам – як.; тетива, протягиваемая при шаманстве – як.; 2. лента – алт.; шаманская лента – хак., саг.; ленты и тряпки, привязанные к колотушке шамана – Р III 164 (тел.); ленты на колотушке шамана – Р III 1891 (шор.); подвесок у колотушки для бубна шамана – верб.; шаманская лента – хак. уст.; разноцветные ленты (на шаманской одежде и священных предмета) – тув. уст.; 3. предмет жертвоприношения, жертва (трость, кнут, тряпки, пучок волос и т. п.), вешаемая на деревьях или бросаема на землю – як.; дерево с зарубками, к которому привязывают жертвуемое животное – як. [4, с. 99]. В других тюркских языках, в частности огузских и некоторых кыпчакских, ЙАЛОВ турк. диал., йалав тат. диал., чув., жалау кир., жалав каз., ккалп. обозначает 'флаг, знамя, знаменное полотно' [4, с. 99].

Цвета жертвенных ленточек также символичны. Как правило, в обряде используют *жалама* разных цветов, олицетворяющих важные для человека понятия: *ак* 'белый' – цвет чистоты, чистых помыслов; *чанкыр* 'голубой' – символ гармонии, согласия и спокойствия, воплощение доброты, верности, бесконечности; *сары* 'жёлтый' – цвет веры, просветления; *жажьыл* 'зеленый' – символ цветущей земли, плодородия, пробуждения, плодородия, умножения и достатка, постоянства и неизменности, тепла, жизни.

Для кормления духов Алтая в жертву приносят самую лучшую, свежую, никем не испробованную пищу. Такая ритуальная пища называется *аш-курсақтың теејизи*. Лексема *тееји*, видимо, восходит к монгольскому *дээжэ* 'лучшая часть, лучший кусок, лучшее в пище, «сливки», «пенка» [3, с. 236]. Важным в понятии является символизирующий признак «лучший, свежий». Если это молоко, то оно должно быть надоенное утром, никем еще не отпитое (Сааганнын теејизи / Санааганнын уткуулы! / Алтын отко уткулзын! [1, с. 22] 'Самое лучшее из надоенного [молока], / Угощение для задуманного! / Для золотого огня угощение!').

В качестве жертвы алтайцы обычно приносят вареное мясо белого барана или овцы, *талкан* 'толокно из ячменя', *теертпек* 'лепешки', а также молочные продукты: *сүт* 'молоко', *быштак* 'сыр', *саржу* 'масло'. Молоко используется для ритуального окропления жертвенников (*сүтле үрүстеери*). Это тот набор продуктов, которыми питались предки, соответственно, считается, что духам-хозяевам и божествам угодна именно эта пища. В качестве жертвы божеству отдельно преподносится голова барана, называемая специальным термином – *парылга* 'жертва'. Это слово встречается в материалах по шаманству алтайцев А. В. Анохина [2, с. 2]. Голова жертвенного барана символизирует мужское начало. Баран как вожак овечьего стада, предводитель овец стал символом почета, достатка, богатства. Такое представление связано с тем, что овцеводство играло большую роль у скотоводческих народов.

Для этих обрядов специально из сыра (*быштак*) вырезают символические фигурки (*шапра*) тех предметов, которых человек желает обрести в будущем. Как правило, в знак богатства и достатка пищи деревенские жители делают фигурки домашних животных. Для окропления молоком, как правило, используются пиалы и ложки, желательны деревянные, предназначенные для обрядовых действий.

Участники должны быть одеты в традиционную одежду, поскольку «своя» одежда является неким идентифицирующим компонентом этнического самосознания. Женщины должны быть одеты в *чегедеки*, а мужчины в национальные шубы-*тон*. Головы как у мужчин, так и женщин, должны быть покрыты. Многие алтайцы предпочитают одевать меховые шапки, сшитые их лисьих лапок.

Кратко подытоживая рассмотренное, отметим, что для всех наименований пищи, подносимой духам-хозяевам, характерен оценочный компонент 'лучший, свежий'. Для ритуала предпочтительны натуральные мясные и молочные продукты. Символические смыслы несут в себе цвета жертвенных ленточек, олицетворяющих важные для человека понятия.

Библиографический список

1. Алтай алкыштар (Алтайские благопожелания) / сост. К. Е. Укачина, Е. Е. Ямаева. Горно-Алтайск: Изд-во «Ак Чечек», 1993.
2. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. Репринтное издание.
3. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. (Собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии / предисл. С. Е. Малова. Л., 1924. 152 с.
4. БРС – Бурятско-русский словарь в двух томах / Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Т. II. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008.
5. ЭСТЯ – Севортян Э. В., Левитская Л. С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы 'Ж', 'Ж', 'Й' / Авт. сл. статей Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. М., 1989.

© Ойноткинова Н. Р., 2016

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ¹

К. А. Покоякова

ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

В статье предлагается анализ особенностей стереотипов фемининности и маскулинности в языковом сознании носителей хакасского языка на основе материалов, полученных в ходе пилотажного свободного ассоциативного эксперимента. Выявлены и систематизированы «типичные» и «нетипичные» гендерные стереотипы.

Ключевые слова: языковое сознание, гендер, гендерный стереотип, ассоциативное поле.

В настоящее время в отечественных лингвистических и психолингвистических исследованиях наблюдается повышенный интерес к изучению гендерных стереотипов (ГС). ГС являются частным случаем стереотипов. Они закрепляют различную информацию о женщинах и мужчинах: их поведении в обществе, моральных характеристиках, черт характера, взаимоотношений, взглядов и т. д.

Специфика конкретной этнической культуры, проблемы в политической, экономической и других сферах определяются в значительной степени тем, как социум структурирован в гендерном аспекте. Социальная характеристика базовой для человеческой культуры оппозиции «мужское/женское» представлена в ГС – «культурно и социально обусловленных мнениях о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражении в языке» [3, с. 156].

Человеческое мышление структурирует окружающий мир и образ человека через посредство различных бинарных оппозиций: *жизнь/смерть, сильный/слабый, хорошее/плохое* и т. д. Исследования, проводимые на материале бинарных противопоставлений [1, 4 и др.], выявляют коррелятивное противопоставление их компонентов друг другу или так называемую двучленность бинарного противопоставления [1, с. 59].

Данная статья посвящена выявлению ГС в языковом сознании (ЯС) носителей хакасского языка. В качестве материала исследования выступают данные, полученные в 2013–2015 гг. при помощи свободного ассоциативного эксперимента (САЭ). Бинарная оппозиция *ip kizi/unči kizi* составила основу эксперимента и предлагалась респондентам в качестве стимульных слов. Анализ структурного и содержательного планов сформированных ассоциативных полей антонимической пары *IP KIZI/IPČI KIZI*, позволил выявить ГС в хакасском ЯС.

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ (Проект №15-04-00156).

Анализ ГС проводится с учётом разделения всего ассоциативного материала на 4 группы гендерных стереотипов (ГС) в соответствии со следующей классификацией: 1. ГС «Внешность». 2. ГС «Внутренние качества». 3. ГС «Семейные роли». 4. ГС «Социальные роли». Ассоциативное поле *ИР КІЗІ* условно обозначено как *поле маскулинности* и ассоциативное поле *ИПЧИ КІЗІ* – *поле фемининности*.

Итак, рассмотрим полученные ГС.

ГС «Внешность»

Описание мужской внешности сводится к следующим ГС, отмеченным как женскими, так и мужскими респондентами: «күстіг» ‘сильный’ (12,3 %ж¹, 8 %м), «алып» ‘алып, мускулистый’ (2 %) и *pözik* ‘высокий’ (0,3 %ж; 0,6 %м).

Указание на мужскую красоту, наличие волос и бороды представлено только в мужских ответах: «абахай» ‘красивый’ (2 %м), «сас, сагал» ‘волосы, борода’ (0,6 %м).

В восприятии хакасской женщины высокую актуальность приобретает её внешняя красота с примерно одинаковыми показателями женских и мужских ответов: ГС «абахай» ‘красивая’ (9,2 %ж; 8,4 %м). Следует отметить, что среди физических характеристик-индикаторов красоты женщины актуальны, по мнению мужчин и женщин-респондентов, её длинные волосы: *узун сас*, *узун састыг*, *сүрмес*. Реакция *сүрмес* свидетельствует о сохранении в хакасской культуре традиционного архетипа женской красоты.

Среди женских атрибутов называются предметы женской одежды и аксессуаров – ГС «ипчи кизинің кип-азаа» (1,2 %ж; 0,6 %м). Присутствуют слова-реакции, обозначающие элементы национальной одежды хакасской женщины: *пого* (нагрудное женское украшение) и *сигедек* (женский жилет из тонкого сукна с вышитым по подолу орнаментом).

ГС «Внутренние качества»

Хакасский мужчина наделён смелостью – «махачы» ‘смелый’ (3,5 %ж, 3,2 %м). Интеллектуальные способности мужчины имеют более высокую значимость в ЯС женских респондентов: «хыйға» ‘умный’ (1,6 %ж; 0,6 %м). В то же время среди женских ответов обнаруживается противоположный стереотип «сағыс чох» ‘глупый’ (0,3 %ж).

По мнению мужских информантов, мужчина наделяется твёрдым («хатыг» (1,3 %м) и ласковым («паарсах» (0,3 %м) характером, имеет чувство юмора («күлкістіг» (0,6 %м). В сознании женских респондентов

¹Для каждого слова-стимула было образовано по два (женский и мужской) массива. В скобках указана частотность встречаемости слова. Для женских реакций используется обозначение *ж*, для мужских – *м*. При одинаковом количестве женских и мужских реакций указывается только их частотность без гендерной дифференциации.

мужчина имеет вспыльчивый («табырах») (0,6 %ж), надёжный («ізестіг») (0,3 %ж) и спокойный («амыр») (0,3 %ж) характер, бывает ленив («аргаас») (0,3 %ж) и болтлив («тілбіреес») (0,3 %ж).

Вопрос об умственных способностях женщины является определяющим для женских респондентов: «хыйға» ‘умная’ (8 %ж; 2 %м). Доля женских позитивных автостереотипов¹ превышает долю мужских реакций на 6 %. Мужчины-респонденты также ассоциируют женщину с хитростью, лукавством: «көйтік» ‘хитрая, коварная’ (3 %м).

В поле фемининности также обнаруживаются следующие общие авто- и гетеростереотипы: «иптіг» ‘аккуратная’ (2 %ж; 1,8 %м), «амыр» ‘спокойная’ (1,2 %ж; 0,9 %м), «ынағлығ» ‘дружелюбная’ (0,9 %ж; 1,2 %м), «ус ипчі» ‘рукодельница’ (0,6 %ж; 0,3 %м), «көркіліг» ‘эмоциональная’ (0,3 %ж; 0,3 %м). Среди мужских ответов обнаруживаются такие ГС как «паарсах» ‘ласковая’ (0,6 %м) и «нымзах чүректіг» ‘добрая’ (0,6 %м).

ГС «Семейные роли»

Среди ведущих ГС в данной группе выделяются «паба» ‘отец’ (6,5 %ж; 6 %м) и «іче» ‘мать’ (14,3 %ж, 13,4 %м). Характерной особенностью восприятия мужчины и женщины носителями хакасского языка является то, что они находятся в тесном кругу родственников – ГС «туғанчағыннар»: данный стереотип в поле маскулинности имеет одинаковый показатель в 6 % авто- и гетеростереотипов, в поле фемининности занимает 4,3 % женских и 4,6 % мужских ответов.

Кроме того, хакасский мужчина наделяется ролью мужа – ГС «ірі» (0,3 %), и главы семьи, дома – ГС «иб ээзі» (0,6 %ж; 1,3 %м). Хакасская женщина, в свою очередь, исполняет роль жены – ГС «ипчізі» (3 %ж; 4 %м), и домохозяйки – «иб ээзі» (3 %; 2,5 %м).

Сохраняется традиционное представление хакасов о роли женщины в ведении домашнего хозяйства, представленное 8 % мужских реакций и 6 % женских. Женские ассоциации отличаются большим разнообразием: *иб ээзі, тура, чылыг иб, ибде хайынча, иб аразында хайынарга, ас-тамах, ідіс-хамыс, чиис хайнатча, хайынчах*. Только три из этих реакций представлены в частотных ответах мужских информантов: *тура, ас-тамах, ідіс-хамыс*.

ГС «Социальные роли»

В данной группе выделяется следующий общий ГС в поле маскулинности: «тоғынчы» ‘работник, добытчик’ (4,2 %ж; 7 %м). Ассоциативная связь «мужчина – добытчик» является более представленной в

¹ В нашем исследовании под автостереотипом мы понимаем представления женских или мужских респондентов о самих себе, и наоборот, гетеростереотипы отражают представления мужских информантов о женщинах и женских респондентов о мужчинах.

мужских реакциях, в которых также обнаруживается значимость трудовой деятельности мужчины. Мужские респонденты также выделяют ГС «арачылаҕчы» ‘защитник’ (1,6 %м). Женские информанты надеются на мужчину лидерскими способностями – «устаҕчы» ‘начальник’ (0,3 %ж).

В поле фемининности представлен 1 ГС «тоҕынчы» ‘работница, добытчица’ (1,5 %).

Составим рейтинг выделенных ГС с учётом критерия типичности и нетипичности их атрибутирования мужчинам и женщинам¹ [3] (см. рис. 1, 2).

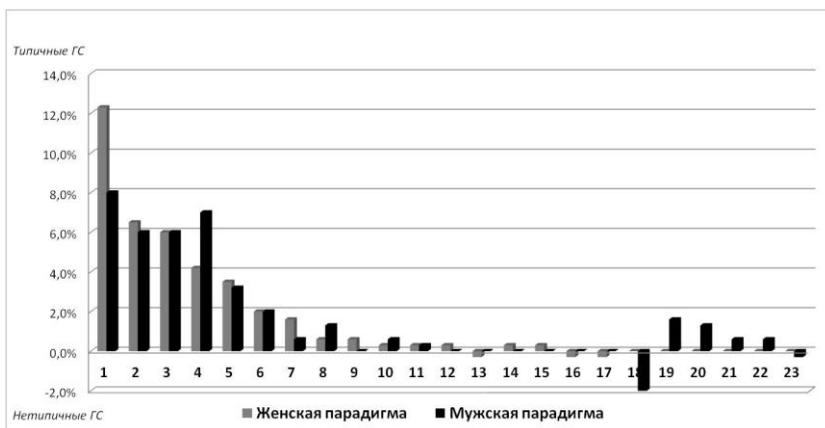


Рис. 1. Поле маскулинности в хакасском языковом сознании

Типичные ГС: 1) «күстiг» – «сильный»; 2) «паба» – «отец»; 3) «туҕан-чаҕыннар» – «близкие родственники»; 4) «тоҕынчы» – «работник, добытчик»; 5) «махачы» – «смелый»; 6) «алып» – «мускулистый»; 7) «хыйҕа» – «умный»; 8) «иб ээзи» – «глава семьи»; 9) «табырах» – «вспыльчивый»; 10) «пбзiк» – «высокий»; 11) «ири» – «муж, возлюбленный»; 12) «устаҕчы» – «начальник»; 14) «кiзестiг» – «ответственный»; 15) «арҕаас» – «ленивый»; 19) «арачылаҕчы» – «защитник»; 20) «хатыҕ» – «безэмоциональный»; 21) «күлкiстiг» – «шутливый»; 22) «сас, саҕал» – «волосы и борода».

Нетипичные ГС: 13) «амыр» – «спокойный»; 16) «тiлбiреес» – «болтливый»; 17) «саҕыс чох» – «глупый»; 18) «абахай» – «красивый»; 23) «паарсах» – «ласковый».

Судя по рисунку 1, поле маскулинности включает в свой состав 23 гендерных стереотипа:

– 10 общих женских и мужских ГС: «күстiг», «паба», «туҕан-чаҕыннар», «тоҕынчы», «махачы», «алып», «хыйҕа», «иб ээзи», «пбзiк», «ири»;

¹ Типичные ГС занимают верхнее поле с положительными значениями, нетипичные ГС – нижнее поле с отрицательными показателями.

– 6 автостереотипов: «абахай», «арачылаҕчы», «хатыҕ», «сас, сагал», «күлкістіг», «паарсах»;

– 7 гетеростереотипов: «табырах», «амыр», «ізестіг», «арғаас», «тілбіреес», «сағыс чох», «устаҕчы».

К нетипичным ГС относятся 5: «амыр», «тілбіреес», «сағыс чох», «абахай», «паарсах».

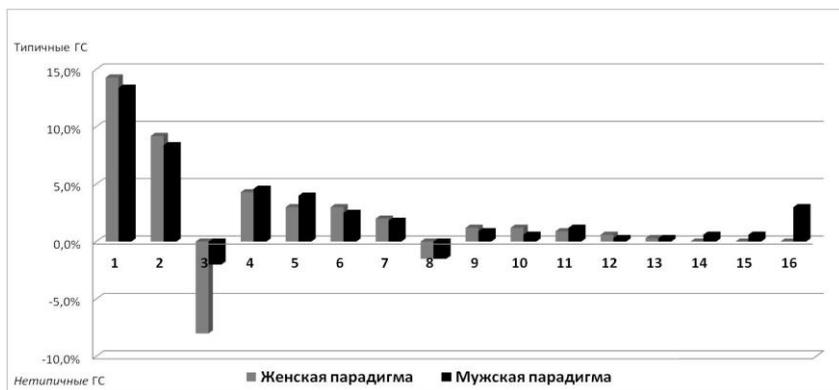


Рис. 2. Поле фемининности в хакасском языковом сознании

Типичные ГС: 1) «іче» – «мать»; 2) абахай» – «красивая»; 4) «туган-чаҕыннар» – «близкие родственники»; 5) «ипчізі» – «жена»; 6) «иб ээзі» – «домохозяйка»; 7) «иптіг» – «аккуратная»; 9) «амыр» – «спокойная»; 10) ипчі кізінің кип-азаа» – «женская одежда и аксессуары»; 11) «ынағ» – «дружелюбная»; 12) «ус ипчі» – «рукодельница»; 13) «өрчіліг» – «эмоциональная»; 14) «паарсах» – «нежная»; 15) «нымзах чүректіг» – «добрая»; 16) «көйтік» – «ситрая, коварная».

Нетипичные ГС: 3) «хыйға» – «умная»; 8) «тоҕынчы» – «работница, добытчица».

Как видно из рисунка 2, поле фемининности характеризуется чуть меньшим набором ГС – 16:

– 13 общих женских и мужских ГС: «іче», «абахай», «хыйға», «туган-чаҕыннар», «ипчізі», «иб ээзі», «иптіг», «амыр», ипчі кізінің кип-азаа», «ынағлығ», «ус ипчі», «өрчіліг», «тоҕынчы»;

– 3 гетеростереотипа: «паарсах», «нымзах чүректіг», «көйтік».

Нетипичные характеристики представлены 2 стереотипами: хыйға и «тоҕынчы».

Таким образом, в результате анализа ассоциативных полей антонимической пары *ИР КІЗІ/ИПЧІ КІЗІ* были выделены группы ГС, позволившие сформировать соответствующие поля маскулинности и фемининности. Внутри каждого поля были представлены рейтинги 23-х ГС поля маскулинности и 16-ти ГС поля фемининности. У обоих полей доминирующими являются стереотипы, относящиеся к физической характеристике мужчины и женщины (*күстіг* – *абахай*), семейным (*іче* – *паба*) и

социальным (*тоғынчы*) ролям. Наибольшее количество ГС в обоих полях принадлежит ГС «внутренние качества», включающем в поле маскулинности 11 ГС («махачы», «хыйға», хатығ», «кўлкістіг», «паарсах», ізестіг», «амыр», «сағыс чох», «тілбіреес», «табырах», «арғаас») и в поле фемининности – 9 ГС («хыйға», «иптіг», ««паарсах», «нымзах чўректіг», «кўйтк», «амыр», «ынағлығ», «ус ипчі», «өрчіліг»). Среди нетипичных мужских характеристик выделяются 3 положительных ГС: «абахай», «амыр», «паарсах», и 2 отрицательно-оценочных: «тілбіреес», «сағыс чох». Нетипичность стереотипов о женщине проявляется в 2-х ГС: «хыйға», «тоғынчы». В хакасском языковом сознании продолжают сохраняться существовавшие ранее традиционные образцы мужественности и женственности.

Библиографический список

1. Боргоякова Т. Г. Ассоциативное поле бинарной оппозиции *жизнь/смерть* в разных лингвокультурах // Научные труды SWorld. Выпуск 1 (38). Том 14. Одесса: КУПРИЕНКО СВ, 2015а. С. 58-63.
2. Ильин Е. П. Половые и гендерные стереотипы // Пол и гендер. С-Пб.: Питер, 2010. URL: <http://psyfactor.org/lib/gender1.htm>.
3. Кирилина А. В. Гендер в лингвистике // Словарь гендерных терминов. URL: <http://www.owl.ru/gender/044.htm> (дата обращения: 01.06.2015).
4. Топоева А. О. Этнокультурная специфика прилагательных *сильный – слабый* в языковом сознании носителей английского, русского и хакасского языков: дис. ... канд. филолог. наук. Иркутск, 2011. 175 с.

© Покоякова К. А., 2016

Р. Г. АЗНАГУЛОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЛЕКСИКИ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Ю. В. Псянчин

«Российский исламский университет» ЦДУМ России, г. Уфа

В данной статье подвергаются детальному анализу три статьи известного башкирского и российского языковеда-диалектолога Р. Г. Азнагулова (1941-2015), остающиеся и сегодня классическим образцом отраслевого подхода в описании лексики диалектов и говоров родного языка. Также все три статьи подготовлены путем правильного использования методов лингвогеографии и ареальной лингвистики. Автор использовал свой полевой материал в сравнительном плане.

Ключевые слова: тюркские языки, башкирский язык, лексика, отраслевая лексика, диалект, говор, термины родства.

Известный башкирский и российский языковед-тюрколог, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник народного образования Республики Башкортостан, отличник просвещения РСФСР, отличник образования Республики Башкортостан, лауреат медали К. Д. Ушинского, член Союза писателей РФ и

РБ, профессор кафедры башкирского языка и этнокультурного образования ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет» Рафаил Гайнитдинович Азнагулов (1941–2015) [13] известен в мире отечественной гуманитарной науки не только своими трудами в области диалектологии, учебной лексикографии, лингводидактики, литературной критики, но и лексикологии. Так сложилось, что у него не так много работ в этой области, но все они обладают статусным характером. Перечислим только основные из них: 1) «К характеристике терминов родства говора оренбургских башкир» [1а]; 2) «Некоторые лексические особенности говора башкир Оренбургской области» [26]; 3) «К характеристике некоторых особенностей западного диалекта башкирского языка» [3]. Все три статьи, несмотря на то, что написаны на полевом диалектном материале, отражают новаторские идеи в области лингвогеографии и ареальной лингвистики того времени.

В 1973 году в Институте языкознания АН СССР (г. Москва) под редакцией одного из выдающихся отечественных языковедов-тюркологов Н. А. Баскакова (1905–1996) [23, с. 63–68] был издан сборник статей «Некоторые вопросы лексики и грамматики тюркских языков» [18], куда была включена и статья молодого тогда кандидата филологических наук Р. Г. Азнагулова «К характеристике терминов родства оренбургских башкир» [1], посвященная одной из важных частей отраслевой лексики не только башкирского, но и любого другого языка.

Действительно, термины родства, являясь одной из активно применяемых в повседневном общении башкир частью лексики, всегда были в центре внимания таких башкирских языковедов, как Дж. Г. Кiekбаев (1911–1968) [14], Т. Г. Баишев (1886–1974) [4; 5], Х. Г. Юсупов (1928–2006) [24], С. Ф. Миржанова (1924–2000) [16; 17], В. Ш. Псянчин (1930–2013) [19], М. И. Дильмухаметов (1940–2009) [12, с. 84, 3–94, 107–108], С. Г. Гильманова [10]. Данной проблематикой в свое время вполне успешно занимались и башкирские этнографы Р. Г. Кузеев (1929–2005) [15, с. 35–39] и Н. В. Бикбулатов (1931–1996) [7; 8; 9].

Однако, отметим, что в свое время нами были опубликованы две работы, посвященные содержанию и значению названной статьи [20; 21], в связи с чем мы не станем подробно останавливаться на нем.

Но, тем не менее, добавим, что благодаря этой статье Р. Г. Азнагулова уже в начале 70-х гг. XX века был заложен сугубо научный подход в изучение не только терминов родства, но и всей отраслевой лексики башкирского языка. Во-первых, статья не потеряла своей актуальности и сегодня как классический образец-результат исследования в области полевой лингвистики; во-вторых, в определенной степени способствовала развитию диалектологической науки и даже диалектографии. Например, большинство представленных в статье терминов вошло в сводный том словаря башкирских говоров [11].

В то же время отдельные идеи, содержащиеся в статье, помогли выявить и основную проблему башкирской диалектологии, а именно – отсутствие единых и научно обоснованных критериев в классификации говоров и подговоров в системе диалектов башкирского языка. Эта проблема все еще продолжает оставаться актуальной для башкирской диалектологии.

Таким образом, мы смело можем констатировать, что статья Р. Г. Азнагулова «К характеристике терминов родства говора оренбургских башкир» [М., 1973] является первым опытом традиционного и новаторского подходов в описании отраслевой лексики башкирского языка.

Следующая статья Р. Г. Азнагулова «Некоторые лексические особенности говора башкир Оренбургской области» посвящена описанию семантики отдельных лексических диалектизмов и изучения их в перспективе с использованием методов лингвогеографии [2, с. 160–164]. Она состоит из двух частей: 1) первая часть посвящена описанию лексических диалектизмов языка оренбургских башкир [2, с. 160–163]; 2) основам применения методов лингвистической географии [2, с. 163].

Итак, первая часть статьи. Специфика лексических диалектизмов такова, что они в функциональном плане строго ограничены рамками отдельной территории, каковым традиционно принято считать говор или подговор. Автором предложены описания следующих лексических диалектизмов: *бата, күлек, камтарыу, талау, йеле, сүк, йент, сүрәк, бурәк, саламат* [2, с. 161–162]; всего – десять единиц.

Остановимся только на двух лексических диалектизмах. Это – *күлек* и *сүк*.

Автор считает, что в качестве синонима диалектизма *күлек* в литературном языке выступает существительное *ылау* «подвода» [2, с. 161; 6, с. 783]. Но ситуация здесь с семантикой данного диалектизма несколько другая: лит. *ылау* «...не полностью охватывает семантическое содержание слова *күлек*...» [5, с. 161]. В говоре ему характерно значение «рабочий скот» [5, с. 161]. Лексический диалектизм с данным значением представлен и в сводном томе словаря башкирских говоров: «**КҮЛЕК** (һакмар) и. эш малы (*угез, ат*) – *рабочий скот*» [11, с. 163]. До этого, еще в 1987 году в третьем томе «Словаря башкирских говоров (Западный диалект)» [22, с. 92] тоже было предложено это же толкование его значения. Мы со своей стороны утверждаем, что под сакмарским говором (башк. һакмар) подразумевается нижнесакмарский говор (башк. Түбәнге һакмар), который распространен на территориях Гайского, Кувандыкского, Октябрьского, Сарыкташского, Тюльганского районов Оренбургской области [22, с. 230].

Лексический диалектизм *сүк* функционирует в составе говора в значении «жареное пшено со сметаной и молоком» [2, с. 162]. Обратимся к

нашим диалектным словарям: 1) «**сүк, сүп** (накмар) и. курылып төйөлгән тары – толченое в жареном виде пшено. Сүкне каймакка йә һөткә болгатып ашайлар» [22, с. 159]; 2) в «Диалектологическом словаре башкирского языка» также помещена аналогичная первому примеру информация [11, с. 285]. В «Башкирско-русском словаре» имеется следующая статья: «**сүк** [-ге] вид кушанья, приготовленного из жареного растолченного пшена» [6, с. 558]. Отсюда можно сделать вывод, что лексический диалектизм *сүк*, функционировавший в свое время только в рамках нижнесакмарского говора теперь уже западного диалекта [22, с. 230], в силу определенных причин закрепился в литературном языке в качестве его лексической нормы.

Первая часть статьи завершается простым перечислением самых общеупотребительных лексических диалектизмов говора: например, *бан* «уход», *баплау* «искусно приготовить пищу», *бирталай* «значительный», *сар-сар* «зимний буран в середине февраля», *бәтмәкәй* «низкорослый», *сәрмә* «одежда, которую дарят отцу жениха на свадьбе» и т. д. [2, с. 163] – всего тридцать единиц.

Во второй части автор делает заявление о том, что с целью более подробного описания говора оренбургских башкир предполагает обратиться к методам лингвистической географии, в связи с чем приводит «...ориентировочный перечень слов для картографирования лексики...» [2, с. 163]. Таковых у него оказалось восемь, все они необходимы для определения границ распространения слова: 1) *бөрләтәу* (*бүркәтәу, беркәтәу, берзәтәу, бөйөрләтәу, берләтәу, бүрләтәу*), *емәтәу* «зоб у птиц»; 2) *сүлли* (*сүлтей*), *сөртәм* «четвертинка»; 3) *кәтмән* «вознаграждение» и «мотыга»; 4) *ылаш* «шест, забитый для привязки лошадей», *ылаш* «помост для сушки курута» и т. д. [2, с. 163].

Далее Р. Г. Азнагуловым также впервые в истории башкирского языкознания вносится предложение о территориальном распределении слов, не имеющих вариантов; первые две микрогруппы строятся по принципу оппозиции «наличие или отсутствие слов» (т. е. «наличие слов // отсутствие слов»), две вторые микрогруппы только по наличию слов, т. е. здесь отсутствует оппозиция – всего четыре микрогруппы [2, с. 163].

Примеры на первую микрогруппу, т. е. на наличие или отсутствие слов, связанных со скотоводством: *тулак* «чучело теленка», *күлек* «рабочий скот», *талау* «сибирская язва» [2, с. 163]. Примеры на вторую микрогруппу, т. е. только по наличию слов: например, наличие слов, связанных с охотой – *майтус* «стрела, сажаемая на прицел ружья», *серем ук* «стрела, предназначенная для дальней стрельбы» [2, с. 163].

В статье «Некоторые лексические особенности говора башкир Оренбургской области» Р. Г. Азнагуловым впервые были заложены основы

лингвогеографического описания лексики башкирских говоров, что и подтверждает ее статусный характер.

Третья статья Р. Г. Азнагулова «К характеристике некоторых особенностей западного диалекта башкирского языка» [3], увидевшая свет в 1986 году, написана им на основе комплексного подхода. Говоря по-другому, здесь освещаются вопросы фонетики, морфологии и лексики западного диалекта.

Лексика западного диалекта рассмотрена им со следующих очень важных, на наш взгляд, позиций: 1) диалектной синонимии; всего – двенадцать синонимических рядов (например, *сыкы – зыкы – бэс – ыс – аса* – иней на деревьях; *лапы – лапсыу – йыпкы – са замнык* – болотистая местность и т. д.) [3, с. 55–56]; 2) функционирования диалектизмов, относящихся к говорам восточного диалекта (например, *бап* «положение», *бипей* «гусенок», *терке* «сосна», *көлөкэй* «жеребенок» и т. д.) [3, с. 56]; 3) семантической дифференцированности диалектизмов (например, *муыйыл* употребляется в значении дерево, а *шоморт* означает плод черемухи) [3, с. 56]; 4) выделения тематических групп (их всего – пять; например, *бианай – биана – биэнэй кортка – кэйнәней – кайнана – кэйнә – свекровь* и т. д.) [3, с. 56–57].

Статусная значимость данной статьи, на наш взгляд, видится в том, что здесь автору удалось показать многообразие диалектной лексики западного диалекта, но самое главное – ее связь с другими диалектами.

Итак, проанализированные нами статьи Р. Г. Азнагулова, посвященные лексике диалектов башкирского языка, и сегодня продолжают оставаться востребованными, что очень важно для дальнейших изысканий в области тюркского языкознания.

Библиографический список

1. Азнагулов Р. Г. К характеристике терминов родства говора оренбургских башкир // Некоторые вопросы лексики и грамматики тюркских языков: Сб. ст. / отв. ред. Н. А. Баскаков. М.: Институт языкознания АН СССР, 1973а. С. 5–13.
2. Азнагулов Р. Г. Некоторые лексические особенности говора башкир Оренбургской области // Вопросы башкирского языкознания: сб. ст. / Отв. ред. З. Г. Уракин. Уфа: БФ АН СССР, ИИЯЛ, 1973б. С. 160–164.
3. Азнагулов Р. Г. К характеристике некоторых особенностей западного диалекта башкирского языка // Исследования по башкирской диалектологии и ономастике: сб. ст. / отв. ред. Н. Х. Максютова. Уфа: БФ АН СССР, ИИЯЛ, 1986. С. 49–57.
4. Баишев Т. Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева. М.: Изд-во МГУ, 1955. 112 с.
5. Баишев Т. Г. Саратов һәм Куйбышев өлкәһендә йәшәүсе башкорттарҙың һөйләше буйынса кайһы бер материалдар//Вопросы башкирской филологии. / Отв. ред. А. И. Харисов. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 136–152.
6. Башкирско-русский словарь: 32 000 / под ред. З. Г. Уракина. М.: Дигора, Рус. яз., 1996. 884 с.
7. Бикбулатов Н. В. Терминология и система родства башкир // Археология и этнография башкир. Т. II. Уфа: БФ АН СССР, 1964. С. 164–175.

8. Бикбулатов Н. В. Башкирская терминология и система родства как этногенетический источник // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. (Материалы научной сессии по этногенезу башкир. Май, 1969 г.). Уфа: БФ АН СССР, 1971. С. 178–183.
9. Бикбулатов Н. В. Башкирская система родства / отв. ред. Р. Г. Кузеев. М.: Наука, 1981. 124 с.
10. Гильманова С. Г. Термины родства в северо-западном ареале башкирского языка // Исследования и материалы по башкирской диалектологии. Уфа: БФ АН СССР, ИИЯЛ, 1981. С. 50–54.
11. Диалектологический словарь башкирского языка=Башкорт теленең диалекттары һүзлеге. Уфа: Китап, 2002. 432 с.
12. Дильмухаметов М. И. Говор среднеуральских башкир. Уфа: Гилем, 2006. 191 с.
13. Зайнуллин М. В. АЗНАГУЛЮВ Рафаил Гайнитдинович // Башкирская энциклопедия. В 7 т. / гл. ред. М. А. Ильгамов. Т. 1: А-Б. Уфа: Башк. энц., 2005. С. 75.
14. Кiekбаев Ж. Ф. Башкорт телендә «әсәй» һүзенең килеп сығышы // Башкортостан укуытыуышы. 1960. № 6. С. 35–37.
15. Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир. Родо-племенные организации башкир в XVII–XVIII вв. Ч. 1. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1957. 184 с.
16. Миржанова С. Ф. Терминология родства в диалектах башкирского языка // Советская тюркология. 1973. № 4. С. 99–109.
17. Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка / отв. ред. А. А. Юлдашев. М.: Наука, 1979. 272 с.
18. Некоторые вопросы лексики и грамматики тюркских языков: Сб. статей / отв. ред. Н. А. Баскаков. М.: Институт языкознания АН СССР, 1973. 146 с.
19. Псәнчин В. Ш. Туғанлыҡ терминдәре һәм уларҙың килеп сығыуы // Башкортостан укуытыуышы. 1978. № 10. С. 31–33.
20. Псянчин Ю. В. Статья Р. Г. Азнагулова «К характеристике терминов родства говора оренбургских башкир» (М., 1973): значение и статус // Современные проблемы башкирской и тюркской филологии и филологического образования: Сб. материалов междунар. научн.-практ. конф., 17 февраля 2012 г., Республика Башкортостан, г. Стерлитамак / под общ. ред. К. Г. Ишбаева. Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. акад. им. Зайнаб Бишевой, 2012. С. 55–59.
21. Псянчин Ю. В. Термины родства в говорах башкирского языка: традиционный и новаторский подходы (на примере статьи Р. Г. Азнагулова «К характеристике терминов родства оренбургских башкир») // Проблемы формирования и реализации потенциала личности в современной России: Материалы IX между. научно-практ. конф. (15 мая 2013 г.). Уфа: Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ), 2013. С. 205–212.
22. Словарь башкирских говоров (в трех томах). Том III (Западный диалект) / ред. Н. Х. Максютова (на башк. яз.). Уфа: Башк. кн. изд-во, 1987. 232 с.
23. Юдакин А. П. Урало-алтайское (тюрко-монгольское языкознание): Энциклопедия. (Ведущие языковеды мира. 4). М., 2001. 599 с.
24. Юсупов Х. Г. Термины родства в башкирском языке: (Из наблюдений над лексикой башкирских говоров) // Вопросы башкирской филологии / отв. ред. А. И. Харисов. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 123–135.

© Псянчин Ю. В., 2016

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «РОДО-ПЛЕМЕННОМ» ПРИНЦИПЕ ОПИСАНИЯ ГОВОРОВ И ДИАЛЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА)

Ю. В. Псянчин

«Российский исламский университет» ЦДУМ России, г. Уфа

Данная статья посвящена выяснению роли и места так называемого «родо-племенного» принципа описания диалектов и говоров в истории башкирской диалектологии. Автор на ряде примеров, а также путем сравнения с «бассейновым» принципом показывает его эффективность. Хронологические рамки применения этого метода охватывают период со второй половины 50-х гг. до 2000 года. Детальной характеристике подвергается каждый этап применения названного в заголовке статьи метода.

Ключевые слова: тюркские языки, башкирский язык, говор, диалект, родо-племенной принцип, историческая фонетика.

Наша цель представляет собой краткий обзор случаев обращения к родо-племенному принципу (т. е. к описанию живого разговорного языка отдельного рода или племени) в истории изучения диалектов и говоров башкирского языка. Говоря по-другому, нам предстоит особо отметить специфику каждого случая использования родо-племенного принципа путем его оценки. Это – первая задача. Вторая задача сводится к выделению этапов применения этого принципа.

Во второй половине 50-х – середине 60-х гг. XX века группой молодых тогда еще башкирских языковедов–диалектологов были защищены кандидатские диссертации, традиционно посвященные описанию говора родной деревни или отдельного рода.

Первым в этом списке значится Н. Х. Ишбулатов (1928–2006), который еще в 1955 году в Москве, Институте языкознания АН СССР, защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Говор деревни Казмашево Абзелиловского района Башкирской АССР» [3]. Деревня Казмашево в свое время входила в состав Тамьянской волости, т. е. Н. Х. Ишбулатовым был описан говор *башкир-тамьянцев* на примере отдельного населенного пункта [1, с. 36].

Следующая диссертация была написана на тему: «Асинский говор башкирского языка» и защищена там же в 1956 году. Ее автор – Х. Г. Юсупов (1928–2006) [15]. Основу его работы составляет живой разговорный язык *башкир-катайцев* [1, с. 110], проживавших тогда в д. Асы Белорецкого района Башкирской АССР.

Автором третьей диссертации «Кубалякский говор башкирского языка» [10] является С. Ф. Миржанова. К началу 60-х гг. прошлого кубалякский говор входил в юго-восточную группу говоров восточного диалекта башкирского языка; его носителями считались башкиры из родов *кубаляк*

и *тиляу* (другие названия – *тиляв, телеу*), и он был распространен на юге Учалинского района и на севере Абзелиловского района Башкирской АССР [9, с. 128].

Кубалакский говор включал в себя три подговора: а) собственно кубалакский; б) тиляуский; в) верхнебельский (язык тамьян-катайцев, проживавших по верхнему течению р. Агидель) [9, с. 128]. Хотелось бы выразить свое отношение к названию третьего подговора, поскольку у ряда лингвистов это может вызвать недоумение. Итак, еще раз повторимся: описание третьего говора осуществлено строго в рамках уже знакомого нам принципа «язык рода или племени», но название его, на наш взгляд, кажется несколько неудачным. Присутствующее здесь название «верхнебельский говор» может расцениваться как прямой намек на «бассейновый» принцип. В данной ситуации С. Ф. Миржановой следовало бы назвать его тамьян-катайским подговором, а потом уже перейти к уточнению мест обитания их носителей.

Перечисленные работы представляют собой первый этап описания говоров башкирского языка на основе применения принципа «язык рода или племени». Их отличает системность в изложении мыслей, четкость в представлении фактов, последовательность в описании фонетических, лексических и морфологических особенностей описываемого говора. Но, тем не менее, все перечисленные диссертации были выполнены лишь в строго описательном плане.

Большой вклад в творческое развитие применения родо-племенного принципа в описании говоров башкирского языка внесла доктор филологических наук, профессор Ф. Г. Хисамитдинова.

На основе кандидатской диссертации [13] ею была подготовлена монография «История башкирского языка: материалы по исторической фонетике» [14], которая увидела свет в 1989 году.

Монография Ф. Г. Хисамитдиновой «История башкирского языка: материалы по исторической фонетике» [14] состоит из «Предисловия» [14, с. 3–4], «Введения» [14, с. 5–13], первой главы «Распространение консонантных сочетаний *лт, мт, нт, рт, нк, џк* в говорах и диалектах башкирского языка» [14, с. 14–34], второй главы «Генезис консонантных сочетаний типа+глухой смычный» [14, с. 34–65], третьей главы «История консонантных сочетаний в связи с этнической историей башкир» [14, с. 65–78], «Заключения» [14, с. 78–79], списка «Принятых сокращений» [14, с. 79–80].

Во «Введении» определяются цели и задачи монографического исследования проблем исторической фонетики, которая является одним из важных аспектов изучения истории башкирского языка. По мнению автора получается, что одним из основных ее фрагментов следует считать состояние смычных согласных [14, с. 5]. Тем самым состояние смычных согласных следует рассматривать только на основе изучения консонант-

ных сочетаний типа «сонорный + глухой смычный» через призму различных морфемных частей слова [14, с. 5].

Действительно, основными специфическими особенностями башкирского языка следует считать отдельные явления в системе ее консонантизма. Позиция автора в этом вопросе предельно ясна: только «... всестороннее исследование всех особенностей системы консонант дает возможность уточнить процесс формирования башкирского языка в целом ...» [14, с. 5].

Далее Ф. Г. Хисамитдинова делает краткий обзор изучения консонантных сочетаний типа «сонорный+глухой смычный» в истории башкирского и тюркского языкознания.

Таким образом, цель ее монографии – это изучение «...лишь башкирских сочетаний сонантов и глухих смычных согласных в середине слова ...» [14, с. 11].

Самыми ценными моментами здесь являются такие мысли автора, как: а) в связи с изучением этого типа сочетаний намечается выяснение отдельных проблем этнической истории башкирского народа; б) планируется попытка реконструкции системы смычных звуков диалектов башкирского языка [14, с. 10].

Важность данного исследования Ф. Г. Хисамитдинова напрямую связывает с вопросом реконструкции системы консонант праязыка [14, с. 10]. Именно поэтому основную ставку она делает на современное на тот момент состояние диалектов и говоров башкирского языка [14, с. 10–11], что, в конечном счете, оказалось правильным.

Первая глава «Распространение консонантных сочетаний *лт*, *лт*, *нт*, *рт*, *нк*, *ңк* в говорах и диалектах башкирского языка» посвящена систематизированной их презентации [14, с. 14]. Подобный, т. е. систематизированный подход автора в перспективе может способствовать: а) установлению примерных границ распространения этого явления; б) выделению тех лексических пластов и реформ, «... в которых явление было зафиксировано ...» [14, с. 14]; в) выполнению роли отправного пункта для исследования проблемы [14, с. 14].

Известно, что консонантные сочетания *лт*, *нт*, *рт*, *нк*, *ңк* характеризуются регулярным употреблением в среднем, караидельском говорах [14, с. 14], а также «...спорадически наблюдаются в таныпском, гайнинском, в ряде слов ялан-катайского подговора кизилского, в верхнебельском подговоре миасского, в говоре среднеуральских и части бурзянских башкир ...» [14, с. 14].

Далее проводится мысль о том, что в отдельных случаях подобные сочетания встречаются и в литературном языке: например, *ауыңкы* «наклонный», *катыңкы* «твердый, жесткий» (все на *ңк*); *инкеш* «шмель», *инкеу* «наклонный» (все на *нк*) и т. д. [14, с. 15]. Но, тем не менее, в баш-

кирском литературном языке подобные сочетания очень редки, из-за чего в качестве материала для исследования Ф. Г. Хисамитдиновой были взяты данные диалектов и говоров.

Основу исследовательского материала монографии составляет лексика среднего говора южного диалекта.

Итак, систематизированный материал представляет собой весь список слов в алфавитном порядке; это: а) неразложимые корни или основы (с точки зрения современного состояния языка); например, сред. *алтау* «обманывать», караид., танып, среднеур., *алташыу*, др. гов. и лит. яз. *алдау*; сред. *сымылтык* «полог», караид., туй., танып. *сымылтык* и др. [14, с. 15–16]; б) разложимые основы; это отдельные грамматические формы, «... при присоединении которых к основе возникают консонантные сочетания *лт, мт, рт, нк, нк ...*» [14, с. 18–19]; к ним относятся аффиксы словообразования, а также словоизменения имен и глаголов; например: а) средн. говор *карынташ* (в др. говорах *карындаш*) «младшая сестра», средн. говор *көнтәш* (лит. и др. говоры *көндәш*) и т. д. (словообразовательный формант *-таш/тәш*); б) средн. говор *коромка буялган* (лит. *коромга*) «вымазался, испачкался сажей» (здесь возникло консонантное сочетание на стыке основы на *м* и фонетико-морфологического варианта аффикса дательного-направительного падежа; пример на словоизменение) [14, с. 24] и т. д.; в) топонимы, т. е. в них тоже сохранились консонантные сочетания; например, *Кысынты* – ойконим, *Соңкортау* – ороним и т. д. [14, с. 31].

В конце первой главы автор приходит к следующему выводу: сочетания типа «сонорный+глухой смычный», характерные башкирскому языку, представляют собой изоглосное явление. На территории Башкортостана данная изоглосса распространяется неравномерно. Она, по мере удаления из центра, исчезает [14, с. 32]. Говоря по-другому, перечисленные выше консонантные явления выполняют своего рода функцию показателя границ среднего говора южного диалекта башкирского языка.

Во второй главе «Генезис консонантных сочетаний типа» «сонант+глухой» [14, с. 34–65] автором делается «...попытка раскрыть картину генезиса аномальных сочетаний *лт, мт, нт, рт, нк, нк...*» [14, с. 35]. Здесь же Ф. Г. Хисамитдинова выдвигает свою гипотезу, согласно которой «...причина появления и регулярного употребления консонантных сочетаний типа «сонорный+глухой смычный» в башкирских говорах кроется в системе смычных, которая на данном этапе характеризуется слабой дифференциацией глухих и звонких и наличием слабой придыхательности...» [14, с. 35].

Далее ею делается очень важный вывод: появление консонантных сочетаний типа «сонант +глухой смычный» в башкирском языке связано с наличием системы сильных и слабых смычных [14, с. 51].

Действительно, автор права в своем заявлении в том, что «...происхождение системы сильных и слабых смычных и консонантных сочетаний *нт, мт, рт, нк, ңк* башкирских говоров восходит к древнейшему периоду истории тюркских языков ...» [14, с. 79]. Эта мысль еще раз подтверждает действенность методов исторической фонетики, в первую очередь – сравнительно-исторического и типологического методов.

Третья глава монографии «История консонантных сочетаний в связи с этнической историей башкир» отличается своим новаторским подходом. Итак, изоглосса «сонант+глухой смычный» благодаря своим функциональным возможностям образует два ареала с двумя центрами радиации [14, с. 67].

Южный ареал распространения сочетаний *лт, нт*... полностью соответствует территории расселения китайских и табынских родоплеменных групп башкир [14, с. 67]. Северный ареал консонантных сочетаний сонорных и глухих смычных совпадает с нынешней территорией расселения башкир [14, с. 68].

В этой связи показателен вывод автора, где говорится, что «... носителями среднего и караидельского говоров являются представители китайских, западнотабынских, унларских и балыкчинских родов башкир, выходцев, по данным этнографии, из Алтая и Центральной Азии...» [14, с. 78].

Далее добавляет: «Носителями остальных говоров являются некоторые роды китайских и табынских башкир, или же те роды и племена, которые имеют тесные исторические связи с первыми» [14, с. 78].

Все это является результатом успешного обращения автора к такому методу ареальной лингвистики как лингвистическая география.

Значение монографии Ф. Г. Хисамитдиновой «История башкирского языка: материалы по исторической фонетике» [14] заключается в следующем: в них на конкретном фактическом материале реализуется идея классификации говоров башкирского языка именно на основе принципа «живой разговорный язык (т. е. говор) отдельного рода или племени», который противопоставляется так называемому «бассейновому» принципу.

Действительно, так получилось, что в течение многих десятилетий в системе башкирских диалектов и говоров традиционно доминировал «бассейновый» принцип. Например, из пяти говоров восточного диалекта три выделены на основе «бассейнового» принципа: это – айский [7, с. 22–78], миасский [7, с. 214–248] и кызылский [7, с. 249–289] говоры. Значит, отсюда следует, что языковед-диалектолог Н. Х. Максютлова является сторонницей применения «бассейнового» принципа. На сегодняшний день айский говор, как и тридцать девять лет назад (напомним, 1976 год – это время выхода в свет классики тюркской диалектологии, т. е. монографии Н. Х. Максютловой «Восточный диалект башкирского языка в

сравнительно-историческом освещении» [7]; прим. – Ю. П.) распространены в северо-восточной части Башкортостана по бассейнам рек Ай, Юрюзань, Ик. Это – нынешние территории Мечетлинского, Дуванского, Салаватского, Белокатайского и Кигинского районов Республики Башкортостан, а также Кусинский район с деревней Петрушкино [7, с. 22]. В этом регионе издревле функционировали такие родоплеменные группы башкир, как *айли*, *тюбелес*, *тырнаклы*, *мырзалар*, *дуван*, *кошсо* и *сарт* [7, с. 22]. Получается, что территория айского говора в сугубо историческом плане считается средой обитания многих племен. Конечно, у «бассейнового» принципа есть одно заметное преимущество – это широкий охват диалектного материала. Но у него, к сожалению, имеется и серьезный недостаток: это – отсутствие должной системности в научной интерпретации собранного материала. Особенно это связано с объяснением того или иного исторического явления.

Идеи «бассейнового» принципа доминируют и в монографиях С. Ф. Миржановой «Южный диалект башкирского языка» [11] и «Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние)» [12]: а) например, в южном диалекте к таковым относятся иксакмарский [11, с. 22–96] и демский [11, с. 168–243] говоры; б) в северо-западном диалекте к их числу можно причислить караидельский [12, с. 15–72], таныпский [12, с. 73–135] и нижнебельско-ыкский [12, с. 136–205] говоры.

Однако в перечисленных монографиях представлены также говоры, выделенные на основе принципа и «живой разговорный язык (т. е. говор) отдельного рода или племени»; это, например: а) сальютский говор в восточном диалекте [7, с. 172–213]; б) гайнинский говор в северо-западном диалекте [12, с. 206–292].

К сожалению, сторонником идеи «бассейнового» принципа выступал в свое время и еще один башкирский языковед-диалектолог Н. Х. Ишбулатов (1928–2006), что, несомненно, отразилось в ряде его работ [4, с. 11–23; 5, с. 11–63; 6, с. 139–23]. Но в то же время Н. Х. Ишбулатов, как и Н. Х. Максютова, наделял известный нам сальютский говор статусом самостоятельной структурной единицы восточного диалекта [4, с. 20–21; 5, с. 50–56; 6, с. 164–168].

Однако стоит отметить и тот факт, что «бассейновый» принцип описания говоров сыграл большую роль в становлении башкирской диалектологии как одного из ведущих научных направлений в системе гуманитарных наук республики.

В этой связи стоит особо отметить вторую монографию Н. Х. Максютовой «Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении» (Уфа, 1996) [Максютова 1996], в которой заслуживает особого внимания содержание ее третьей главы, названной как «Оренбургский говор» [Максютова 1996, 192–286].

В названной главе Н. Х. Максютковой удалось наметить основные моменты перехода от «бассейнового» принципа описания оренбургского говора к принципам описания живого разговорного языка отдельного рода или племени [8, с. 200]. Заметим, что все это было сделано во время сбора материала для «Диалектологического атласа башкирского языка» [2] в период трех экспедиций в Оренбургскую область в 1975–1977 гг. Получается, что язык оренбургских башкир делится на два больших региона: северо-западный – бассейны рек Губурлы, Касмарт, Сакмара [8, с. 200]. Этническую основу северо-западного региона составляют представители исторических племен кыпчак, юрматы, бурзян, усерген, а юго-восточную – усерген, кыпчак. Эти регионы отличаются между собой употреблением гласных *ы, е, о, ө, у*, и согласных звуков *с, ҫ, һ, х, ж, й, з, м, б* [8, с. 200].

Таким образом, Н. Х. Максюткова смогла создать основу для дальнейшего изучения говора оренбургских башкир на принципах языка отдельного рода или племени.

Итак, определимся с этапами обращения. Первый этап относится к второй половине 50-х – середине 60-х гг. XX века. Он связан с деятельностью Н. Х. Ишбулатова, Х. Г. Юсупова и С. Ф. Миржановой. Второй этап включает в себя 70-е гг. прошлого века, который характеризуется деятельностью Н. Х. Максютковой и Н. Х. Ишбулатова. Рамки третьего этапа составляют двадцать лет, т. е. период с 1980 по 2000 г., который запомнился работами Ф. Г. Хисамитдиновой, Н. Х. Максютковой, С. Ф. Миржановой и Н. Х. Ишбулатова.

Библиографический список

1. Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.
2. Диалектологический атлас башкирского языка / отв. ред. Ф. Г. Хисамитдинова. Уфа: Гилем, 2005. 234 с.
3. Ишбулатов Н. Х. Говор деревни Казмашево Абзелиловского района башкирской АССР: автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т языкознания. Уфа, 1955. 15 с.
4. Ишбулатов Н. Х. Башкорт диалектологияһы. Башкорт дәүләт университете һәм педагогия институттары өсөн. Укыу әсбабы. Өфө: БашДУ, 1979. 87 б.
5. Ишбулатов Н. Х. Башкорт диалектологияһы (Укыу әсбабы) II. Өфө: БашДУ, 1980. 74 б.
6. Ишбулатов Н. Х. Башкорт теле һәм уның диалектары. Өфө: Китап, 2000. 212 б.
7. Максюткова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении). М.: Наука, 1976. 292 с.
8. Максюткова Н. Х. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. Уфа: Китап, 1996. 288 с.
9. Миржанова С. Ф. Кубалаякский говор // Башкирская диалектология. Говоры юго-востока Башкирии / БФ АН СССР. ИИЯЛ. Уфа, 1963. С. 128-190.
10. Миржанова С. Ф. Кубалаякский говор башкирского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / БашГУ. Уфа, 1967. 29 с.
11. Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979. 272 с.
12. Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. 296 с.

13. Хисамитдинова Ф. Г. Консонантные сочетания башкирского языка типа «сонорный+глухой смычный» в историческом освещении: автореф. дис. ... канд. филол. наук (10. 02. 06) /АН СССР. Институт языкознания. М., 1980. 21с.
14. Хисамитдинова Ф. Г. История башкирского языка: материалы по исторической фонетике: Монография /БашГПИ. Уфа, 1989. 96 с.
15. Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т языкознания. М., 1956. 15 с.

© Псянчин Ю. В., 2016

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА УЧИТЕЛЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ХАКАСОВ

А. О. Топоева

ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

Статья посвящена психолингвистическому описанию слова «үзретчи» в языковом сознании носителей хакасского языка. Анализ ассоциативного поля «үзретчи» даёт возможность исследования его содержания, ранжирования значений по денотативному принципу и моделирования ассоциативной структуры, репрезентирующей образ учителя в языковом сознании хакасов.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, семемная атрибуция, ассоциативная структура.

Исследования образов языкового сознания на материале ассоциативных тезаурусов и ассоциативных экспериментов позволяют выявить как «системность содержания языкового сознания носителей той или иной культуры, как целого», так и «уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры» [5]. Ассоциативный эксперимент является одним из наиболее эффективных способов исследования языкового сознания и его этнокультурной специфики, так как он позволяет изучать различные связи между словами и механизмы вербальной памяти и является инструментом овнешнения образов сознания разных лингвокультур [4].

Предлагаемая статья посвящена изучению специфики языкового сознания носителей хакасского языка, связанной с образом учителя. Материалом исследования послужили данные, полученные в 2015–2016 гг. при помощи свободного ассоциативного эксперимента (САЭ), интерпретация результатов которого заключается в «осмыслении полученных на стимул ассоциативных реакций» [2, с. 133]. В качестве слова-стимула выступило слово «үзретчи», при построении ассоциативного поля участвовали только первые реакции.

Известно, что ассоциативные поля фиксируют существенные для определенного исторического времени характеристики сознания носителей конкретного национального языка и культуры. Вербальные ассоциации, составляющие ассоциативное поле, отображают некоторый

инвариант, вариантами которого являются языковые сознания конкретных носителей языка и культуры [3, с. 261–262]. В нашем исследовании приняли участие 68 носителей хакасского языка, учащиеся в возрасте от 15 до 17 лет.

Ассоциативное поле «*үзретчи*», включающее в себя 68 реакций, было построено согласно частности полученных ассоциаций (от самых популярных до единичных). Далее согласно одному из этапов метода семантической интерпретации, семемной атрибуции, ассоциативные реакции были сгруппированы по значениям по денотативному принципу: «они разделяются на группы по числу отдельных значений, которые объективируются в эксперименте и обозначают отдельные денотаты» [2, с. 142]. Семемная атрибуция ассоциативных реакций позволяет определить количество разных семем, представленных набором реакций.

На данном этапе исследования нам удалось сгруппировать ассоциативные реакции на стимул «*үзретчи*» и выделить 4 значения (рис. 1). В данную иерархию значений не была включена одна ассоциация *kizi* (4), так как она является нейтральной, и может быть определена в любую группу. При этом её частотность можно объяснить тем, что слово *kizi* включено в ядро языкового сознания хакасов, которое отражает «центральную зону культуры». В ядре языкового сознания хакасов слово *kizi* занимает первое место [1, с. 52–53].

На следующем этапе, семной интерпретации ассоциативных реакций, заключающейся в «осмыслении полученных ассоциаций как языковых репрезентаций семантических компонентов слова-стимула (сем)» [2, с. 143], мы попытались объединить близкие по семантике ассоциаты и суммировать их частотность. Согласно применяемому научному приёму, формулирование сем позволяет «приписать данную сему значению исследуемого слова», т. е. полученные формулировки сем «должны согласовываться с исследуемым словом» [2, с. 144].

Сформулированные нами семы выделенных значений слова «*үзретчи*» были ранжированы в условные дефиниции, структура которых является «перечислением экспериментально выявленными семантическими компонентами» (рис. 2):

Итак, каждое значение было сформулировано отдельно с указанием процентного соотношения количества испытуемых, актуализировавших это значение. Согласно предложенной схеме наиболее яркими являются два значения: *учитель* «даёт знания» (53 %) и «работает в школе» (28 %). Также носителями хакасского языка предложено две дополнительные дефиниции, дополняющие образ учителя: *учитель* «оказывает помощь» (14 %) и «является другом» (5 %).

Таким образом, образ учителя, репрезентируемый в языковом сознании хакасов, включает в себя следующие важные экспериментально выявленные семантические компоненты: умение передавать знания, работа

в школе, оказание помощи и наличие доброжелательных отношений с учащимися.

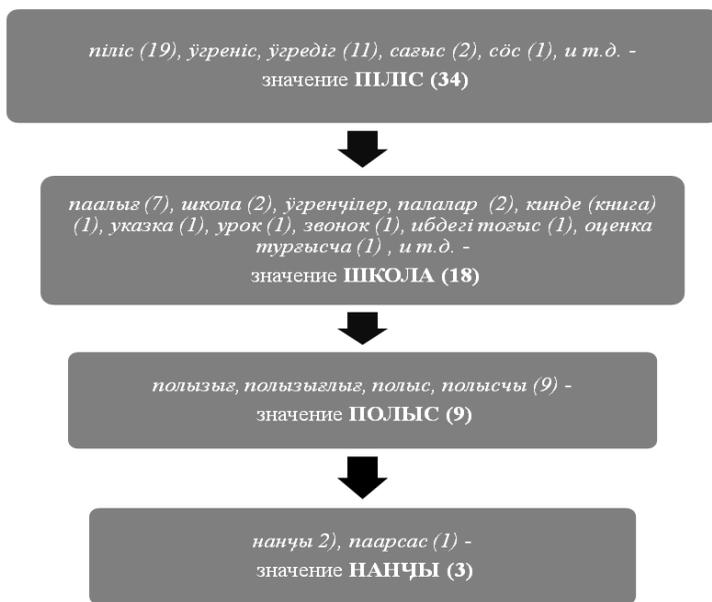


Рис. 1. Иерархия значений в ассоциативной структуре «ўгретчи»

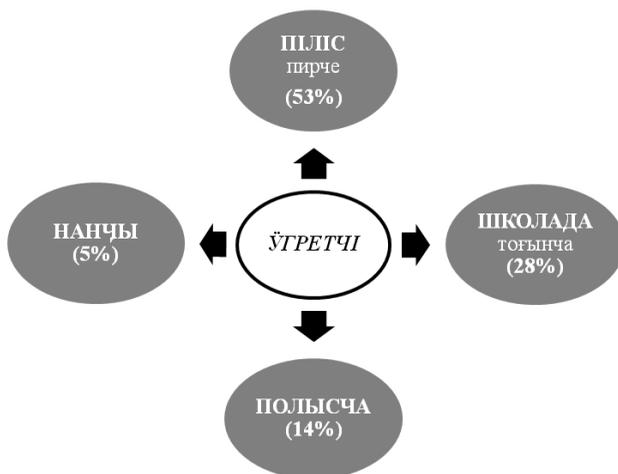


Рис. 2. Условные дефиниции, репрезентирующие образ учителя в языковом сознании хакасов

Библиографический список

1. Боргоякова А. П. Образ мира в языковом сознании этноса. (Хакасы. Русские. Англичане). М.: Советский писатель, 2003. 152 с.
2. Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. М.: Ламберт, 2011. 192 с.
3. Тарасов Е. Ф., Тарасова М. Е. Исследование ассоциативных полей представителей разных культур // Ментальность россиян / под общ. ред. И. О. Дубова. М.: Имидж-контакт, 1997. С. 253–277.
4. Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. 1996. С. 139–162.
5. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М. Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

© Топоева А. О., 2016

ОТ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ ДО ОЙРОТОВ: К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ АЛТАЙЦЕВ

В. В. Ушницкий

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

Статья посвящена проблеме происхождения алтайского народа. Алтайцы разделяются на северных и южных. К северным алтайцам относятся кумандинцы, челканцы, шорцы и тубалары. Еще в XVII в. их предки упоминаются в качестве отдельных этносов лебединских, черневых и кузнецких татар. Южные алтайцы – теленгиты и телеуты – составляют основу алтайского народа. Само название алтайцев (ойрот) напоминает о том, что алтайцы образовались из остатков ойратов, бежавших в Горный Алтай после падения Джунгарского ханства. Сеоки (родовые названия алтайцев) восходят к именам некогда крупных этносов теле, тардуш, кылчак, найман, меркит, сойот и свидетельствуют о сложной исторической судьбе региона.

Ключевые слова: этногенез, Горный Алтай, древние тюрки, северные и южные алтайцы, ойраты

Обычно процесс этногенеза народов приурочивают к современной территории обитания. Поэтому регионом формирования алтайской народности считается. Горный Алтай, горные районы которого изолированы от степной зоны. Усть-Коксинский район, расположенный в Уймонской долине, раньше был почти изолирован от остального мира, это настоящий затерянный мир. То же самое можно сказать про Улагаский район, куда вплоть до 80-х гг. прошлого века можно было добраться только вертолетом. Так как узкий проход между горных хребтов был практически закрыт. Глубокая тайга также изолировала жителей Турочакского района, где в черневой тайге вокруг Телецкого озера сохранились малочисленные этносы: теленгиты, тубалары и челканцы. В Кош-Агачском районе расположено высокогорное плато Укок. В горных рай-

онах обычно веками сохраняется древнее население. Прекрасным примером является Кавказ. Следовательно, и в Горном Алтае могли сохраниться реликтовые этнические группы.

В первом тысячелетии н. э. именно в Горном Алтае происходил процесс формирования древних тюрков, его можно назвать прародиной древних тюрков. Поэтому в Горном Алтае до сих пор можно найти прямых потомков древних тюрков, часть которых осталась на своей родине, после ухода большей части в степи Центральной Азии. Так кумандинцы состояли из родов со и куманды. В куманды можно увидеть потомков древних куманов – кыпчаков.

Кумандинцы до сих пор сохранили предания о своих голубоглазых и русоволосых предках – легендарном народе дин. В них видят динлинов. Следовательно, кумандинцы могут являться потомками угро-самоедоязычных динлинов. Хотя этноним куман. кубан тюркский и восходит к тотемному названию куба – лебедь. В сеоке куманды можно видеть потомков древних кыпчаков, формирование которых, видимо, связано с территорией Алтая. По древнетюркскому генеалогическому преданию они вышли из страны Со. Этот этноним связан с качинским сеоком со, соххы (во множ. числе сахалары). Их в свое время связывали с саха. Предположительно происхождение носителей этого этнонима связано с саками.

Люди, принадлежавшие к одному роду, считаются родственниками. Они называют себя карындаш, что означает «единоутробный». У южных алтайцев насчитывается около 30 сеоков. Наиболее многочисленными родами являются сеоки кыпчак, толос, тодош, майман, ирkit. Каждый сеок имеет своего родового хранителя. Это может быть родовая гора, родовое дерево и родовое животное. Телецкое озеро является родовым хранителем для сеоков толос, алмат, тас и кобок.

Древнетюркские корни прослеживаются у сеоков телес и тодош. В них можно увидеть потомков крыльев древних тюрков: тёлёс и тардуш. Видимо такие две фратрии имелись у древних тюрков в начальный период существования их в горах Алтая. В сеоке Ярык можно увидеть потомков тюркского племени джарук. Если хакасов принято считать потомками енисейских кыргызов, то алтайцев следует считать прямыми потомками древних тюрков.

Согласно Л. П. Потапову, к северным алтайцам принято относить следующие родоплеменные группы: 1) Тубалары (Туба-кижи, множ. число – Тубалар). 2) Челканцы, расселившиеся в бассейне р. Лебеди и особенно ее притока Байгола. 3) Кумандинцы, живущие по берегам Бии от р. Лебеди вниз, почти до самого Бийска. 4) Шорцы, обитающие в Кузнецком Алатау в верхнем течении р. Томи и ее притоков: Кондомы и Мрассы. Южные алтайцы еще во второй половине 19 в. делились на три родоплеменные группы, каждая из которых занимала вполне определенную

территорию Горного Алтая. Г. Н. Потанин во время своего путешествия в конце 1870-х годов зафиксировал со слов южных Алтайцев следующих три, как он выразился, «отделения» Тюркского племени русского Алтая: Алтай, Теленгит и Тёлес [14].

К глубокой древности относится формирование североалтайских этносов. Так, в легенде о происхождении предков древних тюрков упоминается человек, превратившийся в Лебедя. В них можно увидеть лебедице, т. е. челканцев. Челканцы разделялись на два сеока, которые по челкански именовались: Чалканыг и Шакшылыг [15]. В старинном предании о сеоке Шакшылыг говорится, что предки людей этого сеока жили раньше около Телецко́го озера. При нападении кыргызов якобы выжил один парень, спасшийся под доской [13, с. 161-168]. По данным Л. П. Потапова, шакшылыги были в бассейне Байгола не аборигенами, а пришельцами. Он считал этот род телесским по происхождению, исходя из запрета на браки шакшылыгов с телесами и целого пласта скотоводческих, степных элементов [12]. Насчет представителей другого рода Чалканыг/Шалганну: явления проанализированные Потаповым, характеризуют их, как аборигенов своих мест, кровно родственных с тубаларами и шорцами [13].

Одно из самых распространенных общих самоназваний тубаларов – йыш кизи, что означает «человек черновой тайги». Отсюда их обычное название в литературе – «черневые татары». Современные тубалары называют себя также «тубаларами» и реже «татарами» [20, с. 491].

Как считают В. Д. Славнин и Л. И. Шерстова, в этногенезе тубаларов значительную роль играли представители Кондомских волостей начала XVII в., вытесненные из Кузнецкой земли. Вторым основным компонентом стали автохтонные общности Верхней Бии и прителецкой черни у северного берега озера (комляж, тиргеш-кергеж, юс). И на эту основу наложились телесско-теленгитские и саянсю (тувинско-самодийские) пласты, все это привело к сложению общности, получившей от соседей название «тубалар». Термин «туба» закрепился в сознании окружающего эту общность населения, подвижек населения с Саян в преддзунгарское и дзунгарское время [6, с. 64].

По В. В. Радлову, черневые татары состояли из пяти племен. Среди этих племен упоминаются кюзены, тиргешы, кемнеши и паланы, юсы и торгулы [17, с. 68]. Л. П. Потапову удалось зафиксировать семь собственно тубаларских родов и два пришлых – ялан (или тогул) и ярыг [12, с. 494].

Согласно Н. В. Екееву, с Нижнего Прииртышья на Северный Алтай после разгрома Сибирского ханства с Бии появились роды тас, чагат, тогус, тибер, ја, јус, кузен, шалканду и сагал. Об этом свидетельствует и исторический фольклор. По одним данным, предки алтайцев расселялись вплоть до Урала, некоторые алтайские роды считались подданными хана

Кучума. Кузнецкие телеуты, кумандинцы, челканцы и значительная часть тубаларов (кюзены, чагаты, юсы) иногда использовали как самоназвание этноним «тадар», т. е. татар [21, с. 81].

По преданию тюрков, кости людей каждого рода сделаны из дерева особой породы. Алтайцы считают, что каждый род имеет свое родовое дерево – джайаачы, от которого он ведет свое происхождение. Родовым деревом у сеоков майман, кыпчак, мундус, кергил, является береза (кайын); у сеока монгжаан – кедр (мош); у сеоков тодош, чапты и байлагас – молодая лиственница (чет); у сеока кебек – можжевельник (арчын); а у сеоков сойон и алмат – тальник (тал).

Раньше каждый род имел своего почитаемого животного или птицу. Такое животное называлось байана. Для сеока майман им является косуля, глухарь, орел, собака; у мундусов – беркут (муркут), сова, бык (бука); у комдошей – выдра; у кебеков – волк (бору), а уто дошей – заяц (койон). Охотники в разговоре не называют конкретным именем свое родовое животное, а используют косвенное описание [5, с. 18-19].

Так название рода кыпчак происходит от слова кабук (кыбчак), означающего дуплистое дерево. Согласно алтайским преданиям, кыпчакки произошли в одном случае от змеи, а в другом – из зернышка кедрового ореха, принесенного журавлем в свое гнездо [5, с. 69].

По народной этимологии названия трех родственных сеоков ирkit, муркут и мерkit происходят от слова *муркут* (беркут), ибо как повествует легенда, первопредком носителей этих этнонимов был беркут, преображенный по воле бога в мужчину [3, с. 252]. Такие же сведения имеются о роде меркут среди монголов-торгаутов (торгоутов).

Ключевую роль в формировании алтайской народности сыграло существование Теленгитского ханства. Нынешние теленгиты и телеуты, а также представители их сеоков, принимавших участие в сложении алтайкижи, являются незначительным остатком многочисленного этноса, переселенного джунгарами в глубь Центральной Азии и полностью там погибшего вместе с гибелью Джунгарского ханства.

Утверждая о наличии среди алтайцев найманов, отождествляют их с майманами – которых можно назвать отдельной этнографической группой в составе алтайкижи. Майманы Горного Алтая могли получить свое имя от названия речки Майма. Но у них есть предание о появлении предков с дальних мест, когда большая часть народа была истреблена врагами [11, с. 38–42].

Загадкой является тот факт, что алтайцам не известен тюркский этноним Огуз, зато есть племена – название которых сходствует с китайским наименованием предков огузских племен – теле. Это название пытаются воспроизвести как терек или связать с динлинами.

Видимо термин огуз возник в период существования Орхонского каганата как политический термин, обозначая покоренные тюрками-туغو

племена теле. Видимо, поэтому он не известен в Горном Алтае, и там сохранился старинный этноним теле. В телеутах можно увидеть прямых потомков древних телесцев – гаогюй. Об этом говорит и присутствие носителей названий телеских племен аба и киби в лице представителей сеоков аба и кобый. Теленгиты являются потомками телеского племени долангэ, сохранившегося вплоть до монгольских времен в лице племени теленгут. Телесы тоже упоминаются в монгольских хрониках как племя тулас. Следовательно, племена Горного Алтая также входили в состав лесных народов Баргуджин Тукума. Тот факт, что только в Алтае сохранились прямые потомки теле, говорит об их изолированном существовании в горных районах.

Б. Р. Зориктуев ставит знак равенства между теле и тюрками, то же самое можно сказать и об огузах, тождественных древним тюркам. Китайский этноним теле воспроизводится как терек, что очень близко к тюрк или турук. Следовательно, телеуты или теленгиты – это не потомки племен теле, и их название не воспроизводится от имени теле. В телеутах и теленгитах можно увидеть потомков древних динлинов.

В древних тюрках принято видеть прямых потомков хунну. Но древние тюрки как сложившийся этнос вышли из гор Алтая. Их формирование связано с синкретичной булан-кобынской культурой, сформировавшейся из слияния пазырыкцев, считающихся ирано-самодийцами, с пришлыми хуннами. Поэтому Горный Алтай можно считать прародиной тюркских народов. К тому же язык хуннов относили к тюркским, монгольским и к тунгусским языкам. Поэтому его можно назвать праалтайским.

Библиографический список

1. Бельгибаев Е. А., Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Мир таежных культур юга Сибири (Традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). Омск: «Издательский дом «Наука», 2006. 260 с.
2. Гоголев А. И. Якуты: (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 195 с.
3. Дыренкова Н. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. С. 247–259.
4. Зуев Ю. А. Киргизы-буруты. (К вопросу о тотемизме и принципах этнонимообразования) // Сов. этнография. 1970. № 4. С. 84.
5. Лебедев А. В горах Алтая. 4 издание. М.: Издатель И. В. Балаванов, 2009. 260 с.
6. Славнин В. Д., Шерстова Л. И. Народы Северного Алтая: некоторые проблемы этногенеза и этнической истории // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. СПб.: Изд. Дом С Петерб. гос. ун-та, 2008. С. 5–125.
7. Тадина Н. А. Алтайцы между «Севером» и «Югом» (К проблеме внутриэтнического общения) // Известия АГУ (серия «история», 4/2 (60). Барнаул, 2008. С. 178–184.
8. Тадина Н. А. «Моя родина – Калмакстан»: новый образ как результат взаимовлияний алтайцев и казахов Горного Алтая // Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии. Семипалатинск: СемГУ, 2008. Вып. 9. С. 316–322.
9. Тадина Н. А. «Ойрот» как символ государственности в этническом сознании алтайцев // Материалы Международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой Рос-

- сии: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Часть 1. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. С. 424–427.
10. Тенгерекв И. С. Теленгиты. Историко-этнографический очерк. URL: http://www.eurasica.ru/articles/altaiian/istengerekov_istoriko-etnografich-eskiy_ocherk_telengety/ (дата обращения: 01.09.2008).
 11. Тюхтенева С. П. Люди с собакой печенью // Проблемы этногенеза и этнической истории тюрко-монгольских народов. Элиста 2004. С. 31-45.
 12. Потапов Л. П. Разложение родового строя у племён Северного Алтая. М., Л.: Гос. соц. экон. изд-во «Огиз», 1935. Ч. 1.: Материальное производство.
 13. Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. 307 с.
 14. Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л: Наука, 1969. 190 с.
 15. Потапов Л. П. Заметка о происхождении челканцев-лебединцев // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 304–313.
 16. Потапов Л. П. Исторические связи алтае-саянских народов с якутами (по этнографическим материалам) // Сов. Этнография, 1978. № 5. С. 85–95.
 17. Радлов В. В. Из Сибири. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989. 750 с.
 18. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 312 с.
 19. Функ Д. А., Шерстова Л. И. Алтайцы // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 375–463.
 20. Функ Д. А., Сарбашева С. Б. Тубалары // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 491–512.
 21. Екеев Н. В. Проблемы этнической истории алтайцев (исследование и материалы). Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2011. 232 с.
- © Ушницкий В. В., 2016

ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

М. Д. Чертыкова

ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

Статья посвящена функционально-семантическому описанию глаголов со значением зрительного восприятия в хакасском языке. По нашим сведениям, в хакасском языке действует шесть глаголов и одна фразеологическая единица, объединенные общим признаком восприятия окружающего мира органами зрения. Эти глаголы дифференцируются в направлении отношения: смотреть, глядеть куда, в какую сторону и целенаправленности / нецеленаправленности процесса.

Ключевые слова: хакасский язык, восприятие, глагол, семантика, сочетаемость.

Восприятие – это форма чувственного отражения действительности в сознании, способность обнаруживать, принимать, различать и усваивать явления внешнего мира и формировать их образы [1, с. 19]. Из глаголов

со значением восприятия в хакасском языке наиболее обширными по количеству лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ) и частотными по употребительности являются глаголы **көр-** «смотреть, видеть» и **ис-** «слышать». Глаголы восприятия образуют семантическое поле на основании общности категориально-лексической семы «воспринимать окружающий мир определенным органом (зрением, слухом, обонянием, осязанием)», напр., **көр-** «смотреть», **ис-** «слышать», **чыста-** «нюхать», **тең-** «прикасаться» и др. Они отражают процесс восприятия окружающего мира во всем его многообразии, в центре которого находится человек воспринимающий. Однако, в отличие от других глаголов антропоцентричной сферы, глаголы восприятия обозначают такие процессы, которые присущи не только человеку, но и другим живым существам, т. е. функции восприятия свойственны всем живым существам. Мы считаем, что принципиальное разграничение восприятия окружающего мира людьми и животными состоит в осознании / познании воспринимаемой информации.

Цель статьи – выявить и проанализировать в функционально-семантическом аспекте глаголы со значением зрительного восприятия в хакасском языке. Глаголы зрительного восприятия отражают один из наиболее важных для человека видов перцептивной деятельности – восприятия окружающего мира органами зрения. В хакасском языке к таким относятся: **көр-** «смотреть» (с залоговыми производными: **көрін-** «виднеться», **көріл-** «рассматриваться», **көріс-** «видеться»); **хара-** «1) пристально смотреть; всматриваться; 2) обозревать что-л. »; **харахсын-** «1) высматривать что-л., находящееся вдали; 2) обозревать, озираться вокруг»; **пахла-** «заглядывать, выглядывать через что-л. (напр., окно, дырку)»; **харахта-** «зырить», **харах таста-** «смотреть, бросать взгляд; букв. бросать глаз», **хылчацна-** «оглядываться по сторонам (чаще, назад)», объединенные общим инвариантным признаком «воспринимать что-л. зрительно». Ядерным является многозначный глагол **көр-** «смотреть», который в различных фонетических вариантах представлен во всех тюркских и в древнетюркском языках. А. А. Юлдашев пишет, что глагол **көр-** обнаруживает несомненную этимологическую связь с общетюркским словом **көз** «глаз», сопоставление с которым делает возможным усмотреть в нем корень **кө** и формант **-р**, представленный также и в татарском **үкер-** «мычать», «выть» (ср. **үгез** «бык») и других образованиях. При таком предположении и соответствующий фонетический вариант – з в словах **көз** и **үгез** приходится рассматривать как формант [2, с. 300].

Глагол **көр-** «смотреть, видеть» является многозначным, помимо основного ЛСВ «смотреть, видеть», он выражает переносные неперцептивные значения. **Көрерге (көр-)** «1) видеть; обладать зрением; 2) смотреть, глядеть, воспринимать зрением что-л.; 3) присматривать, ухаживать за кем-л.; 4) испытывать, переносить, претерпевать, переживать что-л.;

5) сознавать, понимать что-л.; 6) находить, считать кем-л., чем-л., принимать за кого-л.; 7) в качестве вспомогательного глагола обозначает, что действие совершается для пробы; 8) вводное слово (выражает иронию); *кӧрӱнердек се аны* посмотрите-ка на него; 9) вводное слово (обозначает источник высказываемой мысли; *мин кӧргенде* на мой взгляд» [3, с. 205–206]. Как видим, значение глагола **кӧр-**, помимо основного значения «смотреть, видеть», связано с различными сферами жизнедеятельности: а) социальной. Здесь выделяются два ЛСВ: 1) присматривать за маленькими детьми. *Паланы кӧр* – Присмотри за ребенком; 2) ухаживать за пожилыми людьми, домашним скотом, хозяйством. *Ооллары кирі ичелерін чахсы кӧрчелер* – Сыновья хорошо ухаживают за старой матерью; *Мин парьбыссам, малны, огородты кӧрерзер* – Когда я уеду, ухаживайте (букв. смотрите) за скотом и огородом; б) эмоциональной. *Че хайдаг даа хыйал кӧрзе, ол ибӱркзіне чахсы ла идерге сагынчаң* – Какие бы страдания она ни испытывала (букв. ни видела), она всегда старалась делать добро окружающим. *Ол чолда кӧп ирее кӧрген* (Чкч, 22) – Он много мучений пережил (букв. видел) в пути. *Чылыг сугны ол азып, чахсы даа ниме кӧрбеен* (Чкч, 23) – Перейдя теплую воду, он не видел ничего хорошего; б) ментальной. *Хайди син кӧрчезің, ол мында кирек пе?* – Как ты считаешь, он нужен здесь? *Постары кӧрзіннер, олох минің чоогымны олар истинчелер* – Пусть сами решают, все равно они меня не слушают. Во всех этих случаях глагол **кӧр-** имеет переносное значение. По свидетельству А. А. Юлдашева, эмоциональное и ментальное значения глагола **кӧр-** распространены во многих тюркских языках, что объясняется тем, что его «исходное значение охватывает весьма широкое понятие, связанное со множеством других, более частотных, но родственных с ним понятий» [2, с. 303–304]. Кроме того, в семантике данного глагола мы выделяем следующие ЛСВ: 1) «быть зрителем на культурных, спортивных и др. мероприятиях»: *концерт (ойын, айтыс, кӱрес, атчарызын и т. д.) кӧрерге* – смотреть концерт (спектакль, состязания тахпахчы, борьбу, скачки и т. д.); 2) «проводить медосмотр пациента». *Имчі чылдың сай аалдагы палаларның тістерін кӧрче* – Врач каждый год проверяет зубы сельских детей; 3) «встретиться с кем-либо». *Мин кичее Лизаны кӧргем* – Я вчера встречала Лизу. В этих трех ЛСВ глагола **кӧр-** сохраняется сема перцептивности. 4) в качестве вспомогательного глагола обозначает, что действие совершается для пробы («пробовать делать что-либо»). *Син адыңны пазох чіке тургыс кӧрдек* (Чкч, 195) – Ты попробуй-ка опять поставить на дыбы свою лошадь. *Пуӱн фашисттер ікі танк полызынаң сыын кӧргеннерӧк* (Чкч, 199) – Сегодня фашисты с двумя танками тоже пробовали сунуться [к нам]. При реализации глагола **кӧр-** в названных ЛСВ объект также предсказуем, специализирован, например, при реализации глагола **кӧр-** в ЛСВ «испытывать, переносить, претерпевать, переживать что-л.» глагол **кӧр-** сочетается обычно с именами, выражающими

(чаще) отрицательные эмоции, полярные качества состояний жизнедеятельности человека. *Мин өриністі дее, чобазны даа, чахсыны даа, хомайны даа көргем* – Я видел и радость, и горе, и хорошее, и плохое.

Один из основных признаков семантики глагола **көр-** – это «направление взгляда», которая может быть конкретизирована дифференциальными признаками «вверх», «вниз», «назад», «в какую-либо сторону», «на все объекты». В контексте эти признаки уточняются существительными, местоимениями в форме напр. п. (**тағзар** «на гору», **минзер** «на меня», **чолзар** «на дорогу», **тігзер** «туда» и т. д.) или же наречием (**хыйа** «в сторону», **көні** «прямо» и т. д.). *Хадарчы, хыйа көрбіскенде, үстүнзер атыгыбысхам* (Чкч, 165) – Когда сторож посмотрел **в сторону**, [я] прыгнул на него.

В ЛСВ «иметь зрение» глагол **көр-** может употребляться с наречиями качества типа **чахсы** «хорошо», **хомай** «плохо», **чадап ла** «еле-еле, кое-как». *Конаң харындас пу чазына ам даа чахсы көрче* – Брат Конан в своем пожилом возрасте еще хорошо видит. Полное отсутствие зрения обозначается глаголом **көр-** в отрицательной форме: **көрбинче** «не видит» или же сочетанием **харах чох** «слепой; букв. без глаз».

Остальные глаголы зрительного восприятия отличаются от глагола **көр-** узостью семантики, выраженными в таких основных признаках, как целенаправленность действия и расстояние обзора от субъекта до объекта (вдаль / вблизи). Глагол **хара-** «пристально смотреть по сторонам, обозревать что-л. » функционирует и в других тюркских языках, также в монгольском (**кара-**) в значении «смотреть». В некоторых тюркских языках (в азербайджанском, каракалпакском) данный глагол обладает ЛСВ «подчиняться», в татарском, башкирском и др. Он может принимать на себя модальное значение «попробовать», которое в хакасском языке выполняет только глагол **көр-:** «тат. *әйттеп кара* «попробуй попытаться сказать», *әшлеп карагыз* «попробуйте попытаться сделать»; башк. *казып каранык* «мы попытались, пробовали копать», *язып карайык* «попробуем попытаться писать» и т. п. В хакасском языке глагол **хара-** нейтрален к семе целенаправленности действия, но маркирован семами «вдаль» и «в разные стороны». *Сині харап орайда, чалгыс чүреем чобалча* (Хч, 8) – Выглядываю тебя в сумерках, [мое] одинокое сердце страдает.

Следующие глаголы **харахсын-** «1) высматривать что-л., находящееся вдаль; 2) обозревать, озиаться вокруг» и **харахта-** «зырить» образованы путем присоединения к основе **харах** «глаз» глаголообразующих аффиксов **-сын-** и **-та-**. Им свойственна целенаправленность действия. Глагол **харахсын-** предполагает, что субъект смотрит по сторонам в поисках чего-кого-либо или желая увидеть что-л. интересное: *Малын читпес санабызып, тың үрүк парып, аар-пеер харахсынган* (Ат, 1991, 59) – Не досчитав свой скот, [он], сильно напугавшись, оглядывался по сторонам. Глагол **харахта-** обозначает «смотреть в одном направлении, зорко, при-

стально». *Кўн тооза телевизор ла харахтан одыр* – Целыми днями сидит и смотрит телевизор.

Глагол **пахла-** «1) заглядывать через что-л. (окно, дырку т. д.); 2) выглядывать из-за чего-л. (напр., из-за дома, забора и т. д.)» в контексте обязательно указывает на позицию преграды между субъектом и объектом. *Көрибиссе, хананың чиктерінең ирке харагастар пахлапчалар* (Чкч, 118) – Он увидел, что из щелей забора выглядывают детские глазки.

В хакасском языке используется фразеологическая единица, калькированная с русского языка **харах таста-** «смотреть, бросать взгляд; букв. бросать глаз». Семантика данного фразеосочетания предполагает конкретное место или объект зрительного восприятия. *Хайдар даа харах тастазам, праи чирде чахайахтар* – Куда ни посмотрю, везде цветы. Для глагола **хылчанна-** «оглядываться по сторонам, чаще, назад» характерна сема «поворачивая голову», однако не актуализируются направление и целенаправленность действия. *Ол, ибiре-сибiре хылчаннапча* (Чкч, 26) – Он оглядывается вокруг [поворачивая голову]. По сравнению с другими ЛСГ малочисленность глаголов восприятия восполняется их реализацией в различных грамматических и аналитических структурах.

Итак, по нашим сведениям, в хакасском языке функционируют шесть глаголов и одно фразеосочетание с общим семантическим признаком «воспринимать что-л. зрительно». Зрительное восприятие одно из ведущих аспектов общего восприятия действительности субъектом. Однако данное восприятие не всегда бывает объективным, чаще субъект видит то, на чем акцентирует свое внимание или же что неизбежно попадает в поле его зрения. Наиболее частотным и нейтральным является глагол **көр-** «смотреть, видеть», который имеет, кроме основного, и переносные значения, покрывающие те или иные действия в других сферах жизни.

Для глаголов **харахсын-** «1) высматривать что-л., находящееся вдали; 2) обозревать, озиаться вокруг», **хара-** «приспально смотреть по сторонам, обозревать что-л.» характерны семы «вдаль» и «по сторонам», а для глагола **хылчанна-** «оглядываться по сторонам, чаще, назад», кроме семы «по сторонам», также сема «назад». Глаголы **харахта-** «зырить», **пахла-** «1) заглядывать через что-л. (напр., окно, дырку т. д.) и фразеосочетание **харах таста-** «смотреть, бросать взгляд; букв. бросать глаз» выражают смотрение в одном направлении. Позицию субъекта при всех глаголах смотрения занимают имена, входящие в семантическое поле «человек», только при глаголе **көр-** имена могут обозначать как человека, так и других живых существ. Объект зрительного восприятия при них оформляется направительным или винительным падежом.

Библиографический список

1. Моисеева С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. 264 с.
2. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

3. Юлдашев А. А. Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: АН СССР, 1961. С. 294–461.

Список иллюстративных источников

1. Ат – Татарова В. Аат табызы. Повесть. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1991. 176 с.
2. Хч – Кобяков В., Топанов А. Хызыл чазы. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1982. 252 с.
3. Чкч – Чарых кўнниг чирим. Солнечный мой край. Сб-к художественных произведений хакасских авторов. Сост.: А. Е. Султреков, Л. В. Челтыгмашева, Н. С. Майнагашева. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. 348 с.

© Чертыкова М. Д., 2016

МЕНТАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ, НЕ ИМЕЮЩИЕ СИНОНИМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ, В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

М. Д. Чертыкова, В. Л. Канзычаков
ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

Статья посвящена выявлению и лексико-семантическому анализу ментальных глаголов, не имеющих синонимических связей в лексической системе хакасского языка. В ходе исследования таких глаголов отмечается, что они имеют широкую объектную сочетаемость и высокую частотность употребления.

Ключевые слова: хакасский язык, ментальные глаголы, многозначность, объ-ект, сочетаемость.

Цель статьи – выявить и дать лексико-семантическую характеристику ментальным глаголам, не имеющим синонимов, в хакасском языке.

Ментальные глаголы обозначают процесс умственной деятельности субъекта и по общности категориально-лексической семы «осуществление ментальной деятельности» в своем значении объединяются в одну лексико-семантическую группу (далее – ЛСГ). Данные глаголы по наличию или отсутствию в их семантике указания на результат действия подразделяются на глаголы ментальных действий (или глаголы мышления) и ментальных состояний (или глаголы знания). Важным свойством глаголов мышления является «динамичность», а глаголов же знания – «статичность» их носителя. Соответственно, ЛСГ ментальных глаголов имеет два идентификатора – выразителя общего категориально-лексического значения глаголов каждой из подгрупп: глагол **пiл-** «знать» [3] и глагол **сагыи-** «думать» [4]. Далее общая категориальная сема уточняется, конкретизируется при помощи дифференциальных сем.

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, группа ментальных глаголов ограничена. Однако большинство из них являются многозначными и обычно все лексико-семантические варианты (далее – ЛСВ) не выходят за пределы обозначения ментальной деятельности, хотя один и тот же глагол в различных контекстах дает совершенно разные значе-

ния, покрывая при этом многие аспекты ментальной деятельности. Примеры: **онна-** «1) понимать; 2) постигать; 3) помнить; 4) замечать; 5) уметь», **оңар-** «1) понимать; 2) улавливать, понимать смысл чего-л. с некоторым трудом; 3) соображать, понимать что-л.; 4) сознавать, осознавать, понимать что-л., убедившись в истине или поняв ее, отдавая себе отчет в чем-л., правильно оценивая происходящее» и др. Незначительная часть многозначных глаголов выражают умственный процесс только в одном из своих ЛСВ: первичном или вторичном. Примеры: **кӱр-** «1) смотреть, видеть; 2) ухаживать, присматривать за кем-л.; 3) испытывать, переживать что-л.; 4) находить, считать», **сизірке-** «1) ощущать, чувствовать; 2) осознавать; 3) догадываться», **ух- шор.** «1) понимать, догадываться; 2) слышать» и др.

У многозначных глаголов в разной мере развиты синонимические отношения с глаголами как внутри подгруппы, так и за ее пределами. Однако имеется немало ментальных глаголов, не имеющих синонимов. Эти глаголы однозначны (или моносемантичны) или полисемантичны. Обычно единственное значение имеют существительные, например, *халас* «хлеб», *сүт* «молоко», *хабар* «новость», *маймах* «обувь» и т. д. Е. К. Мухамедзянова, отмечая немногочисленность однозначных глаголов на фоне общего количества глаголов одной ЛСГ, пишет: «...хотя в плане изучения семантики слова именно они признаются основными, поскольку прямые значения непосредственно отражают восприятие человеком того или иного предмета, действия или качества действительности» [1].

Однозначными являются глаголы, которые имеют единственное конкретное, номинативное значение. Такие глаголы выражают конкретные действия: **хыгыр-** «читать», **пас-** «писать», **хооста-** «рисовать», **сиг-** «чертить», и др. В ментальной сфере моносемантичными являются глаголы, связанные с физическими действиями с применением умственных способностей. Как правило, у однозначных глаголов в большей степени развиты объектные дифференциации, например, читать можно записи, относящиеся к различным объектным категориям: книгу, доклад, стихи, записки, рекламу, вывески, письмо и др.

В хакасском языке, по нашим сведениям, треть от общего числа ментальных многозначных глаголов, не имеют синонимичных отношений. Это такие глаголы, как **талла-** «1) выбирать, отбирать; избирать кого-л., что-л. из чего-л.; 2) перебирать, отбирать кого-л., что-л., сортировать (классифицировать); 3) *перен.* быть разборчивым в ком-л., гнушаться, пренебрегать кем-л., чем-л., отвергать, отказываться от чего-л.» [2, с. 584], **істес- взаимн.** от **істе-** «1) помогать следить за кем-л., чем-л.; следовать друг за другом, выслеживать друг друга; 2) преследовать кого-л., что-л.; преследовать друг друга; ср. *істирге* (во 2 значении); 3) совместно искать, разыскивать кого-л., что-л.; искать друг друга; 4) вести исследования, изучать что-л.» [2, с. 147], **киргін-** «1) надеяться на кого-л.;

2) верить в кого-л., во что-л., доверять кому-л., чему-л.; 3) убеждаться, уверяться в чем-л. » [2, с. 172] и др. Диапазон реализаций одиночных многозначных глаголов шире. У таких глаголов не только широкая сочетаемость, но и высокая частотность употребления. В качестве примеров рассмотрим семантические структуры двух глаголов: **паала-** «оценивать» и **тиңестір-** «сравнивать».

Глагол **паала-** «1) определять цену, стоимость, оценивать что-л.; 2) расценивать, давать оценку кому-л., чему-л.; 3) придавать значение, принимать во внимание [2, с. 332]. Как видим, объектная ориентация данного глагола распространяется на оценку:

а) предметов и вещей в денежном эквиваленте. *Пуўнги чуртаста прай ниме ахчанаң паалалча* (Хч, 11, 6) – В наше время все измеряется деньгами. *Албыгалар амды алтынга паалалча* (Сс, 60) – Соболи нынче на вес золота. *Орай кўскўде ѓскїрген хастарның идін садарбыс, че сагам нинче паалап садарын пїлбинчебіс* – Мы будем продавать мясо гусей, которых откормили поздней осенью, но пока не знаем, на сколько оценить.

б) характеристик и параметров предметов и явлений с точки зрения эстетики, качества, использования и т. д.; *Кўрїгчїлер фильмнї пўзїк паалааннар* (Хч, 72) – Зрители высоко оценили фильм. *Аның чайап салған тоғыстарын хоосчылар пўзїк паалапчалар* (Хч, 13) – Художники высоко оценили его творческие работы. *Ирткен фестивальларда кинектернїң узы пўзїк паалалған* (Х, 9) – В прошедших фестивалях высоко оценили мастерство инвалидов. В подобных предложениях глагол **паала-** сочетается с наречиями, обозначающими высокое качество объекта типа **пўзїк** «высоко», **чахсы** «хорошо» или в образовательной сфере: **писке** «на пять», **тўртке** «на четыре» и др. Однако, значение глагола **паала-** логически не соотносится с наречиями, выражающими низкое качество объекта, нельзя сказать, например, *хомай паалааннар* – плохо оценили. Если встречаются примеры, где данный глагол сочетается с наречиями, выражающими низкое качество, то смысл предложения приобретает отрицание данного действия: *Ипчї кїзї чуртаста хайдаг тузалыг полчатханын тўбїн паалирға чарабас* (Ткў, 123) – Нельзя недооценивать пользу женщины в жизни (букв. нельзя низко оценивать).

в) достоинств и качеств характера человека. *Гера, хайди син сизинминчезїң, тоғыста синї паалабинчалар* (Сс, 184) – Гера, как ты не догадываешься, на работе тебя не ценят. *Кїзїнї, тоғызынаң кўрїп паалапчабас* (Хчк, 112) – Человека мы оцениваем по его работе. – *Килїскек паза їзестїг оол, – пїди паалапчалар Николай Катановты пастыхтар* (Тс, 31) – Подходящий и надежный парень, – вот так начальники оценивают Николая Катанова.

д) жизненно важных ориентиров. *Чуртасты пасха саринаң паалирға килїсче* (Сс, 18) – Приходится переоценивать жизненные ценности. *Пу чоохтың ѓдн сағызы мындаг тїп паалапчам: хынысха ўгренерге кирек, хы-*

нын пілерге кирек (По, 46) – Я так оцениваю основную мысль этого рассказа: надо учиться любви, надо уметь любить. *Че поэзының палазына прай поэзын пирініп, орнына пір дее ниме кирексібинчеткен іченің хыри-пазы чох хынызын оолгы читіре паалап полар ба за?* (Ат, 38, 60) – Но сможет ли сын до конца оценить безграничную любовь матери, посвятившей всю свою жизнь своему ребенку, но ничего не требующей взамен.

Глагол **тиңнестір-** «1) сравнивать, сопоставлять кого-л., что-л. с кем-л., чем-л.; 2) равнять, приравнивать; 3) равнять, подравнивать, выравнивать [2, с. 621]». Как видим, значения данного многозначного глагола не выходят за пределы двух понятий:

а) сопоставления объектов для установления сходства и различия. *Ам ну көзідімнерні тиңнестіріңер, ну ағырығларның салтарларынаңар поэыңар сағыныңар* (Хч, 161) – Теперь сравнивайте эти примеры, и думайте сами, чем заканчиваются такие болезни. *Оларны пасха регионнараң тиңнестірге, пірдеезі чазығ тоғынмаан* (Сс) – Если сравнивать их с другими регионами, то все они работали хорошо (букв. никто из них плохо не работал). Наименование объекта в таких конструкциях обычно выражается именем во множественном числе.

б) установления преимущества в характеристиках и признаках одного объекта над другим. *Парған сай, аалны көріп, тиңнестірчем амдығызын ырткен чылларнаң* [пример 1] (Х, 67) – Каждый раз, когда езжу в деревню, сравниваю прошлое ее состояние с нынешним. *Сағыс поэы ла ну ікі комсомолканы, Зояны паза Зинаны, тиңнестірге* [пример 2] (Тс, 43) – Мысли сами сравнивают этих двух комсомолок, Зою и Зину. В подобных конструкциях называются сравниваемые объекты, выраженные именами в именительном и исходном падежах [см. пример 1] или же именами в винительном падеже [см. пример 2].

Таким образом, рассмотрены ментальные глаголы, не имеющие синонимических связей в лексической системе хакасского языка. Наш опыт исследования хакасских ментальных глаголов позволяет нам утверждать, что у этих глаголов слабо развиты синонимические отношения. Будучи, в основном, многозначными, они частотны в употреблении и имеют широкие объектные валентности.

Библиографический список

1. Мухамедзянова Е. К. Моносемантические глаголы современного русского языка. Москва. АКД: 10.02.01. 1998.
2. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука. 2006. 1114 с.
3. Чертыкова М. Д. Семантическая структура глагола **пiл-** «знать» и его производных в хакасском языке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3 (24). С. 178–184.
4. Чертыкова М. Д. Семантическая структура глагола **сағын-** «думать» в хакасском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1 (57). С. 161–165.

Список иллюстративных источников

1. Ат – Ах тасхыл. Альманах.
2. Ткө – Тиников Н., Тiрiг кiзi дiлбечен. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва. 1982. 239 с.

3. Тс – Баинов Б. Тас сом. Очерктер. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1967.
4. Сс – Шулбаева В. Сарналбаан сарын. Пьесалар, чоохтар. Абакан: Абакан: Хак. кн. изд-во, 1987. 206 с.
5. Х – Тюкпиеков Н. Хыстагда. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1977. 109 с.
6. Хч – Кобяков В., Топанов А. Хызыл чазы. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1982. 252 с.
7. Хчк – Хакас чирінің кізілері. Очерктер. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1985. 138 с.

© Чертыкова М. Д., Канзычаков В. Л., 2016

О КОНЦЕПТЕ «САҢАН / СНЕГ» В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

Г. Н. Чимитдоржиева

Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

В статье даны описание и анализ концепта саһан «снег» в бурятском языке. Автор выявляет особенности концепта саһан «снег», рассматривает принципы разграничения ядерных и периферийных лексем поля, осуществляет классификацию номинантов концепта с точки зрения их семантических функций. Представлена попытка определения соотношения между языковыми единицами и концептуальными структурами, сохраняющимися в сознании носителей языка знания о данном природном явлении как о таком, которое существует объективно и характеризуется определёнными особенностями.

Ключевые слова: языковая картина мира, языковые средства, концепт, номинативное поле концепта, ядерные (базовые) лексемы, периферийные лексемы, «снег».

В настоящей статье мы рассмотрим концепт *снег*, репрезентируемый в бурятском языке словом *саһан*, который весьма важен для сознания бурятского народа, проживающего на территории, где снег является одним из неперменных атрибутов зимы и где снежный покров лежит в течение всей зимы непрерывно.

На основе анализа ключевых знаков и поиска к ним синонимов, гипонимов, дериватов, фразеологизмов, паремий, афоризмов, а также анализа прямых, производных, индивидуально-авторских, метафорических номинаций, однокоренных слов, контекстуальных синонимов, устойчивых сочетаний слов, свободных словосочетаний, субъективных словесных дефиниций, словарных толкований, энциклопедических статей, тематических, публицистических, художественных текстов и т. д. проводятся исследования сущности языкового представления концепта – соотношения концепта и языковых средств его объективации. Эти исследования привели к активному внедрению понятия «номинативное поле концепта, которым обозначается вся совокупность языковых средств, объективирующих концепт [3, с. 69–71].

Языковая картина мира как способ фиксации мыслительной деятельности человека выполняет функции определения основных элементов концептуальной картины мира и экспликации её средствами языка. Представление концептуального содержания в языке обусловлено механизмами человеческого познания, при котором происходит постепенная детализация, дифференциация человеческого знания о мире. Участие разных типов мышления в создании концептуальной картины мира делает ее богаче языковой. Вербализированные образы и языковые модели дополняют и корректируют нашу общую картину знания о мире. Полученные знания прослеживаются в терминах ядра и периферии, ключевых для любого поля. Ядро, как известно, составляют базовые лексемы, способные однозначно номинировать описываемый концепт. Для них характерны высокая частотность, древность, многозначность, наличие дериватов, фразеологизмов, обширные синтагматические и парадигматические связи [2, с. 7]. Перечисленными функциональными свойствами для концепта *снег* в бурятском языке обладает существительное *саһан*. Эта ключевая лексема является прямым номинантом снега, и обладает многозначностью, частотностью, образует крупное словообразовательное гнездо и т. д.

Данной статьей мы начинаем серию исследований, посвященных анализу языковой вербализации концепта *снег* в бурятской языковой картине мира. Вопрос о характере отражения картины мира в его языковой модели представляется, на первый взгляд, простым, но перед исследователем возникают трудности при попытке воссоздать языковую модель на конкретном лексическом материале: ведь языковая картина мира должна быть представлена с учётом многостороннего познания мира и многоуровневого отражения действительности в языке. Избранный для исследования фрагмент языковой картины мира будет «вопроизведен» на основе анализа словарных дефиниций, прямых, производных, метафорических номинаций, синонимов, устойчивых сочетаний слов, свободных словосочетаний. Это позволит обнаружить соотношение между языковыми единицами и концептуальными структурами, сохраняющими в сознании носителей языка знания о природном феномене как о явлении, которое существует объективно и характеризуется определёнными особенностями.

Материалом исследования послужили лексемы и устойчивые словосочетания бурятского языка, имеющие отношение к рассматриваемому концепту. Они были отобраны методом сплошной выборки материала из «Бурятско-русского словаря» [1].

При исследовании концепта необходимо установление значения основной лексемы, репрезентирующей его в языке. Снег – это 1) вид атмосферных осадков в виде небольших хлопьев застывшей воды (снежинок) в форме шестиугольных пластинок и шестилучевых звёздочек; выпадает

из облаков при низкой температуре воздуха; 2) масса выпавших снежинок, образующая рыхлый, не очень плотный белый слой.

Помимо ключевой лексемы (архисемы) *сахан* концепт представлен производными словообразовательными единицами, обозначающими: частицу (*сахахан* уменьш. от *сахан* «снежок, снежинка», *абаахай сахан* перен. снег хлопьями, пушистый снег; снежинка); качества (*сахархуу* «снежный; недомогающий при снегопаде (мёрзнуть и т. д.); любящий снег (о животных)», *саһата(й)*, *саһабхи* «снежный», *саһагүй* «бесснежный», *саһа ехэтэй* «снежистый, снежный (о зиме)»; действия (*саһадаха* «посыпать снегом что-либо; кидать снежными комьями», *саһажаха* «часто идти (о снеге), снежить», *саһархаха* «недомогать при снегопаде; аг. хотеть снега (о домашних животных)»; а также рядом синонимов: *саһа бороо* «осадки», *нойтон* «осадки (дождь, снег)» (от *нойтон* «влажный, сырой, мокрый; сырость», *саһа оролго*, *саһанай уналга* «снегопад», *хирмаг (саһан)* «мелкий снег, пороша», *хүбэнэг ~ хүмэнэг* «(снежная) пороша; рыхлый снег», *хүшэлтэ* «снежок», (*саһа*) *шамарган* «снег весной».

К базовым лексемам концепта наиболее приближены гипонимы снега, называющие его разновидности по своему строению, форме, размеру и другим видовым характеристикам. В бурятском языке это устойчивые словосочетания и одиночные лексемы: *сахахан* «снежинка, снежок», *саһанай сагаан хөөбэринүүд перен.* «снежинки» (букв. пушинки снега), *абаахай сахан* перен. «снег хлопьями, пушистый снег; снежинка, снежная пушинка» (ср. *абаахай* «паук, мизгирь»), *хирмаг*, *хүбэнэг (саһан)*, *хүмэнэг (саһан)* «(снежная) пороша, мелкий снег, рыхлый снег», *хүшэлтэ* «снежок», *сарья* «свежевыпавший (тонким слоем) снег, снежная пороша», *сэн(г)*, *сэн бун*, *сэн саһан* «иней, изморозь», *саһан хюруу* «сильный иней». К ядру мы относим также другие существительные, представляющие естественные формы существования снега в виде покрова, отложений различного размера, в движении под воздействием снега и под копытами лошадей: сугроб (отложение снега во время метелей и снегопадов, большая куча снега): *хур*, *хүнгэрэг*, *хүнгэрэг саһан* «сугроб», *хур хүнгэрэг* парн. «снежные сугробы, снежные наносы»; наст (оледенелая плотная корка снега на поверхности снежного покрова): *сурхагтанги саһан* «наст», *сой* зап. «наст, гололедица; весеннее таяние снега»; перенос ветром снега: *ябаган бордоһон* «позёмка», *бордоһон* «вьюга, буран, метель», *саһа бордоһон* «снежная вьюга», *бордоһо саһан* (или *шуурган*) «буран», *хуйлаадаһан* «вихрь (снежный)», *шамарга шуурган* парн. «пурга», *саһан шуурган* «метель, снежная буря; вьюга, пурга, буран»; под копытами лошадей: *туюун* «плотный комок снега с грязью (налипающий под копытом лошади)», *шабхай* «намерзший на копытах лошади снег».

Наибольшее лексическое разнообразие демонстрирует периферия номинативного поля концепта *саһан*, где представлены номинативные единицы, характеризующие снег. Это глаголы, прилагательные, существи-

тельные, называющие признаки, существенные характеристики снега, которые мы распределили по 9 группам: падать, покрывать, твердеть, таять, издавать звук (скрип, хруст снега), внешний вид по цвету, толщине слоя, сезону, текстуре и консистенции. Они образуют ближнюю периферию номинативного поля концепта *cahan*. Здесь представлены лексемы, передающие концепт основными и неосновными значениями, слова общей семантики, относящиеся и к другим концептам, лексемы, определяющие сходство со снегом. Перечисленные группы объединяют номинации самостоятельные, независимые, в отличие от предыдущих, способных образовывать отдельные концепты.

Итак, наши исследования, проведенные на относительно небольшом материале, на основе анализа малого количества языковых средств, позволяют сделать вывод о том, что в номинативном поле концепта наблюдается движение от ключевого номинанта через характеризующие знаки к номинантам других концептов. Номинативное поле концепта *cahan* отражает процесс познания человеком свойств данного зимнего природного феномена, атмосферного осадка, которое является своеобразной моделью познания человеком этой части природы. Оно включает стабильное ядро, характеризующее снег как природное явление, которое, в свою очередь, дает развитие более частным компонентам человеческого знания.

Библиографический список

1. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2-х томах. Т. 1. А–Н; Т. 2. О–Я / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография». Т. 1. 2006; Т. 2. 2008.
2. Войтешук И. В. Номинативное поле концепта лед в немецком и русском языках // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. № 25. 2012. С. 6–9.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М., 2007. 315 с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).

Чертыкова М. Д., Канзычаков В. Л., 2016

ВРЕМЕННОЙ ДЕЙКСИС В СЕМАНТИКЕ НАРЕЧИЙ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

А. Н. Чугунцова

ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

В статье описаны возможности употребления дейктических наречий времени хакасского языка с использованием понятия момента речи – актуального, предшествующего и следующее за речевым актом.

Ключевые слова: дейксис, речевой режим, наречия времени, хакасский язык.

Термин *дейксис* происходит от греческого глагола указывать и выполняет функцию указания. В современной лингвистике среди дейктиче-

ских слов главным образом представлены указательные местоимения, наречия (*здесь – там, сейчас – тогда, этот – тот* и др.), отражающие определенную систему понятий пространства и времени.

Дейктические слова и категории служат для идентификации объектов, событий, отрезков времени и пространства и т. д. через их отношение к речевой ситуации [2, с. 259]. Дейктическая лексика эгоцентрична. Ее семантической основой является понятие «я», «его», «говорящий» [1, с. 274].

В хакасском языке к словам, осуществляющим дейктическое обозначение времени, относятся наречия *ам* ‘сейчас, теперь, в настоящий момент’, *амды* ‘теперь, сейчас, в данный момент’, *сагам* ‘сейчас, в настоящий момент’, ‘сейчас же’, *пудуруп саг.* ‘недавно, только что’.

Ниже мы рассмотрим эти наречия «с точки зрения возможностей интерпретации в речевом режиме» [2, с. 271].

В хакасском языке различаются три значения наречий времени: «1) ‘в настоящий момент’ (с настоящим временем глагола); 2) ‘только что’ (с глаголом в прошедшем времени); 3) ‘в ближайшем будущем’ (с глаголом в будущем времени)» [2, с. 271].

Следует выявить, какие наречия характеризуют события относительно трех моментов времени, а какие двух или одного.

Привлеченный к исследованию материал показывает, что наречие *ам* относит события как к моменту конкретного акта речи, так и к следующему за моментом речи.

Ам – 1 = ‘в настоящий момент’:

Ам мин соохха тооп парим... (ИТ) ‘Теперь я замерзаю...’; (2) *Прай ну чыллар магаа ниме-де читтеен. Ам пилчем ниме* (ВШ) ‘Все эти годы мне чего-то не хватало. Теперь я знаю что’;

Ам – 3 = ‘в ближайшем будущем’:

(3) *Ам тынаныбызарбын, неке* (ВШ) ‘Теперь я отдохну, однако’.

Наречие *ам* в хакасском языке может сочетаться с частицами *на* и *-ох*, которые вносят различные смысловые оттенки в семантику слова.

Частица *на* вносит значение усиления и подтверждения (*ам на* ‘только что’):

Мин ам на прай нимені сизікке хаапчам (АТ) ‘Только сейчас я начинаю обо всем догадываться’ (5) *Ам на сизініп настабыстым...* (ИТ) ‘Только сейчас [я] стал догадываться...’; (6) *Мин ам на ол нимее үҕренчеткем* (ИТ) ‘Я только сейчас учился этому делу’.

Усилительная частица *-ох* вносит значение моментальности ситуации (*амох* ‘сию минуту, сейчас же’). Используется только при передаче третьего значения (в ближайшем будущем):

(7) – *Амох мин сіргеге көгеп-ойнап таа пирербін* (ИТ) ‘Сейчас я даже спою и станцую вам’; (8) *Амох прай піліп алам. Петке хойлардаңар чойланган ма, чох на* (ГК) ‘– Сейчас все узнаю. Наболтал Петка про овец или нет’.

В хакасском языке наряду с наречием *ам* существует форма *амды* ‘теперь’. Можно предположить, что оно образовано путем слияния древнего падежного аффикса – *ды*. Эту мысль мы можем подтвердить возможностью у корня *ам* аффикса дательного падежа (*ға/=ге*): *ам=ға читіре* ‘до настоящего времени’, *ам=ға теере* ‘до сих пор’ и др. Например: *Амга теере ирге парбаан...* (КН) ‘До сих пор не вышла замуж’.

Следует отметить, что семантика наречия *амды* по существу не отличается от семантики *ам*. Рассмотрим, в каких значениях употребляется это наречие.

Амды – 1 = ‘в настоящий момент’:

(9) *Амды адымны адап тапсапчам*: – *Тораат, тораат!* (ИК) ‘Теперь зову свою лошадь: «Гнедая, Гнедая»’.

Амды – 2 = ‘только что’:

(10) *Амды үзөлең суг алтындагы чарны хас сыххабыс...* (ГК) ‘Теперь уже втроем стали шарить по дну...’ (11) *Амды мин оолахтың тириин позым хольна алып алып көрчөткөм* (ИК) ‘Теперь я вырезал из тайменя блесну и стал рассматривать рыболовное ружьё мальчика’.

Амды – 3 = ‘в ближайшем будущем’:

(12) *Амды мин тогысха парам* ‘Теперь я пойду на работу’.

Наречие *сагам* относит события к двум моментам: конкретный акт речи и следующий за моментом речи.

Сагам – 1 = ‘в настоящий момент’:

(13): *Сагам мин маң чохтанчам* ‘Сейчас мне некогда’;

Сагам – 3 = ‘в ближайшем будущем’¹:

(14) *Ахчадаң сагам хызылбастын* (ВШ) ‘Пока я не буду нуждаться в деньгах’; (15) *Мин сагам парбастын* ‘Я сейчас не поеду’.

Это наречие в хакасском языке часто употребляются в сочетании с частицами *на* и *-ох* (*сагам на* ‘только сейчас’; *сагамох* ‘сейчас же’)².

В сагайском диалекте хакасского языка часто употребляется наречие *пудуруп*: (16) *Мин пудуруп университетте полгам* ‘Я недавно был в университете’.

Частица *ла* вносит этому наречию значение усиления времени события: (17) *Мин пудуруп ла университетте полгам* ‘Я только что был в университете’.

Как видно из примеров, это наречие относит события к предшествующему моменту времени говорящего лица.

Ниже мы представляем таблицу, где наглядно представлены особенности употребления дейктических наречий в трех значениях.

¹ Сочетается только с глаголом в отрицательной форме (=бас/=бес, =пас/=пес).

² *Сагам на* чаще интерпретируется в нарративном режиме: *Олар сагам на парыбысханнар* ‘Они только что уехали’; *Сагамох* ‘сейчас же’ редко интерпретируется в речевом режиме; чаще наблюдается сочетание с глаголом в повелительном наклонении: «*Сагамох ағыл паламны, а то сини сыгара сүрібізем*»... (ИТ) ‘Сейчас же приведи моего ребенка, а то я тебя выгоню’.

Особенности употребления дейктических наречий хакасского языка

наречия \ значения	в настоящий момент	только что	в ближайшем будущем
Ам	+	-	+
Ам на	+	+	+
Амох	-	-	+
Амды	+	+	+
Сагам	+	-	+
Сагам на	-	+	-
Сагамох	-	-	+
Пудуруп	-	+	-
Пудуруп ла	-	+	-
Пудурубох	-	+	-

Подводя итоги, подчеркнём, что наречия времени ориентированы исключительно относительно основных компонентов типичной речевой ситуации: говорящего и момента речи. Последнее реализуется в речи неодинаково (см. табл.).

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. URL: http://rps.math.msu.su/~uspensky/journals/siio/35/35_12APRES.pdf. С. 274.
2. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

Список источников сокращений

1. АТ – Ах тасхыл. Литературно-художественный альманах. – Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1988. № 36. 143 с.
2. ВШ – Ш. Шулбаева. «Всходы». Сборник пьес. Абакан: Хака. издат., 1991. 264 с.
3. ГК – Г. Казачинова. Ребята нашего зала. Рассказы для детей младшего школьного возраста (на русском и хакасском языке). Абакан: Хака. издат., 1991. 112 с.
4. ИТ – И. Топоев. Волшебный чатхан. Хайхастыг чатхан: пьесы для детей. На хакасском и русском языках. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2010. 178 с.

© Чугунекова А. Н., 2016

ПАРНЫЕ НАРЕЧИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

А. Н. Чугунекова, Н. С. Манчилаева
ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

В данной статье проводится анализ парных наречий временной (темпоральной) семантики. Рассмотрены основные значения и способы их образования. В сумме двух значений парные наречия являются указателем давности действия по отношению к настоящему времени и значения непрерывности.

Ключевые слова: парные наречия, давность времени, непрерывность времени, хакасский язык.

В тюркских языках парные слова имеют широкое распространение. По определению А. Н. Кононова, парные слова образуются путем сложе-

ния пары слов и в зависимости от лексического значения и формы компонентов приобретают собирательную и обобщенную семантику [1].

Парные слова (существительные, прилагательные, местоимения, наречия, числительные, междометия) в хакасском языке в последние годы были объектом внимания в работах И. М. Таракановой [2] и О. Ю. Шагдуровой [4].

Предметом нашего исследования являются парные наречия с темпоральной семантикой. Обращение к анализу указанных наречий в настоящее время является актуальным, что объясняется, прежде всего, недостаточной изученностью этой группы наречий в хакасском языке.

Из «Хакасско-русского словаря» [3] было выписано 10 парных наречий с темпоральной семантикой. По материалам произведений хакасского устного народного творчества (хакасские народные сказки) и художественных текстов на хакасском языке было выявлено большое количество примеров с парными наречиями времени.

Как показывает привлеченный к анализу языковой материал, по своей семантике парные наречия времени формируют представления о давнем времени по отношению к настоящему, а также представления непрерывности.

Давность событий по отношению к настоящему передают наречия *алында-пурунда* ‘давно; в старину; в давние времена’, *хас-хачаннаң* ‘издревле, издавна, с давних пор, испокон’; *хас-хачанох* ‘давным-давно’, *хачан-пурун(да)* ‘в древности’.

Эти парные наречия характерны для произведений устного народного творчества. Компоненты в его составе имеют строго закрепленное место.

Наречие *алында-пурунда* образовано путем сложения близких по смыслу слов, но разных по звуковому составу (*алында* ‘раньше, прежде’ [3, с. 59] и *пурун(да)* ‘раньше, прежде [3, с. 401]’): *Алында-пурунда пірхан чуртаан, аның үс оолгы полган* (ХЛ, 56) ‘В давние времена жил один князь, было у него три сына’; *Алында-пурунда палыхчы чуртаптыр* (ХЛ, 5) ‘В давние времена жил-был рыбак’; *Алында-пурунда полтыр пу кирек* (ХЛ, 6) ‘Давным-давно было это дело’.

Хас-хачаннаң образовано путем сложения усилительной препозитивной частицы *хас* [3, с. 819] и наречия *хачаннаң* ‘издавна, искони, с давних пор’ [3, с. 828]: *Хустар хас-хачаннаң испинчелер сүттi* (ЧКЧ, 263) ‘Птицы испокон не пьют молоко’.

Наречие *хас-хачанох*, как и предыдущая пара, состоит из сочетания усилительной частицы *хас* и наречия *хачанох* ‘давно, давным-давно, издавна’ [3, с. 829]: *Пу кирек хас-хачанох полган* (ХЛ, 62) ‘Это дело было давным-давно’; *Хас-хачанох хайдаг-да аалда иречі кізі чуртаан полтыр* (АТ, 116) ‘Давным-давно в какой-то деревне жили муж с женой’.

Компонентами пары *хачан-пурун(да)* выступают полнозначные наречия времени (*хачан* ‘когда’ [3, с. 828] и *пурун(да)* ‘раньше, прежде [3, с.

401]’): *Хачан-пурунда апсах-иней чуртаптыр* (ИК АЧ, 65) ‘Когда-то давным-давно жили старик со старухой’.

Хачан-хачанох встречается и в художественных произведениях, и произведениях устного народного творчества. Компонентами выступают одинаковые основы, второй компонент обычно выступает с утвердительной частицей *-ох* (см. *хачанох* ‘давным-давно; издавна’ [3, с. 829]): *Хачан-хачанох пістің чирде аңчы кізі чуртаан полтыр* (ИК АЧ, 5) ‘Давным-давно на нашей земле жил-был рыбак’.

Наречие *ўр-ас* ‘долго-коротко’¹ встречается в основном в произведениях устного народного творчества. Компоненты этой пары обладают самостоятельным значением (*ўр* ‘долго, продолжительно’ [3, с. 754] и *ас* ‘мало, малое количество’ [3, с. 82]).

Например: *ўр-ас парган харлап аххан суг хастада* (ХЛ, 11) ‘Долго-коротко шел вдоль берега реки’; *Алында-пурунда пір апсах-иней чуртаптыр. Олар ўр-ас чуртаанча, палалары чох полтыр* (ХЛ, 7) ‘В давние времена жили старик со старухой. Долго-коротко они жили, но детей у них не было’.

В большом количестве в хакасском языке встречаются такие парные наречия, у которых на основании контаминации наблюдается комбинативное значение непрерывности, образованных путем соединения антонимичных слов: *хараа-кўнўрте* ‘днем и ночью’, *кичее-пўўн* ‘вчера и сегодня’; *пўўн-таңда* ‘сегодня-завтра’; *хысхы-чайгы* ‘круглый год, зимой и летом’; *часхы-кўскў* ‘весной и осенью’. Они в основном активно употребляются в художественных произведениях.

Приведем примеры с некоторыми словами: *Хараа-кўнўрте пу ла чолча чўрчем* (ЧКЧ, 299) ‘И днем и ночью хожу только по этой дороге’; *Уучамның ўс хыс полган, чалгыс оолгы Каркың, минің пабам, чаада чат халган. Хараа-кўнўрте уучам агаа сыхтачаң* (АТ, 15) ‘У моей бабушки было три дочери, а единственный сын Каркын, мой отец, погиб на войне. Бабушка его оплакивала и днем и ночью’; *Пўўн-таңда пу тогысты ит саларга кирек* ‘Эту работу нужно сделать сегодня-завтра’.

Таким образом, проведенный анализ семантики и функционирования парных наречий показал, что это такие слова, которые образуются из семантически однородных слов. Их компоненты могут быть синонимичными и антонимичными. Некоторые парные наречия характерны только для устного народного творчества (сказок), другие активно применяются в художественных произведениях.

Библиографический список

1. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.–Л., 1960. С. 135–138.

¹Компоненты этого наречия могут меняться местами (**ас-ўр**); употребление данной лексической пары характерно в основном для устной речи: *Ас-ўр итти ме мин пу тогысты* ‘Как долго выполнял я эту работу’.

2. Тараканова И. М. Словообразование имен существительных в хакасском языке (в сопоставительном аспекте). Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008. 174 с.
3. Хакасско-русский словарь. Хакас=орыс сөстiк. Новосибирск: наука, 2006. 1114 с.
4. Шагдурова О. Ю. Парные слова в хакасских художественных, фольклорных и публицистических текстах. URL: http://www.philology.nsc.ru/journals/ykns/pdf/YFKNS_27/2014_27_Shagdurova.pdf

Список источников сокращений

1. АТ – Ах тасхыл. Литературно-художественный альманах. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд., 1988. № 36. 143 с.
2. ИК АЧ – Костяков И. М. Аң чолларыңча: Рассказы для детей. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд., 1960. 59 с.
3. ХЛ – Кирбижекова У. Н., Коков И. Ф. Хакасская литература. Хрестоматия. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1977. 139 с.
4. ЧКЧ – Чарых күннiг чирiм. Солнечный мой край. Сборник художественных произведений хакасских авторов. На хакасском языке / Сост.: А. Е. Султреков, Л. В. Челтыгмашева, Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2007. 348.

© Чугунцова А. Н., Манчилаева Н. С., 2016

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛА КІР= ‘ВОЙТИ’ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

О. Ю. Шагдурова

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск

В статье проведен анализ семантики многозначного глагола кір= в хакасском языке. Рассмотрены лексические значения данного глагола. Проведено установление и толкование выявленных значений многозначного глагола.

Ключевые слова: хакасский язык, многозначность, глагол, лексическое значение.

Основной целью данной работы является анализ семантической структуры многозначного глагола кір= в хакасском языке. По своей семантике данный глагол входит в группу глаголов движения. В «Хакасско-русском словаре» этот глагол описан как имеющий 6 значений: 1) въезжать, входить, заходить, влезать, залезать, влетать и пр.; 2) заходить (о светильах); 3) переходить (из класса в класс); 4) достигать (возраста); 5) начинать что-л., приступать к чему-л.; 6) вступать, поступать.

Наш материал показал, что глагол кір= представлен в современном хакасском языке 12-ю лексическими значениями. Кроме того, глагол кір= входит в состав многих устойчивых выражений. Например, *сагысха кір=* ‘вспоминать что-л.’ (букв.: в мысль (в голову) входить); *хылыхха кір=* ‘нравиться кому-л.’ (букв.: в характер входить) и другие.

Основным значением глагола кір=, как и во многих тюркских языках, является ‘войти, зайти, попасть, проникнуть внутрь чего-л.’. В данном значении глагол кір= передает механическое перемещение субъекта вовнутрь чего-либо. В качестве объекта-локализатора могут выступать названия, как закрытых помещений, так и любые предметы реальной действительности.

вительности, вовнутрь, на территорию которых перемещается субъект. Хак.: *Ол арада Маноң Петрович, Чнос, Хоханах ага, олардаң даа пасха кѳп кизи кирген* (ИК-Чх, 50) – В это время вошли Манон Петрович, Чнос, Кабрис, дед Хоханах и многие другие;

ЛСВ₂ ‘заходить к кому-л., побывать у кого-л., где-л., посетить кого-л., что-л.’. В данном значении субъект (лицо) заходит к кому-нибудь с целью навестить, проведать его на ограниченное количество времени. Он может зайти (заехать) и к человеку, и в деревню, и в город. Местом посещения может быть и конкретное лицо, а также любой населенный пункт. *Нога писсер кирбин иди ўр чѳрдиң?* (ИТ-Т, 7) – Почему [ты] так долго не заходил (букв.: не заходя, ходил) к нам; *Одессадаң ибзер айланчат-хам. Чолами Волгоградсар кирип аларга чарат салгам* (Ат32, 31) – [Я] возвращалась домой из Одессы. По дороге решила заехать (букв.: войти) в Волгоград.

ЛСВ₃ *перен.* ‘входить куда-л., поступать’ В данном значении субъектом перемещения в большинстве случаев являются абстрактные понятия и представления, «движение» которых происходит не в определенном физическом пространстве, а в сфере социальной, духовной действительности (перемещаются не в механическом порядке, а представляется движение в образном смысле). Объект представлен дательным или направительным падежами. Хак.: *Бюджетке налог ахчазы кирип, чал ахчазы даа тѳлел сыххан осхас* (Хч) – В бюджет поступили (букв.: вошли) деньги от налога, поэтому начали, оказывается, платить зарплату; *Чонның чуртына кир парган ырларны, кѳглерни наа чылап, пастагы поэттер оларга на сагыс кирип одырганнар* (ВК-А, 9) – Первые поэты, обновляя уже вошедшие в жизнь народа песни, мелодии, вносили в них новые идеи.

ЛСВ₄ ‘попадать куда-л., оказаться где-л.’ В качестве субъекта в данном значении выступает всегда живое существо, которые из-за каких-либо причин могут попадать, оказываться где-либо, например, попасть в больницу, в газету, в журнал, под машину и т. п.: *Ки чее иирде, тизең, пабазы чадыга кир парган* (ВТ-Ат, 6) – А вчера вечером же её отец слег (букв.: в лежачее положение вошёл); *Журналга кирерге ам даа орай нимес, портрет тее полар* (П, 85) – Попасть в журнал не поздно и сейчас, и портрет будет.

ЛСВ₅ ‘входить в состав, быть в составе чего-л.’ В данном варианте субъект является составной частью чего-либо. Субъект входит в состав какой-либо организации, партии, кампании и т. п. Основной признак этого значения – это нахождение субъекта где-либо, его пребывание где-либо, то есть субъект уже является членом чего-либо. Объект выражается дательным падежом. *Сагайларның чардыгы хойбалларнаң паза хаастарнаң хада Минсуз уездине кир чеңнер* (Хчк, 3) – Часть сагайцев вместе с койбальцами и качинцами входила в Минусинский уезд.

ЛСВ₆ ‘вступать куда-л., поступать, зачисляться, становясь членом чего-л.’. В этом значении глагол *кір*= характеризуется признаком «начальности» совершения действия. Субъект действия в этом значении, в отличие от субъекта действия ЛСВ₄, только с определенного момента становится членом чего-либо, вступает куда-либо. Объектом выступают имена существительные, обозначающие какие-либо учебные заведения или социальные организации. Грамматически объект выражается также дательным падежом. Хак.: *Олох чыл Канск городтагы училищее кірібіскен* (КП-Нчү, 12) – В том же году [он] поступил в Канское училище; *Анаң мындох чабанга кірібіскен* (ИТ-Т, 28) – Потом [он] здесь же устроился чабаном; *Мин пионерге кіргенімні чазырчам* (ФБ-Птн, 71) – Я скрываю, [что] вступил в пионеры.

ЛСВ₇ ‘заходить (о светилах)’. Это значение является, переносным. Связано с образом захода небесных светил (солнца, луны). В большинстве случаев объект представляется лексемой *таг* ‘гора’ в сочетании с послелогом *кистінзер* ‘за’: то есть солнце заходит за гору. Хак.: *Кўн таг кистінзер кірчеткенін дее Нанго көрерге маңнанмаан* (ИК-Чх, 206) – Нанго даже не успела увидеть, как солнце зашло за гору.

ЛСВ₈ ‘завершив обучение в одном классе (курсе), перейти в другой’ *Миниң палам төртін чі классха кірді* – Мой ребенок перешел в четвертый класс.

ЛСВ₉ ‘достигать какого-л. возраста’ *Пўўл Арминек он тиске кірген* – В этом году Арминеку исполнилось 15 лет.

ЛСВ₁₀ ‘впадать, втекать, вливаться (о реке, водном потоке)’. Данное значение глагола *кір*= является узким, специализированным. *Волга прай Россияны өтіре ўс муң пір чўс алтон пирста иртче паза Хвалын (Каспийскай) талайга кірче* (То, 130) – Волга проходит через всю Россию 3160 вёрст и впадает в Каспийское море.

ЛСВ₁₁ ‘приобретать новые знания, навыки, набираться ума’. Данное значение выражается при сочетании глагола *кір*= с лексемами *сагыс* ‘ум’, *сагыс-көгіс* ‘ум’. В качестве субъекта выступают обычно молодой человек, ребенок, молодежь, которые, взрослея, набираются ума. *Чииттерниң иблерінде книгалар полглабысхан, оларга наа сагыс, наа кибірлер кірібіскен* (ВК-А, 9) – У молодёжи дома начали появляться книги, они начали приобретать (букв.: в них входили) новые знания, новые обычаи.

ЛСВ₁₂ ‘начинать что-л. делать, приступать к чему-л.’ Данное значение глагола *кір*= реализуется в сочетании с глаголами действия в форме инфинитива: хак.: *Кўн чахсы насталчатханнаңар, Миргенек позы тонанарга кірібіскен* (Ат32, 129) – Из-за того, что день хорошо начался, Миргенек начал одеваться сам; *Аның орнына Хыстар чоохтазарга кірібіскен* (ФБ-Птн, 35) – Вместо него начала говорить Хыстар.

Таким образом, в современном хакасском языке многозначный глагол *kip* представлен 12 лексическими значениями. Смысловая структура данного глагола по способу связей лексико-семантических вариантов друг с другом относится к радиально-цепочечному типу полисемии. Почти все производные значения мотивируются основным значением глагола, кроме одного ЛСВ₆, который формируется на основе производно-номинативного ЛСВ₅.

Библиографический список

1. Хакасско-русский словарь. Новосибирск «Наука», 2006.

Список сокращений

2. Ат32 – Ах тасхыл. Агбан, 1984. № 32.
3. ВК-А – В. А. Кобяков. Айдо. Абакан, 1959.
4. ВТ-Ат – В. К. Татарова. Аат табызы. Агбан, 1991.
5. ИТ-Т – И. Топоев. Туганнар. Агбан, 1992.
6. ИК-Чх – И. М. Костяков. Чибек хур. Абакан, 1989.
7. КП-Нчү – К. М. Патачаков. Наа чуртас үчүн. Агбан, 1990.
8. П – Пьесалар. Агбан, 1991.
9. То – Л. Н. Толстой олганнарға. Абакан, 1985.
10. ХП – Хара Паар. Абакан, 1979.
11. Хч – Хакас чирі. Республиканская газета на хакасском языке.
12. Хчк – Хакас чирінің кізілері. Абакан, 1990.

© Шагдурова О. Ю., 2016

СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА «МОРОШКА» В СОЗНАНИИ СААМСКОГО НАРОДА

А. Ю. Шалаева

Научный руководитель: О. Н. Иванищева, д-р филол. наук, профессор Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск

В статье поднимаются вопросы актуальности сохранения саамского языка и культуры. Подчёркивается значимость природных ресурсов для жизни саами, таким образом, акцентируется внимание на необходимости сохранения и изучения фитонимов саамского языка кильдинского диалекта. Рассматривается фитоним «Морошка» как один из концептов саамского языка.

Ключевые слова: фитонимы кильдинского саамского языка, морошка.

Саами – малочисленный коренной финно-угорский народ, населяющий территорию Крайнего Севера Европы. За всю историю существования саамский народ создал свою уникальную культуру и свой язык, сохранение которого является чрезвычайно важным [2, с. 3].

По словам В. Гумбольдта, «... различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются различными мировидениями» [1, с. 370]. Поэтому для понимания культурологического фона слов данного языка актуальным является выявление специфического понимания тех или иных слов, в том числе фитонимов.

Большое значение для саами как для народа, который вел преимущественно кочевой образ жизни, имеют природные условия, а также природные богатства, которые являлись определяющим фактором для развития традиционных занятий саамского народа. Данную мысль отмечает В. В. Чарнолуский [10, с. 9], указывая на особенные взаимоотношения, возникающие у лопарей с каждым видом растений, которые менялись и по времени года и на протяжении лет. Автор также отмечает, что в вопросах сохранения языка немаловажную роль играет носитель языка.

Если продолжить мысль В. В. Чарнолуского, то изучение человека, его взаимоотношений с природой представляет исключительный интерес, так как есть полное основание утверждать, что в культурных установлениях малокультурных народностей, в частности у лопарей, существуют присущие только данному народу нормы пользования богатствами своего края, а значит, и слова, связанные с данными нормами.

Таким образом, саамский язык на протяжении всего процесса своего развития обогащался определёнными концептами, полное представление которых содержится только в сознании носителей саамского языка. Поэтому для сохранения саамского языка в полной мере важным представляется выявление данной специфики.

Ю. С. Степанов в работе «Словарь русской культуры» [8, с. 43] даёт определение концепта как сгустка культуры в сознании человека, отмечая также, что «концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека», «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний», который возникает в сознании носителей языка, когда они слышат определённое слово. Ю. С. Степанов выделяет концепты русской культуры и рассматривает каждый, используя определённую структуру. На основе структуры, представленной Ю. С. Степановым, нами проанализированы «концепты», представляющие фитонимы саамского языка. Не претендуя на полный анализ согласно структуре, предложенной учёным, в данной статье мы рассмотрим такие моменты как 1) этимология слова; 2) описание внешнего вида; 3) смежные понятия; 4) функционал и способы применения; 5) смыслы, символы, которые в себе содержит концепт слова, будут рассмотрены. Обобщение данного материала позволит приблизиться к пониманию концепта «Морошка» в сознании саамского народа.

Морошка – распространённое на северном полушарии растение, чаще всего произрастает в заболоченных местах и является типичным составляющим элементом пейзажа в условиях субарктического климата Кольского полуострова.

Внешний вид морошки описывается в работах исследователей как ягода, похожая несколько на малину; так же как и малина, морошка состоит из отдельных зернышек, сначала слегка краснеющих, а затем бледно-желтых. В связи с этим в саамском языке в отличие от русского языка

существует два слова, одно из которых обозначает морошку (лүмь [5, с. 45]), а другое обозначает твёрдую, ещё не спелую морошку (чоарэхъ [5, с. 64]).

В виду отсутствия этимологических словарей саамского языка, изучить этимологию слова «Морошка» представляется непростой задачей. Как сообщает «Этимологический словарь русского языка» Фасмера Макса [12], слово «морошка», вероятно, имеет финно-угорские корни: на финском языке морошка выражается словами «muuain», «muuimen».

Говоря о смежных понятиях, связанных с концептом «Морошка», можно воспользоваться данными, упоминаемыми в работе И. Шеффера [11, с. 124]: «морошка» у шведов была известна под названием «hjordron», а на территории Кольского полуострова «морошку» могли называть также «норвежской тутовой ягодой».

Что касается области применения, то представители саамского народа открыли немало способов для использования полезных свойств данной ягоды. Например, морошка использовалась в качестве лекарственного средства, эффективного против цинги.

Помимо этого, морошку использовали при приготовлении еды, в качестве приправ и делали заготовки специфическим, с точки зрения представителя русской культуры, способом: когда созреет морошка, ее собирают и варят совсем без воды, в собственном соку, на медленном огне до тех пор, пока она не размякнется. Тогда к ней прибавляют немного соли и приготовленную таким образом ягоду кладут в берестовый сосуд, плотно запаковывают его и зарывают в землю. Осенью или зимой, по мере необходимости, выкапывают сделанные летом запасы и находят ягоду такую свежую и спелую, как будто она только что была собрана. Кроме того, возможно, неприемлемым для русского человека может показаться сочетание морошки и рыбы в одном из популярных саамских блюд. Его делают следующим образом: сваренную в воде рыбу очищают от костей и, перемешав с морошкой, растирают деревянным пестиком так, что получается нечто вроде похлебки, которую затем хлебают ложками.

Когда речь идёт о символической значимости реалии [3], возникает необходимость изучить саамский фольклор. В работе «Саамские сказки» под редакцией Г. М. Керта [4, с. 89] морошка упоминается в сказке «Аиновы острова», из которой следует, что все острова, на которых растёт морошка, – это бывшая часть территории Норвегии, которую отсоединили от материка и попытались присвоить себе три могучих нойды. Их попытка не увенчалась успехом. Морошка здесь является маркером или ярлыком, указывающим на места, где произошли легендарные события.

В саамской поэзии «морошка» также встречается. Сбор ягод осуществлялся летом. Возможно, поэтому в стихотворениях известных саамских поэтов морошка представляется в качестве обязательной сопутствующей детали солнечного летнего пейзажа. В. И. Немирович-Данченко описы-

вал в работе «Лопь белоглазая»: «Самой любимой ягодой саамов является морошка. Со второй половины июля многочисленные болота тундры становятся буквально розовыми от обилия ягод» [6, с. 57]. Этому явлению посвящено стихотворение Аскольда Бажанова «Морошковый цвет» [7]:

«В снегу морошкового цвета
и в изумрудовой листве
пришло к нам северное лето
на ярком солнечном холсте...»;
«...А на болоте, меж кустами,
среди буровато-рыжих мхов
морошка чествует цветами
концерты первых куликов.
Не прячься, Солнце! Больше света
росистым травам поутру!
Не то коротенькое лето
совсем застынет на ветру!»

Описывая лето в Лапландии, В. Н. Харузина делится следующими воспоминаниями: «Солнце не сходит с неба ни днем, ни ночью. Днем оно припекает иногда довольно сильно. Ночью разливается ровный белый свет, при котором легко можно читать и шить. Беда одна, что лето коротко в Лапландии – всего три месяца длится оно. Затем наступает осень, а вскоре за нею зима, утомительно долгая, донельзя суровая. Солнце вовсе не показывается. Стоит полная темень. Лютые морозы, страшные вьюги царят тогда здесь».

И, словно вторя В. Н. Харузиной [9, с. 14], саамская поэтесса Октябрина Воронова пишет строки, где прощается с тёплой и светлой летней порой:

«...Отошла пора морошки.
Повстречался с ночью день...» [7].

Таким образом, концепт «Морошки» в сознании саамского народа представляется как северная ягода, которая применялась не только как одно из любимых лакомств, приготовление которых достаточно специфично, но и как лекарственное растение. Растение позиционируется как неотъемлемая часть летней и солнечной поры, такой ценной для саамского народа по причине своей непродолжительности.

Библиографический список

1. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / В. фон. Гумбольдт. М.: Прогресс, 1985. 448 с.
2. Иванищева О. Н. Сохранять или не сохранять? Проблемы преподавания языка малого этноса (на материале саамского языка) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 4 (48). С. 389–397.
3. Иванищева О. Н. Лексикографирование культуры в двуязычном словаре: дис. ... докт. филол. н. СПб., 2005. 412 с.

4. Керт Г. М. Саамские сказки / Под ред. Г. М. Керта. Мурманск: Кн. изд-во, 1980. 316 с.
5. Куруч Р. Д. Соагкнэккь. Саамско-русский и русско-саамский словарь для начальной саамской школы: пособие для учащихся начальной школы / Р. Д. Куруч, И. В. Виноградова, Р. И. Яковлева. М., Мурманск: Мурманский сектор института языкознания Академии наук СССР, 1991. 110 с.
6. Немирович-Данченко В. И. Лопь белоглазая: из поездки в полярный край. 3-е изд. – М.: Д. П. Ефимов, 1902. 203 с.
7. Российские саами. Информационный портал о саамах Кольского полуострова. // Саамская поэзия URL: <http://saami.su/kolskij-poluostrov-severnyj-olen/9-sajt/287-saamskaya-roeziya.html> (дата обращения: 9.03.2016).
8. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
9. Харузина В. Н. Лопари: Очерк. С. Петербург. 1902. 38 с.
10. Чарнолуцкий В. В. Материалы по быту лопарей: опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л.: Издание Государственного русского географического Общества, 1930. 176 с.
11. Шеффер И. Лаппония 1673 года, или Новое и вернейшее описание страны саамов и самого саамского народа, в котором излагается многое еще никому неизвестное о его происхождении, суевериях, колдовстве, образе жизни, обычаях, а также о природе, животных и металлах, встречающихся в Лапландии. Апатиты: Живая Арктика, 2008. 129 с.
12. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <http://vasmer.info>. (дата обращения: 7.03.2016).

© Шалаева А. Ю., 2016

ФОЛЬКЛОР, ЛИТЕРАТУРА И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ КУЛЬТУР

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Р. П. Абдина

ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

Современная эпоха глобализации подвергает изменениям методологические основы обучения и воспитания, в том числе художественно-эстетического. В статье обосновывается важность и необходимость художественно-эстетического воспитания детей в условиях информатизации общества с учётом той этнокультуры, в которой воспитывается ребенок.

Ключевые слова: художественно-эстетическое воспитание, народная культура, глобализация, межкультурное общение.

Теории художественно-эстетического воспитания, зародившиеся ещё в Древнем мире, прошли длительный путь становления и развития, вбирая в себя лучшие идеи народа, его многовековой социокультурный опыт. Во все времена у разных народов эстетическая компонента в воспитании детей являлась составной частью развития личности, а средства и методы, цели и задачи и определялись эпохой, социально-экономическими отношениями, условиями быта, традициями, менталитетом народа.

На сегодняшний день проблемам эстетического воспитания посвящено большое количество исследований, которые проводятся по нескольким направлениям. Вопросы, посвященные формированию этико-эстетических компетенций и ориентации, включают в себя много аспектов и рассмотрены в работах философов (Бахтина М. М., Выжелецова Г. П., Киященко И. И. и др.), искусствоведов и культурологов (Арнольдова А. И., Борева Ю. Б. и др.), педагогов (Верба М. А., Неменского Б. М., Лихачева Б. Т., Печко Л. П., Сухомлинского В. А., Шацкого С. Т., Шацкой В. Н. и др.), психологов (Ананьева Б. Т., Выготского Л. С. и др.). В исследованиях широко рассматриваются проблемы применения синтеза искусств в качестве одного из интеграционных уровней (Борев Ю. Б., Зись А. Я., Каган М. С., Пеня Т. Г., Химчак В. В., Юсов Б. П.), в качестве способа, позволяющего ребенку добиться эстетического восприятия мира, развить художественно-творческую сторону личности. По итогам

анализа литературы мы предлагаем сформулировать понятие художественно-эстетического воспитания как процесс, формирующий у ребенка восприятие прекрасного и познание художественно-эстетических явлений, развивающий художественно-эстетическую деятельность, формирующий способности к эстетическому вкусу и творческому познанию, а также художественное видение мира. Художественно-эстетическое воспитание представляет собой процесс формирования духовности, понимания красоты, творческих способностей и творческого видения; развития фантазии и ассоциативности через способность человека обнаруживать эстетические чувства из окружающего мира и произведений искусств [3, с. 4]. Все это требует определенного уровня художественных эстетических знаний, понимания и умения формировать собственные образы, возникающие вследствие различных эмоциональных состояний и эстетических переживаний, радости, потрясения, сострадания, восторга, которые являются частью мировоззрения народа. Мировоззрение народа определяется его менталитетом, основой которого является язык и культура. Поэтому эстетическую культуру ребенка невозможно воспитывать без учета той этнокультуры и языка, той эпохи, в которой воспитывается ребенок.

Говоря о современной эпохе, мы подразумеваем, прежде всего, переход современной цивилизации в информационную стадию развития, характеризующуюся процессами глобализации, в результате чего методологические основы обучения и воспитания, а также их содержание подвергаются существенным изменениям. Неизбежные процессы глобализации оказывают неоднозначное влияние на образование и воспитание в целом, имеющее, по мнению учёных, как положительные, так и отрицательные стороны. Отмечая положительные стороны глобализации, А. Д. Палкин указывает на доступность одних и тех же информационных и экономических ресурсов практически в любой точке земного шара [4, с. 177]. Но на сегодняшний день, например, не вся сельская инфраструктура имеет возможность использования указанных информационных и экономических ресурсов. Так, в Хакасии более десятка поселений не обладают такой возможностью, кроме того, некоторые из них не имеют сотовой связи. По мнению И. М. Синагатуллина, в результате процессов информатизации и глобализации формируется образовательное и информационно-языковое неравенство относительно доступа обучающихся к знаниям, информационным технологиям и языкам международного общения; происходит смещение ценностных ориентаций подрастающего поколения в сторону материально-прагматического подхода, вследствие чего деформируются такие нравственные понятия, как «ответственность», «добросовестность», «дисциплинированность», «трудолюбие», «активность»; увеличивается разрыв между городской и сельской инфраструктурами; превалирует ориентация на стандартизацию образования и

его массовую доступность в ущерб качеству и возможностям развития индивидуально-личностных способностей школьников. С другой стороны, он отмечает, что в современной России благодаря идеям глобализации и сотрудничеству людей, направленному на разрешение возникающих проблем, представляется возможным: создание единого образовательного пространства; уменьшение разрыва в использовании глобальных коммуникаций; усиление межкультурного обмена и обмена профессиональными группами, в том числе и в сфере образования; оперативное решение неотложных задач, связанных с межэтнической и межрелигиозной напряженностью, с борьбой против международного терроризма [5, с. 14]. По утверждению Н. В. Боговик, система образования развивается с учетом культурной интеграции, причем границы между культурами постепенно становятся размытыми, при сохранении культурного своеобразия, образуя единое поликультурное пространство. По мнению исследователя, это способствует доступности и эффективности образования, ориентированного на формирование мировоззренческой устойчивости личности и общества на основе гуманизма и толерантности [1, с. 64].

Мы считаем, что в условиях глобализации, характеризующейся бурным развитием компьютерных технологий и информационных средств коммуникации, ускорением темпа работы и ритма жизни, происходит перегрузка организма современного человека, а также снижение его сенсорных способностей, что оказывает негативное влияние на остроту и свежесть восприятия. Чрезмерное пользование современными коммуникациями, на наш взгляд, приводит к преобразованию человеческого интеллекта, делая его «компьютерным», приводя в итоге к общему снижению творческого и интеллектуального потенциала и к утрате целого ряда чувственно-эстетических способностей, которые выражаются в склонностях и потребностях к художественно-эстетической деятельности. Кроме того, бурное развитие информационных средств коммуникации ведет к отторжению от ценностей искусства, сужению сферы культурно-творческой деятельности, к ориентации на потребление готовых продуктов культуры, ориентации на развлекательные формы досуга, низкий уровень художественных потребностей личности и т. д. Как отмечает Н. И. Киященко, «массовая культура, всегда сопровождающая творение и народное и высокого искусства, создается для удовлетворения повседневных духовных потребностей невысокого вкуса... Не случайно сейчас в целом эклектичная и беспочвенная, невысокого культурно-эстетического уровня американская культура явилась производителем и поставщиком во все страны мира массовой культуры, нацеленной на манипулирование сознанием масс, чтобы превратить их в послушную толпу со стандартными вкусами, чувствами, потребностями, представлениями о благополучии и даже счастье. Вполне понятно, что из такого массового

человека, потребителя массовой культуры и массового искусства даже в самой совершенной системе образования и воспитания творцов для всех видов деятельности и способов жизнедеятельности получить невозможно. Из них-то и формируются огромные массы специалистов, являющихся лишь исполнителями, но не инициативными и не творческими профессионалами» [2].

Вместе с тем явления глобализации провоцируют отрыв образовательного процесса от национально-культурных корней его участников, без учета особенностей их национального самосознания и традиционных социально-этических норм и ценностных оснований поведения, деятельности и общения – условий, совокупность которых составляет этнокультурную среду. На сегодняшний день средства массовой информации и коммуникации активно пропагандируют западную культуру, которую молодое поколение усваивает легко и прочно, забывая при этом свои исконные праздники и традиции, народную культуру и искусство. Отсутствие знаний, как о родной, так и о другой культуре является источником непонимания, конфликтов и кризисов в процессе межкультурной коммуникации. Умение ориентироваться в различных типах культур, адекватно интерпретировать явления и факты родной и иной культур, сравнивать и делать выводы об общем и специфичном в системе культурных ценностей народов является одной из ведущих задач художественного образования и эстетического воспитания на современном этапе. Художественно-эстетическое воспитание заключается в постижении детьми фундаментальных закономерностей графики, скульптуры, живописи, всего разнообразия декоративно-прикладного искусства, что способствует знакомству детей с культурным многообразием страны, воспитанию толерантного отношения ко всем народам, населяющим Россию, что возможно только при наличии знаний о родной культуре. Элементы региональной культуры в сравнении и сочетании с российской и мировой культурой выступают как содержательная основа коммуникации, общения, а также содержат потенциальные возможности для вызова и поддержания мотивации учения, что имеет первостепенное значение в художественно-эстетической деятельности детей [6, с. 12].

Таким образом, художественно-эстетическое воспитание детей, с учетом особенностей этнокультурной среды, в которой растет ребенок, помимо основных дидактических задач способствует развитию у детей толерантного отношения к иным обычаям, взглядам, учит их замечать особенности своей культуры на фоне культур других народов. В связи с вышесказанным необходим поиск новых подходов к профессиональной подготовке педагогов, обеспечивающей формирование у них готовности к художественно-эстетическому воспитанию детей в многокультурном обществе, а также в контексте общемировой культуры в условиях глобализирующегося мира.

Библиографический список

1. Боговик Н. В. Генезис поликультурного восприятия в теории и практике образования // Ученые записки Педагогического института СГУ им. Н. Г. Чернышевского. 2010. № 1. С. 63–79.
2. Киященко Н. И. Эстетика жизни. Книга для учителя. URL: <http://philosophy.ru> (дата обращения: 29.03.2014).
3. Неменский Б. М. Роль искусства в системе общего образования. Чему и зачем мы учим. Начальная школа: плюс-минус. 2000. № 1. С. 3–9.
4. Палкин А. Д. Межкультурная коммуникация как столкновение культур // Свободная мысль. 2011. № 3. С. 177–183.
5. Синагатуллин И. М. Глобальное образование как кардинальная парадигма нового века // Педагогика. 2012. № 3. С. 14–15.
6. Шишова О. А. Художественное воспитание детей в учреждениях дополнительного образования: автореф. дис... канд. пед. наук. М., 2000. 28 с.

© Абдина Р. П., 2016

КУЛЬТУРА И ТРАДИЦИИ НАРОДОВ РФ В РАМКАХ ФЕСТИВАЛЯ «СКАЗКИ НАРОДОВ РОССИИ» (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

А. И. Артюшкина

Школа-интернат для детей с нарушениями зрения, г. Абакан

В статье рассматриваются задачи школы, где обучаются дети разных национальностей. Представлен опыт педагогов в процессе взаимодействия с окружающими на основе сотрудничества и взаимопонимания, готовности принять других людей, их взгляды, обычаи и привычки такими, какие они есть.

Ключевые слова: взаимоотношения, толерантность, обычаи и традиции, методы работы, инсценирование, фестиваль

Современный культурный человек – это не только образованный человек, но и обладающий чувством самоуважения и уважаемый окружающими. Поэтому важнейшей задачей является формирование у подрастающего поколения умения строить взаимоотношения в процессе взаимодействия с окружающими на основе сотрудничества и взаимопонимания, готовности принять других людей, их взгляды, обычаи и привычки такими, какие они есть. Задача школы состоит в том, чтобы из ее стен вышли воспитанники не только с определенным багажом знаний, умений и навыков, но и люди самостоятельные, обладающие толерантностью как основой своей жизненной позиции.

В стенах нашей школы работа по воспитанию толерантности ведётся постоянно. Все педагоги стремятся воспитать в детях способность быть открытыми, относиться друг к другу с пониманием. Работа по воспитанию толерантности внедряется в урочную и внеурочную деятельность. Это и классные часы, и психологические тренинги, и различные внеклассные мероприятия. Культуре толерантности невозможно научиться в

одинокую, поэтому внеклассная деятельность дает возможность учащимся в неформальной обстановке находить компромисс, на практике регулировать и разрешать конфликты, социально саморазвиваться и обогащать свой коммуникационный опыт. Все это ведет к гармонизации отношений между детьми, учителем, родителями, так как подготовка к внеклассному мероприятию требует совместных усилий всех участников. Участие детей в коллективном творческом деле по подготовке внеклассного мероприятия позволяет школьникам получать межличностный опыт толерантного общения.

В нашей школе обучаются дети разных национальностей, поэтому проведение такого рода мероприятий является актуальным. Интересным и познавательным для учащихся школы оказался фестиваль «Сказки народов России». Главная задача данного мероприятия – развивать кругозор учащихся, знакомя их с культурой, обычаями и традициями малых народов, проживающих на территории России; формировать гражданскую позицию школьников, предусматривающую уважительное отношение к культуре малых этносов России через изучение культуры, традиций, сказок народов России; воспитывать толерантное отношение ко всем народам, проживающим в России. В ходе проведения фестиваля были использованы разнообразные методы работы: деятельностный метод; игровые ситуации; инсценирование; метод сбора информации и мозговой штурм; метод «проживания» определенной роли; метод оценки; метод создания моделей и проектов. Коллективная форма работы способствовала развитию положительного взаимодействия между детьми, сплочению коллектива, пониманию друг друга, взаимопомощи и терпимости.

На этапе подготовки таких мероприятий важно учитывать контингент учащихся с точки зрения принадлежности к той или иной национальности, активно привлекать детей и родителей разных национальностей к участию в мероприятии, используя их знания, опыт, традиции и обычаи.

Фестиваль проходил в течение пяти дней. 1 день – открытие фестиваля; 2 день – знакомство с культурой, обычаями и традициями представляемых народов России; 3, 4 дни – подготовка команд к итоговому концерту; 5 день – подведение итогов и закрытие фестиваля (театральный сказочный вечер).

В мероприятии принимали участие учащиеся с нормой интеллекта начальной школы и среднего звена, а также дети с умственной отсталостью. Путем объединения классов были сформированы 4 команды, каждая из которых представляла народ и готовила инсценировку сказки на закрытие фестиваля.

1 и 9 кл. – русские

2 и 8 кл. – буряты

3 и 6 кл. – якуты

4 и 7 кл. – тувинцы

В каждой команде, таким образом, оказались учащиеся начальной школы и среднего звена, что способствовало осуществлению взаимодействия и преемственности между младшими и старшими школьниками.

Каждая команда заранее изготовила модель герба, флага представляемого народа, оформила эмблемы, подготовила национальные костюмы. Представление народа проходило в форме презентации на заключительном концерте.

Следует отметить, что большое значение в организации праздника сыграли родители, которые на протяжении всего фестиваля активно оказывали помощь педагогам и детям, помогали в подготовке костюмов и организации театрального вечера.

Работа фестиваля отражалась на стенде в виде страниц дневника: команды каждый день делились своими мыслями, впечатлениями о прошедшем дне. Это были рисунки, отзывы, поделки, заметки, репортажи и другие творческие работы.

Рядом со стендом–дневником фестиваля – большая карта (контуры России), на которую дети прикрепляли эмблемы народов, представленных на фестивале.

В каждой команде был назначен режиссер (ответственный за постановку сказки), художник (ответственный за оформление стенда), костюмер (ответственный за костюмы), видеохудожник (ответственный за презентацию).

Особый интерес у детей вызвал второй день фестиваля – знакомство с культурой, обычаями и традициями представляемых народов России. Учащиеся работали с пословицами, загадками, обрядовыми песнями, легендами своего народа, участвовали в национальных спортивных играх, сами проводили некоторые обряды, разучивали танцы, угощали друга блюдами национальной кухни.

Итогом фестиваля стал театральный сказочный вечер, где каждая команда, представляющая свой народ, показала инсценировку сказки. Команды были отмечены по следующим номинациям: «Листая дневник фестиваля...»; «Мы на карте России»; «Лучшая постановка сказки»; «Лучшее представление народа (презентация)»; «Лучшая роль»; «Лучший костюм»; «Лучший дневник фестиваля». Между инсценировками со зрителями проводились викторины, выявляющие знание традиций, обычаев, обрядов представленных народностей, конкурсы знатоков малых жанров устного народного творчества и т. д. Все это вызвало живой интерес со стороны учащихся.

Главный вопрос, на который должны были ответить учащиеся по итогам фестиваля – что объединяет все народы России? Важно, что все дети верно подметили сходства в традициях, обычаях, играх и даже кухне народов России и сделали вывод, что именно это помогает нам тысяче-

тиями жить в согласии и мире на территории нашей великой и могучей страны – России.

Таким образом, в результате проведенной работы была создана благоприятная среда для формирования толерантных установок, сформирован опыт совместной работы учащихся VIII вида и учащихся с нормой интеллекта, младших и старших школьников разных национальностей. При проведении подобных мероприятий осуществляется совместное планирование, организация и подведение итогов деятельности, педагогически целесообразное распределение ролей и функций между учащимися. Создаются ситуации свободного выбора детьми видов, способов деятельности, ролей. Каждый участник может реализовать себя, добиться успеха и в то же время проявить заботу о других, внести реальный вклад в общее дело. Мы не сможем в одночасье сделать толерантными ни свое поведение, ни поведение других людей, и не надо корить себя за это. Однако важен даже маленький шаг в этом направлении.

Библиографический список

1. Асмолов А. Историческая культура и педагогика толерантности. Мемориал. 2001. № 24.
2. Баныкина С. В. Учимся толерантности: методическое пособие для проведения классных часов, бесед и тренинговых занятий с учащимися 7–11 классов. М., 2007.
3. Ушинский К. Д. Истоки этнопедагогике. М., 1988.
4. Фридман Л. М. Изучение процесса личностного развития ученика. М., 1998.

© Артюшкина А. И., 2016

ХАКАССКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ВОСПИТАНИИ И ОБУЧЕНИИ УЧАЩИХСЯ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

М. С. Арчимаева
ХакИРО и ПК, г. Абакан

В статье даны некоторые рекомендации по использованию хакасской традиционной культуры в системе общего образования Республики Хакасия. Без знания своей традиционной культуры ни один этнос не может считать себя современным и цивилизованным народом. Традиционная культура любого народа должна стать частью души ребенка.

Ключевые слова: музыкально-песенная культура, народная хореография, малые жанры и игровой фольклор, исследование, сохранение, развитие.

Педагогическая практика последних лет убедительно доказывает, что без знания исторических, литературных фактов, без интереса к истории города, школы, традициям народной культуры не может быть полноценным и нравственным школьное воспитание, теряется личность гражданина, патриота, уважение к своему этносу и стране. Без знания своей тради-

ционной культуры этнос не может занимать достойное место в общем процессе развития культуры прошлого, настоящего и будущего.

Не зря в Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России (авторы: Данилюк А. Я, Кондаков А. М., Тишков В. А.) говорится о возрождении, сохранении и развитии духовности и нравственности обучающихся. Духовно-нравственное воспитание основано на ценностях, таких, как жизнь, здоровье, родители и дети, родина, свобода и т. д. Эти ценности естественные и общечеловеческие. Владислав Торосов в своей книге «Мудрые заветы предков» пишет: – «Самая наиболее простая задача в жизни ребенка – это профессиональное обучение, самая трудная – воспитать человека, развить умственные способности, подправить характер, привить ему определенные духовные качества, сформировать морально-этические нормы, мировоззрение». [2, с. 3]. Все это отражается в традиционной культуре этносов. По своему «местоположению» в системе образования это – «вся та область образовательной деятельности, которая находится *за пределами государственного образовательного стандарта*, включая изучение тех областей культуры и науки, которые не представлены в школьных программах» [1, с. 7–9].

Бесспорно, что культура тесно связана с эпохой. Но не менее связана она и с местностью, породившей то или иное произведение, те или иные традиции. Мы всегда должны помнить об этом: без прошлого нет настоящего, без настоящего нет будущего. Много ли сейчас найдётся семей, знающих своё родословное древо, многие ли выпускники наших школ могут назвать выдающиеся литературные памятники, оставленные нам нашими предками. Культура может успешно развиваться, если осваивается наследие наших предков.

В Хакасии сохранились богатейшие *музыкально-песенные традиции* хакасского народа. Сбирание и запись тахпахов проводились и в дореволюционную эпоху, например В. В. Радловым, Н. Ф. Катановым. В советскую эпоху сбиранием и исследованием тахпахов занимались А. А. Кенель, А. П. Бытотова, А. В. Астанаева и другие [4, с. 7]. Тахпахи – это уникальный вид культуры, где каждый исполнитель является и по-этом и композитором и исполнителем собственных тахпахов. Исполнители живут в основном, в Аскизском и Таштыпском районах Республики Хакасия. Этот вид песенного фольклора – тахпах – можно отнести к исчезающей культуре. Дома культуры в районах и Республиканский Дом культуры им. С. П. Кадышева много делают, чтобы сохранить этот песенный фольклор. Они проводят обучающие семинары по стихосложению и исполнению тахпахов для взрослого населения. А что будет с песенным фольклором, если эти взрослые исполнители покинут солнечный мир? Кто будет исполнять тахпахи? Это богатейшее наследие уйдет вместе с ними. Здесь речь не идет о профессиональных артистах. Уже сего-

дня необходимо думать о преемственности поколений-исполнителей традиционного вида песенного фольклора. Значит, надо в школе готовить специальные программы по выявлению одаренных детей по всем направлениям, в том числе и по песенному фольклору.

В основном учителя языка и литературы с детьми занимаются исследовательской работой по сбору пословиц и поговорок народов, проживающих в Хакасии. Непосредственное общение детей с носителями живой старины – знатоками народных обычаев и обрядов не может заменить ни одна книга, компьютерные технологии. Изучение традиционных этнических культур Хакасии широко включают в учебно-воспитательный процесс. Сегодня очевиден тот факт, что только взаимодействие поколений позволяет должным образом осуществить воспитание и развитие ребёнка, как современного и цивилизованного человека.

Это и *народная хореография*. Танец – самый древний и демократичный вид искусства. Танец и пение сопутствуют человеку на протяжении всей его жизнедеятельности. В образовательных учреждениях начинать надо с истоков танцевальной культуры Хакасии. Это, конечно, обращение к личностям. Ярким примером этому в Хакасии служит жизнь и творчество Сары Даниловны Словиной. По праву можно ее считать основателем хакасских танцев. Ее танцы подлинно народны, поэтому эти танцы до сих пор пользуются огромной любовью зрителей. Она всматривалась, как ходят и двигаются женщины и мужчины, выполняя те или иные работы в быту, например, как взбивают шерсть, как вышивают, как охотятся, арканят лошадей и т. д. И еще для хакасского народного танца характерны элементы, исполняемые только мужчинами, и элементы, исполняемые только женщинами. Для женского хакасского народного танца характерны движения кистей рук; легкое «вздрагивание» кистей, медленные и плавные перемещения в пространстве, сохранение правильной осанки, изящество в движениях.

Министерства образования и науки РХ и Министерство культуры РХ много делают для развития танцевальной культуры. В Центре культуры и народного творчества им. С. П. Кадышева действуют детские танцевальные ансамбли, в чьих репертуарах есть танцы народов, проживающих в РХ. Одна из главных целей работы таких ансамблей – создание условий для развития традиционных танцевальных культур в Хакасии, но это в основном платные ансамбли. Не все родители, в силу своей неплатежеспособности, могут позволить своим детям посещать занятия в этих ансамблях.

Игровой фольклор. Народные игры способствуют приобщению детей не только к игровой практике народа, но и народной культуре в целом. Во время игры у детей формируется устойчивое, заинтересованное, уважительное взаимоотношения со сверстниками и взрослыми. Особенность игры, как воспитательного средства состоит в том, что она в качестве ведущего компонента входит в народные традиции: семейные, трудовые,

празднично-игровые. В народных играх много юмора, шуток, соревновательного задора; движения точны и образны, часто сопровождаются неожиданными считалками, жеребёвками, которые дают возможность быстро организовать игроков, настроить их на объективный выбор ведущего и точное выполнение правил, чему способствует ритмичность, напевность, характерное скандирование считалок.

Народная игра содержит информацию, дающую представления о повседневной жизни предков – их опыте, труде, мировоззрении, о традициях многих поколений, которые именно через игровое общение усваивали культуру своего народа. Народная игра имеет такое же непреходящее значение, как и народная поэзия, сказки или легенды. Социокультурный смысл народной игры состоит в том, что она развивает у ребенка навыки социального поведения.

Традиционная культура любого народа должна стать частью души ребенка. Знать и жить в гармонии с традиционной культурой своего народа – это не значит, что он не современный человек. Жить по традициям современного человека – это значит знать свои традиции и корни.

Библиографический список

1. Буйлова Л. Н., Кленова Н. В. Как организовать дополнительное образование детей в школе?: практическое пособие. М.: АРКТИ, 2005. С. 7–9.
2. Торосов В. М. Мудрые заветы предков. Абакан: Хакасское книжное издательство. 2011
3. Тутачикова А. С. Народные истоки тахпах (Сборник методических материалов по музыкально-песенному фольклору хакасского народа) О проблеме сохранения песенного фольклора хакасского народа. Жанр «Тахпах». Абакан, 2013. С. 6–8.

© Арчимаева М. С., 2016

ЧТЕНИЕ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

А. Н. Балгазина
ХакИРОиПК, г. Абакан

Чтение воспринимается как труд, который в первую очередь делает человека мыслящим и духовно зрелым. Чтение учебной и современной литературы для каждого народа – это его духовная культура, формирующая национальные ценности. Проект «Писатели Хакасии – детям» направлен на повышение читательской активности обучающихся на основе прочтения, анализа и интерпретации художественных произведений писателей республики, осмысления современного литературного поля Хакасии.

Ключевые слова: чтение, учебная литература, «функциональная неграмотность», литературное чтение, повышение читательской активности.

Хочется акцентировать внимание на чтении детей как национальной ценности в целом в стране, в образовании национального субъекта, как

ключ к жизни в информационном обществе. Так как чтение воспринимается как труд, который в первую очередь делает человека мыслящим и духовно зрелым.

Быстро меняющаяся жизнь, обилие информации, повышение скорости происходящих процессов, новые требования к образованию и уровню квалификации работающих, а также реформы, изменчивость и неравномерность в экономическом развитии страны и регионов, трудности в издании и распространении книг и высокие цены на них, – все эти и другие изменения приводят к значительным переменам в чтении. Сегодня говорят о детском чтении не только с точки зрения и заботы педагогов, родителей, библиотекарей и т. д. Говорят с точки зрения, что чтение – «это ключ к жизни в информационном обществе» [1, с. 4]. Кроме того, детское чтение – это важный феномен, который определяет уровень культуры общества. Известный социолог культуры С. Н. Плотников говорит, что «чтение формирует качества наиболее духовно зрелого, просвещенного, культурного и социально ценного человека» [2, с. 7].

В развитых странах мира ведется изучение читательского поведения детей и взрослых. В таких исследованиях обнаружилась проблема так называемой «функциональной неграмотности». Благодаря исследованиям (например, немецкого ученого Р. Лемана) стало известно, что «функциональная неграмотность» развивается в раннем возрасте, а именно, в третьих классах, после того, как дети только научились читать и писать. Проявляется это в том, что детям скучно и утомительно читать. Конечно же, у таких читателей есть и другие особенности. Самые типичные из них – это различные ошибки в чтении, потеря ритма. Поэтому многие из них относятся к чтению, как к тяжелому труду. Хотя они умеют читать, многие из них делают это только в силу необходимости, для подготовки к занятиям» [3, с. 23].

Исследователями также отмечено, что все больше людей читают лишь для того, чтобы получить информацию или для самообразования, для получения конкретных сведений и т. д. В то же время у многих чтение на досуге становится более легким, развлекательным (например, чтение детективов и «дамских» романов). Постепенно уходит «чтение для души» (происходит падение интереса к классической литературе). Все это – объективные процессы. Ситуация с чтением в России по многим параметрам повторяет аналогичную ситуацию в других странах.

Осознание проблемы функциональной неграмотности позволяет понять, что в результате недостаточных навыков чтения людям трудно справиться с рутинной повседневной жизни. Например, трудно помочь своему ребенку в учебе, трудно самому заполнить декларацию о доходах или разобраться в инструкциях к лекарствам. Возникают проблемы избирательной культуры во время выборов, чтобы разобраться в предложениях программ кандидатов или политических партий. Возникают проблемы

с инструкциями к бытовым электроприборам, что в итоге ведёт к их порче, а иногда и к бытовым травмам; многим трудно освоить работу на компьютере и т. д. По мнению специалистов, функциональная неграмотность является одной из главных причин безработицы, аварий, несчастных случаев и травм на производстве и в быту.

Известно, что печатная информация труднее усваивается и запоминается. Однако именно эта информация лучше структурирована и именно она накоплена человечеством в виде книжной вселенной Гуттенберга [4, с. 23]. Информация в виде текстов – основа любого процесса образования и самообразования. Кроме того, велика роль чтения при создании человеком своей индивидуальной модели культуры. Важнейшая цель изучения литературы в школе – это приобщение учащихся к искусству слова, к духовным богатствам классики и современной литературы, развитие художественной восприимчивости. По мнению А. Твардовского, литература в школе – это то же, что литература в жизни, только в школе она является процессом планомерного, систематического воздействия на душу ученика под ответственным наблюдением и руководством преподавателя (5, с. 7). Аудиовизуальная информация значительно легче осваивается и легкодоступна. Но она, как правило, представляет собой «мозаику» разрозненных и несистематизированных сведений, фрагментарна и полна стереотипов [6].

И сегодня, когда особенностями современного развития общества являются информатизация, развитие высоких технологий и усложнение социальной жизни, цена малограмотности и неумения читать и анализировать информацию становится особенно высокой. Самообразование становится непрерывным, длящимся в течение всей жизни. Поэтому конкурентоспособность человека все сильнее зависит от уровня образования, умениям и способности к постоянному повышению квалификации.

На основе ФЗ «О языках народов Российской Федерации» хакасский язык, наравне с другими языками РФ, является национальным достоянием и находится под защитой государства. В связи с этим в Республике Хакасия предпринимается ряд усилий для решения «политики в области чтения», затрагивающей широкие слои населения и касающейся практически всех сфер жизни.

С 90-х годов с принятием закона «О языках народов Республики Хакасия» 1992 г. [7] хакасский язык имеет три функциональных компонента. Первый – хакасский родной, разговорный язык. Во втором случае хакасский язык – письменный, литературный язык. В-третьих, хакасский язык – как государственный язык в Республике Хакасия. Таким образом, в Республике Хакасия создан образовательный проект на принципах полилингвальности и поликультурности. Разработаны две модели полилингвального образования. Одна рассчитана на детей с родным хакасским языком, а вторая – на детей с первым русским языком. Соответственно,

были разработаны два учебных плана для общеобразовательных организаций. Перечень предметов в них полностью соответствует федеральному базисному учебному плану.

Разработана программа инновационного комплекта «Хакасский язык как письменный, литературный язык» с целью научно-методического и учебно-методического обеспечения полилингвальной образовательной среды. Данные инновационные комплекты по «Хакасскому языку» и «Хакасской литературе» получили экспертное заключение РАН, РАО и вошли в Федеральный перечень учебников, рекомендованных (допущенных) к использованию в образовательном процессе в образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы общего образования и имеющих государственную аккредитацию [8, с. 174].

К примеру, в курсе литературного чтения по учебнику «Хыгырчан кинде» (*Книга для чтения*) для 1–4 классов автора-составителя Балгазиной А. Н. достигаются равные возможности в реализации этнокультурных, образовательных, духовных потребностей обучающихся. Кроме урочного чтения предусматривается дополнительная организация самостоятельного домашнего чтения детей и уроки внеклассного чтения (в учебнике они выделены значком «раскрытая книжка»), главное отличие которых состоит в том, что на этих уроках дети работают не только с учебником-хрестоматией, но и с детской книгой. На уроках литературного чтения формируется читательская компетентность, помогающая младшему школьнику осознать себя грамотным читателем, способным к использованию читательской деятельности для своего самообразования. Ведь грамотный читатель обладает потребностью в постоянном чтении книг, владеет техникой чтения и приёмами работы с текстом, пониманием прочитанного и прослушанного произведения, знанием книг, умением их самостоятельно выбрать и оценить [9, с. 3–4].

Кроме этого, одним из направлений, ориентирующих на новые модели детско-юношеского чтения в 2015 году в Год литературы в Республике Хакасия был реализован проект «Писатели Хакасии – детям», разработанный Хакасским институтом развития образования и повышения квалификации и реализованный в сотрудничестве с Союзом писателей Хакасии. Проект был направлен на повышение читательской активности обучающихся на основе прочтения, анализа и интерпретации художественных произведений писателей республики, осмысления современного литературного поля Хакасии. Приобщаясь к лучшим образцам художественного творчества, обучающиеся становятся активными соучастниками литературной жизни республики. Кроме того, такие проекты способствуют воссозданию единого школьного литературного пространства.

Мониторинговые исследования показали, что во время реализации подпроекта «Рюкзачок» в школе уровень читательской активности школьников возрос в среднем от 25 % до 35 %, и это позволяет опреде-

литель, что в первую очередь привлекает юного читателя в литературных произведениях. Как оказалось, это художественно-образительные средства произведения, доступность и понятность структуры текста юным читателям; узнавание родных мест по произведениям писателей Хакасии; узнавание и радость в чтении книг писателей-земляков; близость сверстников – героев художественных произведений.

Одним из самых востребованных юными читателями произведений «Рюкзачка» явилась книга Юрия Черчинского «Ханский посох». Несомненный интерес у школьников вызывают произведения М. Кильчичакова, А. Кыштымова, Ю. Иванова, В. Балашова, С. Чаркова, Л. Катаевой, Г. Казачиновой, И. Топоева, Г. Кичеева, А. Чапрая, В. Полежаева, Л. Костяковой, Ю. Тарабаровой и др. [10, с. 84].

На этих примерах мы видим, что отношение к развитию читательской культуры личности, а также к процессу читательской деятельности, сегодня изменилось и приобретает для общества чрезвычайно важное, даже первостепенное значение. Таким образом, следует сказать, что чтение учебной и современной литературы для каждого народа – это его духовная культура, формирующая национальные ценности. Каждый человек нуждается в сочувствии и понимании, при этом приходится учить читателя быть грамотным, чтобы он смог открыто выражать свои чувства, оценить достоинства художественного текста, увидеть его этическое содержание.

Библиографический список

1. Через чтение в мировое образовательное пространство / отв. ред. Н. И. Сметанникова. М.: ИТОП РАО, 2001.
2. Плотников С. Н. Чтение и экология культуры // *Nomo legens: Памяти Сергея Николаевича Плотникова (1929-1995)*. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 64 с.
3. Куно К. Чтение во Франции. М.: Рудомино, 1992.; Бирюкова Л. Г. Грамотность в меняющемся мире // *Читающая Россия: мифы и реальность: сб. ст. по пробл. чтения*. М.: Либеря, 1997.; Ринг К. Чтение в информационном обществе // *Читающая Россия: мифы и реальность: Сб. ст. по пробл. чтения*. М.: Либеря, 1997.
4. Маршалл Мак-Люэн Галактика Гуттенберга. Сотворение человека печатной культуры. URL: http://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/kulturologiya/153868/fulltext.htm
5. Твардовский А. Т. Заветная книга. А. А. Ахматова // *Литература в школе*. 2005. № 5. С. 7–9.
6. Чудинова В. П. Функциональная неграмотность – проблема развитых стран // *Социологические исследования*. 1994. № 3. С. 98–102.
7. Закон Республики Хакасия «О языках народов Республики Хакасия». 1992.
8. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 24 декабря 2011 г. № 2080 и от 19 декабря 2012 г. № 1067.
9. Балгазина А. Н. Хыгырчан кинде. 3 кл. = Литературное чтение. 3 кл.: Учебник для общеобразовательных учреждений. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013. 180 с.: ил.
10. Мамышева Н. А. Проект «Писатели Хакасии – детям»: актуальный круг чтения школьников // *Научно-методический журнал ГАОУ РХ ДПО «ХакиРОиПК» «Поиск»*. 2015. № 3 (51). С. 83–85.

© Балгазина А. Н., 2016

ТИПОЛОГИЯ ЭПИЧЕСКИХ СКАЗИТЕЛЕЙ ТЮРКСКОГО НАРОДА

А. С. Булдыбай

Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы (Казахстан)

Создателями, носителями и исполнителями одного из видов богатейшего фольклорного наследия – являются узаны, баксы, жырау, жырышы, киссашы, термеши. Очевидно, никто не будет отрицать огромной роли сказителей в сохранении, формировании и передаче из поколения в поколение эпических произведений, имеющих всемирное значение. В них сконцентрированы многовековая история и культура народа. Исследование происхождения названных фольклорных типов, более точный анализ их функций в словесном искусстве, раскрытие внутренних закономерностей их эволюции должно способствовать решению различных проблем казахского эпоса.

Ключевые слова: фольклор, жырышы, жырау, фольклорное наследие, эпос, термеши.

Создателями, носителями и исполнителями одного из видов богатейшего фольклорного наследия являются узаны, баксы, жырау, жырышы, киссашы, термеши. Очевидно, никто не будет отрицать огромной роли сказителей в сохранении, формировании и передаче из поколения в поколение эпических произведений, имеющих всемирное значение. В них сконцентрированы многовековая история и культура народа. Исследование происхождения названных фольклорных типов, более точный анализ их функций в словесном искусстве, раскрытие внутренних закономерностей их эволюции должно способствовать решению различных проблем казахского эпоса. А. Формозов, который занимается специально выяснением древних представителей фольклорных типов, подчеркивает: «Не зная истоки каждого явления, невозможно знать его внутреннюю структуру. Значит, для правильного понимания роли всего искусства в жизни общества, мы обязаны подробно исследовать его проявление в древнем мире» [1, с. 32].

Одна из основных причин терминологической путаницы и неясности мнений о функциях фольклорных типов заключается в том, что в одном фольклорном типе нередко бывают сконцентрированы качества, которые одновременно могут быть присущи целому ряду создателей и носителей эпоса. А исследователи хотят видеть в каждом типе лишь одну какую-нибудь черту. Так, акын-жырау представляет собой самостоятельную творческую личность, но его можно рассматривать и как один из типов эпических сказителей-исполнителей песен, толгау и терме. Р. Бердибаев [2, с. 26] точно подмечает одну из черт, присущую фольклорным типам. Он пишет, что проблемой, заслуживающей внимания, является следую-

щая: жыршы в свой ранний период были многогранными представителями искусства. Вторым признаком их многогранности является синкретизм. В самом деле, сказитель должен уметь создавать песни (быть акыном или жырау), исполнителем (жыршы), овладеть музыкальным искусством (кюйши), обладать красивым, приятным голосом (быть певцом), уметь донести песню до слушателей при помощи мимики (иметь артистические данные), сочинять, создавать мотивы (быть композитором), выразительно декламировать прозаические вставки в стихотворных текстах или сам текст, который исполняется непосредственно перед эпической песней (обладать ораторскими способностями), а также хорошо знать историю развития и особенности жанра. Не обладая всеми качествами, невозможно было сохранить в веках, в устной форме, в памяти поистине необъятное число эпических произведений.

Вторая причина возникновения, особенно в последнее время, разногласных высказываний о типах жыршы, жырау и термешу в том, что именно сейчас появились представители искусства, функция которых не совсем соответствует той роли, которую они играли когда-то в прошлом. Например, многих термешу в настоящее время называют жырау, когда их нельзя назвать представителями индивидуальной поэзии, даже жыршы – исполнителями. Сейчас именуют термешу тех певцов, которые исполняют песни под определенный напев, т. е. песенников. Если не учитывать этого второго фактора, то по отношению к перечисленным ранее представителям сказительского искусства это будет неверным. Сыр-Дарьинские термешу называют себя жырау, потому что они довольно хорошо усвоили традиционные эпические напевы Жиенбая, Базара, Сарсенбая, Нуртугана и Нартая. Некоторые из них исполняют даже одну – две части дастана «Короглы». А если говорить про настоящих, подлинных жырау, то необходимо учитывать, что они не только исполняли многочисленные эпические произведения, но и были импровизаторами, которые могли включить в произведение новые сюжетные ходы. Они создавали толгау и терме, нередко участвовали в айтысах. Не говоря о более древних представителях этого искусства, достаточно назвать таких прославленных сказителей, как Р. Мазкожаев, К. Рустембеков, Ж. Аралбаев, А. Таскынбаев, К. Имангалиев, Н. Раманкулов.

Следует сказать и о том, что те, кто исполняя пять – шесть коротких толгау и терме, называют себя жырау, вносят тем самым путаницу в определение типов сказителей. Подобное можно встретить и в Аркинских и Джетысуйских традициях сказительста. Исполняя толгау, терме и эпические песни под напев лирической песни они называют себя жырши и термешу, но народ не воспринимает этого.

Прежде всего необходимо решить следующие вопросы: какие фольклорные типы в истории нашего народа были непосредственно связаны с созданием эпических песен, их исполнением и развитием; какие из них

способствовали передаче их из поколения в поколение; какие изменения претерпели функции этих фольклорных типов в связи с историческим развитием.

В качестве первых создателей и носителей эпических произведений можно называть узанов. Первые данные об узанах встречаются в трудах А. Маргулана, который пишет, что в историческую эпоху Коркыта на Сыр-Дарье, населенной огузско-кипчакскими племенами, жил гениальный старец, выходец из народа, советчик, превосходный акын (узан), который мог предвосхитить и предсказать будущее [3, с. 11]. Затем А. Коныратбаев приводит точные сведения об этих фольклорных типах. «В песнях деда Коркыта огузско-кипчакские племена называют сказителей эпоса «узанами». Это примерно IX–X века. Первым узаном огузов был Коркыт. В те времена песня исполнялась лишь под аккомпанемент кобыза, в музыкальном размере кюя» [4, с. 65]. О непосредственной творческой связи произведений Коркыта с эпическими песнями наряду с этим свидетельствуют его собственные сочинения. Узаны не только создавали песни и исполняли их. Они усвоили такие качества, как способность предсказать будущее, дать разумные советы, наставлять людей на путь истины.

Данные о происхождении этого термина можно найти в трудах русских ученых-ориенталистов. А. Боровков пишет: «Этим словом называется по-тюркски разряд людей, играющих на тамбуре, поющих песни и сказывающих огузнаме»; «аузан – название класса людей или племени, которые, играя на гитаре (ташбуре), поют песни и читают предсказания». О связи термина «узан» с эпическими песнями огузских племен говорит В. Бартольд, основываясь на данных словаря XVIII века «Шуурыга»: «У народов огузского происхождения мудрые изречения и эпические былины в древности одинаково назывались огузнаме, а исполняющего эти былины именовали узанами». Впоследствии термин «узан» вместе с культурой образовавших казахский народ племен перешел в казахское устно-поэтическое творчество. Слово «узан» до сих пор в этом значении используется в азербайджанском фольклоре и наряду с термином «ашыг» означает сказителей крупных эпических произведений. Огузских жырау, которые исполняли большие эпические произведения каракалпакского народа, Е. Жубанов называет узанами, т. е. жырау.

Второй фольклорный тип, который исследователи также связывают с исполнением эпических песен – это баксы. О происхождении данного слова имеются разные точки зрения. Е. Турсьнов пишет: «В казахском языке слово «баксы» используется в двух значениях: первое связано с искусством слова, сказительством, второе означает – ясновидящий, врачеватель, гений, шаман» [5, с. 56]. О связи Коркыта с искусством баксы писал в свое время Ч. Валиханов: «... все это сопровождается игрою на кобызе, инструменте, принадлежавшем Коркыту, и пением, которое называется сарын» [6, с. 21]. Б. Кенжебаев подчеркивает многогранность

дарования баксы. Он пишет, что они и жыршы, и кюйши, и врачеватели, ясновидящие. Впоследствии баксы сохранились у казахского народа лишь в качестве ясновидящих и врачевателей, а у узбеков, туркмен и каракалпаков баксы до сих пор связаны с искусством слова. Невозможно точно определить, как долго выступали они в роли эпических сказителей. Если основываться на материалах А. Конаратбаева, то баксы – сказители тюрко-монгольских племен, были связаны с искусством слова в X–XV вв. Узаны и баксы, дополняя друг друга, долго бок о бок развивали искусство слова. В работах А. Конаратбаева можно найти и более точные сведения о функции баксы, которую они выполняли в последующую эпоху: «В XV–XVIII вв. жырау «отпочковываются» от баксы. Если уделом баксы стали лишь культовые песни, то жырау всецело повернулись к гражданской поэзии» [4, с. 65]. И, в самом деле, нет материалов о том, что баксы после XV в. были сказителями. Кроме Коркыта, до нас не дошло ни одного имени сказителя-баксы. Но в народной среде до сих пор сохранились многочисленные баксы – врачеватели, предсказатели, ясновидящие, баксы – кобызши, баксы в религиозном значении слова. К. Айымбетов приводит один любопытный факт появления у каракалпакских баксы сказительских качеств: «Сказители-баксы появились у каракалпаков позднее. Их репертуар был шире, чем у жырау» [7, с. 88]. Исследователь относит возникновение у них сказительских качеств к более поздней эпохе. Сказителей героических песен каракалпакский народ называет жырау, а сказителей лиро-эпических произведений – баксы.

Особого внимания заслуживает тот факт, что баксы всесторонне используют магическую и художественную силу слова. Об этом писал еще А. Веселовский: «На ранних стадиях развития человеческого общества народная поэзия тесно связана с магическим образом, которым родовой коллектив стремится обеспечить себе благополучие в войне, охоте или коллективных трудовых процессах. Отсюда вера в магическую силу песни и обычное в первобытном обществе совмещение профессий певца и колдуна-шамана». У различных тюркоязычных народов термин «баксы» используется в разных значениях. Например, если у ногайцев слово «баксы» употребляется в значении музыкант, мастер искусства, то туркмены словом «бахши» называют профессионального певца: они подчеркивают, что музыкальное дарование у них переходит от отца к сыну. Конечно, сказители-баксы специально «проходят» народную школу обучения этому виду искусства. У туркмен словом «бахши» называют только певцов и музыкантов, которые заучили уже готовые произведения, а сказителей-импровизаторов именуют «шаиир» [8, с. 102].

Еще один тип эпических сказителей – это жырау. Л. Будагов, Е. Исмаилов, Н. Смирнова связывают происхождение этого слова с «жыр», «жырламак». В словаре В. Радлова такие слова, как «йыр», «йырлыжы», «йырла», «жырау», «жыраушы» употребляются в значении «сказители».

В тюркском словаре «Дивани лугат-ат турк» Махмуд Кашгари (XI в.) пишет, что обычно турки называют «йырагу» тех, кто сам сочиняет песни. При изучении старинных документов и исторических материалов можно ясно увидеть, что жырау, как и баксы, выполняли различную функцию. Они создавали произведения, были советчиками, главой войска, сказителями. Если у баксы в пору их расцвета преобладали качества врачевателей и ясновидящих, то у жырау – качества, более связанные с искусством слова. Они были в большей мере импровизаторами, советчиками и мудрецами. Следует отметить, что в искусстве слова они выполняли две функции. Благодаря импровизаторским способностям они создавали толгау, выражали в них народную точку зрения, мнение общества. Кроме того, они сочиняли героические песни в честь известных людей своего времени (впоследствии на основе этих произведений были сформированы эпические песни). Жырау были также исполнителями эпических произведений. В начальной стадии становления жанра придавалось большее значение индивидуальной поэзии. А. Маргулан подчеркивает, что жырау в своей натуре не акыны, это мудрецы, советники, исполнители толгау. Это гении, мыслители, которые в трудные для народа дни выступают со словами одобрения и поддержки. Они и воспитатели, и наставники. Жырау – главы родов, аксакалы, печальники чаяний и ожиданий народных. Они выступают с импровизацией толгау, в которой призывают народ к дружбе, единению, призывают дать отпор врагу.

О роли жырау и о жанровых особенностях М. Ауэзов пишет: «У жырау в отличие от акынов и жырышы имеют свои специфические жанры. В задачи и обязанности жырау не входит воспевание всего. В поле их зрения лишь критика своего времени, предвосхищение века, эпохи, а также повествование об исторических событиях и их оценка. В большинстве своем они и жырау, и бии. И, в самом деле, исследователи творчества представителей индивидуальной поэзии, подчеркивают, что первоначально жырау сами создавали песни и толгау [9, с. 25]. Ч. Валиханов отмечает, что родоначальником жырау, прозванных в свое время узанами, баксы и жырау, в эпоху после Коркыта был Асанкайгы (XV в.). Представители этого типа жырау – импровизаторы. Это Казтуган (XV в.), Доспамбет (XVI в.), Шалгез (XV–XVI вв.), Жиембет (XVII в.), Маргаска (XVII в.), Ақтамберлы (XVIII в.), Умбетей (XVIII в.), Бухар (XVII в.). Их творчество как представителей индивидуальной поэзии довольно подробно рассматривается в трудах фольклористов. Эти жырау наряду с искусством слова сумели сохранить в себе пришедшие к ним от баксы качества – давать мудрые советы и предсказывать будущее. Они усвоили и новые функции – быть предводителем войска, главой рода, биями. Хотя жырау, которые уделяли особое внимание созданию песен, оттеснили на второй план идущее с древних времен формирование эпического мира, исполнение эпических произведений и их популяризацию, но не забыли его совсем. Об этом хорошо сказал

М. Магауин, исследовавший особенности индивидуальной поэзии жырау: «Вместе с тем Казтуган – эпический поэт. В некоторых произведениях ногайлинского периода замечается влияние поэзии Казтугана. С этой точки зрения, Казтуган – один из первых создателей казахского эпоса. Он подчеркивает: «Мы не знаем, в какой мере был создателем эпоса Бухар жырау. Судя по некоторым произведениям, жырау имел непосредственное отношение к созданию эпических песен о батырах XVII в. и об Аблае. После XVII в. у жырау стали постепенно угасать черты индивидуального творчества. Вместо этого усилилось другое их качество – эпическое сказительство. Причину этого исследователь видит в том, что «жырау были представителями древнего патриархального общества. Поэтому, когда родовое казахское общество стало терять свои первоначальные особенности, и жырау стали сходиться с арены» [10, с. 78]. Однако, автор сводит на нет тот факт, что жырау сохранились в дальнейшем в качестве эпических сказителей, и говорит о том, что после Бухара – жырау нельзя называть других жырау создателями эпических песен и исполнителями. Это, очевидно, односторонний подход исследователя к сущности сказительского искусства. На самом деле, в этот период и после слово «жырау» использовалось для обозначения эпических сказителей.

Традиции эпического сказительства, которые в ранний период сформировались благодаря узанам и баксы, теперь получили особый расцвет, т. к. такие крупные творческие личности как жырау влились в искусство слова. Эволюцию этого процесса раскрыла Н. Смирнова: «Позднее, в XIX в., жырау из вещего мудрого певца превращается в сказителя» [11, с. 125]. Они унаследовали от прежней традиции жырау только искусство слова и оставили другие свои качества (способность к ясновидению, быть предводителем войска, советчиком-мудрецом – каждую в отдельности) другим фольклорным типам.

Начиная с XVII в, жырау всецело обратились к исполнению эпических песен. Поэтому именно с этого времени стали усиленно развиваться эпические традиции, непосредственно связанные с историческими событиями. Это подчеркивает А. Маргулан: «Формирование профессиональных певцов тесно связано с зарождением эпической поэзии» [3, с. 36].

В узбекском и каракалпакском фольклоре также встречается термин «жырау», но у этих народов он сохранился лишь в значении «эпический сказитель». Исследователи этих народов не называют ни одного представителя индивидуальной поэзии. Каракалпакский фольклорист К. Аимбетов отмечает: «жырау, взявший кобыз в руки, хранитель народного наследия, он исполнял в народной среде исторические песни, выражая самые заветные чаяния своего времени». Об эпических мотивах каракалпакских жырау И. Сагитов пишет: «Исполнители героических сказаний называют «жырау». Одна из особенностей исполнительской манеры жырау – пение гортанным голосом».

Необходимо отметить, что музыкальный инструмент – кобыз, который был принят казахскими жырау и который использовали после баксы лишь акыны, широко применяли каракалпакские жырау. Традиции эпического сказительства, которые развивались в огузском роде, обогащали «не только казахские традиции жырау, но и каракалпакские. Следует сказать и о том, что эти эпические традиции сохранились также и у туркменского и горно-алтайского народов.

Жыршы – еще одни представители сказительского искусства. Термин «жыршы» непосредственно связан с терминами «жыр» и «жырау». Так, в труде Абульгазы Шаджарат-ал-ат-тюрк упоминается жыршы Улуг, который известил Чингис хана о смерти его сына Жошы. В работе К. Халитова «Тауарих хамса» даются сведения о том, что одну группу акынов называют «жыршы». В двух этих исследованиях слово «жыршы» используется не в смысле «сказитель», «исполнитель песен», а в значении «акын» (тот, кто создает поэтические произведения). Жыршы – это человек, заучивший эпические песни и исполняющий их под определенный напев, под аккомпанемент музыкального инструмента. Точное определение этого термина можно найти у А. Маргулана: «Самую многочисленную группу казахских народных певцов составляли жирчи (жыршы)-сказители. Жирчи, буквально – песенники, сами мало творят. Они поют заимствованные у других песни и сюжеты» [3, с. 65] .

Жыршы, которые точно выполняли свои первоначальные функции, уже то время были импровизаторами толгау, терме, дастанов, участвовали в айт-ысах, пропагандируя свое искусство в народной среде. Наряду со сказителями-жырау, которые украшали своей импровизацией эпические песни, жыршы не могли оставаться неизменными в процессе наступательного хода истории. Одна из основных причин в том, что некоторые фольклорные типы, имеющие непосредственное отношение к нашему эпическому наследию, стали исчезать, ассимилироваться в других фольклорных типах, а некоторые из них – менять свои функции. Например, если одно время узаны совсем исчезли с исторической арены, то баксы всецело повернулись к культовым песням. А жырау (в значении жыршы) стали переименовываться в эпических сказителей. Вместе со своими ближайшими родственниками жыршы – они всецело посвятили себя эпическому сказительству.

Жыршы-импровизаторы, пополнившиеся группой жырау-сказителей, теперь не только исполняют заученные готовые тексты, но и оказались сопричастными к формированию и развитию эпоса. Эти два названия фольклорных типов стали впоследствии причиной многих разногласий в науке об устно-поэтическом творчестве. Если одни учёные предлагают называть жырау только создателей толгау, то другие – говорят о том, что сказители эпоса были жырау, поэтому и их следует называть так.

О «жыршы» и об их роли в последующий период появились обстоятельные и серьезные работы, авторы которых пытались точно определить

обе функции жыршы. Р. Бердибаев отмечает, что в понимании широкого круга людей жыршы, заучив известные тексты, исполняет их без изменений. Однако облик жыршы, как и других представителей искусства слова, многогранен. Жыршы не только заучивают древние дастаны и эпические произведения, но и развивают их в определенном направлении. Когда мы оцениваем труд жыршы, которые продолжают и развивают эпические традиции, мы должны помнить о четырех особенностях:

1) они, не подвергая песенные варианты большим изменениям, исполняют их, сохраняя поэтическую форму;

2) различия в репертуаре жыршы можно рассматривать как особенности различных сказительских школ;

3) наличие различного уровня развития исполнительского мастерства жыршы (это связано с талантом сказителя, его опытом и учебой);

4) исполнение эпоса и дастанов с большими изменениями первоначального текста [2, с. 59].

Термин «жыршы» встречается также у таких тюркоязычных народов, как киргизы, узбеки, карачаевцы и якуты. О специфических особенностях киргизских сказителей говорит М. Богданова: «У киргизов жыршы делится на две группы: на ирчи-исполнителей мелких песен, которые иногда поют и отрывки из поэм, и жомокчу-исполнителей больших сюжетных поэм (Манас)». О карачаевских сказителях Р. Ортабайланы пишет, что исполнителями, хранителями народных песен и их популяризаторами были народные жырчи. В. Жирмунский и Х. Зарифов подчеркивают, что в Булунгурском районе исполнителей эпических произведений называют джирчи.

Якутские исследователи первых исполнителей олонхо называли «сэсен» (шешен) «оратор», затем – ырыа (жыршы). О карачаевских сказителях приводит интересные факты А. Холаев. Он пишет, что в одних случаях они прибегают к прозе, в других – к стихам, а иногда сочетают их. В том случае, когда эпический текст поется, певцу (жырчы) подпевают несколько человек из числа слушателей.

Характерная черта казахского фольклора в том, что в одном представителе искусства нередко бывают органически соединены различные качества: он и создатель, и исполнитель произведений. Кроме того, если еще учитывать, что казахские сказители заучивали красноречивые, искрящиеся остроумием толгау, терме и эпические произведения, притом не только свои, но и современников, то мы уверенно можем констатировать, что жырши и жырау являются представителями синкретического искусства, то есть они являются сказителями, музыкантами, певцами, артистами, ораторами и поэтами своего времени.

У тюркского народа эпических сказителей называют жырау, жырши, киссаши, термеши, жомокчу, манасчы, акын, баксы, бахши, шоир, джирчи, олонхосуты, ашуг, джангарчи, улегерши, тульчи.

Библиографический список

1. Формозов П. Теория фольклорной традиции. М.: Наука, 1980. 356 с.
2. Бердибаев Р. Қазақ эпосы. Алматы: Ғылым, 1982. 227 бет.
3. Марғұлан Ә. Ежелгі жыр-аңыздар. Алматы: Жазушы, 1971. 398 бет.
4. Қоныратбаев А. Древнетюркская поэзия и казахский фольклор. Алматы: Ғылым, 1971. 280 бет.
5. Турсунов Е. Д. Возникновение баксы, акынов, сэры и жырау. Астана: ИКФ «Фолиант», 1999. 365 с.
6. Уәлиханов Ш. Таңдамалы. Алматы: Жазушы, 2005. 365 бет.
7. Айымбетов СС. С. Каракалпакский героический эпос. Нукус, 1985. 356 с.
8. Веселовский В. Н. Истрическая поэтика. М.: Наука, 1976. 407 с.
9. Әуезов М. 20 томдық шығармалар жинағы. 18 том. Алматы: Жазушы, 1985. 448 бет.
10. Мағауин М. Қобыз сарыны. Алматы: Жазушы, 1968. 247 бет.
11. Смирнова Н. Казахские певцы XVIII века-акын и жырау. М., 1952. 362 с.

© Булдыбай А. С., 2016

ПРИБЛИЖЕНИЕ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА К ИСТОКАМ ХАКАССКОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ДОУ

В. Л. Виноход, Т. И. Шахрай

Детский сад № 28 «Жемчужинка», г. Саяногорск

В статье рассматриваются вопросы патриотического воспитания в дошкольных образовательных организациях через изучение родного края. Знакомство с историей, культурой хакасского народа дает возможность познакомиться с малой Родиной.

Ключевые слова: патриотизм, духовная личность, народная культура, общечеловеческие ценности, национальные игры, блюда, прикладное творчество, гражданин, патриот, малая Родина.

Межнациональные отношения, вопросы самоопределения наций являются актуальными проблемами современности. Сложность и противоречивость перемен, происходящих в Российской Федерации, ставят задачу формирования духовной личности, способной поступать нравственно в тех или иных ситуациях. Это возможно при условии обращения к идеям народной педагогики, принципу регионализации образования. Это основание дает понять, что именно в детском саду, начиная с раннего возраста постепенно, системно, доступно, методами игры и наглядности следует приобщать детей к общечеловеческим ценностям, составляющим базис личностной культуры. В «Концепции дошкольного воспитания» говорится о необходимости приобщения детей к непреходящим общечеловеческим ценностям. Приобщение детей к народной культуре является средством формирования у них патриотических чувств и развития духовности. Воспитание гражданина и патриота, любящего свою родину – задача, которая особенно актуальна сегодня.

Каждый народ в бездонных копилках своей памяти хранит никогда не иссякающее богатство. Если народ теряет связь с прошлым, он теряет свою силу, теряет свое будущее. Мы должны знать об этом, ведь все дальше от нас уходят традиции, духовные и культурные ценности наших предков, их праздники, игры, песни, сказки, предания, обряды. Человеку необходимо знать свою малую родину, свой родной уголок. Хакасия – родина для многих. Но для того, чтобы считать себя сыном или дочерью, необходимо ощутить духовную жизнь своего народа. Поэтому уже с самого раннего детства мы приобщаем детей к истокам народной культуры. Используя в работе с детьми хакаские народные игры, воспитываем патриотические чувства, которые сохраняются на всю жизнь и служат духовному развитию личности. В народных хакасских играх отразился образ жизни людей, их быт, труд, национальные устои, представления о нравственности. Такие игры служили и служат средством самопознания, физического и умственного развития, психологической подготовки к будущим жизненным ситуациям.

Согласно ФГОС дошкольного образования, познавательное развитие предполагает «...формирование первичных представлений о малой родине и Отечестве, представлений о социокультурных ценностях нашего народа, об отечественных традициях и праздниках».

Для реализации этнокультурного содержания образования и с введением Федеральных государственных образовательных стандартов в 2015 году для детей старшей и подготовительной групп разработан перспективный план ознакомления с культурой родного края. В тематике регионального содержания большое внимание уделяется использованию устного народного творчества: народным играм, декоративно-прикладному искусству, ознакомлению детей с природой родного края, прошлому и настоящему Хакасии, обычаям, традициям, культуре хакасского народа.

Первые сведения о хакасских играх относятся к началу XVIII века (экспедиция Д. Г. Мессершмидта). Однако новым этапом в развитии национальных хакасских игр можно считать середину 1990-х годов, когда в учебные программы общеобразовательных школ были включены народные игры как национально-региональный компонент. Существовали игры взрослых с детьми, в процессе которых дети знакомились с элементами хозяйственной деятельности, со счетом, с названиями частей тела. Это игры с пальчиками: «Хоор-хоор» (типа русской народной игры «Сорока»); игры с костями (азыхами): «Айра», «Поймай кость», «Охотники»; настольные игры: «Тобит», «Пестрая кость», «Пестрая палочка», «Пестрая юла»; подвижные игры: «Брось рукавицу», «Медведь и пень», «Волк и козлята»; игры-хороводы: «Две птички», «Табыл-тобыл».

Разработан цикл занятий по теме: «Хакасия – мой край родной» включающий знакомство с картой, гербом, флагом Хакасии, ее столицей, легендами, о происхождении города, его прошлым и настоящим, реками,

озерами, растительным и животным миром, богатством недр нашей малой Родины. Знакомим детей с полезными ископаемыми Хакасии через поисковую деятельность. На занятии «Юрта – жилище хакасов», ребята узнали, где жили хакасы, познакомились с их бытом, национальной кухней. Перед занятием вместе с детьми приготовили «талган», отведали хакасский национальный напиток – айран. Также знакомим детей с хакасским фольклором: читаем сказки, загадываем загадки, учим пословицы, играем в подвижные игры. Показали детям других групп, родителям кукольный театр: сказку «Ячменное зерно», где видна связь хакасского и русского народа; драматизацию сказок «Как муравей к лягушке в гости ходил», «Медведь и бурундук». При проведении интегрированного занятия «Земля, на которой я живу» дети рассказали о достопримечательности родного края, богатствах, прочитали стихи хакасских поэтов. В песнях, танцах показываем красоту и своеобразие национальной музыки, движений. Огромный интерес у детей вызывает народно-прикладное искусство. В процессе образовательной деятельности дети познакомились с нагрудным украшением «Пого». Дети придумывали узор из бисера, бус, пуговиц. Яркие, насыщенные цвета орнамента на одежде привлекают внимание детей, они с удовольствием наряжаются в национальные костюмы. В групповой комнате есть материалы, связанные с региональными и этнокультурными особенностями Республики Хакасия: символика республики, куклы в национальных костюмах, макет юрты, в большом количестве представлена художественная литература региональных писателей и поэтов.

Для формирования полноценной личности необходима систематическая, взаимосвязанная работа во всех видах деятельности на основе поликультурного образования.

Только на основе прошлого можно понять настоящее, предвидеть будущее, а народ, не передающий все самое ценное из поколения в поколение – народ без будущего.

Библиографический список

1. Алешина Н. В. Патриотическое воспитание дошкольников. М., 2005.
2. Кокуева Л. В. Духовно-нравственное воспитание дошкольников на культурных традициях своего народа. М., 2005.
3. Князева О. А. Приобщение детей к истокам русской народной культуры. ФГОС. М.: Детство-Пресс, 2015.
4. Из поколения в поколение. Программа для дошкольного, начального школьного и дополнительного образования. Приобщение детей к общечеловеческим ценностям на основе духовно-нравственного и патриотического воспитания / С. И. Лалетина. Абакан: Изд. ГОУ ДПО ХРИПКипРО, 2007. 64 с.

© Виноход В. Л., Шахрай Т. И., 2016

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХАКАССКИХ НАРОДНЫХ ИГР В ФИЗИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

А. В. Гашенко

Детский сад № 21 «Аленький цветочек», г. Саяногорск

Данная статья является продуктом обобщения педагогического опыта воспитателя по вопросам физического воспитания дошкольников с использованием хакасских народных игр. Раскрыты особенности национальных игр.

Ключевые слова: национальные, народные игры, традиции, обычаи хакасского народа, правила игры, физическое развитие.

Приобщение нового поколения к национальной культуре становится актуальным педагогическим вопросом современности. Так как каждый народ не просто хранит исторически сложившиеся воспитательные традиции и особенности, но и стремится перенести их в будущее, чтобы не утратить исторического национального лица и самобытности.

Одним из эффективных, увлекательных и доступных для детей дошкольного возраста средств приобщения к национальной культуре является народная игра. Народная игра – важнейший способ передачи богатства традиции от поколения к поколению. Через игру ребенок познает окружающую действительность а также овладевает необходимыми для жизни умениями и навыками. Кроме того, народные игры, приобщают детей к национальной культуре, заряжают их положительными эмоциями.

Дошкольное детство – это период игры. Игра оказывает на ребенка развивающее воздействие. Игры для детей – важное средство самовыражения, проба сил. В играх лучше познается характер, привычки, возможности, организаторские способности детей, что позволяет педагогу найти правильные пути воздействия на каждого ребенка. Игры особенно полезны на этапе начального освоения физических упражнений. Неоднократное повторение игровых действий помогает детям в дальнейшем легче перестраиваться при изучении техники движений, в различных видах спорта повышаются количественные показатели развития двигательных качеств.

По мнению В. В. Гориневского, Е. А. Аркина подвижная игра – незаменимое средство физического воспитания ребенка, пополнения его знаний и представлений об окружающем мире, развития мышления, ловкости, глазомера, быстроты реакции, подвижности, пластичности, формирования личностных морально-волевых качеств.

Большое воспитательное содержание заложено в правилах игры. Они определяют весь ход игры, регулируют действия и поведение детей дошкольного возраста, их взаимоотношения, содействуют формированию воли, т. е. они обеспечивают условия, в рамках которых ребенок не может не проявить воспитываемые у него качества.

Игра – исторически сложившееся общественное явление, самостоятельный вид деятельности, свойственной человеку. Игра может быть средством самопознания, развлечения, отдыха, средством физического и общего социального воспитания, средством спорта. Игры являются сокровищницей человеческой культуры. Они отражают все области материального и духовного творчества людей.

Хакасский народ в течение своего исторического пути создал неповторимые черты национальной культуры, среди которых ярко выделяются оригинальные игры, спортивные состязания и развлечения. Национальные игры и развлечения играют большую роль в физическом развитии детей. Они воспитывают волю, мужество, стремление к победе, физическую силу, ловкость, быстроту, выносливость. Особенностью хакасских подвижных игр является активная двигательная деятельность, включающая все основные виды движений: ходьбу, бег, прыжки, лазание, метание в цель и т. д.

Хакасские народные игры часто используются в непосредственно образовательной деятельности, а также на спортивных мероприятиях. Среди мальчиков старшего дошкольного возраста популярны единоборства – перетягивания. Например, игра *«Хол тартызы»* (*«Перетягивание руки»*). В этой игре участвуют два человека. Они садятся друг против друга, уперевшись ступнями ног. В руки соревнующихся вручается метровая палка, которую они захватывают поперек. По команде судьи оба начинают тянуть друг друга. Победителем становится тот, кто перетянет противника.

Хакасская игра *«Агас тартызы»* (*«Перетягивание палки»*). В ней участвуют несколько детей: чем больше детей, тем игра проходит веселее. Участники делятся на две команды. Двое играющих садятся друг против друга, берутся обеими руками за гладкую палку (длина которой 1–1,5 м.). Игроки упираются пятками друг в друга, при этом их колени должны быть согнутыми. Остальные участники садятся за спинами своих капитанов и обхватывают впереди сидящего за поясницу. По сигналу водящего, каждая команда начинает тянуть на себя палку. Тянуть ее до тех пор, пока одна команда не упадет на пол. Эти две силовые игры способствуют развитию у дошкольников силы, выдержки, выносливости, физической ловкости и смекалки и укреплению мышц туловища.

Особой популярностью на спортивных мероприятиях пользуется игра *«Скачки»*: она развивает у детей быстроту, выносливость, ловкость и прыгучесть. Содержание игры заключается в проведении соревнований в беге на «лошадках» – прутиках. Игра *«Скачки»* – эмоциональная, веселая, с соревновательным элементом, служит подводящим упражнением для обучения специальным беговым упражнениям (бег колесом, приставными шагами, семенящий бег, прыжки двумя ногами вперед, бег с высоко поднятым коленом).

В своей работе использую такие хороводные игры как «Гобыл-тобыл», «Две птички», «На поляне», «Маки» и др. Особый интерес и радость у детей вызывает хороводная игра «Дядя Трипун». Дети с особой эмоциональностью показывают позы животных, отгадывая их, повторяя движения за ведущим. Игры развивают ловкость, быстроту, силу, меткость, сообразительность и внимание.

Подвижные игры тематически наполнены и связаны с перевоплощением детей и жизненными наблюдениями. Это такие игры как: «Гусеница», «Спрячь колечко», «Медведь и пень», «Чертёнок».

Для создания условий физического развития детей старшего дошкольного возраста использую хакасскую народную подвижную игру «Хозан чолы» «Заячья тропа». Для игры на земле или зимой на снегу чертится большой круг (диаметром до 10 м.) или квадрат, который в центре пересекается тремя линиями. На пересечении линий с кругом (квадратом) находятся норы зайцев (обручи). В середине круга (квадрата) на перекрестке внутренних линий находится нора (обруч) волка. Чтобы определить, кто будет волком, можно использовать считалку: «Пір, ікі, ес, тјрт, пис, пеер поларзыгу син (раз, два, три, четыре, пять волком будешь ты). Зайцы скачут на двух ногах за кругом. Как только заиграет музыка, игра начинается. Согласно правилам, волк должен занять пустующую нору зайца, добегая до неё по дорожке, ведущей к этой норе. Во время игры зайцы не забегают в норы. Как только музыка прекратится, зайцы занимают любую свободную нору, а волк стремится занять свободную нору зайца. Если волк займет вперед пустую нору зайца, то он выигрывает, а кто не успел – становится волком.

Хакасские народные игры отражают исконную любовь ребенка к движению, веселью, национальные устои, желание обладать силой, ловкостью, проявлять смекалку и творческую выдумку. Они воспитывают волю, мужество и стремление к победе. Кроме того, велико оздоровительное значение подвижных игр, связанное с их влиянием на физическое и психическое развитие детей, а также воздействием на функциональное совершенствование организма.

Таким образом, использование хакасских народных игр и состязаний в физическом развитии детей дошкольного возраста позволяет целенаправленно воздействовать на процесс укрепления здоровья, а также формировать у детей этику межнациональных отношений, помогает сохранить народные традиции.

Библиографический список

1. Бутанаев В. Я., Верник А. А. Детские игры и спортивные состязания народов Хакасии. Абакан, 1995. 53 с.
2. Еремин Л. В. и др. Хакасские народные игры и состязания. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2007.
3. Чебодаев П. И. История Хакасии. Абакан: Хак. книжн. изд-во, 1992.

© Гашенко А. В., 2016

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ В ТВОРЧЕСТВЕ УОЛТА УИТМЕНА И БОГДАНА-ИГОРЯ АНТОНИЧА

О. В. Дуброва

БГПУ, г. Бердянск (Украина)

Статья посвящена исследованию мифологизма времени в поэтических произведениях У. Уитмена и Б. -И. Антонича, особенностям авторской интерпретации и объяснения разных категорий времени, направленных на существование человека в пространстве. Доказано, что мифопоэтическое мировосприятие (на уровне времени и пространства) для исследуемых авторов характеризуется «вневременностью» и хронологической деколлализацией, что помогает лирическим героям Уитмена и Антонича воспринимать мир в свете архетипов.

Ключевые слова: архетип, время, пространство, «вневременность», мифосимволизм, Кронос.

В современном литературоведении активно развивается важный и перспективный архетипический подход, позволяющий раскрыть преемственность в общественной жизни, неразрывную связь времен, проявления архетипической памяти; формируется новый взгляд на человека, его сущность и предназначение на Земле.

Цель статьи заключается в исследовании мифосимволики времени, которая нашла своё яркое выражение в творчестве У. Уитмена и Б.-И. Антонича; своеобразно прояснение и толкование американским и украинским поэтами различных проявлений времени, направленных в плоскость человеческого существования.

В современной литературе немало научных исследований, посвященных анализу творческого наследия У. Уитмена (работы Н. Абиевой, М. Анастасьева, Т. Венедиктовой, В. Демецкой, М. Мендельсона, Т. Михед, В. Старцева) и Б. -И. Антонича (работы Ю. Андруховича, Ю. Кузнецова, В. Махна, А. Пономаренко, Е. Соловей, Л. Стефановской и др.). Однако предложенная нами тема еще не исследовалась в компаративном аспекте, поэтому актуальной литературоведческой проблемой сейчас является исследование художественной интерпретации мифосимволики хронотопа в творчестве Уитмена и Антонича.

Специфика восприятия времени у У. Уитмена и Б.-И. Антонича проявлялась, как отмечает Л. Хавкина, во «взгляде на историческое бытие нации, ее мифологизированные и сакрализованные прошлое, настоящее и будущее. Выделяются пограничные моменты истории, раскрывается понятие духа нации как вневременной ценности, что обеспечивает ценность бытия этноса» [7, с. 13].

Поэты удачно раздвигали границы художественного времени, изображая события, иногда отдаленные на тысячи лет; историческое время в их художественном мире могло превращаться в мистическое, часто с мифоло-

гизацией реальных событий. Мифологическое видение и построение временных моделей У. Уитмена и Б.-И. Антонича были направлены в будущее: поэты создавали видение «идеального мира», где взаимодействовали объективное, субъективно-психологическое и социально-историческое время. Формировался субъективный образ временных параметров мира: время замедлялось, ускорялось, смещалось в зависимости от душевного состояния лирического героя, который не воспринимал пространство в географическом смысле, а переосмысливал его в соответствии с собственными и национальными переживаниями и событиями. Это делало главного героя бессмертным, даже «внесмертным», а его порывы, надежды и дела запечатлевались в вечности, например у У. Уитмена: «Тепер нам час іти, і ми підемо разом, і стрінемо, що трапиться, / Може, ми станемо кращі і ще чогось навчимося»[6, с. 182]; а у Б.-И. Антонича: «Що лишиться по мені: попіл слів моїх, / що лишиться по нас: з кісток трава зросте» [2, с. 162]. Все люди, по мнению авторов, умирают и оставляют бремя жизни «матері-землі ласкавій», покидают этот мир «натруджені, / лиш слово наше й пам'ять наших вчинків, / горіння і скорботи вічний слід, / у ній записані й осуджені, / триватимуть у невідомість літ»[2, с. 276].

Таким образом идея вечности как единственно возможная форма реализации бессмертия наиболее удачно воплотилась в творчестве У. Уитмена и Б.-И. Антонича именно в циклической доктрине времени, которая является абсолютной относительно своего мифологического происхождения, объясняется не столько прямым заимствованием, сколько способностью обоих авторов, преодолевая границы исторического времени и временное отчуждение человеческого сознания, воспроизводит в своих лирических произведениях архаичные, архетипические модели существования общества, где человек воспринимался только как малая часть единого гармоничного космоса.

Рецепция христианского восприятия времени также нашла место в творчестве американского и украинского поэтов. Под влиянием христианства происходит последовательная трансформация временной ориентации первобытных людей. Последнее вписало новую страницу в восприятии времени – подтолкнуло к интерпретации этой категории сквозь призму интересов и ценностей человека, что и было характерно для Уитмановой и Антоничевой лирики. Абсолютная трансцендентная зависимость создания от Творца, земного мира человека от Бога обусловили разделение времени на вечность как вневременное бытие Бога и временное существование земного мира. Время христианством воспринималось отдельно от вечности, которую невозможно было калькулировать временными отрезками. Вечность работала в сфере Божественного, время же составляло только ее атрибут, одну из составляющих, принадлежащих земной сфере. Поэтому время наделяется такими характеристиками, как векторность, прямолинейность и необратимость.

Поэтому время, как одна из основных философских категорий, является главной составляющей поэтической модели мира У. Уитмена и Б.-И. Антонича, которая характеризует ту или иную стадию развития человечества и рядом с которой гармонично существуют другие, не менее важные, компоненты этой модели, такие как: пространство, причина, изменение, бренность, цикличность и т. д. В совокупности эти категории образуют «сетку координат», с помощью которой поэты пытались воспринимать окружающий мир и выстраивать свои собственные художественные образы. Только через ряд трансформаций, произошедших в осознании времени У. Уитмена и Б.-И. Антонича, возникло их самобытное понимание последнего.

Таким образом, особенности мифологического мышления древних давних народов, которые основывались на таких фундаментальных идеях, как цикличность, периодическое воспроизведение первоначального божественного первопорядка, божественное временное создание миров и законов Вселенной, обусловили понимание времени У. Уитменом и Б.-И. Антоничем. Время стало для поэтов осязаемым и естественным «вместилищем» чувств, мыслей и надежд лирического «Я», а их поэзия – своеобразной попыткой восстановления первоначальной (архаической), языческой гармонии между человеком и миром. Ради этого восстановления авторы обращались к архетипической памяти, реконструируя национальные космогонические и хтонические архетипы и мифы, где ключевыми являются мотивы витализма, содержательности и совершенства бытия и Вселенной, в которых каждое явление не только закономерное и аналогичное, но и вечное, которое переходит в другую форму существования, сохраняя свою бессмертную сущность.

Библиографический список

1. Андрухович Ю. Б. -І. Антонич і літературно-естетичні концепції модернізму : автореф. дис. ... на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук. І. -Ф., 1996. 23 с.
2. Антонич Б.-І. Велика гармонія : (Модерністична поезія ХХ ст.) : [для старшого шкільного віку] / [упоряд., передм., прим. Д. В. Павличка] / [худож. оформ. М. С. Пшінки, А. О. Лівня]. Фронтиспіс О. Л. Кульчицької. Київ: Веселка, 2003. 350 с. іл. (Шкільна бібліотека).
3. Зварич І. Мифологічна парадигма художнього мислення : автореф. дис. ... на здобуття наук. ступеня доктора. філол. наук. К., 2003. 36 с. укр.
4. Скальська Д. М. Естетичні виміри філософсько-антропологічних вчень ХХ століття : автореф. дис. ... на здобуття наук. ступеня канд. філос. наук. К., 2005. 30 с.
5. Скрипник І. Міф як одкровення: проєкція різних облич Б.-І. Антонича // [збірник наук. праць]: Частина 2: Філологічні науки. Суми : СумДПУ імені А. С. Макаренка, 2007. 456 с.
6. Уїтмен У. Листя трави: [пер. з англ.]. К.: Дніпро, 1969. 150 с.
7. Хавкіна Л. Українська романтична поезія кінця 20-х – початку 40-х р. р. ХІХ ст.: міфопоетичний аспект : автореф. дис. ... на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук. Харків, 2003. 19 с. укр.

© Дуброва О. В., 2016

ПРОЯВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В БАШКИРСКОЙ ПОЭЗИИ

А. А. Капашева

Научный руководитель: Л. Х. Самситова, д-р филол. наук, профессор
БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа

Данная статья посвящена анализу концепта «ЖЕНЩИНА» на материале башкирской поэзии. Целью статьи является исследование башкирской поэзии с точки зрения ее когнитивной структуры.

Ключевые слова: концепт, женщина, башкирская картина мира, структура, башкирская поэзия

Языковая картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённая в языке совокупность представлений о мире, определённый способ восприятия и устройства мира, концептуализации действительности. Каждому естественному языку соответствует уникальная языковая картина мира.

Языковая картина мира отражается в ключевых словах – концептах. Термин *концепт* в лингвистике и старый и новый одновременно. В 1928 г. С. А. Аскольдов опубликовал статью «Концепт и слово», где определял *универсалию* (концепт) как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [1, с. 267]. Но до середины прошлого века понятие «концепт» не воспринималось как термин. Лишь в 80-е гг. XX в. вновь возникает понятие «концепта» как термина, который послужит объяснению единиц психических процессов нашего сознания.

Приведем ещё несколько наиболее известных определений концепта.

По мнению В. Н. Телия, концепт – это «все то, что мы знаем об объекте во всей экстенсии этого знания» [2, с. 97]. Он представляет собой семантическую категорию наиболее высокой степени абстракции, включающую в себя частные значения конкретизации общей семантики. Кроме того, В. Н. Телия подчёркивает, что концепту онтологически предшествует категоризация, которая создает типовой образ и формирует «прототип».

Рассматривая сущность концепта, исследователи особо отмечают его принадлежность этнокультурному миру человека. Семантическое его содержание при этом интерпретируется в контексте форм мысли носителя языка как этнокультурная репрезентация. Таким образом, познание концепта помогает воссоздать этнокультурный образ, особенность менталитета носителя языка. «Концепт являет собой выражение этнической специфики мышления, и его вербализация обусловлена лингвокогнитивно этнокультурно маркированной ассоциативной компетенцией носителя концептуальной системы» [3, с. 144].

В терминах Ю. С. Степанова концепт – микромодель культуры, он порождает ее и порождается ею. Являясь «сгустком культуры», концепт обладает экстралингвистической, прагматической, т. е. внеязыковой информацией [4, с. 40].

Г. Г. Слышкин определяет концепт как «условно-ментальную единицу» и выделяет в нём, прежде всего, примат целостного отношения к отображаемому объекту. Формирование концепта представлено им как процесс соотнесения результатов опытного познания действительности с ранее усвоенными культурно-ценностными доминантами, выраженными в религии, искусстве и т. д. [5, с. 34].

В. А. Маслова перечисляет следующие инвариантные признаки концепта:

– это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру;

– это основные единицы обработки, хранения и передачи знаний;

– концепт имеет подвижные границы и конкретные функции;

– концепт социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику;

– это основная ячейка культуры [6, с. 46–47].

Концепт обладает очень сложной многоплановой структурой. В нем можно выделить как конкретное, так и абстрактное, как рациональное, так и эмоциональное, как универсальное, так и этническое, как общенациональное, так и индивидуально-личностное. Этим и объясняется отсутствие единого определения.

Концепт «женщина» играет огромную роль в башкирской картине мира. Пословицы и поговорки и другие контексты свидетельствуют об особом месте женщины в семье и социуме. На протяжении веков башкирская женщина выступала символом незыблемости и сохранности семейных устоев, носителем высоких нравственных и эстетических начал, хранительницей традиции народа. В башкирской традиции всегда превалировал материнский тип женщины, находящийся внутри природного порядка, подчиненный законам и задачам рода, символизирующий жизнь и приумножение, прирост бытия, верность духу своего народа. Отсюда традиционное внимательное и уважительное отношение в башкирской традиции к женскому началу (матери, жене, сестре, дочери). Башкирская женщина наравне с мужчинами разделяла тяготы кочевой жизни и была незаменимым помощником в хозяйстве, мудрым советчиком, соратником в военных походах. Об участии башкирских женщин, например, в Отечественной войне 1812 года сохранились песни и легенды. Образ смелой и находчивой жены, спасшей своего мужа и отряд, которые попали во французское окружение, нарисован В. Зефиоровым в «Рассказах башкирца Джантюри». В песне «Иремель» поется о женщине, которая вместе с му-

жем отправляется на защиту Родины от французов: «Коли враг посягнул на свободу страны, разве дома мы все оставаться должны?»).

В трудные времена башкирская женщина брала на свои плечи заботу об осиротевших детях, восстанавливала разрушенное хозяйство. «Женщина держит три угла в доме, а мужчина – один» – в этой пословице общественное сознание выразило свое отношение к женщине-матери, женщине-супруге, трудолюбивой, надежной, верной. В башкирской поэзии концепт «женщина» находит широкое воплощение. Например:

Женщина – мать: *Хәтерләйем сак-сак, каты сирләп, Түшәгендә яткан әсәйем, Сахырып алып мине, әйтте бер көн: – Бер һөйәйем әле, бәпәйем! Һуңғы тапкыр бәлки һөйөүемдер... Кем балаһы кемгә аяулы... Тилмерерһең инде бер кабымга, Карғыш иштерһең қаяулы. Рәһнемһәң ине шул сағында, Бер бәхетһең итеп тапқанмын, – Тине лә ул, йөрәк әрнеуәнән Һығылып, мөндәрәнә капланды. Ә мин, сабый, бер ни белмәйенсә, Тағы йүгереп үзән буйланым. Күстәнәсең тотоп больница-нан, Кайтып инерһең, тип уйланым (Б. Ямбулатов). Әсәй, әсәй – минең яҡты донъям, үмер буйы балкыр қояшым. Һинең менән генә таяулымын, Рухым ныклы, сая қарашым (Р. Сәйетғәлина).*

Женщина – красота: *Уралдың һылыу кыздарын – Қарағускыл сәйәләй, Яһып торған йөззәрен, Шәлкемләнған ебәктәй. Шоморт қара сәстәрен, Сал бөркөттәй кәпәйеп. Қалкып торған түштәрен, Атта уйнап сыныққан, Бал қортондай билдәрен, Қырсын ташқа һибелған ... «Мин – қатын-кыз. Хәсрәттәрем ябай: Һақлайым өй йәмен, үсә балам. Мин донъяға бирәм тик изгелек, Мин донъяға тик яратып бағам (И. Ильясова). Кыздар халқы бигерәк кызык ул, Тоталарза толом кырқалар, Был шыма сәс менән егеттәргә. Окшамабыз тиеп қурқалар... Алдарыңда ята сәс толомоң, Һин қарайһың уға гел тынып. Сәстәреңә бер сак сал йүгерер – Алтын төсөн һақлар был толом. Һандығыңдан уны алған һайын, Исләрһең һин исәр йәшлекте... Сал төшөрмәй һақлап буһа икән, Йәшлекте лә, шулай йәш итеп (Р. Бикбаев).*

Женщина – характер: *Шул толомдо қулдарыңа урап, Бәхетенән кемдер исәргән. Минең өсөн түгел, башқа берәү, Һокланһын тип, сәсең қиселған. Шул қиселған сәскә күззәреңдән Мин күрмәгән нурзар түгелде... Тағатмасы, зинһар, толомоңдо, Қанатмасы минең күңелде. Өндәшкәйнем нескә билгә, Татлы микән тип балы, Мине сағып, осоп китте, Татытманы ни бары Йөрәккә әрнеу, Борсолу – эштәремә. Һәм бал есә һибеп китте Күрәсәк төштәремә (Р. Бикбаев). Кыздар – иркә, Ирзәр – күркә, Қатындар – қурсак! Аңкый шәхсиә, Ялтырай тәрилкә, Матбуғат уйынсык! Күззәр йыландай, Телдәр йыумалай, Малайзар үрмәләй, Танаузар – Һималай! (Ш. Бабич).*

Женщина – уважение: *Апай зарым мине бәуеткәндәр, Дүрәткәндәр, йырлар булгандар. Апай зарым менән етәкләшеп, Сыкканмын мин тәү сак урамга. Ике йондоз булып, янып килде, Ике якта ике апайым. Утлы дәһшәт безгә кизәнгәндә, Бергә-бергә калдык янтайып. Киткәндәргә мөлдөрәшеп бактык, Тотоношош әсәй еңенә. Таштай көйәнтәләр булып төштө, Луғыш сабый кыззар иңенә. Буш буралы кара яззар менән, Ахыры, үтә иртә таныштык... . Кисерегез сабый таңдарымдан, Ызыгылып килеп тамган һагышты. Кайһы сакта тормош ағасында, Кипкән япрак кеүек тирбәләм. Шул мәлемдә булһын ине, тимен, Апай зарым зына эргәлә (Р. Бикбаев).*

Женщина – труд: *Был кыз бала үскәндер тик, Шәрбәт эсеп, нур йотоп: Билдәре өзөлөп тора, Әйтерһеңдә бал корто. Күлдары уның төзөгән, Илдә нисәмә йортто. Таңдан кискәсә тынмай уд, Әйтерһең дә, бал корто(Р. Бикбаев).*

Женщина – восхищение: *«Кыз» тигәс тә күңелгә кызган тимер баҫкан кеүек, Йәш йөрәкте кайнатып, ут тапшыны ташкан кеүек. «Кыз», тигәс тә һелкәнә күкрәк, қолактар шәмрәйә, Күззәр урынынан хуба, тоздай була, шашкан кеүек. «Кыз тинеңме – кан кызырға башлай, бәгерәң һызлана, Йәш йөрәктә әллә ниндәй тәмле уй зар хузгала. «Кыз» тинеңме – сыңрай йәмле мөхәббәтле тауыш, Донһаһы корбан һиңә, әй йәнле идеал – кыз бала. Шул мөжәссәм йәнле йәмдәрзе кешеләр: «кыз», тизәр. Кыз күрәнә, ихтиярыһыз әстәрәнән һызлай зар. Карттары кысқырһалар за: «Бакма, нәмәхрәм, харам!» Йәштәре шәррән-яра кызмакка фәтүә эзләй зар (Ш. Бабич).*

На протяжении веков башкирская женщина-мать охраняла и сохраняла духовный мир, культурную и национальную идентичность народа, свою традицию. Именно женщина, дающая жизнь и оберегающая ее как высшую ценность человеческого бытия, выступала символом прочного и гарантированного существования, надежного настоящего и благополучного будущего своих детей как продолжателей рода и национальной традиции.

Культ материнства в башкирской традиции всегда пользовался особым уважением. «Не познавший детей не познал вкус меда», «Бездетный человек – что расколотый камень», – говорили в народе.

Библиографический список

1. Карасик В. И. Модельная личность как лингвокультурный концепт // Филология и культура. Мат-лы III международной конференции. Ч. 2. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. С. 98–101.
2. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический, культурологический аспекты. М., 1996. 284 с.
3. Фесенко Т. А. Концептуальные системы как контекст употребления и понимания вербальных выражений // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Сб. науч. трудов. Рязань, 2000. С. 141–144.

4. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
5. Слышкин Г. Г. Концептологический анализ институционального дискурса // Филология и культура: мат-лы..., 2001. С. 34–36.
6. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / В. А. Маслова. М.: Флинта: Наука, 2004. 296 с.

© Капашева А. А., 2016

МОДЕЛЬ «ЦЕНТРА ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕМЕСЕЛ» КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

О. В. Киштеева

ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

Развитие традиционного искусства и культуры в современном обществе является одной из основополагающих задач сохранения ценностных ориентаций. Очевидное агрессивное преобладание массовой культуры в информационном пространстве, образная эклектика художественной среды вызывает кризис самоидентификации современного человека. Для современного российского поликультурного общества именно традиционная культура, ее художественный потенциал является фактором как стабильности, так и развития.

Ключевые слова: традиционная художественная культура, декоративно-прикладное искусство, идентичность.

Эффективная поддержка производства художественной культуры в современном обществе осуществляется по нескольким типам, таким как: государственный тип поддержки (государственные бюджетные организации и учреждения сферы культуры и искусства, действующие в рамках государственного задания); меценатский, или патронажный тип поддержки, в котором участвуют благотворительные фонды общественных и финансовых организаций, в рамках грантов и социальных проектов; коммерческий тип поддержки, связанный с обязательной коммерческой окупаемостью и экономической эффективностью; церковный, опирающийся на поддержку религиозного института тип поддержки направлен на производство канонических объектов художественной культуры; учреждения образования, творческие организации, индустрия культуры, деятельность которых направлена на самообеспечение культуры.

При регулировании производства разных типов продуктов художественной культуры, государство определяет приоритетные направления тех типов художественной культуры, с недостаточной коммерческой привлекательностью для рынка, но имеющих базовое значение для современно-

го поликультурного российского общества. Можно утверждать, что традиционные виды художественной культуры, в большинстве случаев не могут быть коммерчески успешными, в силу своей энергоемкости, как материальной, так и технологической, уступая сферам технологичным и дешевым, характерным для массовой культуры и искусства. Тем большая ответственность лежит на государстве и ее различных институтах, на которые возлагается миссия изучения, сохранения и развития в современном мире традиционной этнической культуры и искусства, как важнейшего инструмента идентичности, наравне с языком.

А. В. Костина, раскрывая факторы, которые способствуют активизации потенциала традиционной культуры отмечает проблему «тотальной множественности смыслов, значений, ценностей, которые принадлежат разным культурным мирам» что является психологически сложным для современного человека, который испытывает трудности с самоидентичностью [1, с. 34]. По мнению автора, в поисках собственной идентичности современный человек, в поисках ценностного смысла собственного бытия «...обращается к тем культурным пластам, которые обладают сверх ценностью, а потому – значительным компенсаторным потенциалом. Он обращается к традиционной культуре и тем формам, которые обновляют традицию. Многие их форм этого творчества к традиционным образцам тяготеют по форме и содержанию, другие являются их интерпретацией, третьи – подражанием. Однако эти образцы воспринимаются как совершенные в художественном и значимые в ценностном плане» [1, с. 38].

В современной глобальной цивилизации, особое внимание уделяется сохранению идентичности (или по другой терминологии самобытности). Данное положение декларировано ЮНЕСКО, в документах этой организации самобытность определяется как «жизненное ядро культуры, тот динамический принцип, через который общество, опираясь на свое прошлое, черпая свою силу в своих внутренних возможностях и осваивая внешние достижения, отвечающие его потребностям, осуществляет процесс постоянного развития [5].

В настоящее время наряду с процессами глобализации, отмечается настоящий этнокультурный ренессанс. Такое явление характерно не только для российского общества, но и для всех стран и сообществ, в которых переосмысливается архаическое восприятие своего культурного мира, что с развитием глобального информационного поля приводит к мультикультурализму. Как ответ постмодернизму, с множественностью противоположных ценностей, традиция становится таким фактором, который регулирует стабильность человеческой деятельности, традиционная культура и искусство раскрывают свой креативный потенциал. Таким образом, именно художественная культура и искусство, благодаря своей образности и универсальных основаниях, несет в себе возможность куль-

турного диалога, лишена недостатков консерватизма, поскольку в самом его основании заложено творческое начало. Декоративно-прикладное искусство в традиционной культуре формирует художественную среду на основе этнических представлений о пространстве мира, обладает художественной выразительностью и практической функцией. Главная функция декоративно-прикладного искусства – эстетизация и упорядочивание культурного пространства этноса, противостоять природному хаосу, помочь человеку органично и эффективно действовать в предложенных ситуациях. Объекты декоративно-прикладного искусства воздействуют на человека постоянно, на разных уровнях восприятия: от зрительного до тактильного, что расширяет границы его воздействия на человеческую личность.

Положительный опыт сохранения народных традиций был разработан в советское время, когда особое место уделялось развитию художественной самодеятельности и культурно-просветительской работе. Открытие культурных учреждений и организаций имело большое культурное значение для того времени. В 1937 г. был открыт областной Дом культуры, а в 1947 г., помимо этого был организован отдел по культурно-просветительской работе; а в 1979 г. на базе последних двух учреждений был создан «Областной научно-методический центр народного творчества и культурно-просветительской работы», деятельность которого была направлена на развитие художественного творчества населения, повышения квалификации специалистов культуры, оказание методической и практической помощи районным и сельским учреждениям культуры. В научно-методическом центре была организована работа художественно-методического совета, по работе над перспективными программами и репертуаром самодеятельных коллективов, которым так же осуществлялся отбор исполнителей и коллективов для представления области на всероссийских и всесоюзных смотрах, конкурсах и фестивалях. В области сохранения этнической культуры, центр осуществлял сбор информации о народных мастерах и исполнителях, а с 1950 г. Дом народного творчества стал проводить слеты чатханистов. В 1991 г. Областной научно-методический центр был реорганизован в государственное учреждение «Республиканский Центр народного творчества» со следующими отделами: творческим, справочно-информационным, досуговым. С конца 1980-х. начала 1990 г. Научно-методическим центром проводилась работа по фиксации уходящих объектов традиционной культуры, были проведены экспедиции по Бейскому и Ширинскому району с фото и видеофиксацией песенного фольклора хакасов, декоративно-прикладного искусства, сбор сохранившихся музыкальных инструментов, которые впоследствии легли в основу фонда в ЦК и НТ им. С. П. Кадышева. С начала 90-х. гг. проводилась работа по организации художественных мастерских при центре, которые занимались производством этнической сувенирной. В 1994 г. по

инициативе научно-методического центра на общественных началах был возрожден праздник «Чыл Пазы», который впоследствии с 2000 г. стал республиканским. (См. Закон РХ о празднике «Чыл Пазы» 22 февраля 200 г. № 76 // Вестник Хакасии. 2000. № 10–11.) Центром проводились выставки республиканские выставки декоративно-прикладного искусства, конкурсы самодеятельного танца, образовательные курсы по игре на чатхане, которые проводил известный композитор Г. И. Челбораков, курсы по хакасской вышивке, на которых обучала народный мастер Е. Г. Чаптыкова, занимался выпуском научно-методической литературы, репертуарных сборников и др. С 2002 г. Республиканский дом культуры и Республиканский центр народного творчества были объединены в Центр культуры и народного творчества им. С. П. Кадышева, который на сегодняшний момент призван осуществлять деятельность по возрождению традиционной народной культуры, содействовать межнациональному культурному сотрудничеству в области самодеятельного художественного творчества, развивать народные художественные промыслы и ремесла. Однако декларируемые направления деятельности осуществляются посредством проведения зрелищно-массовых мероприятий, конкурсов самодеятельности, основных официальных праздников, фестивалей, что, несомненно, стимулирует творческую активность и культурную жизнь республики, но по большому счету не имеет действенных инструментов для сохранения традиционных ремесел. На деле миссия сохранения и развития традиционного ремесла и декоративного искусства, возложена в республике на плечи мастеров-одиночек, которые по собственной инициативе, без финансовой поддержки обязаны как-то ее осуществлять.

Так на прошедшем в 2015 г. V Международного культурно-исторического наследие как ресурс социокультурного развития. «Сибир Ил») состоялся круглый стол «Народный мастер и туризм», модератором которого выступила Собина Наиля Муратовна, директор Национального центра декоративно-прикладного искусства и ремесел Удмуртской Республики, который выявил ряд проблем в нашей республике в области сохранения и поддержки традиционных ремесел и декоративно-прикладного искусства. В целом заслушав и обсудив выступления участников круглого стола, было сделано следующее заявление:

«Историко-культурное наследие – один из основных ресурсов развития туризма, который должен рассматриваться как совокупность наиболее устойчивых во времени и пространстве форм бытия культуры. Почти забытые народные промыслы и ремесла в настоящее время становятся активно востребованными и играют огромную роль в процессах национальной самоидентификации и развитии культурных индустрий. Сохранение, возрождение и развитие народных художественных ремесел, как части культурного наследия народов Российской Федерации признано

одной из важнейших задач государственной политики в сфере культуры. Включение потенциала народных художественных промыслов и ремесел в экономическое развитие региона является необходимым условием развития инновационной экономики, в том числе культурно-познавательного туризма. Стратегической целью в области сохранения, возрождения и развития народных художественных промыслов и ремесел является формирование инновационного творческого сектора экономики на основе традиционных художественных промыслов региона, обеспечивающего сохранение культурной и территориальной идентичности республики». (Протокол Итогового Круглого стола V Международного культурно-туристского форума «историко-культурное наследие как ресурс социокультурного развития» – «Сибирь Ил» от 04.09.2015 г.) По итогам работы круглого стола были сформированы рекомендации как к Правительству Российской Федерации, так и к региональным властям и органам местного самоуправления. Как видим из резолюции государство заботится о формировании необходимой правовой базы, что дает надежду на то, что сохранение и развитие культурного наследия, и в частности художественные ремесла и декоративное искусство, из теоретически декларируемых, перейдут в плоскость практических решений. В целом от опыта советского времени в области государственного регулирования народного художественного творчества, не всегда нужно было отказываться, в частности организованные Научно-методические центры народного творчества или Дома ремесел, как единицы учреждений культуры были в каждом регионе, и если Республика Хакасия, в сложный экономический период 90-х гг. XX в., такой центр реформировала, то некоторые регионы имеют опыт успешной инновационной деятельности реорганизованных центров, с научно-методической базой и активным участием в культурной и экономической жизни региона. Такие центры эффективно работают в Республике Удмуртия, Республике Тыва, Республике Алтай.

Проанализировав современное состояние в Республике Хакасия по сохранению и развитию художественных традиций этнической культуры в сфере декоративно-прикладного искусства и ремесел можно констатировать недостаток государственной поддержки и регулирования данной сферы, в целом государственные структуры выступают в роли потребителя художественной продукции, что может стимулировать отдельных авторов и мастеров декоративно-прикладного искусства, но не отвечают в целом за соответствие современных изделий этническим традициям, сохранение технологий и передачу профессионального мастерства.

В результате оценки современного состояния художественных традиций этнической культуры в Республике Хакасия можно сделать вывод о необходимости в организации единого «Центра декоративно-прикладного искусства и художественных ремесел», который объединит в себе несколько функций, отведенным в настоящее время разным мини-

стерствам и ведомствам: научно-методической и исследовательской работы, образовательно-методической, художественно-производственной, музейно-выставочной, информационно-публицистической и туристической деятельностью. Цели и задачи Центра должны отвечать инновационным подходам в поддержке творческих инициатив, репрезентации и продвижении традиционной культуры и включении ее в экономическое пространство региона, тем более что необходимость и готовность в этом у Правительства Республики Хакасия уже назрела.

Библиографический список

1. Костина А. В. Национальная культура. Этническая культура, Массовая культура. «Баланс интересов в современном обществе. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 216 с.
2. Официальный сайт Министерства культуры Республики Тыва. URL: <http://tuvaculture.ru/> (дата обращения: 12.12.2015).
3. Официальный сайт Министерства культуры Республики Хакасия. URL: <http://culture19.ru/> (дата обращения: 12.12.2015).
4. Официальный сайт национального центра декоративно-прикладного искусства и ремесел, Республика Удмуртия. URL: <http://www.decorudm.ru/> (дата обращения: 12.12.2015).
5. ЮНЕСКО официальный сайт. URL: en.unesco.org (дата обращения: 10.03.2016)

© Киштеева О. В., 2016

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ СИБИРСКИХ ТЮРКОВ: ПРОЕКТ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ¹

Ю. В. Лиморенко

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск

В докладе обсуждаются методологические и практические основы составления систематического указателя сюжетов и мотивов несказочной прозы трёх тюркских народов Южной Сибири – алтайцев, тувинцев и хакасов. Отличие указателя от уже существующих образцов заключается в его нелинейной природе – составленный в виде базы данных, он позволяет представить объединение материала по разным признакам, избегая избыточности. Экспериментальный указатель планируется составить на основе опубликованных текстов, но благодаря открытой структуре он может впоследствии пополняться новыми материалами.

Ключевые слова: указатель сюжетов, несказочная проза, мифы, предания, легенды, база данных.

Доклад посвящён обоснованию экспериментального подхода к составлению указателя сюжетов несказочной прозы. Материалом для работы выбраны жанры несказочной прозы трёх тюркских народов Южной Сибири: алтайцев, тувинцев и хакасов. Исследование ведётся в рамках проекта «Опыт указателя сюжетов несказочной прозы как базы данных»; в случае, если предлагаемые методы покажут свою эффективность, их

¹ Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-04-00-155).

предполагается применить для составления указателя сюжетов несказочной прозы на более широком сибирском материале.

В современной фольклористике проблема составления указателей сюжетов и мотивов весьма актуальна. Необходимость комплексного исследования фольклорных образцов требует инструмента систематизации и классификации сюжетных характеристики нарративов, заклинаний, песен и образцов других фольклорных жанров. Отметим, что на содержание материала в указателях и способ размещения этого материала существенно влияет характер самого материала. Мифы дают один набор сюжетных схем и мотивов, предания – другой, рассказы о персонажах низшей демонологии – третий, мифологические рассказы о животных – четвёртый. К тому же любая фольклорная традиция способна предоставить исследователю большое разнообразие тем и сюжетов, присущих именно этой конкретной традиции. В этой связи совместное исследование трёх фольклорных традиций Южной Сибири даёт хорошую основу для отработки методов составления указателя.

Во-первых, на сегодняшний день собрано большое количество фольклорного материала по несказочной прозе алтайцев, тувинцев и хакасов. Систематическая запись фольклорных образцов ведётся уже много десятилетий, на основе архивных записей подготовлены научные издания таких образцов, снабжённые переводом и качественным научным комментарием.

Во-вторых, культурная и языковая близость выбранных традиций представляет особый интерес с точки зрения повторяемости и вариативности сходных сюжетов. С одной стороны, каждая традиция раскрывает одну и ту же тему совершенно разными путями. Например, тематическая группа преданий о встрече с духом местности/сверхъестественным существом демонстрирует большое разнообразие сюжетов при заметном сходстве отдельных мотивов. Так, мотив «охотник живёт с женщиной-духом» присутствует и в преданиях о возникновении родов [7, с. 250–253], и в легендах [6, с. 120–125, 126–129; 7, с. 218–221; 8, № 21].

С другой стороны, есть целый пласт повествовательного фольклора, объединённый общими темами, образами, сюжетными ходами и мотивами. Таков, например, известный алтайцам, хакасам и тувинцам цикл преданий о Шуну и Амыр-Сана. К этому циклу тесно примыкают другие предания о войнах с монголами, джунгарами и китайцами, в которых также можно найти немало общего. Большое сходство сюжетов даёт нам цикл мифов о светилах и звёздах; в некоторых случаях сюжеты, представленных в таких мифах, выходят за границы тюркской традиции, а частично имеют параллели и далеко за пределами Сибири [2].

Богатый и надёжный материал южносибирского повествовательного фольклора позволит пронаблюдать вариативность сюжетов и мотивов в близких традициях и количественно изучить степень близости и расхождения сюжетного репертуара.

Как показывают многочисленные опыты составления указателей сюжетов, в том числе сюжетов мифологической прозы [1; 3; 5], первая и самая общая классификация, к которой прибегают исследователи, чтобы систематизировать материал на самом высоком уровне, – это классификация тематическая. Осуществить её при кажущейся простоте задачи не всегда легко, тому есть несколько причин.

Во-первых, исполнители фольклора тяготеют к соединению сюжетов (в том числе изначально довольно далёких друг от друга) в длинные повествования, где один сюжет сменяется другим, происходит контаминация, функциональная замена персонажей, вообще взаимодействие сюжетов в рамках одного повествования бывает весьма сложно (см., напр.: [7, с. 48–67, 66–79, 78–85; 8, № 1]). Во-вторых, в результате совсем небольшой вариации основная тема текста может совершенно смениться. Напр., текст об огромной птице, которая машет крыльями, поднимая сильный ветер [7, с. 238–239], относится к мифологическим рассказам о необычайных явлениях и существах, но если в тексте появляется совсем небольшое добавление: именем этой птицы названо алтайское село [7, с. 240–241], – текст тематически явно тяготеет уже к топонимическим мифам. Легко видеть, что тематическая классификация даёт только самое приблизительное разделение массива текстов. В каждой теме есть своеобразное «ядро» – тексты, которые наиболее точно и полно отражают данную тему, и «периферия» – тексты, где основная тема контаминирована или дополнена другими.

Ещё один вид классификации текстов, никак не противоречащий тематическому, – это структурно-семантическая классификация. Подробно она описана в работе Б. П. Кербелите [4], здесь стоит лишь упомянуть, что структурные разделы могут более или менее совпадать с тематическими в случаях, когда определённый тип сюжета жёстко связан с набором определённых ситуаций и персонажей. Примером совпадения функционального и тематического выделения может служить миф о собаке, вымолившей у верховного божества хлеб для человека [7, с. 86–89; 8, № 1]. Функциональная замена персонажей здесь практически невозможна: женщина, собака и божество – обязательные участники сюжета, сама ситуация также варьируется очень слабо. Другим примером довольно точного совпадения двух классификаций служит миф о Плеядах [6, с. 44–45, 294]. Тематически он относится к мифам о светилах и созвездиях и ни при каких вариациях не может переключаться в другой тематический раздел, хотя иногда к «астральной» теме может добавляться этиологическая» (почему у коровы раздвоенные копыта); персонажем мифа может быть только корова, а могут быть корова и лошадь, но функции коровы всегда неизменны.

Третий тип классификации сюжетов – ареальный – не будет рассматриваться в рамках проекта, поскольку изучение генезиса сюжетов и

«фольклорной археологии» (термин Ю. Е. Берёзкина) не входит в задачи составления указателя, хотя сведения об ареальном распространении сюжета могут быть полезны для сравнительного изучения уже выделенных сюжетов и мотивов.

Имеющиеся на сегодняшний день указатели сюжетов и мотивов несказочной прозы [1; 3; 4; 5; 9] представляют собой «линейные» указатели, где единицы классификации представлены одним последовательным списком. Однако, как говорилось выше, придерживаться одного принципа классификации для разнородного материала и при этом не упустить особенностей этого материала (контаминации, функциональные замены, нанизывание сюжетов) весьма сложно.

Помощь в решении этой задачи может оказать составление указателя как базы данных, где по разным «осям» (термин Е. Ф. Югай) отображаются различные классификационные признаки. Такая база данных разработана для русских причитаний [Югай, Николаев], в ней учтены три важнейших классификационных признака: соотнесённость с обрядом, словесная форма и место в тексте. Другой пример успешного применения технологии базы данных – широко известный ресурс «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам», работа над которым начата Ю. Е. Берёзкинским и продолжена коллективом под его руководством [2]. К достоинствам этой базы данных относится то, что она привязана к карте распространения мотивов по всем регионам Земли, хотя сама классификация остаётся тематической и не отображает других признаков сюжетов и мотивов.

Для сюжетов несказочной прозы такой подход ещё не применялся. Особенностью предлагаемого проекта является то, что он использует как свою основу ту самую неоднородность текстов, которая мешает построению «линейных» указателей. Для каждого сюжета одновременно фиксируются все важные для классификации признаки: тематика, функциональные характеристики ситуации и персонажей, взаимозаменяемость персонажей. При этом можно рассмотреть каждый вариант сюжета в совокупности этих его признаков, а можно выделить желаемый признак и произвести поиск по нему, получив список сюжетов. При этом табличная организация указателя предполагает возможность нормализации базы данных, чтобы устранять возникающую избыточность. Указатель открытый по структуре, что позволяет неограниченно пополнять его новым материалом, в том числе новыми позициями классификации.

Предполагается, что экспериментальный указатель сюжетов несказочной прозы тюрок Южной Сибири будет представлен в текстовом (табличном), а не в электронном виде. Вопрос о его размещении на электронном ресурсе может быть решён отдельно, если методика покажет свою применимость. Окончание работы над указателем планируется в 2018 году.

Библиографический список

1. Айвазян С., Якимова О. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ayvazan1.htm> (дата обращения: 15.03.2016).
2. Берёзкин Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (дата обращения: 15.03.2016).
3. Зиновьев В. П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1987.
4. Кербелите Б. Типы народных сказаний. Структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий. URL: <http://ruthenia.ru/folklore/kerbelite1.html> (дата обращения: 15.03.2016).
5. Козлова Н. К. Восточнославянские былички о змее и змеях. Мифический любовник. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000.
6. Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. 372 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 28).
7. Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).
8. Несказочная проза хакасов / сост. Л. К. Ачитаева, С. К. Кудумаева, В. В. Миндибекова. Рукопись.
9. Симонсуури Л. Указатель мотивов финской мифологической прозы. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/simonsuuri/> (дата обращения: 15.03.2016).
10. Югай Е. Ф., Николаев Д. С. Мультимедийный подкорпус базы данных «Русские причитания». URL: <http://eurasianphonology.info/static/lamentsmetrics/> (дата обращения: 15.03.2016).

© Лиморенко Ю. В., 2016

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ ХАКАСОВ¹

В. В. Миндибекова

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск

В данной статье представлены результаты исследования жанра несказочной прозы хакасов. Рассматриваются тематические группы мифов, легенд, преданий и их образный мир. Раскрываются особенности национального мировидения.

Ключевые слова: хакасский фольклор, несказочная проза, кип-чоох.

Несказочная проза занимает особое место в системе жанров хакасского фольклора. Источниковой базой послужили архивные материалы Рукописного фонда ХакНИИЯЛИ (Абакан), тексты расшифрованные с аудиозаписей, оригиналы которых хранятся в АТМ НГК им. М. И. Глинки (Новосибирск). Было обращено внимание на тексты, отображающие мно-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ «Несказочная проза в системе жанров хакасского фольклора», проект № 14-04-00184.

гообразии сюжетно-тематических групп хакасских *кип-чоохов*. Одним из основных критериев отбора анализируемых текстов является их художественная ценность.

Впервые рассматривается несказочная проза всех диалектных групп хакасов, в которых отражаются традиции и диалекты хакасского языка: сагайский, качинский, кызыльский, шорский. Произведения несказочной прозы, записанные от С. П. Кадышева, М. К. Доброва, Б. В. Кокова, П. Ф. Ульчигачева, П. В. Курбижековой и других хакасских сказителей, отличаются своей полнотой и художественной разработанностью. Благодаря их мастерству, индивидуальной манере исполнения, художественности повествования эти произведения представляют ценнейший фонд несказочной прозы хакасов.

Жанры несказочной прозы имеют одну общую установку на достоверность излагаемого события, их разграничение возможно по характеру излагаемой информации о действительности. События, о которых рассказывается в несказочных произведениях, для рассказчика и слушателя являются правдивыми (например: «*андаг полган*» – «так было»). К приёмам повествования относятся ссылки на старых людей, общеизвестность, указания на различные реалии и т. д., что усиливает достоверность произведений. В них отсутствуют специальные зачины и концовки, какие используются в сказках. Иногда встречаются концовки, обобщающие смысл рассказа. В этих произведениях описываются конкретные места и участники событий.

В несказочной прозе речь идёт от имени повествователя. Он рассказывает о событиях, которые происходят в жизни героя. Несказочная проза отражает бытовую разговорную речь в момент сказывания и фиксации текста. Несказочной прозе присущи стилевые черты устно-разговорной речи, иными словами, «живой» язык. Поэтому каждое слово несёт на себе огромную семантическую нагрузку. Изобразительно-выразительные приёмы в несказочной прозе выполняют не поэтическую, а смысловую и характерологическую нагрузку.

Всего нами выявлено более 100 образцов мифов, легенд и преданий, которые ранее не публиковались, то есть основной текстовый корпус состоит из инедитов. Тексты можно разделить по тематическому принципу.¹

- о сотворении земли и человека (например, «*Худай кизе чурт тургенинеңер*» («О том, как Худай человеку жизнь дал»)(1, л. 45–52), «*Потоптаңар*» («О потопе») (2, л. 56), «*Иргі тӱл чоҳ полганы, амдыгы тӱлдің насталганы*» («Об уходе старого поколения, о начале появления нынешнего поколения»)(3, л. 5–6);
- за ними следуют *космогонические мифы*, повествующие о звёздах, луне, солнце (тексты «*Читі чылтыстыңар*» («О семи звёздах»)(4, л. 44), «*Хара тал*» («Чёрный тальник»)(5, л. 35) и др.);

¹ Здесь и далее в круглых скобках приводится порядковый номер источника в соответствии со списком «Сведения о фольклорных текстах», расположенном в конце статьи.

- *мифы о зверях и птицах* (тексты «*Аң-хустар чылыи*» («Совет зверей-птиц») (6, л. 55–61), «*Хустарның чылыи (от тапханынаңар)*» («Собрание птиц (о добывании огня») (7, л. 34–35), «*Харачыхайтың хузури нога азыртыр*» («Почему у ласточки раздвоенный хвост») (8, л. 101), «*Таарт паза турна*») «[Коростель и журавль]» (9, л. 25), «*Саасхан хустаңар*» («О сороке-птице») (10, л. 100) и др.);
- *о духах-хозяевах гор, рек* (тексты «*Хам, суг ээзи, таг ээзи*» («Шаман, дух-хозяин реки, дух-хозяин горы») (11, л. 3), «*От ээлері*» («Духи-хозяева огня») (12, л. 13) и др.);
- *генеалогические предания* начинаются с повествований о хакасских родах (тексты «*Тадар шонынаңар*» («О хакасском народе») (13, л. 148), «*Хызыл шонның сөбктерінеңер*» («О сеоках кызыльцев») (14, л. 181), «*Сөбктердеңер*» (О сеоках») (15, л. 1–4), «*Минің родымнаңар*» («О моём роде») (16) и др.);
- *топонимические предания* представлены 16 образцами (например, «*Асхыс*» («Аскиз») (17, л. 31–32), «*Боготолдаңар*» («О Боготоле») (18, л. 157), «*Тогырғы аалынаңар*» («Об аале Тогырғы») (19, л. 160), «*Илек кёл*» («Озеро Илек») (20, л. 6) и др.);
- *исторические предания* представлены объёмными произведениями, наиболее известные из которых «*Абахай Пахта*» (21, л. 3–12), «*Ир Тохчын*» (22, л. 142–145), «*Өңең пиг*» («Очен-пиг») (23), «*Чанар хус*» (24, л. 129–131) и др.

Ко всем текстам подобраны их варианты, дающие представление о вариативности текстов. Рассматриваемые образцы несказочной прозы хакасов переведены на русский язык.

Несказочная проза имеет свои особенности в сюжетно-тематическом составе, в системе персонажей и в поэтико-стилевых приемах. Так, мифы относятся к древнейшему, а поэтому мало сохранившемуся жанру несказочной прозы. В этих повествованиях прослеживается потребность людей понять, объяснить и тем самым создать более комфортные благоприятные отношения с окружающей природой. Архаическая природа мифов подтверждается формой изложения, композицией и стилем. Выделяются мифы о происхождении человека, которые чаще входят в состав *космогонических* мифов, встречаются и как самостоятельные повествования. По содержанию им противопоставлены *эсхатологические* мифы – рассказы о конце света, в которых объясняются причины крушения мира. Большое распространение получили *мифы о животных и птицах* (*аң-хустардаңар кип-чоохтар*), о духах-хозяевах стихий (*таг, суг, от ээлерінеңер*).

В легендах описываются события более поздние, чем в мифе, приуроченные к какому-то историческому времени. В них свою художественную интерпретацию и оформление в виде того или иного повествования

получали явления природы и окружающего мира или значимая группа фактов и событий, связанных с религиозными проявлениями, иррациональным объяснением. Это подкрепляет мысль, уже ранее высказанную другими исследователями: жанры как художественные системы формировались, постепенно отдаляясь друг от друга.

Сюжетно-тематический состав хакасских преданий включает тексты о сопротивлении народа захватчикам, о разрушительных войнах, об угоне людей и побегах из неволи. В преданиях описаны реальные события и лица. В них раскрываются исторические и географические реалии.

Несказочная проза стала основой для традиционных верований, обрядовой сферы, а также послужила почвой для других жанров фольклора, включая и героический эпос – *алыптыг ныхмах*.

Таким образом, изучение текстов несказочной прозы хакасов позволяет ввести в научный оборот новые источники для изучения духовной жизни народа. В условиях постепенной утраты традиционной вербальной этнической культуры коренных народов Сибири изучение мифов, легенд и преданий хакасов станет залогом сохранения этого интереснейшего пласта духовной культуры народа.

Сведения о фольклорных текстах

1. Худай кизеэ чурт пиргеніненер (О том, как Худай человеку жизнь дал). Зап. Д. П. Аёшин в 1965 г. от И. Е. Доброва. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 362. Текст зап. на кач. диал.
2. Потоптанар (О потопе). Зап. Д. П. Аёшин в 1965 г. от И. Е. Доброва. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 362. Текст зап. на кач. диал.
3. Иргі төл чох полганы, амдыгы төлдің пасталганы (Об уходе старого поколения, о начале появления нынешнего поколения). Зап. Н. М. Ултургашев 3 июля 1946 г. от Г. Чаптыкова. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 149. Встречаются слова и формы как саг., так и кач. диал.
4. Читі чылтыстынар (О семи звёздах). Зап. от И. Е. Доброва. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 362. Текст зап. на кач. диал.
5. Хара тал (Чёрный тальник). Зап. Н. М. Ултургашев 22 июня 1946 г. от А. Ултургашева в с. Тёя Аскизского р-на Хакасской АО. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 149. Текст зап. на саг. диал.
6. Аң-хустар чылыи (Совет зверей-птиц). Зап. А. М. Кокова 10 декабря 1953 г. от С. П. Кадышева в г. Абакане. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 144. Текст зап. на кыз. диал.
7. Хустарнын чылыи (от тапханынанар) (Собрание птиц (о добывании огня)). Зап. Д. П. Аёшин от К. Л. Сукина. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 362. Текст зап. на кач. диал.
8. Харачхайтың хузури нога азыртыр (Почему у ласточки раздвоенный хвост). Зап. Н. Е. Домогашев и Н. В. Амзараков в 1946 г. в г. Абакане. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 148. Текст зап. на саг. диал.
9. [Таарт паза турна] [Коростель и журавль]. Зап. В. С. Чичинин в 1985 г. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 844. Встречаются слова и формы, зап. на саг. и кач. диал.
10. Саасхан хустаңар (О сороке-птице). Зап. Н. В. Амзараков 9 декабря 1946 г. от М. В. Амзаракова в улусе Кызласов Аскизского р-на Хакасской АО. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 148. Текст зап. на саг. диал.
11. Хам, суг ээзі, таг ээзі (Шаман, дух-хозяин реки, дух-хозяин горы). Зап. Г. В. Кунучакова в 1990 г. от М. Миягашева в аале Кызылсуг (*Хызылсуг*) Таштыпского р-на Хакасской АО. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 860. Текст олитературен.

12. От ээлері (Духи-хозяева огня). Зап. Н. М. Ултургашев 20 июля 1946 г. от А. Р. Ултургашева в *аале* Кок хайа пары Нижне-Тейского сельского совета Аскизского р-на Хакасской АО. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 149. Текст зап. на саг. диал.
13. Тадар шонынанар (О хакасском народе). Зап. В. И. Доможаков 30 июля 1947 г. от С. П. Кадышева в *аале* Тарча Ширинского р-на Хакасской АО. Рукоп. Ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 159. Текст зап. на кыз. диал.
14. Хызыл шонның сөбөктериненер (О сеоках кызыльцев). Зап. В. И. Доможаков 26 августа 1947 г. от П. А. Курбижекова в *аале* Чёрное озеро Ширинского р-на Хакасской АО. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 159. Текст зап. на кыз. диал.
15. Сөбөктерденер (О сеоках). Зап. В. С. Чичинин в 1985 г. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 844. Текст зап. на койбальском говоре кач. диал.
16. Минің родымнаңар (О моём роде). Зап. В. И. Доможаков 30 июля 1947 г. от С. П. Кадышева в *аале* Тарчы Ширинского р-на Хакасской АО. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 147. Текст зап. на кыз. диал.
17. Асхыс (Аскиз). Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 844. Текст зап. на саг. диал.
18. Боготолданар (О Боготоле). Зап. Т. Тачеева 25 декабря 1959 г. от С. П. Кадышева. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 21. Текст зап. на кыз. диал.
19. Тоғырғы аалынанар (Об *аале* Тоғырғы). Зап. Т. Тачеева 25 декабря 1959 г. от С. П. Кадышева. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 21. Текст зап. на кыз. диал.
20. Илек кӱл (Озеро Илек). Зап. В. Е. Майногашева 25 августа 2005 г. от Д. Ф. Шандаковой. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 1486. Текст зап. на кач. диал.
21. Абахай Пахта (Абахай Пахта). Зап. Н. Тенешев 29 марта 1957 г. на ст. Сартак Аскизского р-на. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 717. Текст зап. на бельтырском говоре саг. диал.
22. Ир Тохчын. Зап. М. Т. Аёшин от С. П. Кадышева в Ширинском р-не Хакасской АО в 1965 г. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 362. Текст зап. на кыз. диал.
23. Өңөң пиг (Очен-пиг). Зап. участниками 1-й комплексной экспедиции Института филологии СО РАН с участием ХакНИИЯЛИ 10 мая 1984 в г. от Кокова Б. В. в г. Абакане ХакаАО. АТМ НГК им. Глинки. Текст зап. на кач. диал.
24. Чанар Хус (Чанар Хус). Зап. Д. П. Аёшин от С. П. Кадышева в 1965 г. в Ширинском р-не. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ Ф-1, оп-1, д. 362, л. 129-131. Текст зап. на кыз. диал.

Список сокращений

1. АТМ НГК – архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. Глинки
2. диал. – диалект
3. зап. – записан
4. саг. – сагайский
5. кач. – качинский
6. кыз. – кызыльский
7. шор. – шорский
8. Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ – Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
9. Хакасская АО – Хакасская автономная область

© Миндибекова В. В., 2016

РЕЛИКТЫ ПАРТЕНОГЕНЕЗА В ЭПИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ КЫРГЫЗОВ

Н. О. Нарынбаева

Институт языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР,
г. Бишкек (Кыргызстан)

В данной статье рассматривается мотив непорочного зачатия – один из самых распространенных мотивов в эпических произведениях. Анализируется бытование данного мотива в кыргызском народном творчестве.

Ключевые слова: архетипическое, мотив, сновидение, тотем, эпос, эпический герой.

Мотивы а) чудесного зачатия и б) рождения героя от одного из небесных родителей – берут своё начало из мифа о непорочном зачатии. Истоки партеногенеза уходят своими корнями в начало человеческого существования. Модель мира в истории развития человеческого сознания во всех концах света у разных народностей, по мнению этнологов, представлялась почти одинаково. Антропологические наблюдения доказали, что солярные, лунарные и астральные мифы и верования, связанные с ними, а также анимистические, тотемистические воззрения людей везде имели одинаковую структуру, развивались по известной схеме. Эти архетипические модели коллективного сознания отражались в мифологических сюжетах, впоследствии опозитизированные в народных эпических творениях. Попытки объяснить причину и следствия жизненных явлений рождали различные мифологические мотивы. Именно они составляют ядро в фольклоре разных народов, исторически не имевших общения, и может быть объяснено самозарождением сходных сюжетов. Сюжеты по данным мотивам тождественны почти у всех народов мира. По разработке теории партеногенеза в фольклоре трудились и фольклористы, и этнологи: имеются фундаментальные работы В. Я. Проппа, А. Н. Веселовского, С. А. Токарева, Ю. Францева, ценные наблюдения Дж. Фрэзера, Л. Я. Штернберга, Лафарга и многих других. Коснулись данного вопроса Е. Мелетинский и В. Жирмунский. По мнению исследователей, вера в чудесное рождение связана с древними представлениями о тотемизме и анимизме. В. Я. Пропп выделил основные этапы развития этого мифа на более примитивных ступенях человеческой культуры. В первобытном представлении люди не признавали роли отцовства в продолжении рода, поэтому появление новой жизни приписывалось чудесам природных сил, далее – тотемным предкам, в более поздних версиях чудесным путем рождались только вожди племени, в эпоху сложения народностей: герои-предводители, потом только – цари, императоры [11, с 219–322]. По нашему мнению, в большинстве случаев эти версии отражены в астральных мифах: тем самым подчеркивалось небесное происхождение героя.

В эпосах кыргызов такие родители воспеваются как рожденные от озарения (нурдан буткен).

В кыргызских генеалогических преданиях сохранились слабые отголоски партеногенеза, переосмысленные многими поколениями, каждое из которых вносило свое представление о нем. В подобных сюжетах мотивы чудесного рождения претерпевали определенную трансформацию и интерпретируются только как рудименты образов тотемного предка. Такие мотивы присутствуют в сюжетах сказочной прозы: известной генеалогической легенде о происхождении этнонима кыргыз (в самых разных его версиях) или одного из племени кыргызов бугу, также о прародителе одного рода из племени саяк Джалду-Каба (букв. Синегривый Каба) и т. д. Также в исторических преданиях – о племенных богатырях-предводителях, об исторических личностях, как Эсенгул-батыр, Ормонхан, живших в недалеком прошлом, и других, кто оставил определенный след в духовной жизни народа.

В перечисленных сюжетах сказочной прозы, если главный герой наделен какой-то сверхъестественной способностью, то этим он обязан своему незримому покровителю, тотемному предку его племени. В преданиях подчеркивается сила такого покровителя, но не более того, т. е. только подтекстом дается понять, что в отваге или умении управлять народом (в государственной службе) героя сопровождает некий дух в зооморфном облике. В большинстве случаев это синегривый волк (кёк джал бёрю – көк жал бөрү), или тигр (пегий барс – кара чаар жолборс). Например, Ормон-хана, правителя северных кыргызов XIX века, якобы всюду сопровождал тигр (пегий барс). Об этом сообщил народный мудрец Куйручук-чечен¹ из племени саяк. Он увидел тигра, возлежавшего по правую руку Ормона, когда проводил всенародный съезд (топ) на юго-западном берегу Иссык-Куля (нынешняя территория города Балыкчы). В преданиях говорится, что его могли видеть не все, а только некто, кто наделен такой же способностью. В других источниках информаторы утверждали, что на спине того самого Ормона имелась синяя грива как у волка [4, 67-6].

Упомянутый выше Джалду-Каба (букв. Синегривый Каба), в младенчестве был спрятан родителями в лесу от преследований сородичей со стороны отца и вскормлен волчицей. Такой же участи подвергся Эсенгул-батыр из рода бугу, которого во время кочевки мачеха (одна из старших

¹Чеченами в кыргызском обществе называли людей, обладающих редкими качествами врожденной мудрости и безупречным красноречием: они выполняли функцию послов между племенами, были неофициальными советниками правителей, владели ораторским искусством, знали: историю всех войн кыргызов с внешними врагами, причины внутренних неурядиц между племенами, родословную всех племен и их правителей и т. д. И самое главное — они были горды и независимы глашатаями чайной масс. Были весьма ценны и популярны среди кыргызов вплоть до установления советской власти.

жен отца будущего героя) намеренно оставила малыша в люльке на старом месте (*эски журтка* таштап кеткен), его регулярно кормила маралиха, самка оленя, до тех пор, пока младенца не нашли люди его отца [1, с. 303]. Род бугу, населяющий южный берег Иссык-Куля, считают себя потомками марала Мюйюзду эне (букв.: Рогатой матери). Данный сюжет широко известен из материалов, собранных Ч. Валихановым, из этнографических трудов С. М. Абрамзона, Б. Солтоноева и Т. Баялиевой.

В вышеприведенных примерах зафиксированы случаи, якобы происходившие в жизни будущих героев-предводителей, подчеркивается причина возникновения качеств, обусловленных тотемистическими (т. е. божественными) признаками. В том или другом случае подчеркиваются их зооморфные качества, обычно приписываемые тотемным предкам, намекают их связи героев преданий с ними. Идеи подобных преданий исходили из версии происхождения от какого-нибудь зверья, тем самым определяя их необычное происхождение. Разумеется, когда люди поняли, что теперь разум не позволяет напрямую связать свое происхождение от тотемного предка, следовательно, подтверждая небесное происхождение того самого тотема, то всё же им хотелось верить в существования незримой нити с богами в лице далеких зооантропоморфных предков – оленя (бугу-марал), барса или волка (волчицы). Таким образом, в них угадываются слабые отголоски древнего тотемистического верования кыргызов. В подобных материалах сказочной прозы то и дело присутствуют образы тотема-оленя (самки оленя – марала) и тотема-волка (волчицы) – в большинстве случаев в генеалогических преданиях.

Сюжет о вскармлении младенца маралихой (или волчицей) находим в малом эпосе, как например, «Курманбек», и в трилогии эпоса «Манас». Во второй части трилогии, сына Семетея вскармливает также маралиха (самка оленя). В варианте Саякбая-манасчи это произойдет по пути в Бухару, когда супруга Манаса Каныкей бежит от преследования сородичей мужа, захватив с собой престарелую свекровь Чиырды и младенца Семетея. Утомленные и обессиленные женщины засыпают под сенью священного дерева Байтерек. Наутро Каныкей не находит возле себя сына. За небольшим бугорком, недалеко от их ночевки обезумевшие матери увидят, как маралиха кормит их Семетея своей грудью. Там же поется, что из кончиков листьев того самого дерева Байтерека потекло молоко. Каныкей накормила обессиленную мать Чиырды, сына Семетея, сама напилась и все заснула крепким сном так, что Каныкей не почувствовала, как уполз Семетей из её объятий [11, с. 50]. В эпосе «Курманбек» будущий герой был найден супругой бездетного хана Мадалкан. Во время прогулки со своими подругами она заметила маралиху, которая стоит над чем-то, как будто кого-то кормит грудью, и не собирается уходить. Приближаясь к ней, женщина увидела младенца в сундуке, сосущего грудь марала и тут же спрятала малыша под свое платье, а маралиха не только не

убежало при виде человека, напротив, шла за ней, пока не убедилась, что забравшая ребенка не собирается причинить ему зла. Женщина тут же имитировала роды. Подруги радовались появлению ребенка у бездетных родителей [3, 34-б].

Кормление грудью волчицей подброшенных человеческих детенышей, часто встречается в кыргызском фольклоре (с вариацией: самкой оленя), перекликается с известными сюжетами легенд о предке тюрков Ашина, также о Реме и Ромуле, братьях-основателях Рима. Если в тюркской легенде в силу устного бытования на протяжении многих столетий, возможно, забыта первоначальная версия, то в римской легенде было зафиксировано, что близнецы были рождены от бога Марса. В тюркомонгольской мифологии сохранен миф о божественном происхождении героя, одна из его версий приписывается Чингизхану, согласно которой он был зачат небом – спускающейся в юрту (в покои будущей матери) через тундук (купол юрты) в виде солнечной золотой нити, и наутро уходящий в облике серого волка. Приведенные материалы так или иначе показывают о непорочном зачатии известных в народной памяти героев.

Отголоски мотива о непорочном зачатии находим в эпосе «Эр Тёштюк» в варианте Саякбая-манасчи. Бокмурун, сын хана Кокетея, в младенчестве найденный бездетным семидесятипятилетним Кокетеем в переметной сумке (курджуне), навьюченной на горбу его любимого верблюда Кызылнара [13, с. 36–47]. Мальчик был рожден от батыра Тёштюка, а матерью является дочь пери Айсалкын, встреча которой с батыром была предназначена свыше. Бокмурун, персонаж в «Манасе», сын Кокетея. Тризна в честь Кокетея, устроенная Бокмуруном, впоследствии ставшей поводом долгой распри между кыргызами и другими сопредельными племенами. Однако не в самом сюжете «Эр Тёштюка», а в эпосе «Манас» мотив подобного появления на свет данного персонажа связан исключительно с мотивом бездетности Кокетея, а сам герой является эпизодическим:

Журт атасы Көкөтөй Отец юрта (племени или рода) Кокетей

Баласыз болуп калыптыр. Остался бездетным.

Жетимиш бешке келгенде, Ему было уже семьдесят пять лет,

Салбырынга барыптыр. Вышел охотиться.

Саякат кылып жүргөндө Во время путешествия

Кайыпчынын белинен, На перевале Кайыпчи¹

Аш берген Бокмурунун Того самого устроителя тризны, своего Бокмуруна

Талаадан таап алыптыр. Нашел в безлюдной местности.

Зилинде бул Бокмурун На самом деле этот Бокмурун

Эр Төштүктүн баласы. Сын Эр Тёштюка [7, 5-б].

¹На перевале кайыпчи, т. е. места обитания невидимых духов.

В «Манасе» он описан как организатор известной тризны в эпизоде «Кёкетейдин ашы» («Тризна по Кокетею»), более того, Бокмурун отличается своей недальновидностью, не оповестив Манаса о кончине своего отца, хотя и Кокетей и Манас снискали уважение и почет среди соплеменников-кыргызов и сопредельных народов. Во время всенародных торжеств, богатырских игрищ, как правило, проведенных в тризне, участвует его родной отец Тёштюк, один из алпов-богатырей среди кыргыз (К слову, ни в одном варианте не пересекаются пути отца и сына). Параллели данного мотива встречается в якутском эпосе «Эр Соготох»: «Попав на уловку абаасы, Могучий Эр Соготох оказывается в нижнем мире, там встречается с девкой-абаасы, которая в облике женщины-айыы соблазняет его. А потом говорит ему: «Я осталась беременной на половине срока...» [14, с. 423].

Другой эпизод, который можно было бы причислить к мотиву чудесного рождения – это нахождения Акун ханом девочки, впоследствии нареченной Айчурек (досл.: Лунная красавица), будущей супруги Семетея, сына Манаса. Такой мотив мы находим и в хакасском героическом эпосе «Алтын-Арыг». Если в кыргызском эпосе мотив нахождения младенца связывают с «подкидыванием» пери, как в случае с Эр Тёштюком, то в хакасском эпосе девочка Алтын Арыг считается рожденной скалой. Главную героиню находят в скале:

Белая скала стояла без дверей –
[Тут] дверь появилась,

.....

Лежит Алтын Арыг, родившаяся сама по себе.

Прекрасная девочка

Бездыханная лежит [2, с. 301].

Появление на свет Айчурек остается загадкой, как и появление Курманбека, главного героя одноименного эпоса. Ни одним сказителем эпосов не «раскрыты» имена их родителей, однако судя по их чудесным качествам, свойственным эпическим героям, угадывается их «небесное» происхождение. В отличие от Бокмуруна, описанного в эпосе как один из смертных героев, Айчурек – поистине является «чудеснорожденной». Она обладает сверхъестественной силой: в её образе эпос сохранил первоначальные качества богинь-матерей, тотемов птиц, а именно лебедя, столь широко распространенный в мировой мифологии архаический образ. К примеру, в другом хакасском героическом эпосе «Ай-Хуучин» героиня появляется на свет в конском табуне от породистых скакунов. Вместе с будущей девой-богатыркой рождается её будущий конь [6, с. 25]. Как пишет Е. М. Мелетинский: «Тотемные предки в мифах предстают как существа с не вполне дифференцированной двойственной зооантропоморфной природой, в которой, однако, явно преобладает человеческое начало. Большей частью это люди, которые в случае нужды легко

превращаются в соответствующий вид животного [8, с. 54]. Более того, в путешествии Айчурек в облике белого лебедя угадывается слабый отголосок мифа о небесных светилах, согласно мифу являющихся прародителями первых людей. Однако в эпосе не поется о том, от кого и как появилась на свет – её биография начинается с того момента, когда в безлюдной местности новорожденную находит Акун хан:

Белгилүүнүн белинен, На перевале Белгилю (досл. Известный)

Бери ойногон жеринен, Где обычно развлекаются пери¹

Ургаачыдан уз таптым, Нашел прелестное создание

Тийген айдай сулуусу, Её красота как лунное сияние

Жаш төрөгөн кыз таптым Нашел новорожденную девочку [11, 353-б].

Как и большинство мифических героев, неизвестны её родители, так же как и в случае с Бокмуруном или Курманбеком, она найдена в той местности, где «играли» пери (небесные духи). В «Манасе» способность Айчурек, которая с легкостью может превращаться в лебедя, объясняется её необычным происхождением. Вполне возможно, что в вариантах последующих сказителей забыта исходная версия данного образа. Однако её способность превращаться в лебедя, в белую рыбу, а также другие проделки², описанные в сюжетах, говорит о её божественном происхождении. Она не только сама умеет принимать зооморфный облик, но обладает магической способностью превращать других в животное, а животным придавать другой вид. В «Манасе» благодаря магической способности Айчурек, героини эпоса выпутываются из сложной ситуации и одерживают победу над противником, как и кудесник (аяр) Алмамбет.

Алмамбет, названный брат Манаса, один из главных персонажей эпоса, также рожден от пери. Если у Бокмуруна и Айчурек матери являются пери (небесные девы), то мать Алмамбета Алтынай – земная женщина, одиннадцатая дочь китайского хана Сорондук. По сказительской версии Саякбая семнадцатилетняя Алтынай зачинает сына от небесного духа:

Аксакал чал дубана Седовласый дивана (странствующий святой)

Нурдун³ кызы ушу деп, Сказал, вот дочь озарения (досл.: дочь луча)

Нурдун уулу ушу деп, Сказал, вот сын озарения (досл.: сын луча)

Түнүндө нике кыйыптыр. В ту ночь их обручил.

¹В кыргызских эпосах: пери – невидимые сверхъестественные существа, обычно женского пола. Они играют существенную роль в появлении на свет будущего героя.

²Об этом подробнее анализировано в другой статье автора: Нарынбаева Н. О. "Манас" эпосундагы эпикалык каармандардын керемет кубулуу мотивдеринин мифтик контексттеги орду // Материалы II международной научной конференции «Кыргызский каганат в контексте средневековой государственности и культуры тюркских народов», посвященной 1170-летию образования Кыргызского каганата в Центральной Азии (15-16 ноября). Бишкек, 2013. С. 199–200.

³Нур дословно переводится как луч, например, луч солнца, луны. В контексте эпоса «нур» означает незримый дух, или «пери». Пери также воспринимается в кыргызском фольклоре как незримый дух, участвующий в судьбе героя.

Таң кашкайып сүргөндө, Когда наступил рассвет
Төшөктөн энем турганда, Когда моя мать проснулась,
Койнундагы жаш бала Джигит, с которым провела ночь
Көздөн кайып болуптур... Испарился... [7, 105-б.]

Об этом узнают аяры железноухого Кутан-алпа (алп – див, великан), предрекают, что родится бесстрашный богатырь. После чего её силой заберут в наложницы. Кутан-алп, дабы убедиться, что рожден от него, младенца бросает в колодец. Незримый дух (отец) появляется в виде густого тумана спасает сына от гибели. С шести лет его отправляют учиться у Дракона (школа кудесников) и Алмамбет станет непревзойденным аяром (кудесником) и джайчи (повелителем погоды). Чудеснорождённые персонажи эпических произведений, как Алмамбет, Айчурек и др. обладают сверхъестественными качествами, и во время совершения земных подвигов, они с легкостью их используют. В кыргызских эпосах мотиву чудесного рождения предшествуют два мотива: распространенный в мировой эпической традиции – мотив бездетности престарелых родителей будущего героя, и мотив вещего сна перед зачатием, где бездетная пара получают во сне по яблоку. Примечательно, что тот самый вещий сон посещает их на мазаре¹, священной местности, куда совершила паломничество бездетная пара. В эпосах сибирских народов герой рождается

... На стойбище Маадай-Кара

Встал на крыло птенец орла.

Отцом ему была гора,

Береза матерью была [5, с. 91].

В другом переводе дух Алтая говорит герою:

Темно-сивый конь, на котором будешь ездить,

От духа воды родился.

Ты сам, Когюдей-Мерген, на свете живущий,

От духа горы зачат [там же].

В другом переводе отрывок звучит так:

Ты должен биться до конца,

Такая выпала судьба, и будет славный у тебя,

От дуа вод рожденный конь.

А сам от духа гор рожден,

Среди алыпов всех времен [9, с. 63].

Если в нартском эпосе герой Сосурук рождается из камня, девочку Алтын-Арыг, героиню одноименного эпоса хакасов находит Пис-Тумзых-Плё-Харын внутри Белой Скалы: «На широком камне лежит Алтын-Арыг, родившаяся сама по себе» [2, с. 301], а в «Нюргун Боотуре» –

¹Мазар – это вроде родовой горы или местности у сибирских народов. Местность эта обычно с одиноком деревом и под ним течет родник, по преданию привязываются к какому-либо святому или священному животному, вроде белого верблюдонка, либо белой змеи.

герой послан на землю небесными богами, то в кыргызских эпосах одним из родителей героя является пери, и духи «подкидывают» их бездетным родителям. В силу долгого устного бытования многие первоначальные версии архаических мотивов, сохраненные в эпосах тюрко-монгольских народов, переосмыслены последними сказителями или преданы забвению в кыргызских эпосах. Мифологическое объяснение чудесного рождения героев забыто, оно заменено во всех приведенных нами случаях только одной версией: герой рожден от пери. Из тотемистического происхождения сохранилась версия кормления грудью тотемным животным. Их подвиги совершаются теперь в рамках патриархально-родового общества. Мифические чудовища, с которыми борется богатырь, заменены врагами земного происхождения – богатырский эпос кыргызов теперь отражает конкретные исторические события. Однако, благодаря негласной традиции сказительской школы, последующее поколение сказителей не отбрасывают веками слаженные сюжеты, в структуре которых спаяны древнейшие эпические мотивы: бездетности, вещего сна, чудесного зачатия и рождения, а также параллельное рождение богатырского коня, небесное происхождение оружия и доспехов богатыря, поход за суженой, и, наконец – уход в иной мир: т. е. переход в иное измерение, а не гибель богатыря. Тем не менее, многие мотивы претерпевали изменения под натиском перипетий, происходивших в судьбе кыргызского народа. Они оставляли свой отпечаток и в духовной памяти сказителей эпосов, которые в свою очередь, в процессе сказывания добавляли свои, казалось бы, незначительные штрихи в цельное полотно эпического повествования. «Переплетаются различные влияния и тенденции, различное отношение к образам эпических героев, подмена старых понятий новыми» [12, с. 23]. В итоге происходило напластование, и эта проблема неоднократно обсуждалась в многочисленных исследованиях по эпосу «Манас».

Библиографический список

1. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. С. 303.
2. Алтын-Арыг. Хакас чоннын алыптыг нымагы. М.: Наука, 1988. С. 301
3. Курманбек. «Эл адабияты» сериясы. V том. (по варианту М. Мусулманкулова). Бишкек: Аврасия Пресс, 2015. 34-б.
4. Кыргыздар – санжыра, тарых, мурас, салт. Бишкек: Кыргызстан, 1995. 67-б.
5. Маадай- Кара. Алтайский героический эпос. М., 1973.
6. Майногашева В. Е. О хакасском героическом эпосе и алыптыг нымыхе «Ай-Хуучин» // В кн.: Новосибирск, 1997. С. 25
7. Манас. Эпос. СКВ. II китеп. Фрунзе: Кыргызстан, 1986. 5-б.
8. Мелетинский Е. М. Первобытные истоки словесного искусства // В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972. С. 54
9. Могучий Когюдей Мерген / В кн.: Маадай-Кара. Горно-Алтайск, 1995. С. 63
10. Пропп В. Я. Мотив чудесного рождения. / В кн.: Фольклор и действительность. М., 1976. С. 219–322.
11. Семетей. Эпос. СКВ. I китеп. Фрунзе: Кыргызстан, 1987. 50-б.

12. Стенограмма всесоюзной научной конференции, посвященной изучению эпоса «Манас» (5-10-июня 1952 г., г. Фрунзе. Бишкек: Турар, 2015. С. 23
 13. Эр Төштүк. Эпос. Фрунзе: Кырмамбас, 1956. 36-47-б.
 14. Якутский героический эпос Могучий Эр Соготох. Новосибирск: Наука, 1996. 423 с.
- © Нарынбаева Н. О., 2016

ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ БУРЯТ: СЮЖЕТЫ О ДУХАХ-БОХОЛДОЯХ

Н. Н. Николаева

Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Рассматриваются демонологические рассказы бурят, проживающих в Иркутской области. Рассматривается их современное бытование, сюжетная структура, тематика и персональный состав по материалам экспедиций последних лет.

Ключевые слова: буряты, фольклор, мифология, народная демонология, устные рассказы, сюжет, персонажи

Одним из жанров бурятского фольклора, сохранившим витальную активность, являются устные рассказы демонологического характера (былички). Во время экспедиционных исследований в Бóханском и Осýнском районах Иркутской области в 2008–2010 гг. наше внимание к теме народной демонологии привлек интерес информантов к ней, тем более примечательный на фоне угасания и прерывания в целом фольклорной традиции, ее незнания и невнимания к ней.

Бóханский и Осýнский районы Иркутской области являются местом компактного проживания этнотерриториальной группы бурят племени булагáт родов *готóл, шаралдáй, онгóй, хогóй, онхотóй, бу́йн, хурдúд, янгúд, ирхидéй*, также исторически называющихся идýнскими (бóханскими) и осýнскими бурятами (по названию рек Идá (бур. *Эдэ*) и Осá (бур. *Оһо*). Экспедиционные исследования и беседы с отдельными информантами проводились в селах с доминирующим бурятским населением и районных центрах, отличающихся поликультурными и билингвистическими признаками. Записи производились на русском и бурятском языках, с сохранением диалектных особенностей. Этнический состав информантов ограничен бурятским населением.

Записанный материал, разнообразие сюжетов позволили сгруппировать рассказы по тематическим группам согласно принципам систематизации несказочной прозы, разработанным в отечественной фольклористике. Однако сразу оговоримся, что это всего лишь попытка, так как для полной классификации по сюжетно-тематическим циклам необходимы систематизация, сравнительно-сопоставительный анализ, исследование

трансформации и эволюции сюжетов и образов, основанные на полноценном фактическом материале, собранном во всех районах этнической Бурятии. Целью же нашей статьи является краткий обзор одной локальной традиции, где отмечено бытование демонологических рассказов.

Нами были записаны тексты, среди которых в отдельные сюжетно-тематические группы можно выделить рассказы о встречах с духами-бохолдьями; о людях с необычными способностями; о духах низшей шаманской мифологии, вредящих людям. Следует отметить, что в количественном отношении преобладают рассказы о встречах с духами-бохолдьями. Остановимся более подробно на рассказах с подобным сюжетом.

Бохолдой (бур. *боохолдой*) – «по анимистическим воззрениям, в узком смысле – домовый, в широком – дух вообще, в которого превращается душа человека после смерти. Различаются разные категории Б.: 1) души (*Гунээн*) людей, умерших естественной смертью или от болезни. Они бродят около дома, на кладбище или по дорогам, проказничают, но не представляют реальной опасности для живых людей; 2) души людей, умерших в молодом возрасте или трагическим образом, которые причиняют горе и болезни своим ближайшим родственникам (*Халуунай*). Б. невидим, призречен для большинства людей, видеть его могут только «избранные» люди [шаманы]» [1, с. 23]. Значение слова *боохолдой*, на наш взгляд, все же следует понимать как ‘душа умершего человека’, ‘дух’, а не как ‘домовой’, поскольку под ‘домовым’ в фольклоре, в частности русском, сибирском, подразумевается персонаж, с которым связаны совершенно определенные, устоявшиеся признаки, функции и мотивы. Характеристика ‘домового’ как мифологического персонажа отличается от ‘бохолдоя’, что подтверждается и нашими сведениями. Информанты не употребляли термин ‘домовой’ в отношении ‘бохолдоя’, определяя его в переводе на русский язык чаще всего как ‘дух’, ‘душа умершего человека’, ‘привидение’, ‘призрак’, в редких случаях ‘нечистая сила, нечисть’:

Отличительной чертой во всех рассказах о встрече с потусторонними существами является установка на достоверность события. Рассказчик-информант обязательно подчеркивает правдивость своего рассказа, утверждая, что встречался со сверхъестественным существом сам, либо его родственник, друг, знакомый, приятель, односельчанин и т. д. Как правило, ссылаются на уважаемых, серьезных, заслуживающих доверия людей. «Главная цель таких рассказов – убедить слушателей в истинности сообщаемого, эмоционально воздействовать на них, внушить страх перед демоническими существами» [3, с. 60]. Думается, что целью было, кроме того, предостережение неопита от нежелательных встреч с существами иного мира, поскольку в рассказах нередко присутствует элемент информативной назидательности, т. е. демонологические рассказы выполняли в

какой-то степени апотропейную функцию. Встреча с духом, т. е. представителем не-человеческого мира, нежелательна и даже опасна для человека, и слушатель узнает, что есть некий регламентирующий свод табу и правил, при знании и соблюдении которых возможность таких встреч и негативных последствий сводится к минимуму. Апотропейная регламентация поведения, предписываемая в рассказах, нередко направлена на детей. Дети, по представлениям бурят, больше взрослых уязвимы и открыты для воздействия сверхъестественных существ, поэтому выступают объектами патроната, для которых разработаны определенные модели поведения, атрибуты-обереги, табуированные действия и т. д. Кроме этого, рассказы о встречах со сверхъестественными существами предстают в аспекте «страшных сказок», выполняя развлекательную функцию. Информанты нередко отмечали, что ранее, когда не было ни телевизора, ни радио, у бурят существовала такая форма досуга – одним из развлечений вечерами было собраться у кого-нибудь в доме, выполнять мелкую рутинную работу, рассказывать и слушать о встречах с бохолдöями, адá и проч. (наряду со сказыванием сказок, загадыванием загадок, пением сказаний-улигеров и т. д.). Это называлось *һүни ууха* (бур. букв. ‘пить ночь’), наподобие русских посиделок.

Хронологические рамки повествования в демонологических рассказах обычно ограничены настоящим временем или, что чаще встречается, не выходят из границ недалекого прошлого (одно-три, максимум четыре поколения). Исключением являются рассказы о так называемых Улэйских девушках (бур. *Улэе олон* ‘Улэйское множество’), группе духов из местности Улэй. Сюжеты, так или иначе касающиеся встреч именно с Улэйскими бохолдöями, имеют временную протяженность, начиная с XIX в. и до современности.

Локус – место встречи с духом, реализующаяся далее ситуация, также имеют конкретную привязку: в более широком варианте охватывается село, район, местность, в более узком – дом, двор, хозяйственные постройки. Встреча с духом-бохолдöем во многих случаях имеет привязку к дороге, нежилому зданию, реке, пустынной местности. Время активности духов-бохолдöев в рассказах чаще всего определяется как сумеречное и ночное, хотя не исключена и дневная часть суток. Но обычно действие происходит ночью, при ущербном месяце (бур. *һарайн хуушанда*).

Таким образом, пространственно-временной континуум зафиксированных рассказов охватывает XIX, XX и XXI века и пространство этно-территориальной локализации рассказчика-информанта.

Сюжеты в основном лаконичны. Главным и зачастую единственным сюжетобразующим мотивом в большинстве рассказов выступает непосредственно сама встреча с существом потустороннего мира, т. е. мотив является ядром рассказа. Далее разворачивается определенное ситуативное действие в зависимости от того, с кем именно произошла встреча –

дается оценка произошедшего с точки зрения рассказчика; описывается эмоциональное состояние действующего лица; определяется табу, несоблюдение которого привело к встрече; дается своего рода предписание не делать такого впредь; делается какой-то вывод о последствиях встречи или предзнаменованиях событий, которые она сулит.

Чрезвычайно распространены рассказы с сюжетом «духи ловят душу человека, слышатся звуки борьбы, голоса и плач, после этого человек в скором времени умирает». Обнаружение духа происходит не только на визуальном, но и на сенситивном и аудиальном уровне. У человека возникает ощущение каких-либо физических действий, применяемых к нему, либо восприятие и физиологическая рецепторная реакция. Информанты нередко использовали фразы: «мурашки пробежали» (бур. *бэе заршгаа*), «как будто приподняли», «волосы дыбом», «как будто кто-то меня дернул», «словно кошка в ногах», «не могла идти, противно, страшно как-то», «как будто ушат холодной воды в лицо, на голову», «холодом веет». Слышатся голоса, звуки разговора, пение, смех, плач, шаги (даже если ног у духа нет), шум, стук, звон, грохот предметов. При всей схожести, соотнесенности этих действий с обыденными человеческими делами, всегда прослеживается «инаковость»: очень легкий топот, словно шаги сквозь воздух; разговор и пение неразборчивы, невнятны, как будто «на иностранном языке», человек не может разобрать слов. Часто выделяемый в сюжетах мотив непонимания речи, слов духов-бохолдбев маркирует их непричастность к живому бытию человеческого мира и принадлежность к хаотическому, inferнальному, лишенному упорядоченности и культуры миру мертвых.

Подытоживая, можно сказать следующее: первичный анализ собранного, хотя и достаточно репрезентативного, но далеко не полного материала показывает, что в локальной западно-бурятской устной традиции демонологические рассказы сохраняют свое живое бытование. В них, пусть и не в полной мере, сохраняется древняя мифологическая система с ее трехступенчатой организацией мира, делением обитаемого пространства на небесный мир божеств (тэнгриев), земной мир живых людей и «иной мир» – мир мертвых. Витальность и продуктивность этих рассказов, представлений о духах-бохолдбев могут быть связаны, как указывает С. Ю. Неклюдов, с древнейшим почитанием духов предков, тесно связанных со здравствующими родственниками и единоплеменниками, активно участвующих в их жизни, причем относящихся к ним двойственно, амбивалентных по функциям и семантике, и удерживаемых родовым обществом в своем составе долгое время [2].

Однако еще раз подчеркнем, что делать научные, обоснованные и подкрепленные выводы по изучению демонологических рассказов бурят пока преждевременно. Предстоит огромная работа, основанная на полномочном обширном материале, собранном во всех районах этнической

Бурятии (Иркутская область, Республика Бурятия, Забайкальский край), предстоит сопоставить локальные традиции, выявить жанровую общность и различия, вариативность, особенность бытования в условиях доминирования буддизма или шаманизма, влияющие иноязычной традиции.

Библиографический список

1. Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 126 с.
2. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm> (дата обращения: 22.06.2014).
3. Пурбуева М. В. Шаманский прозаический фольклор: сюжеты, мотивы и персонажи : дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2010. 138 с.

© Николаева Н. Н., 2016

КЛАССИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ ЭПОСА «МАНАС» ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ: ПО ТРИЛОГИИ ШААБАЯ АЗИЗОВА

Ж. К. Орозобекова

КГУ им. И. Арабаева, г. Бишкек (Кыргызстан)

В докладе изложена история записи варианта потомственного манасчы, представителя классического типа сказителей позднего времени трилогии «Манаса» Шаабая Азизова. Освещены вопросы сказительского мастерства как сновидения и влияние религиозных ритуалов. Осуществлён сопоставительный анализ материала с данными тюркоязычных сказителей.

Ключевые слова: манасчы, воссоздание, сверхъестественная сила, трансцендентность, измененное состояние, латентность, улигерши.

Одним из актуальных проблем в теории фольклористики остается вопрос феномена сказителя. Хотя до сегодняшнего времени накопилось немало сведений о сказителях, но, тем не менее, никто еще не раскрыл, что это за искусство, или явление. Видимо, это невозможно раскрыть, остается сакральным, это есть одно из тайн природы. В своих предыдущих исследованиях мы неоднократно отмечали о внесенном вкладе, больших мастеров в сокровищницу мировой культуры трилогии эпоса «Манас». Судьба народного эпоса в прошлом была довольно трудной; на протяжении времени он пережил много тяжелых периодов, несмотря на это он постепенно развивался. Благодаря таланту виртуозов сказа, с древних времен они, несмотря ни на что, носили, творили и воссоздали классическую форму эпоса. Не каждому было дано стать манасчы. Сказителями манаса становились одаренные от природы люди, обладающие тонким чувством, удивительным восприятием и уникальной памятью. Именно такие обособленные индивиды усвоили эпос и передавали последующему поколению сказителей. Этот феномен, с одной стороны, заслуживает восхищения, с другой стороны, это удивительное явление,

которое наука еще не в силах раскрыть таинственное умение сказительского дара. Возможно, величие эпоса заключается в этом. Как нам известно, зарождение или возникновение эпоса принадлежит далеким временам.

Эпос мы начали записывать лишь в начале XIX века нашего столетия, а книжный вариант и его исследования появились только недавно (вчера). Со временем бесценный вклад внесенный сказителями в деле передачи эпоса от поколения к поколению дала возможность существования эпоса в дальнейшем в устном и книжном варианте.

Сказители, о которых мы хотим говорить, являются носителями устного сказа позднего времени. Прямыми наследниками таких великих выходцев Иссык-Кульской школы, как Тыныбек, Чоюке и Мамбет, Саякбай, Сагынбай и т. д. являются известные сказители Ш. Азизов и К. Атабеков.

Поскольку творчество этого сказителя в науке фольклористике рассматривается впервые, мы постараемся изложить свои научные предположения, опираясь на собранные нами фактические материалы, которые были.

Один из представителей Иссык-кульской школы, потомственный сказитель Ш. Азизов, родился 1927 году с. Уч-Кайнар Ак-Суйского района Иссык-Кульской области. В свое время Шаабай Азизов заучивал эпос от своего отца Азиза. Азиз научился от родного брата знаменитого виртуоза сказа Чоюке. В своих воспоминаниях С. Каралаев отмечал, что Чоюке был одним из сильнейших талантов. Он сказывал «Манас», начиная с «Великого похода», кончая «Бегством Канькей в Бухару», и «Семетей» (полностью). По рассказам Ш. Азизова, его дядя родился (примерно) в 1863 году в местности Кара-Бөлтөк Иссык-Кульской области. По сведениям его отца Азиза, Чоюке рассказывал всю трилогию, особенно излюбленной частью был «Семетей». К сожалению, не успели записать его вариант, но устный вариант унаследовал его брат Азиз, который позже передал эстафету Ш. Азизову. Таким образом, Ш. Азизов стал династийным сказителем. В творческой жизни сказитель, когда работал, в филармонии, был знаком со многими талантливыми сказителями «Манаса», как Мамбет, Молдобасан, Саякбай, Дункана и вместе с ними работал, как вспоминает сам сказитель, это было самое счастливое время.

Великие сказители Саякбай и Шаабай из одного рода Бугу на Иссык-Куле, потомки рода Арык, кроме близости, соседства, между ними объединяющим их талант был великий манасчы Чоюке. Эта связь все время укреплялась, вдохновляла. Чоюке для Саякбая был наставником, соратником. Судьба и творчество двух великих творцов для Шаабая были опорой в его жизни, что привело к унаследованию богатого устного сказа.

Однажды при встрече с Ш. Азизовым, я задала традиционный вопрос: «Как Вы начали сказывать «Манас»?» Он немного задумывался и ответил: как все профессиональные сказители связывая, свое творчество со

сновидением. «Однажды я видел сон. Этот сон во мне пробудил некое необычное ощущение, я почувствовал, какую-то необычную силу надо мной, и это чувство не давало мне покоя. С каждым днем оно возрастало. Я не могу объяснить все это словами, однако это чувство овладело моей душой это я знаю точно», – Ш. Азизов рассказывал: «Когда мне исполнилось семь лет, мой отец, Азиз летом переехал на джайлоо Акмарча в местности Кара-Бэлтөк. У моего отца, Азиза, было небольшое хозяйство, скот; мы жили в среднем достатке. Я каждый день пас скот с утра до вечера. Однажды как всегда ушел из дома и пропал, спустя три дня меня нашли в Чон-Кокту в местности Карак-Өтөк. Это на расстоянии часа от нашего дома. Я не помню, как я попал туда, каким образом оказался там. Припоминаю, что я лег немножко отдохнуть и крепко заснул. Видел сон. Во сне я видел деда Чоюке, он махал рукой, показывая куда-то, и звал меня. Вдруг он показал мне человека, который стоял справа, я видел представительного мужчину, – смотри! Он говорит, что это Бакай. Дальше он, рукой показывая на запад, говорит: Я видел, как среди холма Жаман Карагай шли в сторону Бээжина целая рать воинов. Дальше была просторная поляна, где стояло сорок юрт, но белых среди них немного. На возвышенности стояла большая юрта, которая отличалась от других юрт. Перед юртой сидит огромный, грозный, мускулистый человек. Кто-то мне шепчет на ухо: – Это Манас.

Рядом стояла еще одна юрта Я взглянул внутрь юрты: там сидела немолодая женщина, невысокого роста. У нее лицо было белое, на ней был элечек (женский национальный головной убор). Это была мать Манаса Чыйырды. В третьей юрте видел красивую женщину с красивым телосложением, от нее шел необычный ароматный запах. Дальше отец мне показал сорок витязей, которые поселились в сорока юртах. В сорока юртах я пробовал, айран. Мы вышли из последней юрты, дедушка меня посадил на кобылу серой масти и повесил на кобылу два огромных зумбал, (это большой мешок, сделанный из грубой домотканой шерстяной материи) или джувал, как ее еще называют. Один мешок был наполнен пшеном, в другом – обычный мелкий песок. Он меня куда-то отправляет, не понятно куда. Я проснулся. Оказался, это сон. Испугался, потому, что никого рядом не было, и место было незнакомое. Спустя некоторое время я увидел отца Азиза. Весь напуганный, он искал меня три дня. Как увидел меня, он себе места не находил от радости. По дороге, когда мы шли домой, я рассказал ему свой сон. Отец промолчал, ничего не сказал, просто слушал. Когда пришли домой, он пригласил наших родственников, соседей принес в жертву одного барана, провел «түлөө» (национальный ритуал- жертвоприношение с добрыми намерениями, с пожеланием добра).

«У меня была болезнь: Я страдал эпилепсией. После этого случая, спустя некоторое время я выздоровел, но в душе происходило что-то не-

понятное. Днем или ночью, в любое время дня, я начал петь или во мне мелодия сама по себе пелась. Эта мелодия порой мне нравилась, я мог целый день тихо петь, а иногда говорить какие-то строки. В то время мой отец Азиз хорошо сказывал «Семетя». Когда он сказывал, мне очень нравилось. Сколько угодно я мог сидеть возле отца.

Моя мать Асылкан была известной «кошокчу (женщина, импровизатор, слагающая кошок – плакальщица) в селе. У нее был тембр очень красивый. Мне все нравились: кто пел, кто что-то рассказывал про наших предков, особенно я очень любил слушать «Манас». Прошли годы. Я постепенно стал сказывать Манас. Отец для меня был самым главным экспертом, критиком и учителем. Когда я сказывал Манас, он молча слушал, когда заканчивал, он начинал критиковать, (попросту он не придирался), там поправлял «вот здесь твой дед Чоюке рассказывал вот так...» и т. д. Спустя несколько лет отец видимо был уверен, что я могу дальше продолжить нашу династийную эстафету. До этого он меня учил, готовил, испытывал. У сказителей есть такая традиция, если в семье выйдет еще один сказитель, который в будущем унаследует искусство сказа отца, то будь он отец, или старший брат или дядя, передает свое мастерство, своему преемнику. И больше он не будет сказывать «Манас». Мой отец так и сделал, передал мне все, что касалось творчества манасчы. Больше я ни разу не слышал, как он сказывал эпос». Такое воспоминание было у Ш. Азизова. (1995 год, Уч-Кайнар. Ж. О)

«Сновидения сказителей». Мы и раньше рассматривали этот вопрос по мере возможности, в более развернутом виде. Сказители почти все свое сказительское творчество связывают с вещим сновидением или неоднократно повторяющимся вещим сном, который в результате в истории и биографии сказителей «Манаса» создали целую версию подобных сновидений и это не должно нас смущать. Сновидение не только традиция, о которой мы говорим и пишем, это некое непредсказуемое явление в творчестве сказителя.

Ведь фантазия – пусть это даже будет фантазией – она вдохновляет и возбуждает его творческую деятельность, поэтому «вещие сны», которые видят сказители, надо считать одним из важных компонентов в развитии сказительского искусства, более того нужно отметить, что сон является неотъемлемой частью творчества манасчы.

В свое время, великий сказитель С. Каралаев, названный «Гомером» 20 века, был знаком с большим виртуозом манасчы Чоюке Өмүр уулу. Ему посчастливилось несколько раз встретиться и слушать «Манас» из уст Чоюке манасчы. А внук Чоюке, Ш. Азизов, не успел. Но его воспитывал отец Азиз, в любом случае, нам кажется, он получил навык с обеих сторон: со стороны отца Азиза, и с другой стороны, он был соратником С. Каралаева, «Я несколько лет вместе работал С. Каралаевым. Мы часто бывали на гастролях. Где только ни появлялся С. Каралаев народ его

встречал, очень высоким почетом. И мы себя чувствовали гордость от того, что являемся преемниками великого мастера» (воспоминание Ш. А.). Многому научился Ш. Азизов от С. Каралаева. Как сам сказитель говорит: «...я,- очень счастливый человек на свете, потому что я всю жизнь жил вместе с великими сказителями и со своим Манасом». Я сначала не поняла, о чем он говорит и твердит, позже задумывалась. Во время командировки, я несколько раз замечала, что Шаабай ата часто разговаривал с кем – то, как будто перед ним сидит кто-то, иногда смеялся. Я боялась подходить, чтобы не напугать его. Но однажды осмелилась задать вопрос, почему вы разговариваете сами с собой? Он странно посмотрел на меня и сказал. Они всегда приходят и общаются со мной, мы говорим о нашем великодушном. (1995 г. Июнь. С. Үч-Кайнар).

Ш. Азизов многое перенял от С. Каралаева. Что это можно заметить по общему сюжету сложению трилогии, построению стихосложения, по импровизации, приемам использования традиционной формулы и само исполнению, манерам, жестам и т. д. Благодаря накопленному опыту Ш. Азизов сумел самостоятельно развивать, дополнять, воссоздать отдельные моменты эпоса. На него воздействовало не только мастерство С. Каралаева, он усвоил династийную традицию, усвоил и мастерство М. Чокморова. Он являлся прямым наследником большого сказителя Чоюке Өмүр уулу и представителем Тыныбековской школы. Династийная передача такого вида искусства как «сказитель» сохранилась не только у кыргызов, это свойственно в общем тюрко-монгольскому, сибирскому народу. Известный собиратель и ученый Р. А. Шерхунаев в свое время собрал и записал бесценный вклад образцов народного творчества. Один из них посвящается творчеству известного улигерчи Пеохону Петровичу. Он так и назвал свой научный труд «Сказитель Пеохон Петрович». Его автобиография очень похожа на автобиографию Ш. Азизова. Местность, где родился Пеохон, называлась Хадахан. Он был из рода хангиз. В свое время среди народа стал знаменитым певцом, сказочником. Его отец Петруха Бааниевич был улигерши, сказочник, который очень хорошо знал устное народное творчество. В его исполнении записаны: эпосы «Гэсэр», «Эрэ Тохлой мерген», «Хату хара хан», «Ногой Саган Хубуун», «Эрхе Нюден батыр» и т. д.

Будучи сказителем, Пеохон Петрович научился петь и сказывать эпос от своего отца Петрухи Бааниевича. Все мастерство, искусство сказа перешло к сыну. Когда его сын самостоятельно и доступно народу начал исполнять всякие произведения, отец передал ему свою эстафету, и больше сам не сказывал. Выше мы говорили, как Шаабай перенял от своего отца Азиза, тут идентичный случай. Это, наверное, традиция самих сказителей. В воспоминаниях Пеохона Петровича пишется: «мы жили бедно, как все остальные. От нехорошей жизни люди болели, к тому же в то время в улусах существовало сильное влияние шаманизма и вера богу.

Народ верил всяким религиозным взглядам, делали ритуалы, иногда это помогало, а иногда нет. Больные так и покидали этот мир людской. И как я помню, мой отец исполнял улигер, перед тяжелобольным человеком, и это помогало, он выздоравливал. Это была большая сила, которую не все понимали», – так вспоминает Пеохон Петрович [1, с. 134].

«Вначале я, понемножку исполнял отдельные отрывки из эпоса, затем целые части и другие произведения тоже стал исполнять. Иногда я не мог себя остановить и пел. Готовый текст во мне не давал покоя, он вырывался сам, я тогда забывал, что я слепой. Я забывал, что я живу на земле. Люди меня считали душевнобольным, немножко того» [2, с. 138].

Вскоре он потеряет своего отца. После смерти отца он воспитывается у знаменитого улигерши П. Н. Пушемилова. В свое время у Пеохона Петровича успели записать более 15 сказок: более 20 шаманских ритуалов, 200 частушек, 210 пословиц и поговорок. Сказитель особо красивым голосом не отличался, но очень хорошо играл на народном инструменте «хур» (бурятский народный струнный инструмент, подобен скрипке). Об этом пишет известный ученый фольклорист П. И. Кунтеев в своей монографии «Как Пеохон Петрович исполнял «Шоно батора»: «Основное содержание произведения он передавал словами, а песни героя и песни о нем, он пел в сопровождении музыкального инструмента и хуре» [3, с. 12].

У кыргызов тоже есть подобное явление. В прежние времена некоторые сказители исполняли эпическое произведение, вернее, дастаны, в сопровождении «комуза или кыл кыяка» (кыргызский самодельный струнный инструмент). Сначала рассказывает, потом сопровождает музыкальным инструментом. Кроме Кенжекара среди сказителей и раньше так не рассказывали «Манас», но и я не встречала манасчы, который исполнял бы «Манас» в сопровождении струнного инструмента. Вот мы выше привели пример сказителей двух народов, их творческий путь в исполнении эпического произведения. Оба научились петь или сказывать эпос от своих отцов, оба продолжили династийное творчество сказителей, оба являлись прямыми наследниками этого вида искусства, и оба говорят и связывают свой творческий путь с вещими снами. Видимо, эта традиция неспроста существует и дает убедительный ответ на таинственное происхождение сказительского искусства.

Не зря сказители «Манаса» свое творчество связывают с вещими снами. Везде и всюду существует общая закономерность, везде существует определенное верование ислам, или христианство, или шаманские ритуалы. Во время записи от сказителя Ш. Азизова я много раз слышала, что «духи существуют», что «дух Манаса живой» и он всегда покровительствует. Порой сказитель Ш. Азизов воспринимал дух Манаса (идол). Сакральность заключается в том, что он не всем проявляет свои воздействия. Это дано индивидам и обособленным талантам, как С. Каралаев и Ш.

Азизов или вообще сказителям «Манаса». В то же время есть такие факты, или Пеохон Петрович, например Гэсэра из эпоса «Абай Гэсэра», считал не как бога, а как личность» – Гэсэр для него историческая личность. Однажды улигерши задали такой вопрос: «Вы сами выдумываете в поэмах истории героя или как?» Он ответил: «На дне колодца, не бывает рыб, в словах старца не бывает лжи» – я не выдумываю, они мне сами приходят готовым текстом». О готовом поэтическом тексте говорит не только Пеохон Петрович. В кыргызском фольклоре почти все сказители так выражаются о таком таинственном даре, например, шаману кто-то шепчет в ухо, это на Алтае их называют «Кижиги»: в ухо кто-то входит и все подсказывает. В эвенском фольклоре это явление тоже отмечено. Известный фольклорист Г. М. Васильевич пишет: «По словам шаманов, духи входили в уши и мозг» и нашептывали начинающему слова песни «последний, сидя задумавшись в думе, покачивался из стороны в сторону и пел, время от времени вторя слова, которые «напевали духи» [4, с. 111].

Во время исполнения эпоса сказители обычно начинают медленно, затем набирают темп, потом, как дождь, льется песня. Их сложно остановить. Мы об этом спрашивали у Ш. Азизова. Он говорил, что если даже сказитель выучил из книжного варианта, невозможно повторить слово в слово. Настоящий сказитель не пытается выучить, он эти тексты слушает из уст и запоминает, пропуская через душу, весь сюжет и основной остов, дальше он будет импровизировать сам, на то он и сказитель. Когда я рассказываю «Манас», я забываю обо всем. В мои уши, словно кто-то диктует, я не успеваю повторять. Иногда я не знаю, о чем я рассказывал. Очень трудно повторить текст дословно, но основа остается без изменения, я импровизирую». В этом-то и заключается смысл сказительского мастерства, именно устного сказа. На самом деле, когда сказитель рассказывает, садится удобно, одну руку уложит на колено, другую руку подставляет к ушам, словно кто-то шепчет ему на ухо. Такие же моменты можно уловить в кадрах, где снимали С. Каралаева во время сказа. С. Каралаев этот момент объясняет так: кто-то в его ухо шепчет готовые тексты из эпоса, а Ш. Азизов говорит: «я слышу гром, затем вместе с громом слышу с шумом слова, этот готовый текст сам вырывается изо рта, я начинаю рассказывать «Манас». Мы до конца не можем разъяснить, объяснить, насколько эти заявления правдоподобны. Однако, аэды говорят то же самое [5, с. 68] и нам остается только предположить, что у всех мастеров сказа в том или в другом виде проявляется природный дар воздействует, сверхъестественная сила, трансцендентность их приводит в измененное состояние. Почти все сказители в какое-то время входят в транс, это состояние и есть латентность, как называет его З. Фрейд.

Выше мы отмечали, что сказители часто воспринимают эпических героев, как историческую личность (бурят), как бога: как родителя (кыргызы Алтая), как они встречаются с духами (шаман баши Качи Кама или

Келдибек манасчы) или как они разговаривают с ними, общаются в воспоминаниях (Ш. Азизов). Все это показывает определенную общую черту в искусстве сказительства и это подчеркивает их приход к творчеству, процесс навыка и усвоения, овладения сверхъестественной силой «дааруу». Овладение природным даром, все это подталкивает склоняться правдоподобному.

Необходимо, наверное, дать сведения об истории записи Ш. Азизова. Мы записывали трилогию сказителя, начиная с апреля месяца 1995 года до октября этого же года. В общем количестве 34 магнитных кассет, по 90 минут каждая. Подготовили к научному изданию трилогию части «Манас», «Семетей», «Сейтек» которая издана в 2014 году.

Библиографический список

1. Кунтеев П. И. Как Пеохон Петрович исполнял «Шоно Батора». Новосибирск: Наука, 1958. 134 с.
2. Кунтеев П. И. Как Пеохон Петрович исполнял «Шоно Батора». Новосибирск: Наука, 1958. 138 с.
3. Шерхунаев Р. А. Сказитель Пеохон Петров. Иркутск: Восточно-сибирское изд., 1969. 12 с.
4. Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII-XX в. в.). Ленинград: Наука, 1969. 111 с.
5. Толстой И. И. Аэды. Античные творцы и носители древнего эпоса. Москва: АН СССР, 1958. 68 с.

Обзорная литература

1. Кыдырбаева Р. З. Сказительское мастерство манасчи. Фрунзе: Илим, 1984. 118 с.
2. Мусаев С. «Манас» эпосу/ кара сөз түрүндөгү баяндама. Фрунзе: Илим, 1986. 283 с.
3. Мусаев С. Эпос «Манас»/ Научно- популярный очерк/. Фрунзе: Илим, 1984. 264 с.
4. Нарайан Р. К. Боги, демоны и другие. Москва: Наука, 1975. 251 с.
5. Неклюдов С. Ю. Ранние формы искусства. Москва: Наука, 1975. 200 с.
6. Неклюдов С. Ю. Трансформация мифологической темы в устных восточно-монгольских версиях Гесериады. Москва: Наука, 1979. 333с.
7. Неклюдов С. Ю., Тумурцерен Ж. Монгольские сказания о Гесере (новые записи). Москва: Наука, 1982. 373 с.

© Орозобекова Ж. К., 2016

ИЗУЧЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ХАКАССКОЙ СЕМЬИ

К. И. Султанбаева

ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

В статье представлены результаты авторского эмпирического исследования этнокультурных традиций современной хакасской семьи, основанных на использовании родного языка в общении. Рассмотрены воспитательные традиции хакасской семьи, проблемы воспитания детей и ценностные ориентации современной семьи.

Ключевые слова: этнокультурные традиции, стили воспитания, современная хакасская семья, ценности семьи, взаимодействие семьи и социума, билингвизм.

Глобализационные процессы, охватившие современную цивилизацию, по-разному отражаются на этнокультурном состоянии малочисленных народностей: с одной стороны, необходимо интегрироваться в мировые культурные процессы, с другой, сохранить собственную идентичность и самобытность, выражаемую в родном языке, национальных традициях и обычаях. Специфика современных модернизационных процессов проявляется в появлении и ускоренном развитии не свойственных для этнических традиций новых явлений и процессов: информатизация и виртуальная коммуникация через интернет-сети, постепенный переход сферы социальных услуг в виртуальную реальность, психологическая зависимость от информационных технологий и т. д. Без учета объективной социокультурной реальности невозможно организовать качественный педагогический процесс. Мы озадачились вопросами: новые поколения молодежи, лишенные общения на родном языке, испытывают ли потребности в нем и соответствующем познании собственных культурных традиций? Есть ли необходимость сегодня сохранять этнокультурные (этнопедагогические) традиции в семье, имеется ли такая потребность у жителей Хакасии? Какие традиции воспитания в семье сохраняются?

Нами была предпринята попытка найти ответы на волнующие вопросы и исследовать состояние этнокультурных (этнопедагогических) традиций в современной хакасской и тувинской семье. Комплексное исследование осуществлялось методом свободной выборки респондентов, с учетом возраста, состава семьи в период с 15 октября по 25 декабря 2015г. в Хакасии и Туве. В данной работе отразим результаты изучения семейных традиций в современной хакасской семье согласно поставленной цели. Исследование проводилось с использованием эмпирических методов: беседа, анкетирование респондентов, представителей хакасских (тувинских) семей.

В исследовании исходили из следующих концептуальных идей:

Одной из тенденций развивающейся семьи в современности является стремление дать детям образование, повысить качество жизни и материальное благосостояние при содействии государственных органов власти. Современная сибирская семья хакасов и тувинцев стремится сохранить народно-национальные традиции как источник духовно-нравственной культуры и одновременно вписаться в мировые глобализационные процессы, способствующие постепенной унификации жизненного уклада народов и формирующие поликультурность, этническое многообразие в регионах.

Для народов Саяно-Алтая характерна разная степень сохранности и социального функционирования родных языков в полиязыковой и полиэтнической среде.

Предположили, что 1) приоритетными этнокультурными традициями хакасского и тувинского народов выступают *приверженность к родным*

языкам, исконным верованиям, и традиционному виду хозяйствования в сельской местности. Вместе с тем, коренные представители городской части населения подвержены ассимиляции и не испытывают глубокой потребности в соблюдении национальных традиций в семье, семейном воспитании детей;

2) одновременно наблюдается общность в тенденции сохранения семейных традиций у хакасского и тувинского народов Саяно-Алтайского региона, имеются различия в степени сохранения национальных традиций.

Результаты исследования распределены по г. Абакану, Аскизскому, Алтайскому, Бейскому и Таштыпскому районам. Всего 252 анкеты. В исследовании принимали участие представители 252 семей, в т. ч., 17 межнациональных семей, где одним из супругов являлись представители русской (12), немецкой (3), алтайской (2) национальностей. Мужчин – 26, женщин – 226 человек в возрасте от 20 до 50 лет. Из общего количества изученных семей 230 имеют несовершеннолетних детей, включая приемных детей в 4 семьях, 22 семьи имеют уже взрослых детей.

Структура опрошенных семей с несовершеннолетними детьми распределилась следующим образом: с 1-2 детьми – 172 (74,5 %) семьи, с 3–4 детьми – 50 семей (22 %), с 5 и более детьми – 8 семей (3,5 %). В 1 семье Таштыпского района воспитываются 9 детей. Как видно, преобладает классический нуклеарный тип семьи с 1-2 детьми.

Главным вопросом нашего исследования являлся вопрос о пользовании родным языком в семье. Полученные результаты сведены в таблицу 1.

Таблица 1

Данные об использовании родного языка респондентами Хакасии

Язык общения	г. Абакан - 88 чел. /100 %	Аскизский р-н – 83 чел. /100 %	Алтайский р-н – 29 чел. /100 %	Бейский р-н – 27 чел. /100 %	Таштыпский р-н – 24 чел. /100 %
Общаются на родном языке	9 / 10 %	9 / 11 %	7 / 24 %	6 / 22 %	2 / 8 %
На русском языке	27 / 31 %	29 / 35 %	16 / 55 %	3 / 11 %	10 / 42 %
На русском и родном в равной степени	42 / 48 %.	45 / 54 %.	6 / 21 %	18 / 67 %	12 / 50 %
Итого	78 ответов	83 ответа	29 ответов	27 ответов	24 ответа

Результаты анонимного анкетирования свидетельствуют о тенденции редкого использования хакасского языка в семье, что является тревож-

ным симптомом для состояния языка и соответственно этнической культуры хакасов, обнаруживается тенденция активного функционирования национально-русского двуязычия.

Среди функционирующих семейных традиций названы: уважение старших, приучение к домашнему труду, совместные праздники или гуляния, умение принимать гостей (гостевой этикет), также дни рождения членов семьи и общественные праздники, ставшие частью семейных: Чыл пазы, Тун пайрам, Пасха, Троица, Масленица, Рождество, Ургунтой, Иргі Наа чыл, Урен-хурты, Кун-пазы, Чир-ине, Айран Соолындзы. В Аскизском районе указали традиции: «заплетание косы», ритуал «сексек», праздники Ынархас, Кин-той, Наа-Чыл, Пала тореені. Отмечены семейные традиции: отдых на природе всей семьей, экскурсии по достопримечательностям Хакасии, просмотр семейных альбомов, празднование начала и окончания учебного года, чтение ребенку книги на ночь, совместный прием пищи, совместный просмотр национальных телепередач и др.

Значимость народных традиций (любовь к детям, поклонение природе, изучение хакасского языка, воспитание трудолюбия, уважение к своей нации, гостеприимство, любовь и почитание родителей, помощь старшим и забота о младших) отмечает большинство респондентов. О ценности сохранения национальных традиций и обычаев говорят почти все опрошенные, однако степень готовности их соблюдения у жителей разных населенных пунктов различна.

В целом, можно резюмировать следующее: ценности современной хакасской семьи связаны с родным языком общения, который сегодня не является единственным каналом общения. В условиях поликультурности под влиянием СМИ и интернет-технологий активно развивается билингвизм.

Стремление сохранять собственные этнические традиции в семье и опора на этнопедагогические императивы у преобладающей части хакасов пока еще остаются устойчивыми, чего нельзя сказать о педагогическом взаимодействии с детьми в семье. Проблемы воспитания детей отражены в анкетном выборе, где среди предлагаемых родителям был пункт «что-то еще». Как свои индивидуальные проблемы респондентами указаны: «большая увлеченность детей компьютером; неорганизованность; состояние здоровья; слишком много читает» и т. д. Обобщенные данные представлены в таблице 2.

Как видно из таблицы, родителей беспокоят в первую очередь вопросы учебы детей: потеря интереса к учебе, безответственность, также вредные привычки. Отметим, что степень обеспокоенности родителей по населенным пунктам разная. Плохие отношения с учителями и со сверстниками получили наименьшее число выбора во всех исследованных населенных пунктах.

Таблица 2

Показатели проблем семейного воспитания

Содержание выбранных ответов	Абакан	Аскизский район	Бейский район	Таштыпский район	Алтайский район
	количественные и процентные показатели				
Недисциплинированность детей;	23/26 %	26/31 %	6/22 %	6/24 %	10/34 %
Потеря интереса к учебе	22/25 %	24/29 %	11/41 %	4/16 %	7/24 %
Нестабильность учебных результатов	19/22 %	25/30 %	9/33 %	7/28 %	6/21 %
Низкая успеваемость, плохое освоение учебного материала	5/6 %	10/12 %	6/22 %	8/32 %	5/17 %
Безответственность	16/18 %	16/19 %	3/11 %	4/16 %	4/14 %
Плохие отношения с учителями	3/3 %	4/5 %	¼ %	2/8 %	4/14 %
Вредные привычки	13/15 %	16/19 %	6/22 %	3/12 %	4/14 %
Плохие отношения со сверстниками	8/9 %	13/16 %	¼ %	2/8 %	3/10 %
Плохая память	8/9 %	14/16 %	6/22 %	2/8 %	2/7 %
Что-то еще	5/6 %	1/1 %	¼ %	4/14 %	2/7 %

Далее попытались исследовать стили детско-родительского взаимодействия в семье через методы общения и воспитания.

Таблица 3

Сводные данные ответов на вопрос о стиле взаимодействия родителей с детьми

Содержание выбранных ответов	Абакан	Аскизский район	Бейский район	Таштыпский район	Алтайский район
	количественные и процентные показатели				
Объясняю	60/68	56/67 %	17/63 %	12/52 %	19/65,5
Уговариваю	35/40 %	39/47 %	9/33 %	14/56 %	11/37,9 %
Лишаю возможности заниматься компьютером или играть	39/44 %	38/46 %	14/52 %	9/32 %	10/34,4 %
Лишаю общения	4/5 %	5/6 %	3/11 %	0	3/10,3 %
Обращаю в шутку	15/17 %	21/25 %	5/18 %	4/16 %	6/20,6 %
Приказываю	13/15 %	13/16 %	4/15 %	0	5/17,2 %
Наказываю	20/23 %	4/16 %	4/16 %	4/16 %	4/13,8 %
Кричу	7/8 %	14/17 %	5/18 %	3/12 %	3/10,3 %
Угрожаю не любить	1/1 %	2/8	0	1/4 %	3/10,3 %
Ставлю в угол	9/10 %	5/6 %	2/7 %	0	1/3,4 %
Использую физические наказания	0	1/1	2/7 %	0	0
Что-то свое	1/1 %	3/4 %	2/7 %	2/8 %	0

Содержание ответов родителей показывает, что в воспитании своих детей они используют такие методы, как объяснение, уговор, наказание, приказ, лишение какого-либо удовольствия, включая возможность заниматься компьютером и играть. Реже используются шутки, лишение общения. Родители применяют угрозу, крик, ругань и даже угрозу лишения ребенка любви и физические наказания.

В то же время большинство родителей (70 %) часто хвалят детей, хвалят также тогда, когда они выполняют их поручения (26 %). Есть семьи, где детей хвалят очень редко (4 %). Можно сказать, что в большинстве сельских семей преобладает нормальная система воспитания детей. Из горожан никто не указал на использование физического наказания. В целом, в современной хакасской семье преобладает авторитарно-демократический стиль воспитания, основанный на сочетании методов наказания и поощрения, уважения старших и подчинения родительской власти.

Остановимся еще на одном важном пункте нашего исследования – изучение взаимодействия родителей со школой как социальным институтом.

По данным таблицы 4, уровнем преподавания в школе довольны от 19 % до 62 % респондентов, где минимальное число удовлетворенных приходится на родителей Бейского района. Уклад семейной жизни устраивает от 41 % до 83 % респондентов, где низкий уровень показан бейскими жителями, а максимальное число удовлетворенных пришлось на жителей Аскизского района. Что касается материальной обеспеченности семей, то количество удовлетворенных приходится на Аскизский и Алтайский районы – по 48 %. Меньше всего довольны своим материальным положением родители Бейского района: всего 19 % родителей.

Хорошее отношение к своему ребенку в школе отмечают респонденты почти всех районов, за исключением Бейского района (положительная выборка составила всего 30 %). В положительной оценке отношения органов управления к проблемам семьи лидирующее положение пришлось на Таштыпский район – 32 %. Следует сказать, что данный пункт анкеты набрал максимальное число негативной оценки практически по всем районам Хакасии и г. Абакану.

Степень эффективности общения с педагогами и школьным психологом, оказывающими помощь в решении проблем с воспитанием детей, оценена следующим образом: положительно – от 21,5 % до 42 % родителей. Наличие отрицательной оценки в пределах от 60–78 % свидетельствует о недостаточно отлаженной системе оказания психолого-педагогической и социальной помощи семье и детям на селе, прежде всего.

Наши гипотетические положения о состоянии и тенденциях развития хакасского языка и этнокультурных традиций в современной хакасской

семье частично нашли подтверждение. Данная тема нуждается в дальнейшем изучении.

Таблица 4

Показатели удовлетворенности респондентов взаимодействием с образовательной системой

Содержание выбранных ответов (удовлетворенность)	Абакан	Аскизский район	Бейский район	Таштыпский район	Алтайский район
	количественные и процентные показатели				
Уровнем преподавания в школе	40/45 %	45/54 %	5/19 %	10/40 %	62 %
Укладом семейной жизни	70/79 %	69/83 %	11/41 %	16/64 %	68,9 %
Материальной обеспеченностью семьи	28/32 %	40/48 %	5/19 %	11/44 %	48,2 %
Отношением педагогов к своему ребенку	54/61 %	54/65 %	8/30 %	13/52 %	58,6 %
Отношением органов управления образования к проблемам семьи	18/20 %	19/23 %	6/22 %	8/32 %	27,5 %
Степенью сохранения традиций в семье	42/48 %	34/41 %	7/26 %	12/48 %	48,2 %
Культурным окружением семьи	50/57 %	54/65 %	5/19 %	12/48 %	62 %
Отношениями между детьми в классе или группе	48/55 %	52/63 %	6/22 %	14/56 %	55,1 %
Наличием необходимых книг или статей о культурных традициях своего народа	28/32 %	30/36 %	7/26 %	10/40 %	84,4 %
Телепередачами о воспитании детей	38/43 %	35/42 %	7/26 %	8/32 %	20,6 %
Работой психолога, социального педагога, помогающих в решении проблем с воспитанием детей	37/42 %	21/25 %	8/30 %	10/40 %	21,5 %
Отношением Вашего ребенка к школе в целом	57/65 %	56/67 %	7/26 %	14/56 %	62 %

Результаты проведенного исследования целесообразно учитывать при проектировании и разработке региональных программ развития системы общего и профессионального образования в Хакасии, также в системе повышения квалификации специалистов в сфере образования и культуры, при организации совместных комплексных исследовательских проектов и культурно-просветительных мероприятий, включительно этно-

экологический туризм и музееведение. Необходимо учитывать полученные данные о состоянии этнической семьи как социального института коренных народов современного Саяно-Алтайского региона в стратегическом проектировании национальной и этнокультурной политики республик Хакасии и Тувы.

Библиографический список

1. Отчет о НИР по теме «Исследование этнопедагогических традиций семейного воспитания народов Саяно-Алтая в изменяющихся условиях (на примере Республики Тыва и Республики Хакасия)» от 25.12.2015 г.

© Султанбаева К. И., 2016

МОТИВ СВАТОВСТВА В ТРАДИЦИИ БОГАТЫРСКИХ ЭПОСОВ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

К. А. Талиева

КГУ им. И. Арабаева, г. Бишкек (Кыргызстан)

В научной статье рассматривается ряд вопросов сватовства в эпической традиции тюркоязычных и сибирских народов. Ранние формы сватовства обряды и традиции в быту поздние сохранившиеся элементы, схожести. В кыргызской традиции сватовства есть явный параллелизм, традиции и обряды народов имеют обций характер. Сюжетной композиции эпических произведений тюркоязычных народов такие лирические и эпические жанры и жанровые виды фольклора, как сказка, легенда и миф, пословица, поговорка, а так же кречет, плач имеют устойчивую форму в традиции мотива сватовства.

Ключевые слова: трилогия, традиция, формула, форма, композиция, поэтика, архаический мотив, элементы, параллелизм, сватовства, виды

У кыргызов богатый фольклор, включающий в себе все жанры устного народного творчества, среди которых героический эпос занимает особое место, начиная с малых эпосом заканчивая трилогией «Манас». Изначально и до сегодняшнего дня малые эпосы и трилогию «Манас» сказывали особо одаренные талантливые люди. Каждый из них является носителем и хранителем эпосов, которые передают их из уст в уста. В эпических произведениях встречается целый ряд эпических и лирических жанров. Благодаря этим жанрам эпос имеет художественные краски.

В общей системе творчества народов мира, кыргызский героический эпос «Манас» занимает особое место. В наше время единственный феномен, который сохранил живое исполнение, что позволяет рассматривать его в контексте мировой культуры. Эта проблема рассматривается в научных трудах фундаментальных исследователей, работающих в этом направлении, например, доктора филологических наук Р. З. Кыдырбаевой, кандидат филологических наук Ж. К. Орозобековой, в философском и

культурологическом направлении доктора философских наук Ш. Б. Акмолдоевой и. т. д.

Героические сказания отличаются монументальностью, в них охватываются все жизненные исторические события, пережитой в прошлом. Они целиком воплощены сюжетной коллизией. С этнографической этико-культурологической точки зрения они отличаются именно многогранностью, многокомпонентностью, которые придают им глубокую значимость.

По тематике и мотивам кыргызские эпические сказания довольно богаты, разнообразны, поэтому являются высшим достижением устного поэтического творчества народа. Они представляют собой драгоценное наследие традиционной культуры народа, до сих пор несущее в себе большое воспитательное, познавательное и эстетическое значение.

Не стоит недооценивать и другие малые эпосы которые исполняются, в живую имеют вариантность, однако их можно и заучивать на слух понаслышке или с книжного варианта, из уст других сказителей а дальше каждый акын-певец может импровизировать либо интерпретировать по мере своего таланта и мировоззрения.

Как гласит история фольклора, у каждого народа есть уникальные и неповторимые своеобразные виды творчества народного наследия. Схожесть мы находим именно в эпическом мире, их исполняют талантливые сказители, жырау, ашыгы, акыны и. т. д. обладающие особым даром. Из уст таких талантов в свое время были проведены фронтальные записи во всех пятнадцати республиках Советского Союза. Они составляет большую часть народных наследий академического рукописного фонда этих республик, независимых стран в нынешнее время.

В настоящий период благодаря новым информационным технологиям мы имеем возможность и доступ к информации по изучению народных наследий по всему миру.

Именно этот случай нас и объединяет, поскольку героический эпос тюркоязычных народов Сибири, Средней Азии, Центральной Азии является все еще недостаточно изученной областью отечественной фольклористики. Тем не менее, невозможно отрицать, неоднократные попытки исследований в сопоставительном плане, то есть героический эпос всегда был в поле зрения кыргызских и зарубежных фольклористов. В основном материалы эпоса кыргызов и других тюркоязычных народов были использованы учеными, занимавшимися проблемами общей фольклористики.

Исследуемые направления тоже имеют общий характер в полном смысле. Например, мотив сватовства героических эпосов тюркоязычных народов. Рассматриваемые проблемы доказывают еще раз, что в традиции разных этнических слоев народов в некоторых местах имеют сходства. Нетрудно заметить подобные моменты в научных монографиях В. Е. Майногашевой, Р. А. Шерхунаева, В. Я. Бутанаева и. т. д.

Мотив сватовства одна из популярных и распространенных тем в эпическом жанре кыргызского фольклора, то же самое можно сказать в отношении эпических жанров других тюркоязычных народов, хотя до сегодняшнего времени не было систематического исследования в этом направлении в кыргызской фольклоре.

Тема героического сватовства широко представлена в эпосах, дас-танах и поэм кыргызов. Самой распространенной формой сватовства является женитьба героя в традиционном плане и на суженой, например как Семетей и Айчурек («Семетей») то есть они были засватаны еще до рождения, находясь в утробе матери, это называется «бел куда». Традиция «бел куда» существует и у других тюркоязычных народов, о чем свидетельствуют варианты «Алпамыша», который является «орток эпос», то есть он принадлежит не только кыргызам или казахам, но и башкирам, татарам, каракалпакам, узбекам и таджикам. Во всех вариантах сначала описывается экспозиционное начало затем идет эпическая тема бездетности столь знатного богатого человека как Байбөрү и Байсары.

Дальше развитие истории этих семей продолжается мотивом рождения будущего героя, следом сюжетное развитие продолжается мотивом сватовства.

Традиция «бел куда» выполняется в рамках определенного обряда. Например, Байбөрү и Байсары, как было упомянуто, являются не только знатными, но и связаны родственными узами. Обе были бездетными, и это было причиной горести в преклонном возрасте. Их перестали уважать окружающие близкие и весь род. Они считались рабами богатства и денег, скотов, не знающими смысла жизни, не имеющими наследника собственной крови, лишенными милости Всевышнего (узб).

После этого они отправляются в сторону Мекки умоляя Аллаха, чтоб он не забыл подарить им ребенка. Хизир Алейсалам услышав их зов, благословляет. У Байбөрү рождается двойня, девочка и мальчик. Байбөрү называет своих детей Карлыгач и Алпамыш, а Байсары свою лунолицую дочь называет Барчын. Пережив немало горя от бездетности, чтобы в дальнейшем поддерживать и иметь опору в друг друге, они становятся родственниками, посватав своих детей.

Совершают этот обряд, как только узнают, что их жены беременны. Обмениваются ремнями «кемер» и дарят друг другу калым в определенном размере в виде скота и золотой слитки «кадак»(кырг). Подобное сходство есть в бурятском фольклоре, о чем пишет С. С. Бардаханова в своей монографии «Система жанров бурятского фольклора» «Танайда бэһэмни болбол худа , бэемли болбол, хурэген... «Кушак мой дорогой свата к вам, сам я-дорогой, свата к вам, я сама-дорогой, а зятя». [1. 29] Таким образом, обмен кушаками оказывается и символическим закреплением сговора друзей или знакомых о будущем.

В башкирской версии родители Алпамыша и Барсынхылу обмениваясь поясами, обрызгивают друг друга мукой, затем перемешивают толчено (обжаренное и измельченное зерно) с маслом и добавляя мед, отведают.

В героических эпосах тюркоязычных народов есть истории брачного союза и по собственной воле возлюбленных, которая описывается полная версия народной традиции сватовства. То есть их называют, предначертанной ему судьбой, например Манас и Каныкей, или при помощи божеств, как Урал батыра («Урал батыр») в башкирском эпосе. Эта тема составляет органическую часть эпоса и является формой его сюжетной организации.

Тема семьи и родственных отношений проходит в той или иной степени через все героические сказания кыргызов. Действиями главных героев и героинь, она раскрывает взаимоотношения и конфликты между членами семьи и рода всего народа или имеет политический характер. Мотив сватовства является причиной формы женитьбы богатыря именно в интересах межгосударственных дипломатических отношений. Например, женитьба Манаса на Акылай и Карабөрк. Как нам известно, обе девушки являются единственными дочерьми калмыцких ханов Шоорука и Кайыпдаңа. В связи сложившимися обстоятельствами, однако они выдают своих дочерей замуж за Манаса в качестве примирения двух народов. То есть в качестве дара, что впоследствии они становятся наложницами кагана.

С другой стороны, женитьба имеет религиозный характер. Например, в малом эпосе «Гүлгаакы» (кырг.), один из главных героев (святой-олуя) Шаамашрап олуя, последователь ислама настырно уговаривает свою возлюбленную Гүлгаакы, чтобы она приняла ислам, поскольку она являлась идолопоклонной, и указывает ей верный путь. В конце он добивается своей цели. Гүлгаакы принимая ислам становится мусульманкой. В эпосе «Гүлгаакы» [2. 432] (кырг.) сохранились довольно ранние архаические элементы. Брачный союз между Шаамашрапа и Гүлгаакы завершается очень интересно. Шаамашрап был пастухом верблюдов Гүлгаакы. Однажды вернувшись с пастбища, Шаамашрап сидел и мазал свои трещины пяток маслом. В этот момент, Гүлгаакы не упуская возможности, приближается к Шаамашрапу. Не успела она вымолвить словами Шаамашрап своим указательным пальцем дотрагивается до груди девушки, от этого прикосновения она беременеет. Святой Шаамашрап говорит: у тебя будет сын, назови его Котон кой, я тебе буду мужем (акыреттик жар) в ином мире. Сказав так, он исчезает. Говорится, что он попал в рай. После рождения сына Гүлгаакы от святого этот сын стал ханом Мисира, как гласит легенда.

Подобные темы, жанры, как сказка, легенда и миф в фольклоре гладко проникают в жилы эпических произведений и становятся их неотъемле-

мой частью. Можно привести множество примеров в этом плане. Порой мы сталкиваемся со сказочными рассказами. В эпосе «Эр Төштүк», как в кыргызской, так и в татарской версии описывается картина о (подземном) нижнем мире. Дочери Кара дөө выбирают себе мужей: Властелин подземного мира забывает своевременно выдать замуж своих дочерей. Чтобы напомнить об этом старшая дочь берет три яблока, одно переспевшее, второе уже вялое, третье созревшее. Завернув в платок, опускает в воду, поджидая отца, который каждый день утром умывается в речке. Увидев, плавающий на поверхности воды узелок с яблоками, удивленный царь схватит этот узелок и не догадываясь ни о чем, приносит его домой и рассказывает о произошедшем жене.

Увидев яблоки, жена говорит: «О, властелин нижнего мира, ты, оказывается, забыл устроить своих дочерей, что старшая дочь уже седоволосая, а средняя сероволосая. Подросла и младшая, как Вы могли забыть все это!». Верно: - думает про себя царь и немедленно устраивает праздник по этому поводу. Царь приказывает привести всех нареченных своего царства, и чтобы они проходили перед ним и перед его дочерьми. А в это время они должны выбирать себе мужей, ударив яблоком кого выберут. Две старшие быстро находят своих спутников жизни, а третья никак не может выбрать. Все прошли, царь спрашивает: «Есть, еще кто остался?». Они отвечают. «Кроме лысого и хромого пастуха все прошли». «Приведите-ка его», приказывает царь. Гүлайым выбирает пастуха, ударив его яблоком. Подобные сказочные картины в сюжетной линии эпоса идут по теме выбора девушки спутника жизни.

Другой случай-поговорки, пословицы или назидательные песни, в том числе и плачи. «Кызды сураганга бер, кымызды ичкенге бер»- выдавай замуж, свою дочь тому кто просит её руки, наливай кумыс тому, кто его выпьет. Или дочь отдай тому, кто просит, кумыс дай тому, кто пьет. Эти фразы популярны и ныне, потому что, они не потеряли своего смысла и актуальны всегда. «Энесин көрүп кызын ал, эшигин көрүп төрүнө өт» - посмотри на мать,(а потом) бери (в жены) её дочь, посмотри на дверь,(а потом) занимай төр (место против входа юрты, почётное место).

Особое место занимает крик (плач), ведь он тесно связан с традицией свадебных обрядов и является довольно древним понятием. Девушка вышедшая замуж, покидая отцовский дом, становится гостем, поэтому кыргызы говорят: «чыккан кыз- чийден сырткары»(дочь- отрезанный ломоть) (букв. вышедшая замуж дочь за загородкой) или «эти биздики, сөөгү сиздики», или другой вариант этой пословицы «бир ууч сөөгүмдү бергин»-»отдай горсть моих костей». Это метафорическое иносказание говорит отец жениха родителям невесты, когда все расчеты по калыму закончены. Где-то смысл этих пословиц пересекается. Они отличаются лишь вариациями.

Смысл этих афоризмов передается в аллегорической форме. Уходящая из своего гнезда птица снова не может вернуться на свое гнездо в

прежнем качестве, а уходящая девушка после замужества принадлежит другим, точнее супругу, её настоящий дом там, где её судьба свела с суженым. Даже когда она оставит этот бренный мир, она останется там. А, родители девушки ныне будут принимать её, как дорогого гостя.

Исходя, из этих пословиц и поговорок мы видим, что уход девушки из дома по этой причине сопровождается плачем. Кречет исполняли близкие родственники девушки: мать, тетя, снохи и т. д. они пели причет о достоинствах девушки и наставляли ее, как вести себя с новыми родственниками, мужем. Ведь она обретает себе настоящий дом, вьет собственное гнездо, растит наследников мужа и оттуда уходит на вечный покой.

В то же время девушки, вышедшие замуж, молились Всевышнему Аллаху о благополучии своего будущего. Поэтому кыргызы говорят: «кыз жыргаар жерине ыйлап барат», то есть это выглядит, как часть церемонии обряда. Уходящая девушка, должна обязательно плакать, ибо, как сказано «көз жашы кылып», показывая слезы.

В традициях тюркских народов свадебные причитания встречаются кроме кыргызов и у башкыр, татар, казахов; из финно-угорских – у мордвы, карел, коми, ижорцев, вепсов; из славянских – у русских. Приведем цитату из научной монографии «Причитания и обряды перехода традиционной свадьбы башкир» Л. Р. Сальмановой, в котором подробно описывается плач, кречеты и причитания: «... в сенляу-раздумьях выражались мольбы, просьбы невесты к главному небесному богу Тенгри, а в сенляу-обругиваниях использовалась магия бранного слова с целью отпугивания темных сил [3, с. 35].

Актуально сравнительно-историческое изучение башкирского свадебного причета и причета других народов, живущих по соседству. Башкирским причитаниям наиболее близки причитания татар (кыз елату). Они представляют единый напев одного общего ареала распространения плачей и весьма эмоциональны. В художественном образе передачи ощущений преобладает эмоционально-экспрессивный стиль. В причитаниях выразительными средствами служат сравнения, параллелизмы, эпитеты, антитезы, восклицания, обращения, повторения, уменьшительно-ласкательные формы слов. По признакам слоговой ритмичной формы напевам башкирских сенляу аналогичны напевы казахских свадебных причитаний (сынсу). Башкирская традиция причета очень развита и архаичнее славянской. Башкирские свадебные причеты нашли отражение в народных эпосах «Алпамыша», «Кузыйкурпяс и Маянхылу» [4, с. 128–129].

В кыргызской традиции сватовства есть явный параллелизм выше упомянутым обрядам, если в казахских свадебных причитаниях называется (кыз елату), у татар (сынсу), а у нас называется (кыңшылатуу).

Все вышесказанное свидетельствует о том, что некоторые традиции и обряды народов имеют общий характер. Например, в сюжетной линии

эпических произведений тюркоязычных народов такие жанры фольклора, как сказка, легенда и миф, поговорка, пословица, поговорка, а так же кречет, плач имеют устойчивую форму в традиции мотива сватовства.

Библиографический список

1. Бардаханова С. С. Система жанров бурятского фольклора. Новосибирск: Наука, 1992.
2. Гулгаагы. Кыз Сайкал. Поэмалар. состовители: Г. Орозова и Ө. Шаршеналиев. Бишкек: Шам, 2003. 432 с.
3. Сальманова Л. Р. «Причитания и обряды перехода традиционной свадьбы башкир» // Ватандаш. 2007. № 1. С. 128–129.
4. 49. Майногашева В. Е. Хакасские сказители и певцы. Абакан, 2000. 102 с.
5. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. М.: Наука, 1963. 260 с.
6. Элдик оозеки чыгармачылыктын тарыхынын очерктери-Фрунзе: Илим,1973. 650 с.
7. Кыргыз адабиятынын тарыхы-Бишкек: Шам. 2-т. 2003. С. 124–228.
8. «Эр Тоштюк»(по варианту С. Каралаева). Фрунзе: Мектеп. 1968. 380 с.

© Талиева К. А., 2016

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Г. ДОМОЖАКОВА (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ Г. АБАКАНА)

Н. Н. Таскаракова

ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

Сегодня мне хочется, чтобы в огромном море написанного и сказанного о Доможакове пробежал и мой ручеёк, рожденный у чистейших снегов.

Н. Н.

В данной статье даётся описание и анализ архивных материалов фонда Н. Доможакова. Основное внимание уделяется переписке писателя, где видны такие качества, как талант и мудрость.

Ключевые слова: архивные документы, биография, творческая деятельность, стихи, переписка

В истории любого народа бывают личности, которые, несмотря на жизненные испытания, идут только вперёд. Идя по пути к истинным знаниям, они ведут за собой целое поколение перспективных и энергичных людей. Такой личностью в Хакасии в 40-е годы XX века явился Николай Георгиевич Доможаков. Ему довелось жить и творить в разных (сложных) исторических эпохах, в условиях крутых перемен общественного развития, но всегда и неизменно он проявлял свои замечательные личные качества – стойкость, целеустремленность, порядочность.

Объектом исследования в настоящей статье выступает творческая деятельность известного хакасского писателя и его весомый вклад в развитие хакасской культуры, литературы. Предметом исследования является

ся биография и материалы, хранящиеся в Абаканском госархиве. Цель работы заключается в описании архивных материалов фонда Н. Доможакова.

«Биография Николая Доможакова характерна для многих представителей советской интеллигенции Хакасии...» [1, с. 40]. Н. Доможаков родился 20 января 1916 года в семье бедняка в аале Хызыл хас, где сливаются реки: Абакан и Уйбат. Детство хакасского мальчика было безрадостным. К тяготам бедноты, подневольного батрацкого труда, добавлялись страшные болезни того времени. Настоящей трагедией народа в 1924–1926 годы была трахома, болезнь глаз, которую в свое время победили такие бесстрашные врачи Хакасии, как Н. Д. Одежкин. Трахома не прошла стороной и семью Доможаковых. Еще мальчишкой став полуслепым, Н. Доможаков не потерял веру в будущее, к которому стремился посредством книг. Именно книга стала «утехой их утех», «радостью из радостей» для мальчика, забывающего о простых ребячьих забавах, хотя можно предположить, что он вряд ли был желанным во дворе детворы того времени. Таким образом, выходец из самых низов народа, Н. Доможаков сумел подняться «на вершины трех хребтов». Эти вершины можно назвать словами исследователя хакасского фольклора и литературы П. А. Троякова: писатель, учёный и педагог. Вот каковы ступени «лесенки» к этим высотам: школа, педтехникум, учительский институт, аспирантура. Думается, Н. Доможакову в то время нужны были богатырские силы, он, словно *алын*, одерживал победу над каждой трудностью. «Н. Доможаков внес большой вклад в развитие хакасской национальной культуры, литературы и искусства. Автор ряда учебников и словарей, он стал одним из активных деятелей просвещения в Хакасии, много сил отдал созданию хакасского литературного языка. Многие ведущие учёные и писатели из среды хакасской интеллигенции на первых шагах своей творческой и научной деятельности испытали действенную помощь со стороны Н. Доможакова» [2, с. 196].

Присоединяясь ко всему сказанному П. Трояковым, хочется проследить некоторые моменты жизни, отличительные черты характера, связанные с талантом и мудростью Н. Доможакова через архивные материалы, желая увидеть в них более яркие подтверждения. Некоторые архивные тексты были опубликованы в книге А. Г. Кызласовой «Жизнь, дай мне сто сердец, все отдам народу своему». Весьма интересно выглядит судьба видного деятеля культуры и науки, отраженная в переписках фонда № 588. Опись документальных материалов за 1916–1976 годы состоит из пяти разделов [3]. Среди них наиболее значимыми для нас оказались переписки: письма Н. Доможакова и письма от разных лиц к Н. Доможакову. Экспертизой документальных материалов и их составлением занималась младший научный сотрудник А. П. Кулагашева [1978]. В них, например, интересно наблюдать, как шла работа по составлению сборника

«Первые шаги». Об этом свидетельствуют наброски к этой работе: «Очень отрадно, что в сборнике «Первые шаги» появляются элементы прозы и драматургии. Этим жанрам посвящено творчество молодого писателя М. Кильчичакова. Его рассказ «Бедный и бай» дельное начинание, и надо сказать, что это весьма трудный вид. В нескольких строках дан идейно-выдержанный юмор...» [4]. Но были и серьезные недостатки у ряда начинающих писателей. Видимо, поэтому Н. Доможакову пришлось написать письмо председателю комиссии по литературам народов СССР Союза советских писателей СССР Фатееву: «...просим 1950 году на длительное время командировать к нам (июнь-декабрь) писателя Алексея Венедиктовича Кожевникова, он на месте окажет нашим прозаикам конкретную помощь и поможет нам разобраться в наших недостатках...» [5, № 9]. Приведенный пример показывает непростую ситуацию в писательском деле Хакасии, большое желание продвигаться только вперед. Н. Доможаков понимал, что литература создается общими усилиями людей разной степени дарования, а не только одними талантами. Он сам учился у таких талантов, и был учителем будущих талантов земли хакасской.

Особое место в архивных материалах Н. Доможакова занимают поздравительные письма, в честь 50-летнего юбилея. В них четко ощущается величие Н. Доможакова. Тому свидетельствуют слова известного русского писателя Мстислава Левашова, обнаруженные нами в материалах писем: «Для хакасского народа ты сделал так много, что должно пройти еще некоторое время, чтобы он все это осознал...» [6, № 18].

Секретарь правления союза писателей РСФСР Сергей Сартаков написал письмо, датированное 22 янв. 1966: «За плечами у тебя, дорогой друг, не мало. Ты свою научную и литературную деятельность начинал не имея многовековых предшественников. За тобою была только великая животворная сила талантливого народа. А это уже много, очень много... . хочу пожелать тебе много-много творческих свершений и много учеников. В этом и радость и обязанность учителя, мастера, творца. А ты – хороший мастер. Тебе есть чему научить молодежь» [7, № 18].

Архивный материал Н. Доможакова поднимает также «казанскую тему». Думается, хакасский лидер был вхож в казанскую интеллигенцию. Это подтверждается поздравительным текстом директора Казанского института языка, литературы и истории, доктора исторических наук Мидхат Каримовича Мухарямова: «Человек многогранного таланта и кипучей энергии, вы своими поэтическими произведениями внесли большой вклад в хакасскую советскую литературу, а романом в «В далеком аале» вы открыли новую страницу в ее истории» [8, № 18].

Известно, что творчество Н. Г. Доможакова, войдя в научный мир Татари, стало активно изучаться в Казанском университете. Также хакасский писатель не мог обойти стороной и художников татарского слова. Например, он был в дружественных связях с татарским поэтом Заки Ну-

ри, известным такими книгами, как «Мы живем на Волге», «Путь славы», «Наш зеленый друг» и др. В то время Заки Нури был ответственным секретарем Союза писателей Татарии (1957-1968). Лозунгом своего труда Заки Нури считал: *Сердца зов звучит набатно:/ Жить-гореть, чтоб не стареть/ Есть на солнце жизни пятна/ Долг и честь их всех стереть /* как нельзя лучше подходит его хакасскому другу, «человеку кипучей энергии», «человеку-факелу», «человеку-алыпу». Общение с представителями татарской интеллигенции вдохновило поэта из Хакасии к написанию стихотворения «Казань»: *Брожу по улицам твоим гористым/ Гляжу на заводские корпуса / И светом солнца – теплым и лучистым / Казанские сияют небеса.../ чисты душой казанцы-исполины / И речь татар, как реченька журчит / Как весенний повсвист соловьиный / Даскают слух напевы «Шурале» / И ветер с Волги волосы колышит / Стирая все морщины на чело / Здесь берег абаканский шелком вышит / Свой Енисей я вижу в волжской мгле / Теплом Россия мне в Казани дышит ...* В приведенном отрывке заметны параллели между Казанью и Абаканом, выделенные художественно-выразительными средствами (как реченька журчит, шелком вышит, теплом дышит ...). Но самое главное в этих строках – мощь и сила родственных народов.

Таким образом, небольшой анализ переписки Н. Доможакова, хранящейся в госархиве Абакана, позволяет сделать вывод, что он действительно человек, прошедший по земле как талант и мудрец, человек больших и смелых решений. Урок жизни и творчества Н. Доможакова всегда будет примером для молодых. Еще пройдут по нашей земле не менее талантливые люди, но Доможаков останется Доможаковым, ведь он по своему сумел выразить свою любовь к родной земле: необыкновенно образно, неотразимо сильно, неповторимо самобытно. Именно Н. Доможакову принадлежат гордые слова: «Жизнь, дай сто сердец, все отдам своему народу». Ведь неслучайно одним из центральных мотивов его творчества было желание добра людям. И эта душевная полнота была связана с великой верой в будущее родной Хакасии.

Библиографический список

1. Кошелева А. Л. Поэтическое слово Сибири. Абакан, 1996. 112 с.
2. Очерки истории хакасской советской литературы. Абакан, 1985. 288 с.
3. Фонд № 588.
4. Фонд № 588, опись 1, дело № 21.
5. Фонд № 588, опись 1, дело № 9.
6. Фонд № 588, опись 1, дело № 18.
7. Фонд № 588, опись 1, дело № 18.
8. Фонд № 588, опись 1, дело № 18.

© Таскаракова Н. Н., 2016

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МИФОЛОГИЧЕСКОГО ХАКАССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

С. Я. Тохтобина
ХакИРО и ПК, г. Абакан

Данная статья посвящена проблеме комплексного изучения хакасского фольклора, а именно – героического эпоса. Автор уделяет внимание исследованиям хакасских фольклористов в 1967–2010 гг. По данному вопросу разбирает опыт теоретической, научно-практической работы.

Ключевые слова: хакасский фольклор; героический эпос; комплексное изучение; мифологическая основа.

Проблема комплексного изучения хакасского фольклора уже обсуждалась в научных работах, благодаря чему постепенно проясняются как общие ее контуры, так и многоаспектность самого понятия. В настоящее время правомерно говорить о двух уровнях такого изучения: а) полевой фиксации фольклорного явления; б) его научного анализа. Первый уровень подразумевает разработку методики синхронного адекватного фиксирования факта народной культуры специалистами разных дисциплин, что должно способствовать системному описанию всесторонних характеристик объекта. Второй уровень предполагает многоаспектное исследование взаимодействующих элементов того самого целого, которое системно и комплексно зафиксировано и описано. Более сложным и менее разработанным остается второй, исследовательский уровень комплексных изучений фольклора. До недавнего времени подразумевалось, что поскольку фольклор – сложное образование, в основе которого лежит синтез искусств, то сам предмет исследования требует к себе комплексного подхода, т. е. изучения разных аспектов одного многосоставного целого. Однако ни для кого не секрет, что попытки такого анализа сводятся обычно к мало взаимосвязанным друг с другом суммарным наблюдениям представителей разных дисциплин. Такие попытки, безусловно, приносят пользу, но уязвимость их заключается в том, что они лишены целенаправленного поиска. Именно в связи с многоаспектностью самого понятия комплексности, при котором можно предпочесть, скажем, комплексно-филологический, комплексно-искусствоведческий или комплексно-этнографический анализ. Методика таких изучений будет каждый раз иной (оставаясь при этом комплексной) в зависимости от поставленной задачи.

С позиций проблематики изучения хакасского героического фольклора хотелось бы обратить внимание на один из существенных аспектов комплексного изучения – многосторонний анализ фольклорного факта в контексте духовной народной культуры. Каким образом этот аспект обеспечивает плодотворность комплексного анализа? Дело заключается в

том, что за ритуальными действиями, изобразительными и музыкальными образами, фольклорным символом стоит определенный мировоззренческий комплекс идей и представлений о мире, на основе которых и возникли когда-то эти образы, символы и знаки. Это идеологическое ядро архаического миропонимания по-разному проявляется в разных видах творчества, но является общим базисом для него. Не случайно задачей первостепенной важности признается в настоящее время изучение и реконструкция самой системы представлений о мире, архаического мышления, без понимания которого невозможно рассчитывать на надежный уровень интерпретации отдельных фактов традиционной культуры [1, с. 25].

Работая над исследованием хакасского героического эпоса разного профиля и разной тематической ориентации (обычаи и ритуалы; идеологические комплексы поверий и представлений об устройстве мира и пр.), все более отчетливо видно, как один и тот же набор повторяющихся элементов, реалий и признаков функционирует в разных сферах традиционной культуры с одним и тем же символическим значением.

Хакасский эпос как особый жанр фольклора, по мнению исследователей, имеет ряд структурных, языковых и других особенностей, в частности мифологическую основу, героический характер содержания, сквозных персонажей, музыкальную поэтическую форму, наличие стилевых приемов ([13, 1955; 12, 2007; Проблемы хакасского фольклора, 1982] и др.). Для текстов характерно наличие эпических формул (например, описывающих состояние фольклорных персонажей, в частности, состояние усталости: *Холтых мархазы холбаңнап парыбысхан, чага хазаан мархазы салаңнап парыбысхан киледір.* – У достойнейшего из мужей Хана-Миргена боковая пуговица, болтаясь, висит, у воротника пуговица, повиснув, болгается; поведенческих формул, например, во время трапезы: *Улуг сөök хысчахсының ахсынаң тясчатхандаг, кічіг сөök сөögі пурнынаң түсчатхандаг.* – У достойнейшей из дев большие кости изо рта выпадают, маленькие кости из носа вываливаются, и др.), особых синтаксических конструкций (например, содержащих параллелизмы: *Алтынаң иткен погозы айча сустал турадыр, күмүстең иткен погозы күнге частап турыбысхан.* – Пого (нагрудное женское украшение, вышитое золотыми и серебряными нитями. – Е. В.) ее из золота под луною сверкало, пого ее из серебра под солнцем разливалось, и др.), тропеических средств (метафор: *харах оды хатхан чир харал силчададыр* – земля, охваченная очагом глаза (в значении «пока можно увидеть»), метонимий: *чалбах молат кып узалган* – измять много стали (оружие в бою), гипербол: *Хаалада хатхырыбысхан – күгүрттиг тигір түс турган* (Войтенко Е. П. Хакасский эпос в исследованиях по хакасоведению). Необходимо отметить, что хакаские фольклорные тексты традиционно использовались в качестве источника для изучения истории языка, при этом

обязательно учитывалась и история формирования хакасского этноса. Все это делает хакасские фольклорные тексты чрезвычайно интересными для лингвистов.

В связи с существующей в настоящее время слабой разработанностью методики комплексного анализа многосоставного фольклорного явления каждый специалист ищет пути такого подхода к проблеме по-своему. Вместе с тем развитие общественных наук на современном этапе характеризуется все более заметной тенденцией к охвату широкого круга анализируемых объектов на основе междисциплинарных комплексных исследований. Становятся все более продуктивными такие проблемные разработки, которые осуществляются на стыке наук.

Первый удачный опыт системного изучения языка хакасского героического эпоса был представлен В. Е. Майногашевой в ее диссертации, посвященной «Алтын Арыг» [9, 1967]. Исследователь рассмотрела эпические формулы описания и повествования, являющиеся особенностями сюжета и композиции; параллелизмы как способ художественной образительности, эпитеты, сравнения, метафоры, метонимии и гиперболы. Хотя в большинстве своем образные тропеические средства были ограничены фиксацией и перечислением, сам факт того, что этот вопрос был затронут 40 лет назад, способствовал зарождению традиции изучения таких языковых средств в хакасоведении. Помимо трудов В. Е. Майногашевой, имеется также ряд статей, раскрывающих частные вопросы хакасской стилистики ([8, 1977]). Языку хакасского эпоса было посвящено и диссертационное исследование О. В. Субраковой [1978], объектом которого стали «Алыптыг ныхмахтар», «Алтын Арыг», «Хан Мирген» и др. Акцент О. В. Субракова сделала на изучение языка текстов с точки зрения организации их морфологического строя, словаря и синтаксиса. Ею же были рассмотрены исторические пласты лексики (исконно тюркской и иноязычной). Тридцать лет спустя Н. С. Чистобаевой была защищена диссертация по тематике и поэтике хакасского героического эпоса, и источниками для исследования стали «Алтын Арыг», «Ай-Хуучин» и сказание «Алтын Чюс». Исследователем было представлено комплексное изучение поэтической системы героического эпоса, определены идейно-тематическое содержание, композиция, типичные места, а также поэтическое формулы. По мнению Н. С. Чистобаевой, «художественный язык героических сказаний хакасов непосредственно связан с живым языком творцов и носителей героического эпоса. Наибольшая часть заимствованной лексики взята из монгольских языков. Из тропов относительно редко встречаются метафора и метонимия, чаще используются сравнения, эпитеты, в том числе постоянные и метафорические» [12, 2007]. Именно эти тенденции способствовали успешному развитию особого направления в языкознании – этнолингвистики, которая «ориентирует исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной

культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» [4, с. 182]. Все более очевидным становится значение данных народной обрядовой терминологии, отражающих ключевые моменты архаического миропонимания, или мотивировки отдельных ритуальных действий, или целевой установки всего обряда для этнографического анализа. С другой стороны, и чисто лингвистические проблемы (этимологические исследования, интерпретация устойчивых языковых культурно-значимых единиц и проч.) не могут быть успешно решены без подробного внеязыкового контекста. Точно таким же образом весьма плодотворным оказывается изучение фольклорного факта в его многосторонних связях с этнографическим, мифологическим, диалектно-языковым материалом, т. е. в контексте всей традиционной этнической духовной культуры.

Таким образом, эти факторы частично объясняют специфику фольклорного употребления ряда лексем в составе поэтических формул, консервацию фольклоризмов, символизацию числительных, привлечение средств гиперболизации и т. д., но как именно они повлияли на формирование всей образной системы эпоса, предстоит еще выяснить.

Библиографический список

1. Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора: лексика былины: В 2 ч. Курск, 2006.
2. Боргояков М. И. Источники и история изучения хакасского языка. Абакан, 1981.
3. Бутанаева И. И. Хакасский исторический фольклор (опыт историко-этнографического характера): автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 2000.
4. Войтенко Е. П. Хакасские фольклорные метонимика и метафорика (на примере метонимий и метафор чир в героическом эпосе «Ай-Хуучин») // Студент и научно-технический прогресс: материалы XIII Междунар. науч. студ. конф. Языкознание. Новосибирск, 2005. С. 44–46.
5. Войтенко Е. П. Тропы с биоморфными компонентами в хакасском героическом эпосе «Ай-Хуучин» // Материалы XIV Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. Новосибирск, 2006. С. 76–77.
6. Войтенко Е. П. Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин» как лингвофольклористическое наследие: Дипломная работа / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2007
7. Виноградова Л. Н. Фольклорный факт в этнографическом контексте // Русская литература и фольклор. С. 34-37. URL: <http://feb-web.ru/feb/byliny/critics/fpn/fpn-034-.htm>
8. Вопросы хакасской филологии: Сб. науч. тр. / ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1977.
9. Майногашева В. Е. Хакасское героическое сказание «Алтын Арыг»: дис. ... канд. филол. наук / Ин-т ист., филол. и филос. СО АН СССР. Новосибирск, 1967.
10. Толстой Н. И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Язык и этнос. Л., 1983. С. 47–51.
11. Субракова О. В. Язык хакасского героического эпоса: автореф. дис. канд. филол. наук. Алма-Ата, 1978.
12. Чистобаева Н. С. Героический эпос хакасов: тематика и поэтика: автореф. дис. канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2007.
13. Унгицкая М. А. К вопросу о жанре кип-чоох хакасского фольклора // Вопросы хакасского языка и литературы: Материалы и сообщения. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1955. С. 88–104.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ТЕКСТОВЫЙ МАТЕРИАЛ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ХАКАССКОЙ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ШКОЛЕ

В. Н. Чебодаева

Катановская СОШ Аскизского района РХ

В статье представлена одна из возможностей реализации регионального и этнокультурного содержания образования на уроках русского языка с использованием текстов региональных, национальных авторов Республики Хакасия.

Ключевые слова: русский язык, культура, функциональный подход, языковой материал, текст

Сохраняя культуру и традиции народа, можно сохранить и сам язык. Родной язык, родная речь передают особенности национальной жизни, имеют многовековую историю, составляют предмет гордости носителей национального языка. Система образования является организатором и проводником национального языка, национальных традиций и обычаев.

Использование на уроках русского языка местного языкового материала повышает интерес к предмету и воспитывает интерес к малой родине, расширяет представление о ее истории.

Работа с текстом на уроках русского языка создает условия: для осуществления функционального подхода при изучении лексики, морфологии, синтаксиса; для формирования представления о языковой системе, реализации внутриспредметных (межуровневых), а также межпредметных связей курсов русского языка и литературы; для личностно ориентированного преподавания русского языка, формирования языковой личности; для духовно-нравственного воспитания учащихся, развития их творческих способностей [3, с. 11].

Текстовый дидактический материал для обучения в хакасской поликультурной школе должен соответствовать определенным принципам. Одним из них является этнокультурный принцип, требующий учета национального, регионального и этнокультурного содержания, в т. ч. через включение текстов знаменитых хакасских писателей и поэтов, ученых и публицистов, (в русском переводе) композиторов и художников, а также текстов, отражающих современные реалии, общее в культурах русского и хакасского народов, их культурные и исторические связи. Данный принцип частично реализуется при отборе текстов.

В старших классах, когда идет закрепление изученного материала за весь курс русского языка, к примеру, можно использовать текст Н. Доможакова «Речка Чобат».

В стороне от стеного большака круто опускается к речке Чобат плоскогорье. Место это носит название Чалбах-тигей – Широкая вер-

шина. Там, где плоскогорье переходит в долину, выбрали место для селения оседлые хакасы.

Посмотришь из **аала** на Чобат, и кажется, что это не речка, а распущенный волосяной аркан, свитый из светлых и темных пучков: он и блестит серебристыми перекатами, и темнеет глубокими омутами, ушедшими под высокие яры. Длинен путь Чобата к большой реке **Ахбану**. Начинается он с зеленокудрых таежных гор – **тасхылов**, откуда Чобат прыгивает, как дикий конь. На равнине Чобат меняет свой нрав. Течение его становится медленнее, и теперь он уже напоминает ленивую лошадь, которую все время нужно подстегивать.

Подстегивают Чобат паводки. По веснам речка, вспухая от талых вод, посланных тасхылами, приносит и радость, и горе. Чобат становится настолько щедрым, что заполняет водой каждый оросительный канал. Перехлестнув через берега, он накатывается на пастбища и сенокосы, заливая их, а отхлынув, оставляет ил, гальку, коряги и разный мусор.

(По Н. Г. Доможакову)

Определите значение выделенных слов.

Найдите сравнение, характерное для местного хакасского народа.

Расставьте недостающие знаки препинания.

Найдите сложные предложения и определите их вид.

Сделайте полный синтаксический разбор одного сложного предложения.

Работа с текстом требует определенного времени. Целесообразно использовать этнокультурный текстовый материал как на уроках развития речи и контрольных, так и в самостоятельной работе учащихся.

Библиографический список

1. Доможаков Н. Г., Кобяков В. А. В далеком аале: роман, повесть / пер. с хакас. Г. Сысолятина. Абакан, 1987.
2. Костяков И. М. Пастагы тогазыглар. По звериным тропам: сб. рассказов для детей среднего и старшего школьного возраста / пер. Ю. Черчинского. Абакан, 2011.
3. Пахнова Т. М. Текст как основа создания на уроках русского языка развивающей речевой среды // РЯШ. 2000. № 4. С. 3–11.

© Чебодаева В. Н., 2016

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ.

М. Д. Шевцова

Аскизский ЦРР «Тополек», с. Аскиз

В статье описаны проблемы, постановка и решение формирования гражданской этнокультурной идентичности, которая является основной составляющей формирования региональной и общероссийской идентичности. О реализации ФГОС: этнокультурной ситуации развития детей дошкольного возраста. Овладение богатством родного языка составляет один из основных элементов формирования личности, освоения выработанных ценностей национальной культуры.

Ключевые слова: проблема, этнокультура, идентичность, составляющая, развитие, личность.

Высокие результаты в нравственном развитии детей возможны лишь при наличии морально ценных взаимоотношений между взрослыми, взрослыми и детьми, при взаимной заботе воспитателей и родителей о поддержании авторитета взрослых в глазах детей. Очень важна организация содержательной жизни дошкольников дома и в детском саду, наполненная разнообразной деятельностью. Эффективность нравственного воспитания повышается, когда родители знают «Программу воспитания в ДОУ», внимательно прислушиваются к советам воспитателей, действуют сообща.

Развитие родной речи детей, овладение богатством родного языка составляет один из основных элементов формирования личности, освоения выработанных ценностей национальной культуры. Они тесно связаны с умственным, нравственным, эстетическим развитием, являются приоритетным направлением в языковом воспитании и обучении дошкольников. Глобальный путь воспитания – это продвижение ребенка к всеобщим гуманистическим ценностям через приобщение ребенка к своей национальной или локальной культуре. Только поднявшись выше узконационального миропонимания, начинаешь глубже и бережнее относиться к своему родному языку [1, с. 253]. Двуязычие и мультикультурность не препятствуют развитию личности: наоборот, один язык помогает другому сформироваться, смотреть на мир шире и понимать его глубже.

Работа дошкольных образовательных учреждений в направлении внедрения этнокультурного компонента сложна и многогранна [3, с. 5]. Она требует массового осмысления, всестороннего обсуждения и анализа. Формирование личности ребенка невозможно ни без привязанности к своим историческим корням, ни без расчета на особое, неповторимое будущее. Именно сочетание этих перспектив и формирует сегодняшний

день в работе нашего дошкольного образовательного учреждения ЦРР детский сад «Тополек». Власти работают над решением вопросов реализации государственной национальной политики, направленной на сохранение и развитие национальной самобытности и сохранение культурно-исторического наследия народов Хакасии, на совершенствование системы образования в целом. Очень многое делается для развития хакасского языка, для межкультурного диалога, для обмена культурными ценностями духовного плана. В нашей республике Хакасия решается проблема сохранения хакасского языка, т. к. молодое поколение, проживающее как в городе, так и в селе, стало терять родной язык, не говорит на нем со своими детьми. Есть родители, коренной национальности, сами не говорящие на родном языке. По свидетельству опрошенных нами семей, имеющих детей дошкольного возраста, родители были бы рады, чтобы их дети знали хакасский язык, но не знают, что делать для этого. Часто у них нет в достаточном количестве специальных пособий и книг, по которым можно было бы заниматься с ребенком дошкольного возраста в семье для обучения хакасскому языку.

Вместе с тем родной язык можно назвать главным компонентом национальной культуры, он является проводником устного народного творчества. Обучая детей родному языку в детском саду, педагоги решают важную задачу воспитания любви, бережного отношения, уважения интереса к своей малой родине. Краеведческая работа с детьми осуществляется в нашем детском саду, начиная с младшего дошкольного возраста. Организовано обучение хакасскому языку в разных формах.

Основными задачами деятельности детских садов с местным компонентом являются: предоставление прав гражданам на получение дошкольного образования на родном языке; сохранение и развитие системы национального дошкольного образования, создание условий для функционирования детских садов, с приоритетным направлением в работе по краеведению и обучению родному языку; повышение качества обучения детей родному языку; совершенствование работы по преемственности в области обучения родному языку; работа над созданием программ, рекомендаций, пособий по обучению родному языку детей дошкольного возраста; выявление положительного опыта работы дошкольных образовательных учреждений и педагогических работников в данном направлении.

Очень важным компонентом является нормализация включения элементов хакасского языка в повседневную жизнь: приговаривание, припевание, обращение к фольклору, сопровождение действий адекватными описаниями, многократное повторение (расширенное и суженное) основных положений рассказа. Педагог не может с уверенностью рассчитывать на одинаковый уровень успешности всех детей. Важнейшим итогом развития ребенка в двуязычной среде является достижение максимально

высокого уровня понимания звучащей речи и адекватного реагирования на речевое поведение воспитателя и сверстников в течение дня [4, с. 22].

Уважение к самому себе, к своему происхождению, к родине предков, стремление сохранить и поддержать родной язык и культуру не должны вступать в противоречие с получением полноценного образования. Если происходит отказ от своих корней, вырастает полужычная (не владеющая в должной мере ни одним языком), социально опасная, не контролирующая свое поведение личность или человек маргинального образа жизни. Поэтому должна стоять задача воспитания двуязычной и бикультурной личности, одинаково хорошо знающей и понимающей по крайней мере два языка и две культуры. Реализация вышеперечисленных задач осуществляется через разнообразные формы работы с педагогическими кадрами ДООУ, детьми дошкольного возраста, их родителями совместно с органами власти районов и городов республики, с ХакиРОиПК, Хакасским государственным университетом им. Н. Ф. Катанова, на уровне межведомственных отношений с министерствами национальной политики, культуры, печати, межрегиональных отношений с другими республиками нашей большой страны.

В нашем центре развития этнокультурное развитие ребенка осуществляется двумя путями:

Во-первых, оно проводится за счет приращения местного (регионального, национального) материала к образовательным областям Программы, реализуемой в детском саду, интеграция регионального компонента в образовательный процесс. Ознакомление детей дошкольного возраста с природой: знакомство с животным и растительным миром Хакасии; с народными приметами: непосредственно образовательная деятельность, беседы, КВН, викторины, экскурсии, наблюдения, дидактические игры; сбор гербария; коллекции; опытническая работа.

На занятиях по изобразительной деятельности: сведения об изобразительном искусстве Хакасии: об орнаментах и декорах; о творчестве художников Хакасии; рассматривание картин, репродукций, просмотр слайдов, открыток; посещение районного Музея имени Н. Ф. Катанова.

На занятиях по ручному труду: элементы национального коврикатчества; вышивки; аппликация на ткани; аппликация из бумаги.

Музыкальная деятельность: музыкальный фольклор, песенное искусство Хакасии, музыкальная культура Хакасии: знакомство с творчеством композиторов Хакасии; праздники, развлечения, посиделки, народные гулянья; ознакомление с хакасскими музыкальными инструментами; использование в группе аудио- и видеозаписей, грампластинок, портретов хакасских композиторов.

Ознакомление с окружающим миром. Экскурсии: 2-ая младшая группа – по детскому саду, по территории детского сада; средняя группа – экскурсии по ознакомлению с достопримечательностями микрорайона;

старшая группа – пешие, автобусные экскурсии по селу, походы в кино, театр, парк, сквер, музей, и т. д.; подготовительная группа – экскурсии за пределы села: в лес, музей под открытым небом. Беседы: «Где живет человек», «Дом, в котором мы живем», «Улицы нашего села Аскиз», «Аскиз-сердце Хакасии», «Что на свете всех милее», «Родина малая и родина большая», «Хакасия наша республика». Знаки, символы, флаг, герб, значки, марки, открытки, слайды.

Ознакомление с прошлым родного края: организация этнографического уголка (комнаты); экскурсии; встречи с родителями: посиделки, организация сладкого вечера с дегустацией национальных блюд: талган,

Театрализованная деятельность: игры-инсценировки; драматизация хакасских народных сказок, произведений хакасских писателей, поэтов; показ всех видов театров (теневой, фланелеграф, ложечный, кукольный, линейный, театр игрушек, настольный, пальчиковый); оформление уголков ряжения (предметы хакасского костюма) во всех возрастных группах; посещение театров; встречи с артистами театров, с работниками теле- и радиокompаний, с артистами филармонии; организация в детском саду театральной студии.

Физическая культура: национальные подвижные игры; национальные спортивные праздники; развлечения.

Ознакомление с художественной литературой: фольклор: пословицы, поговорки, загадки, скороговорки, чистоговорки, заклички, дразнилки; мифы, легенды хакасского народа; выставки тематические, посвященные творчеству того или иного писателя, поэта; чтение хакасских книг, сказок; оформление книжных уголков; организация библиотечки; встречи с поэтами, экскурсии в районную библиотеку.

Во-вторых, этнокультурное развитие ребенка осуществляется в рамках региональных программ (разработанных на основе федеральной). Такие, авторские, программы имеются, все они прошли через учебно-методический совет, экспертный совет Министерства образования и науки Республики Хакасия.

Авторские программы представлены в комплексе учебно-методических материалов на краеведческой основе в помощь воспитателям дошкольных учреждений. Сохраняя сеть ДОУ, работающих в данном направлении, необходимо параллельно расширять вариативность, создавать научно-методическую базу под каждый тип учреждения. Продолжая совершенствовать условия для их функционирования в соответствии с законодательством Российской Федерации и Республики Хакасия, ученые и практики в содружестве издадут современные пособия по обучению языку, основанные на инновационных методиках. Ведя целенаправленную работу по подготовке программ, пособий по обучению детей дошкольного возраста родному языку на глубокой научной основе, они исполь-

зуют новейшие технологии воспитания и обучения дошкольников, Интернет, электронные средства обучения.

Изучается, обобщается и распространяется опыт лучших педагогов-новаторов по краеведению и обучению детей родному языку, печатается и демонстрируется опыт и приемы обучения. Через средства массовой информации пропагандируются наиболее интересные образцы проведения занятий педагогов национальных групп, ДОУ, показываются конкретные примеры семейного и институционального двуязычия. В ДОУ учитывается желание родителей изучать хакасский язык, организуются дополнительные занятия (кружковая работа), расширяется спектр предлагаемых услуг. Выявляются условия, способствующие успешной социализации детей разных национальностей, усвоению нравственных ценностей, формированию основ патриотизма и гражданственности путем включения в широкое социальное взаимодействие, приобщения к культурным традициям своего и других народов, к мировым художественным ценностям. Все это сопровождается целым комплексом разнообразных мер, в том числе психолого-педагогического сопровождением развития интеркультурности, толерантности в различных видах детской деятельности.

Педагоги нашего этнокультурного центра, хорошо владеющие родным языком, Кичеева Дина Сергеевна, Тербежекова Таля Михайловна, Карачакова Диана Топиновна, Капсаргина Светлана Михайловна, используют в своей работе новые формы взаимодействия с семьей, с различными общественными и государственными учреждениями, чтобы больше рассказать детям о культуре своего народа.

Работа ДОУ, осуществляющих внедрение этнокультурного компонента компонент в образовательный процесс, оказала существенное влияние на рост качества их деятельности по всем направлениям. Приоритетным в определении качества дошкольного образования остаются требования к психолого-педагогическим условиям: образовательной программе, характеру взаимоотношений взрослого и ребенка, среде развития. При этом ключевым моментом остаются требования к деятельности педагога, его профессионализму. Следует больше рассказывать в СМИ о преимуществах двуязычия, сделать двуязычие нормой для воспитания дошкольников в республике. Это должно сопровождаться проведением работы с семьями по воспитанию интереса не только к прошлому национальной культуры, но и к ее будущему, к модернизации и всей системы образования с учетом местных особенностей.

Библиографический список

1. Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 03.08.2006. № 201. URL: <http://mon.gov.ru>, <http://www.edu.ru>.
2. Многоязычие в детском саду. Журнал «Справочник старшего воспитателя дошкольного учреждения». № 1. 2008.

3. Протасова Е. Ю., Родина Н. М. Методика развития речи двуязычных дошкольников. М.: Владос, 2010. 253 с.
4. Хакимов Э. Р. Сущность поликультурного образования // Вестник Ижевского государственного технического университета. 2009. № 3. С. 189–191.

© Шевцова М. Д., 2016

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЦЕНТР – ЭФФЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ ГОРОДА АБАКАНА

Л. И. Шишлянникова

Средняя общеобразовательная школа № 22, г. Абакан

Л. Г. Моруденко

Центр детского творчества, г. Абакан

В статье предложен опыт сотрудничества муниципального Центра поликультурного образования Абакана и Центра детского творчества с другими образовательными учреждениями города по формированию поликультурной компетентности детей, развитию интереса к изучению языков, в том числе хакасского языка. В статье дан обзор мероприятий, приведены примеры программ, способствующих активизации лингвистического и поликультурного образования в Абакане.

Ключевые слова: поликультурное образование, хакасский язык, образовательные программы, этнокультурные образовательные потребности, национальные традиции, культурное наследие, толерантность.

В современном мире ни один народ не может жить «сам по себе», в абсолютной замкнутости и изоляции. Все мы находимся в многосложной сети взаимозависимости, и эта система взаимоотношений регулируется законодательством и рекомендациями международного и национального уровней. Принятые документы ООН, ЮНЕСКО, Совета Европы и других международных организаций составляют концептуальную основу для поликультурного образования и воспитания, для освобождения человека от культурной неграмотности, от стереотипов и предубеждений. Особое место в этой системе занимает языковое законодательство, направленное на защиту языковых прав человека и на сохранение лингвокультурного наследия человечества [1, с. 17–18].

Обострение этнических противоречий и современное развитие межнациональных отношений в Российской Федерации актуализирует проблему возрождения культурно-исторического наследия прошлого, сохранения и развития национальных языков. Российское законодательство закрепляет равенство прав и возможностей каждого человека, независимо от этнического происхождения, половой идентичности, религиозных, партийных и других различий, отрицание любых видов национальной

исключительности, недопустимость этнической враждебности, шовинистического высокомерия, провинциальной националистической замкнутости.

В результате поликультурного образования дети должны понять, что каждый этнос имеет свою культуру, традиции, родной язык, литературу, сказания, свои особенности нравственных и эстетических ценностей, образа жизни, свои ремесла, искусство, кухню. И все это составляет одну из сторон культуры самого человека.

Хакасский язык, как государственный язык Республики Хакасия, представлен в системе образования г. Абакана в разных формах. Особенности его изучения связаны с ассимиляционными процессами, которые приводят к сокращению количества детей, владеющих родным языком. Согласно классификации ЮНЕСКО, хакасский язык входит в группу языков, которые находятся под угрозой исчезновения [2]. Поэтому сохранение и развитие хакасского языка является приоритетным направлением деятельности Городского управления образования Администрации города Абакана, образовательных учреждений столицы республики. В нашем докладе представлен опыт работы двух центров поликультурного образования города Абакана.

В МБОУ «СОШ № 22» с 1991 года функционируют классы с изучением родного (хакасского) языка. На протяжении 25 лет школьники имеют возможность изучать хакасский язык, литературу, историю родного края.

Инновационная деятельность школы по созданию условий глубокого и всестороннего овладения обучающимися культурой своего народа для успешной интеграции в другие культуры, по развитию позитивного отношения к культурным различиям осуществлялась в рамках модели «Многоязычие и поликультурность» в период с 2005 по 2010 год.

Муниципальный Центр поликультурного образования, созданный в 2012 году на базе МБОУ «СОШ № 22», является логическим продолжением успешной реализации Программы развития «Создание поликультурной среды как основы для развития личности ребенка в условиях общеобразовательной школы» (В 2008 году МБОУ «СОШ № 22» стало победителем конкурса общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы, в рамках Приоритетного национального проекта «Образование»).

Основной целью деятельности муниципального Центра поликультурного образования как средства соорганизации всех типов образовательных институтов, работающих по проблеме поликультурного образования, является создание в городе развивающей образовательной среды, способствующей развитию обучающихся в условиях формирования поликультурной компетентности.

Направлениями деятельности муниципального Центра поликультурного образования являются:

- Работа с обучающимися. (Проведение массовых городских мероприятий, способствующих воспитанию бережного отношения к культуре и традициям родной земли, активизация деятельности школьных научных обществ учащихся, реализация программы «Одаренные дети», участие в работе муниципального Центра развития одаренных детей, участие в олимпиадах по хакасскому языку, представление работ на городских научно-практических конференциях школьников «Юность науки» (7–11 классы), «Юные исследователи Абакана» (5–6 классы), «ГНОМ» (1–4 классы) в секциях «Хакасский язык», «Хакасская литература», «Краеведение» и др.)
- Работа с педагогами. (Создание информационного банка методических материалов по данному виду деятельности, проведение семинаров, мастер-классов, конференций по проблемам изучения хакасского языка, культуры, истории Хакасии).
- Работа с социальными партнерами. (Привлечение родительской общественности к проведению мероприятий муниципального Центра поликультурного образования, сотрудничество с образовательными учреждениями города и республики, ХГУ им Н. Ф. Катанова и общественными организациями: «Совет старейшин», «Лига хакасских женщин «Алтынай», республиканское общественное движение «Іне тілі» и др.)
- Взаимодействие со СМИ. (Участие в телевизионных образовательных программах ИРТА «Абакан», публикации в печатных изданиях и освещение мероприятий муниципального Центра поликультурного образования на телеканалах и радио. Создание сайта муниципального Центра поликультурного образования).

Структура муниципального Центра поликультурного образования включает в себя Совет по управлению, кафедры хакасского языка, страноведения, основ православной культуры и светской этики и кафедру межкультурной коммуникации.

В состав Совета по управлению вышеназванных кафедр входят учителя, методисты, директора и заместители директоров общеобразовательных учреждений, что обеспечивает интеграцию всех социальных институтов городского сообщества.

Центр детского творчества. Важную роль в расширении социально-го партнерства для решения задач поликультурного образования играет Центр детского творчества города Абакана.

Одной из задач деятельности Центра детского творчества (ЦДТ) является создание поликультурной воспитательной среды, направленной на:

- личностное развитие воспитанников, что предполагает индивидуальный подход к каждому;
- развитие этнической и культурной грамотности;

- формирование этнокультурной компетентности, т. е. умение понимать и взаимодействовать с представителями различных этнокультурных групп.

Педагоги ЦДТ проводят плодотворную работу по формированию и развитию у воспитанников представлений о многообразии культур, воспитанию позитивного, толерантного отношения к культурным различиям, развитию умений и навыков гуманного, продуктивного взаимодействия с носителями других культур.

В детских творческих объединениях реализуются дополнительные образовательные программы, ориентированные на удовлетворение этнокультурных образовательных потребностей воспитанников: «Мой край Хакасия», «География туризма», «Историческое краеведение», «Музей и дети», «Обучение игре на хакасских инструментах», «Хакасские узоры», «Зеленый дозор» и др.

Так, одной из задач деятельности объединения «География туризма» является подготовка обучающихся к реальному диалогу культур. В рамках занятий происходит интеграция таких областей знания, как история, краеведение, литература, английский язык, туризм. Яркими событиями для воспитанников объединения стали познавательные экскурсии и туристические маршруты по достопримечательностям Хакасии.

Деятельность творческих объединений ЦДТ протекает в особом культурном пространстве, которое создается предметами декоративно-прикладного искусства, фольклорными песнями и народными танцами.

В студии театра и музыки «Art-Ландия» поликультурное воспитание происходит средствами языкового образования и театрально-музыкальной деятельности через интеграцию языков народов мира, музыки, театра и хореографии. Традиционными ежегодными мероприятиями в студии стали страноведческий праздник «Рождество в Art-Ландии», «Бенефис в Art-Ландии», а также участие в Днях иностранных языков в Институте филологии и межкультурной коммуникации ХГУ им. Н. Ф. Катанова.

Педагоги хореографии вносят свой неоценимый вклад в поликультурное воспитание. Обучая народным танцам, они обогащают мировосприятие детей, воспитывают коммуникативные навыки, учат пониманию и уважению иных культур.

В рамках проекта художественно-эстетического отдела «Национальная мозаика» ежегодно проводится праздник «Большой хоровод», на котором объединения Центра представляют творческие номера и работы декоративно-прикладного творчества народов, проживающих в Хакасии.

Кроме того, в ЦДТ, наряду с разработанными дополнительными образовательными программами, реализуются образовательные модули этнокультурной направленности: «Дизайн кожи», «Стилизация хакасского костюма в современной молодежной одежде», «Хакасский орнамент»,

«Хакасский эпос». На занятиях воспитанники создают аксессуары и предметы быта с хакасским орнаментом, овладевают навыками хакасской вышивки, изучают хакасские инструменты и музыку, готовят презентации, виртуальные экскурсии по истории и культуре Хакасии, организуют народные праздники.

Воспитанники Центра детского творчества принимают активное участие во многих конкурсах и фестивалях этнокультурной направленности: в региональном интеркультурном фестивале «Радуга», международном молодежном фестивале интернациональной дружбы «Ынархас Чоллары» и других.

Большой опыт работы по поликультурному воспитанию имеет Клуб международной дружбы. Во время встреч с зарубежными гостями воспитанники клуба рассказывают о национальных традициях, представляют танцы и песни Хакасии, делятся секретами национальной кухни. Клуб организует такие массовые мероприятия, как лингвострановедческие конкурсы «Дорогами Великой Победы», «Дом Мира», «Хакасия-Германия: прошлое и будущее народной дипломатии», «Мир без границ». Совместно с муниципальным Центром поликультурного образования организован открытый лингвострановедческий конкурс «Диалог культур». Участие в конкурсах и фестивалях способствует углублению знаний учащихся о культурном наследии народов, расширяет страноведческий кругозор, а главное – усиливает мотивацию к познанию, творчеству, изучению родного и иностранного языков.

Кроме сотрудничества по поликультурному воспитанию с муниципальным Центром поликультурного образования ЦДТ активно взаимодействует с другими образовательными учреждениями города: с МБОУ «СОШ № 24», где реализуется образовательная программа «Хакасские узоры»; с восьмью школьными музеями в рамках муниципального проекта «Музей и дети». Совместно с Хакасской национальной гимназией им. Н. Ф. Катанова реализован проект «Национальная мозаика», с музыкальным колледжем и Институтом искусств ХГУ им. Н. Ф. Катанова – проект «Я выбираю музыку».

Педагогический коллектив ЦДТ старается формировать в своих воспитанниках нравственность, духовность, толерантность и патриотические чувства. Опыт работы педагогов ЦДТ по этнокультурному воспитанию неоднократно был представлен на различных семинарах, в частности, на республиканском семинаре «Создание условий для обеспечения этнокультурных образовательных потребностей и интересов детей в городе Абакане».

Таким образом, имеющийся опыт поликультурного образования и воспитания Центра детского творчества г. Абакана и муниципального Центра поликультурного образования на базе МБОУ «СОШ № 22» показывает, что в данных учреждениях имеется значительный потенциал для

дальнейшего совершенствования деятельности по обеспечению этнокультурных образовательных потребностей и интереса обучающихся к изучению родного языка, культуры и истории.

Библиографический список

1. Боргоякова Т. Г. Языковое законодательство. Курс лекций. Абакан: Издательство ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2011. 80 с.
2. Боргоякова Т. Г. Развитие билингвизма в республиках Тыва и Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7-1 (25). С. 36-39.

© Шишляникова Л. И., Моруденко Л. Г., 2016

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Dónall Ó Riagáin – an independent consultant on language planning, a founding member, first President and Secretary General of the European Bureau for Lesser Used Languages, Chairperson of Abakan Action (Ireland); donall@oriagain.org

Katherine E. Atkinson – Assistant Teacher of English (Fulbright Program), Leverett, Massachusetts (USA); kate.atkinson91@gmail.com

Perry Gilmore – Ph. D, Professor, Language Reading and Culture, University of Arizona; and Professor Emerita, University of Alaska Fairbanks; and Affiliate Faculty, Alaska Native Language Center, University of Alaska Fairbanks (USA); pgilmore@email.arizona.edu

Абдина Раиса Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан; rabdina@mail.ru

Абдувалиев Ибраим Абдувалиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом лексикологии и терминологии Института языка и литературы имени Ч. Айтматова Национальной академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек (Кыргызстан); ibra4708@rambler.ru

Артюшкина Екатерина Ивановна – учитель русского языка и литературы ГБОУ РХ «Школа-интернат для детей с нарушениями зрения», г. Абакан; kate_1990@mail.ru

Арчимаева Мария Сергеевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры поликультурного образования ГАОУ РХ ДПО «Хакасский институт развития образования и повышения квалификации», г. Абакан; m.archimaeva@yandex.ru

Бавуу-Сюрюн Мира Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры тувинской филологии и общего языкознания, директор научно-образовательного центра «Тюркология» Тувинского государственного университета, г. Кызыл; mira.bavuu_surun@mail.ru

Балгазина Алевтина Николаевна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник кафедры поликультурного образования ГАОУ РХ ДПО «Хакасский институт развития образования и повышения квалификации», г. Абакан; abalgazina@yandex.ru

Белоглазов Петр Егорович – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Абакан; arshanovskiy@yandex.ru

Боргоякова Олеся Альбертовна – учитель русского языка и литературы МБОУ Бискаминская СОШ, Аскизский район Республики Хакасия; Olesya.Borg@yandex.ru

Боргоякова Тамара Герасимовна – доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан; tamarabee@mail.ru

Булдыбай Анарбай Сагулы – кандидат филологических наук, профессор кафедры казахской литературы и теории языка Казахского национального университета имени Аль-Фараби, г. Алмата (Казахстан); anarbay50@vfil.ru

Винокурова Надежда Ивановна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, г. Якутск; nadyavinokurova@mail.ru

Виноход Валентина Леонидовна – воспитатель МБДОУ д/с №28 «Жемчужинка», г. Саяногорск

Гашенко Анна Викторовна – воспитатель МБДОУ д/с №21 «Аленький цветочек», г. Саяногорск; tsvetochekalenky@yandex.ru

Головко Евгений Васильевич – доктор филологических наук, заместитель директора Института лингвистических исследований РАН, заведующий отделом языков народов России, член-корреспондент РАН, г. Санкт-Петербург; evggolovko@yandex.ru

Дамбуев Игорь Александрович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ; igor_dambuev@mail.ru

Данилова Надежда Ивановна – доктор филологических наук, заведующий сектором грамматики и диалектологии якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, г. Якутск; nadiv2008@mail.ru

Добринина Альбина Альбертовна – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск; ekinur@mail.ru

Доможакова Ольга Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент, советник отдела воспитания и дополнительного образования детей/сектора национального и поликультурного образования, Министерство образования и науки РФ, г. Абакан; ovd@r-19.ru

Дуброва Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания Бердянского государственного педагогического университета, г. Бердянск (Украина); oksanadubrova@yandex.ru

Дугаров Баир Сономович – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ; khairkhan@mail.ru

Ефремов Николай Николаевич – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора грамматики и диалектологии якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, г. Якутск; nik.efrem50@mail.ru

Журавель Тамара Николаевна, преподаватель кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск; zhuravel_petamal@mail.ru

Иванищева Ольга Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии и межкультурных коммуникаций, теории языка и журналистики Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск; oivanishcheva@gmail.com

Каксин Андрей Данилович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова, г. Абакан; adkaksin@yandex.ru

Каменев Павел Владимирович – магистрант Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск; pawel.kamenev2016@yandex.ru

Канзычаков Владислав Леонидович – магистрант Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова, г. Абакан; a4isovan@mail.ru

Капашева Анар Абдуллайкызы – магистрант Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы, г. Уфа; kapasheva-anar@mail.ru

Карпов Венедикт Григорьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры хакасской филологии Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова, г. Абакан

Каскаракова Зинаида Ефремовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Абакан; zinaidakaskarakova@mail.ru

Киштеева Оксана Вячеславовна – кандидат культурологии, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова, г. Абакан; okishteeva@mail.ru

Кызласов Игорь Леонидович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии РАН, г. Москва; kyzlasovil@mail.ru

Лиморенко Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск; limorenko@ngs.ru

Лутфуллина Гульнара Фирдавиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Казанского государственного энергетического университета, г. Казань; gflutfullina@mail.ru

Манчилаева Наталья Сергеевна – магистрант Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан; manchilaeva1994@mail.ru

Медведева Марина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры хакасской филологии Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова, г. Абакан; marina_medvedeva_71@mail.ru

Миндибекова Валентина Виссарионовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск; mindibekova@ngs.ru

Моруденко Лариса Григорьевна – директор Муниципального бюджетного образовательного учреждения дополнительного образования детей города Абакана «Центр детского творчества», г. Абакан

Нарынбаева Нуржан Осмоновна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института языка и литературы им. Ч. Айтматова Национальной академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек (Республика Кыргызстан); osmonova_nurjan@mail.ru

Николаева Наталья Никитична – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Улан-Удэ); natanika80@mail.ru

Озерова Галина Валерьевна – заместитель начальника Городского управления образования Администрации города Абакана, г. Абакан; ozerovagala@mail.ru

Озона Аяна Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск; ajanao@mail.ru

Ойноктинова Надежда Романовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск; n.bayzhanova@mail.ru

Орозобекова Жылдыз Калмашевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой манасоведения и культурологии Института Манасоведения Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева, г. Бишкек (Кыргызстан); kalmukamet.zhyldyz@mail.ru

Панова Галина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан; giranova@mail.ru

Покаякова Карина Александровна – младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан; karina_p.84@mail.ru

Псянчин Юлай Валиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания Российского исламского университета Центрального духовного управления мусульман России, г. Уфа; yulayps@yandex.ru

Сабыр Мурат Бокенбайулы – доктор филологических наук, профессор Западно-Казахстанского инновационно-технологического университета. г. Уральск (Республика Казахстан); Sabir_uralsk@mail.ru

Сагалаков Юрий Гаврилович – заместитель Министра образования и науки Республики Хакасия, г. Абакан; education_19@r-19.ru

Селютин Ираида Яковлевна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск; siya_irina@mail.ru

Серээдар Надежда Чылбаковна – кандидат филологических наук, заведующий сектором языка Тувинского института гуманитарных исследований, г. Кызыл; seedar.62@mail.ru

Субракова Вия Васильевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Абакан; subrakova@mail.ru

Султанбаева Клавдия Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и специального образования Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова, г. Абакан; ski57@ua.ru

Султрекова Эльвира Валериевна – кандидат филологических наук, учитель хакасского языка и литературы, ГБОУ РХ «ХНГИ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан; el_kyr@mail.ru

Сундуева Екатерина Владимировна – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ; sundueva@mail.ru

Тазранова Алёна Робертовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск; atazranova@mail.ru

Талиева Камила Абдразаковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры манасоведения и культурологии Института Манасоведения Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева, г. Бишкек (Республика Кыргызстан); manastaanyu2012@mail.ru

Таскаракова Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры хакасской филологии Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова, г. Абакан; n-tas@mail.ru

Тодышев Дмитрий Александрович – министр национальной и территориальной политики Республики Хакасия, г. Абакан; minnaz2010@mail.ru

Толвайшис Леонас Людвикович – кандидат политических наук, доцент, Университет «Эдуконс», Факультет европейских политико-правовых исследований, г. Нови-Сад (Сербия); leonas.tolvaisis@fepps.edu.rs

Топоева Айго Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и теории языка Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова, г. Абакан; aigo2006@rambler.ru

Тохтобина Светлана Яковлевна – научный сотрудник кафедры поликультурного образования ГАОУ РХ ДПО «Хакасский институт развития образования и повышения квалификации», г. Абакан; toxtobina2014@yandex.ru

Тургуналиев Топчубек Тургуналиевич – кандидат философских наук, доцент, директор Института Манасоведения Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева, г. Бишкек (Кыргызстан); manastaanuu2012@mail.ru, topchubek@yahoo.com

Ушницкий Василий Васильевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск; voma@mail.ru

Харабаева Виктория Ивановна – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора грамматики и диалектологии якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, г. Якутск; Stabilo.83@mail.ru

Цыбденова Баирма Жамьяновна – кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков и общей лингвистики Восточно-Сибирского государственного института культуры, г. Улан-Удэ; btsybdenova@bk.ru

Чебодаева Вера Николаевна, учитель русского языка и литературы МБОУ Катановская СОШ, аал Катанов (Аскизский район РХ); vera.tchebodaeva@yandex.ru

Чебодаева Лариса Ильинична – кандидат филологических наук, профессор кафедры хакасской филологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

Чебокчинова Мария Алексеевна – магистрант Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан; chebochinova_mariya@bk.ru

Чертыкова Мария Дмитриевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова, г. Абакан; chertikova@yandex.ru

Чимитдоржиева Гунсэма Нимбуевна – кандидат филологических наук, учёный секретарь Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ; ch.gunsema@gmail.com

Чугунекова Алена Николаевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова, г. Абакан; chugunekowa@yandex.ru

Шагдурова Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск; kokoshnikova@mail.ru

Шалаева Анастасия Юрьевна – магистрант Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск; Obedientrainbow@gmail.com

Шахрай Татьяна Ивановна – воспитатель МБДОУ детский сад № 28 «Жемчужинка», г. Саяногорск; tashakhray@yandex.ru

Шевцова Марина Дмитриевна – воспитатель Аскизского центра развития ребенка детский сад «Тополёк», с. Аскиз; Schevsowa2014@ya.ru

Шишляникова Любовь Ивановна – директор Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения города Абакана «Средняя общеобразовательная школа № 22», руководитель муниципального Центра поликультурного образования, г. Абакан

Научное издание

**Сохранение и развитие языков
и культур коренных народов Сибири**

*Материалы IV Международной
научно-практической конференции
(Абакан, Республика Хакасия,
19–20 мая 2016 года)*

Ответственный редактор Т. Г. Боргоякова

Издается в авторской редакции

Компьютерное обеспечение О. Н. Калининой.

Подписано в печать 06.05.2016. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать – ризограф. Бумага офсетная.
Физ. печ. л. 23. Усл. печ. л. 21,4. Уч.-изд. л. 23,3.
Тираж 100 экз. Заказ № 75.

Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»
Отпечатано в типографии ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»
655017, г. Абакан, пр. Ленина, 90а, тел. 22-51-13; e-mail: izdat@khsu.ru